

ISSN 2313-6197 (Online)

ISSN 2308-152X (Print)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
GOLDEN HORDE REVIEW

№ 3(5)
2014

Научный журнал

Academic Journal

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ГБУ «Институт истории имени
Шигабутдина Марджани
Академии наук
Республики Татарстан»

FOUNDER:

State Budgetary Institution «Shigabutdin
Marjani Institute of History of
Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan»

Центр исследований истории Золотой Орды
им. М.А.Усманова

Usmanov Center for Research
on the Golden Horde History

Журнал основан в апреле 2013 г.

Journal was founded in April 2013

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г.
выдано Роскомнадзором

Certificate of registration in the mass media
ПИ № ФС77–54682 given by Roskomnadzor
on 9 July 2013

Выходит 4 раза в год

Published 4 times a year

Главный редактор:

И.М. Миргалеев, к.и.н.,
руководитель Центра исследований
истории Золотой Орды им. М.А. Усманова
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ
(Казань, Российская Федерация)

Editor in chief:

I.M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History),
Head of the Usmanov Center for Research on
the Golden Horde History, Sh.Marjani Institute
of History, Academy of Sciences of the Republic
of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Редактор английских текстов:

Роман Хаутала, Ph.D. (история), старший
научный сотрудник Института истории им. Ш.
Марджани АН РТ; исследователь, историче-
ское отделение гуманитарного факультета
Университета Оулу (Оулу, Финляндия)

English texts editor:

Roman Hautala, Ph.D. (History), Senior
Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History
of AS RT; researcher, Historical branch at the
Faculty of Humanities, University of Oulu
(Oulu, Finland)

E-mail: zolutayaorda.cent@mail.ru

<http://goldhorde.ru>

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2014

© Центр исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова, 2014

© «Золотоордынское обозрение», 2014

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

The journal is included in the Russian Science Citation Index Database.

Редакционный совет:

- Р.С. Хакимов**, д.и.н., директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционного совета (Казань, Российская Федерация)
В.В. Трепавлов, д.и.н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений (Москва, Российская Федерация)
И.В. Зайцев, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)
Э.Г. Сайфетдинова, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, секретарь редакционного совета (Казань, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:

- Д.В. Колодзейчик**, Ph.D. (история), профессор, директор Института истории Варшавского университета (Варшава, Польша)
Халил Иналджик, Ph.D. (история), профессор университета Билкент (Анкара, Турция)
С.Г. Кляшторный, к.и.н., профессор, заведующий сектором тюркологии и монголистики Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Роман Хаутала, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; исследователь исторического отделения гуманитарного факультета Университета Оулу (Оулу, Финляндия)
Джудит Колбас, Ph.D., профессор, член Института нумизматики Центральной Азии Кембриджского университета (Кембридж, Великобритания)
А.Л. Пономарев, д.и.н., ведущий научный сотрудник кафедры истории Средних веков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)
Иштван Вашари, Ph.D. (история), профессор Университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия)
М.Г. Крамаровский, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
А.А. Горский, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)
Мария Иванич, Ph.D. (история), руководитель кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)
Д.М. Исхаков, д.и.н., главный научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)
В.Н. Настич, к.и.н., заведующий отделом письменных источников Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)
Р.Ю. Почкаев, к.ю.н., доцент юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
К.З. Ускенбай, к.и.н., заведующий отделом древней и средневековой истории Казахстана и сопредельных стран Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК, (Алматы, Казахстан)
Б.В. Черкас, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (Киев, Украина)
Ильяс Кемалоглу, Ph.D. (история), доцент исторического отделения Университета изящных искусств им. Мимара Синана (Стамбул, Турция)
Г.В. Владимиров, Ph.D. (история), главный эксперт Министерства культуры Болгарии (София, Болгария)
Александар Узелац, Ph.D. (история), научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Технический редактор:

- Л.С. Гиниятуллина**, лаборант Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Адрес редакции: 420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел./факс +7 (843) 292 84 82 (приемная), 292 00 19

Executive editors:

R.S. Khakimov, Dr. Sci. (History), Director, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (AS RT), Vice-president of AS RT, Academician of AS RT (Kazan, Russian Federation)

V.V. Trepavlov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Institute of Russian history, Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (Moscow, Russian Federation)

I.V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

E.G. Sayfedinova, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of AS RT, secretary of the Executive Editorial Board (Kazan, Russian Federation)

Editorial board:

D.V. Kołodziejczyk, Ph.D. (History), Professor, Director of the Institute of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Halil İnalçık, Ph.D. (History), Professor, Bilkent University (Ankara, Turkey)

S.G. Klyashtorny, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Turkic and Mongolian Studies, St. Petersburg branch of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Professor (St. Petersburg, Russian Federation)

Roman Hautala, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of AS RT; Researcher, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu (Oulu, Finland)

Judith Kolbas, Ph.D., Professor, Member of the Central Asian Numismatic Institute, Cambridge University (Cambridge, UK)

A.L. Ponomarev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Department of Medieval Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

István Vásáry, Ph.D. (History), Professor, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)

M.G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

A.A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mária Ivanics, Ph.D. (History), Professor, Head of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

D.M. Iskhakov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

V.N. Nastich, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

R.Yu. Pochekaev, Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, Law Faculty, St. Petersburg branch of the National Research University «Higher School of Economics», (St. Petersburg, Russian Federation)

K.Z. Uskenbay, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Ancient and Medieval History of Kazakhstan and neighboring countries, Shoqan Valikhanov Institute of History and Ethnology under the Scientific Committee of the Ministry of Science and Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

B.V. Cherkas, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine (Kiev, Ukraine)

Ilyas Kemaloğlu, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of history, Faculty of natural sciences and literature, Mimar Sinan Fine Arts University (Istanbul, Turkey)

G.V. Vladimirov, Ph.D. (History), Chief Expert, Ministry of Culture of Bulgaria (Sofia, Bulgaria)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Technical editor:

L.S. Giniyatullina, Assistant, Sh.Marjani Institute of History of AS RT (Kazan, Russian Federation)

Editorial Office Address: 420014, Kazan, Kremlin, entrance 5

Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception), 292 00 19

СОДЕРЖАНИЕ

Публикации

Khakimov R.S. Zero Point of Historical Time	6
Mirgaleev I.M. Kurultai of 1235: Question of Expansion of the Ulus of Jochi	22
Роман Хаутала. Ярлык хана Узбека францисканцам Золотой Орды 1314 года: латинский текст, русский перевод и комментарии	31
Надырова Х.Г. Развитие градостроительной культуры Казанского ханства (2)	49
Пилипчук Я.В. Отношения между Великим Княжеством Литовским и Казанским ханством (1506–1552)	80
Рочкаев Р.Ю. Political Repressions in the Mongol Empire, Golden Horde and Other Turkic-Mongol States, and their Justifications (13th–16th cc.)	103
Маслюженко Д.Н. Тюрко-монгольские традиции в «государстве кочевых узбеков» хана Абу-л-Хайра	121
Якубович М.М. Становление философской мысли в золотоордынском Крыму: Шараф ал-Кырыми	139
Шамильоглу Ю. «Умдет ал-ахбар» и тюркские повествовательные источники золотоордынского и позднезолотоордынского времени	153
Исхаков Д.М. Золотоордынская этнология татар: 1. Эпический и исторический «золотой трон» («алтын тэхет»)	175
Jukka Korpela. Baptized and Not Baptized Nemcy in the Muscovite Society of the 16th century	191

Наследие

Абу Бакр Каландар. Каландар-наме. Глава 2. «Восхваление и благословение в отношении Мухаммада Мустафы»	207
--	-----

Рецензии

Сабитов Ж.М. Рецензия на монографию Б.А. Муратова «Этногенез башкир: историография и современные исследования»	215
--	-----

Хроника

Judith Kolbas. New Aspects on the II Khans International Conference in Ulaan Baatar, Mongolia, 21–23 May 2014	228
Маслюженко Д.Н., Татауров С.Ф. II Всероссийская научная конференция «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири» (Курган, 17–18 апреля 2014 г.)	237
Миргалеев И.М. Международная научная конференция «Тюрко-мусуль- манский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения», приуроченная к 80-летию профессора М.А. Усманова	243
Правила для авторов	247
Instructions for authors	249

CONTENTS

Publications

Khakimov R.S. Zero Point of Historical Time	6
Mirgaleev I.M. Kurultai of 1235: Question of Expansion of the Ulus of Jochi	22
Roman Hautala. Yarlyk of Uzbek Khan Granted to the Franciscans of the Golden Horde in 1314: The Latin Text, Russian Translation, and Commentary	31
Nadyrova Kh.G. Development of Urban Planning Culture in the Kazan Khanate (2)	49
Pilipchuk Ya.V. Relations between the Grand Duchy of Lithuania and Kazan Khanate (1506–1552)	80
Pochekaev R.Yu. Political Repressions in the Mongol Empire, Golden Horde and Other Turkic-Mongol States, and their Justifications (13th–16th cc.)	103
Maslyuzhenko D.N. Turko-Mongol Traditions in the “State of Nomadic Uzbeks” of Abu al-Khair Khan	121
Yakubovych M.M. Development of the Philosophical Thought in Crimea during the Golden Horde Period: Sharaf al-Qrimi	139
Uli Schamiloglu. The <i>Umdet ul-Ahbar</i> and the Turkic Narrative Sources for the Golden Horde and the Later Golden Horde	153
Iskhakov D.M. The Golden Horde Ethnology of Tatars: 1. The Epic and Historical “Golden Throne” (“Altyn Təkhet”)	175
Jukka Korpela. Baptized and Not Baptized Nemcy in the Muscovite Society of the 16th century	191

Heritage

Abu Bakr Qalandar. Qalandar-name. Chapter 2. “Praise and blessing upon Muhammad Mustafa”	207
--	-----

Reviews

Sabitov Zh.M. Review on the B.A. Muratov’s monograph “Ethnogenesis of the Bashkirs: Historiography and Contemporary Research”	215
---	-----

Chronicle

Judith Kolbas. New Aspects on the II Khans International Conference in Ulaan Baatar, Mongolia, 21–23 May 2014	228
Maslyuzhenko D.N., Tataurov S.F. The Second National Research Conference “History, Economics and Culture of the Medieval Turko-Tatar States of Western Siberia” (Kurgan, 17–18 April 2014)	237
Mirgaleev I.M. International Research Conference “The Turkic-Muslim World: Identity, Heritage and Perspectives of Study” dedicated to the 80th anniversary of Professor M.A. Usmanov	243
Instructions for authors (in Russian)	247
Instructions for authors	249

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 930.1

ZERO POINT OF HISTORICAL TIME*

R.S. Khakimov

*(Sh.Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*

Historical studies are based on the assumption that there is a reference-starting point of the space-time – the Zero point of coordinate system. Due to the bifurcation in the Zero Point, the course of social processes changes sharply and the probabilistic causality replaces the deterministic one. For this reason, changes occur in the structure of social relations and statehood form as well as in the course of the ethnic processes. In such a way emerges a new discourse of the national behavior.

With regard to the history of the Tatars and Tatarstan, such bifurcation points occurred in the periods of the formation:

1) of the Turkic Khaganate, which began to exist from the 6th century onward and became a qualitatively new State system that reformatted old elements in the new matrix introducing a new discourse of behavior;

2) of the Volga-Kama Bulgaria, where the rivers (Kama, Volga, Vyatka) became the most important trade routes determining the singularity of this State. Here the nomadic culture was connected with the settled one and Islam became the official religion in 922;

3) and of the Golden Horde, a powerful State with a remarkable system of communication, migration of huge human resources for thousands of kilometers, and extensive trade, that caused severe “mutations” in the ethnic terms and a huge mixing of ethnic groups.

Given the dwelling space of Tatar population and its evolution within Russia, it can be argued that the Zero point of Tatar history, which conveyed the cultural invariants until today, begins in the Golden Horde. Neither in the Turkic khaganate nor in the Bulgar State, but namely in the Golden Horde.

Despite the radical changes, the Russian Empire failed to transform the Tatars in the Russians. Therefore, contemporary Tatars preserved the Golden Horde tradition as a cultural invariant.

Keywords: Tatars, Volga-Kama Bulgaria, Golden Horde, Russia, Zero point of history, historical time.

---

* Translation from Russian to English by Roman Hautala.

Turning to the past, we ask ourselves: What we want to learn from history? What evidence do we need? When an event becomes the event to be worthy of our attention? Do we need to collect the entire mass of historical documents and testimonies? After all, the current tasks may turn to be not a sequel but overcoming of the past. For example, we can publish hundreds of volumes of the scholastics' treatises and get the same answer that it was a dead-end of public thought, which became an obstacle for the social movement. It will be a labor of Sisyphus confirming the truth that has been revealed a long time ago.

Michel Foucault writes: "The history is only a tool, by which the entire body of historical documents finds the appropriate status starting to describe one or another society" [3, p. 10]. Documents do not determine the history, but it is the historiography who finds a suitable place for them. Before pulling out hundreds of thousands of documents from archives into the daylight, we need to answer the question: What is the phenomenon we are studying? History does not have its own object of study. In this sense, it is not a science in the strict sense of the word. It only provides the other humanitarian disciplines with research methodology of the objects' changing over time. However, the history receives the object of the study from ethnology, psychology, political science, linguistics, economy, etc. We have to define the limits of the phenomenon, which we extract from the current of life, so that it would become the object of study. We can study the history of the state or nation, or any territory. We can study them in their entirety or in some aspect: economic, linguistic, political, etc. Contemporary Tatars and the Tatars of the 7th century are not one and the same phenomenon. To compare the past with the present, we need a point of reference and the time scale in order to determine, which Tatars we are studying: those that continue today the former traditions or the legendary ones.

The concept of time is meaningless being situated outside the space, where it becomes mythologized. Then we talk about the time with a capital letter as the passage of Time, Destiny, Fatality, standing over the people. So it makes sense to talk about the chrono-space. Immanuel Wallerstein believes that time and space can not be regarded as a separate category, but they should be considered as a single concept, which he calls the "Time-Space". Mikhail Bakhtin defined it by using the term of "chronotope" and Krzysztof Pomian called it by the name of "chronosophy" stressing that, in that sense, the time becomes not simply the chronometry or chronology, but the object of discourse. Every nation and state has its origin, which does not synchronize with similar processes in other nations. It is difficult to determine the moment of appearance of each separate nation due to the lack of clear criteria, by which we can mark this time. Neither the language nor culture, or religion provide the exact date.

There is no universal coordinate system of space-time to comparing the processes of world history. There is no history of the world as a

holistic phenomenon. This is an issue considered by many scholars. Alfred Schütz writes in the generalized form: “Another completely unclarified step is the transition from entities that communicate with each other, toward the constitution of personal unities of a higher order, associations of actors who have their own world surrounding them; and the subsequent transition from these associations to a comprehensive community, surrounded by the world that no longer contains the entities – toward the community of spirits (Geister Gemeinschaft) faced with a world of objects, meaningful to the spirit, as if it was a world for the spirit (Geist). One can already see that the meanings of “person”, “communication”, “surrounding world”, and “subjectivity” shifts during the transition to the higher levels to such an extent, that it can only be regarded as metaphorical use of inappropriate terms” [11, p. 72]. Despite the difficulty of formulating a community that go beyond the state or nation, Wallerstein proposes to consider the world-systems covering many nations and long periods of time [13]. He introduces the concept of “historical system” based in the developing division of labor. The boundaries of system become established depending on the boundaries of the labor division efficiency. Each system necessarily possesses various kinds of institutions that control social activities. Wallerstein identifies different variations of these institutions, in particular, economic, political, socio-cultural, which operate simultaneously and can not be considered separately. In this approach, the most important technique is to change the object of analysis from “society” for “world system”. This method does not reject the importance of the concept of “society”, but argues that there is a more important level of social laws and interactions over the society and the State. Wallerstein cites the example of such historical systems as the Roman Empire, the capitalist world economy. Other authors rank among world-systems the Mongol Empire as well.

Interconnected world is a very recent phenomenon. It is still impossible to speak about an unified history even after the great discoveries and emergence of colonial empires. Even after had fallen into the dependence on European countries, the peoples continued to live within their culture preserving their concepts of time and the meaning of life. We can speak about the global community as a more or less integral phenomenon only after World War I, when the rules and institutions appear to regulate international relations in matters of war and peace, diplomacy, trade, human rights, etc. However, despite intense globalization, we have no confidence that the peoples will accept the common patterns of behavior.

For each nation, time flows in different ways depending on the state of social processes, mentality, cultural features. It is usually accepted in the international practice to divide the history of humanity into periods before and after the birth of Christ, to relate it to some technological features as the Stone, Bronze, Iron Ages, or our era; to commensurate it

with the European time scale distinguishing the ancient period, the Middle Ages, modern and contemporary times. Such a division is useful in the teaching of history, but of little use for research purposes.

The difficulty in determining the timescale manifests itself when comparing materials of historian, sociologist, anthropologist, economist. For the traditional historian, time is measured by events, he strings one event to another, collects documents, compares them, and tries to determine their authenticity, even though the documents may mean nothing to history. Events by themselves do not allow to separate the essential from the accidental. So, Lev Gumilev believed that the event represents a break of relations. We, in turn, are interested not only in rupture, but also in continuity, because the tissue of history is continuous (Lord Acton). Fernand Braudel paid special attention to the ambiguity of the concept of “event”, but he limited its value with compressed periods of time. For him, the event is an explosion [1, p. 115] and the chronicle of events is a “foam of history”, which hides the fundamental laws. Spectacular event can be significant, but can appear simply a scandalous news as well. In this case, a collection of documents becomes an empty directory, and a chain of events – a succession of accidents, an ordinary chronicle without significant effects. Sometimes a kaleidoscope of events, arranged in chronological order, gives the illusion of causality and regularities, but it can be just an illusion, a set of facts from a random collection of documents.

Braudel introduces the concept of a “long duration” as an alternative to chronological time of the “history of events”. In this case, there can be detected permanent structures in the history as a system of rather sustainable relationships between social reality and the masses. He writes: “For historians the structure is an ensemble, architecture of social phenomena, but, above all, it is a historical reality, stable and slowly varying in time” [1, p. 124]. With this approach, the historian turns from the narrator and chronicler in the analyst, he is searching behind the documents the actual reality, which has continued to this day.

Sociologists and economists limit themselves with a short-term analytical materials and their research tasks are often opportunistic by nature. A sociologist can easily distract himself from the concept of time, an economist – to confine himself with short period of economic cycles. The concept of frozen time creates the illusion of scientific character representing an analogy with Newton’s classical mechanics, which fascinate us with its logic, precision, and grace. Not coincidentally, when we talk about science, we mean a rational view of Newton and Descartes. However, it has become evident nowadays that classical mechanics is just a particular case, even in the physical nature, not to mention the complex systems. However, our way of thinking has been formed through the culture of mechanistic rationalism. How does this affect the humanities? Researchers approach to social phenomena exactly in the same way as to a mechanical system, excluding the time direction and historical disconti-

nities. For example, we have in mind that the Tatars have always been the Tatars. Even though the whole of history, ethnography, literature, and language refute this axiom, we try to find an eternal and unchanging, arguing about the Tatars of the 7th century as if they were the direct ancestors of the Tatars of the 21st century. We accept this *a priori*, without evidence.

The scientific standards introduced by Newton and Roger Bacon, proved to be too attractive not only for researchers of the natural sciences. They have also been borrowed by humanitarians who, in one way or another, try to follow their older brothers – mathematics and physics, forgetting the qualitative difference between the objects of study.

Roughly speaking, there is no history in the Moon's motion around the Earth, which is described by the laws of classical mechanics, although the Moon eventually moves away from the Earth. Ilya Prigozhin writes: "In order to make meaningful the speaking about history, it is necessary to imagine that that was the case, could also not have happened; it is necessary that probable events would have played irremovable role. But a series of accidents are not the history all the more. It is also necessary that some of these events would be able to give way to opportunities that they cause. But of course, this excludes that they can explain these opportunities" [9, p. 11]. The complex social system can not be described in deterministic terms.

Research activity of humanitarians is hampered not only by the entrenched mechanistic thinking, but also by the nature of their work. A sociologist and an economist often perform a very specific task of a certain group of people, large corporations or governmental programs. Their task is to achieve a short-term success rather than lasting effects. To political scientist, the time scale of one year, terms of office of the deputy or president is quite sufficient for the analysis, because he considers the time as a simple sum of astronomical days. An economist, in turn, needs a longer time scale for understanding fluctuations in prices and bank interest rates, demographic processes, for the study of production, and for analysis of commodity circulation. A historian, in principle, should be distracted from the conjuncture and, therefore, he should not determine the time by events but associate it with the appearance and disappearance of phenomena, structure constancy, identification of the factors that determine the exact duration of the movement and the decline of national life.

The coordinate system can not be based on the approaches of the sociologist, political scientist or economist, because, in their view, the timescale seems to be frozen; and even referring to historical events, they consider it as a chronology, but not as the duration of time. Generally speaking, this scale should be the universal and initial category for all social sciences, since it is impossible to separate from each other the economy, politics, social and cultural life. In this case, only the historical understanding of time may act as a common denominator. Braudel writes:

“A historian can never escape the time. A sociologist, in turn, does not experience any difficulties in oblivion of time. He either removes in the moment of eternal present, where the time comes to a stop for him, or refers to a repetition of events that does not belong to any particular time. Thus, he escapes the time through two different mental processes. Using one of them, he restricts his analysis by the events in the strictest sense of the word. Resorting to the second, he chooses the point of view of quasi-eternal time. Does all of this legitimate? Exactly this question represents a genuine matter of dispute between historians and sociologists or even among historians with different convictions” [1, p. 124]. We can agree that the time of the historian should be the basis for all of the humanities; however, there remains the question of time scale, of its beginning for the phenomenon, which we are studying, about the significance and meaning of the concept of time for a specific people. We need the criteria for selection of the coordinate system and here we find ourselves between two extremes. On one side is located a moment, explosion, fact of chronicle as a certain “atomic” element of historical research, but on the other side is the long duration, which can be presented as arbitrarily extended; and, as Braudel said, it “can not be anything else than the time of the prophets”. Wallerstein calls the first type of the time the “event-time” and the second – the “infinite time” [12, p. 194]. In order to reconcile the extreme points of view, Braudel offers an alternative concept of “non-excluded medium”, which includes the development of two new types of the time: the temporality of slowly changing sustainable structures and the cyclic temporality of conjunctural fluctuations within these structures. Wallerstein refers to these concept as the “structural time” and the “cyclic time”.

Along with elucidation of the time scale, it is important to clarify the question of the origin of time. The European definition is not suitable for research of the history of Russia and, in particular, of the Tatars. The same applies to many other peoples and countries, because they had a different historical beginning and a different rate of movement. In such a way, the question arises about the Zero reference point. From which moment we need to begin the history of an individual people and in what space? How difficult and important it is, shows the Russian historiography, which does not know where to start its own history. Polyethnicity of the country, in which the people under democracy write their own history, accrue the problem of ethnic background of the Russians. In the case of the Tatars, their historiography is not identical in all with the official point of view expressed in the Russian history textbooks. This problem inevitably acquires a political and ideological character since it relates to the understanding of the State system. If Russia is a federal State, as it is written in the Constitution, if it is multiethnic and other languages along with Russian are approved to be official languages in the republics as its subjects, then the history of Russia should be multiethnic. In this case, there

is no clarity with the Zero reference point. Should we take as a basis the Slavs, Russians, Kievan Rus', or is it necessary to start with the ancient peoples who lived in this territory and already had their own statehood before the appearance of the Slavic-Russian principalities? Politicians do not have the answer to this question trying to continue the old historiography with a presentation of the Russian colonization of present territory [6, p. 50]. However, Russia has no future as a purely Russian unitary State. Political realities make more preferable the federalization of the country and, thus, the pluralistic presentation of the history.

Thus, the Zero space-time is not tied to the European system of coordinates. It is associated with ethnic origin and/or the emergence of the State, it takes into account the space of historical and present residence of the peoples. Exploring the origins of the people, we have to go deep into the stratum of centuries, where we are looking for an endonym of the people, cultural markers, and the evidence, by which we can judge, whether it is the same people or already another. It is obvious that the Tatars are the Turks and that the Turkic Khaganate was founded by Ashina clan of the Hunnish origin. And the Huns are associated with the Xiongnu or Hsiung-nu, etc. But such a chain does not explain anything to our lives today. In addition, this does not contain any evidence of preservation of the ethnic constant or cultural invariants. In this way, we simply want to withdraw the solution back to the centuries and bury it there referring to the insufficient study of ancient history, to the lack of documents and archaeological evidence. This is an escape from the problem rather than its solution. But even if we had the whole chain of events, documents, specified ethnonyms, examined language and culture; then, even in this case, the question arises about the Zero reference point. We can not begin history from the Neanderthals!

The history of nations and states is a constant absorption of some by others, integration of communities, their decay and establishment of new alliances. In this process, there is a steady flow periods of time, but there are also turbulent periods of breaking of the foundations. One phase of social change succeeds another. Moreover, some nations or states may disappear from the historical arena or they can create a new state and, in this case, there arises a new system of the space-time coordinates. In fact, there occurs a new phase characterized by qualitatively different social processes. Figuratively speaking, the old history dies and gives life to a new history.

In this chain of phasis' changing a new stage, demolition of old and emergence of new entities and relationships can be a consequence of both the external influences, such as war, and internal changes. External forces can not be regarded as extraneous, separated from internal processes, as environmental factors, such as a hurricane or flood. An interaction between internal and external factors is essential. If there is a conquest of the country, its success depends not only on the strength of external forces,

but also on the resistance ability of the internal forces. The nature of community interaction with the external world will be prepared by internal changes. One day, the smooth flow of social processes gives way to a rapid flow. This may be the result of an accident or of the impact of some kind of forces; but more important is the fact of changing. Deterministic causality fails due to the random fluctuations, and a new sequence of events begins. Geneticists talk about mutations that are difficult to predict, they are probabilistic. Ethnic changes may be caused by the border situation, split of ethnic group, or, on the contrary, by unification of different ethnic groups in a single one. The mixing of genotypes and cultures is facilitated by trade, wars, cultural influence, the power of the State, mixed marriages, etc. As a result, there comes a turning point, which Prigozhin called a bifurcation point, where it is basically impossible to predict, in which direction the further movement would occur: whether the state of the system will become chaotic or it will move to a new, more differentiated and higher level of order. Prigozhin and Stengers write: "There are significant fluctuations in the systems close to the bifurcation points. Such systems seem to "oscillate" before selecting one from several ways of evolution. And the famous law of great numbers ceases to have effect, if we understand it as usual. A small fluctuation can serve as the beginning of evolution in a new direction, which will dramatically change the entire behavior of a macroscopic system. There comes to mind inevitably an analogy with social phenomena and even with a history. Far from the thoughts to oppose the accident with necessity, we believe that both aspects play an important role in the description of the non-linear, strongly non-equilibrium systems" [8, p. 56]. In the humanities, we usually speak about social or scientific and technological revolution, economic crisis, paradigm shift, mentality, new era. The core of the phenomenon lies in the fact that the smooth flow of time ends and a new historical phase begins. Thus, the Great History appears as alternation both of stable periods with a single coordinate system of space-time dominated by deterministic laws, and of unstable phases close to the bifurcation points, where the system is facing a choice of one from several options for the future. The very possibility of any changes of the system suggests that these changes contain the germs of future scenarios.

An unstable social system contains within itself a certain "opposition" as an alternative that can benefit from a situation of instability for the realization of its own ideology. Such "dangerous" elements are contained in any system, but they can manifest themselves only during the periods of fracture or under the influence of unfavorable external factors. The instability itself can not be evaluated as a negative factor. Although any system tends to stability, however, it is the non-equilibrium state that determines the existence of dynamism. Otherwise, the system begins to stagnate transforming into a land of Nod, in that, what was called

“stagnation” in relation to the Soviet system. And therefore it will lose, sooner or later, in the competition with external forces. Moreover, it is the existence of alternative opportunity that saves the system in the times of chaos allowing to regroup the social forces on the basis of a new ideology.

Over time, life becomes more complicated and, therefore, the stability and simplicity become the exception rather than the rule. It is well known from the political history that the State with the rigidly constructed control system perishes sooner or later because of its inflexibility. Stability of the dynamic system, i.e. the stability of the second order in contrast to the “stagnation”, appears due to the nonequilibrium state of the system, structure flexibility that allows the alternative forces to pick up the baton in time avoiding the transformation of community into relict civilization. Prigozhin and Stengers write: “Here we come to one of our main conclusions: at all levels, whether it is the level of macroscopic physics, the level of fluctuations, or the microscopic level, *the source of order is represented by disequilibrium. Disequilibrium is what generates “order out of chaos”* [8, p. 357]. This conclusion can be extended to the social systems, as indicated by the authors themselves: “The ideas, to which we paid quite a lot of attention in this book, the ideas of fluctuations’ instability begin to penetrate into the social sciences. Now we know that human society represents an extremely complex system capable of undergoing a huge number of bifurcations. This is confirmed by the example of many cultures developed over a relatively short period of time in the humankind history. We know that such complex systems are highly sensitive to the fluctuations” [8, p. 386]. If we use the terminology of classical mechanics, we can affirm that the linear development periods are extremely rare in the social systems; they are exception rather than the rule.

Another consequence of the bifurcation, we can say of the “quantum leap”, is that the system moves into a state of irreversible processes, in the state, when the future is not contained in present but it is radically different. This is not a transition from the present to the future with predictable consequences, but a revolution, which breaks the old to the ground and builds a new world. In other words, the transition over point of no return denies any hope for restoration. The time arrow no longer has a reverse. Episodes from the history of revolutions, when after radical reforms begins the restoration like the return of the Bourbons, should be regarded as a mere continuation of the revolution, which does not happen in a moment, as well demonstrated Pitirim Sorokin [see 7]. Deterministic judgments are applicable only within certain limits of the stable, sleepy state of society. In other respects, we have to use probabilistic judgments and consider, in the points of fracture, the non-linearity of the bunch, the fan of possible paths of evolution.

We naively believe that any event of the past had some effect on the subsequent event and, therefore, in one way or another, it is relevant to us. We proceed from the Newtonian determinism, which is applicable to

simple systems. To this is added the teleological idea of predestination. But this determinism “breaks” at the bifurcation point and, thus, the former causal link terminates. In other words, the history begins again. Only events of the last phase of space-time have a real impact on our contemporary life.

This theoretical approach leads to unexpected conclusions: the Zero point can be shifted in the historical timescale depending on the turning leap. We can consider any stable community as an autonomous phenomenon with its own system of coordinates. So, the Turkic Khaganate was founded as a union of various tribes in 551. This is the Zero point of the coordinate system. We can consider the previous history of the elements included in this State, but they are already carrying out other functions. As a phenomenon, the Turkic Khaganate begins to exist only from the 6th century. Prior to that there was a different history of nomadic and, in particular, Hunnish steppe empires. Certainly, the Turks borrowed from previous empires the language, elements of culture, similar methods of housekeeping, military regime, and administration. However, the Turkic Khaganate became a qualitatively new State system that reformatted old elements in the new matrix introducing a new discourse of behavior.

Certainly, with means of a thin analysis, we can try to trace the independent “Tatar” ethnic history in the various states. For this, we need to bind our reasoning to the ethnonym as a starting point. The Terkhin inscription states that “when these writings were being written – oh my Khan! – this was attended by the eminent of my Heavenly Khan, the eight-tribal Tatars, seventeen Az Buyruks, the Senguns and the thousand detachment from (the people) of Tongra, the Uighur people with my Tegins” [5, p. 43–44]. Initially, the Tatars were one of the active historical actors involved in the formation of the Turkish people. However, there were plenty of Tatar tribes and each of them had its own self-designation. We can discuss the history of “white”, “black”, and “wild” Tatars. The Tatars, which established the Kimak Khaganate with Kipchaks, entered the history as Kimaks. Based on these and other evidences, we can say only that various Tatar tribes were integral part of the various states. However, this is not a proper history of the Tatars but, it can be said, historical vicissitudes of the ethnonym. The ancient and modern Tatars are connected with each other only by self-designation. The history of ethnonym is fascinating, but what can we learn today from its past? We can only create confusion in the modern history as it happened with the poly-ethnonym of “Bulgars”.

Thus, we came to the idea of Zero-point of history, which is associated with the chrono-space. Of course, the chrono-space itself has periods of more rapid or stable movement. When the movement is linear, there can be the points of return, i.e. what is called the restoration, cyclic development, etc. In order to avoid a confusion between historical time and existing periodization, we can divide it into phasis. Each new phase can be

considered as an independent history with its own system of coordinates. In this case, the Zero point will shift as we move from the depths of ages to our times. Certainly, we can deepen the history up to the Neanderthals, but only such period remains meaningful, which is associated with semantic structures, discourses of behavior. Altaic roots of the Tatars can be easily proven at the academic level. Moreover, these roots were quite visible in the state forms of Turkic or Kimak khaganates. However at the psychological level, this is too distant history for the Tatars, which is not fixed in the motivation. The legends preserved the memory about this, but they were transformed and arranged under the new situation with reference to the territory of contemporary residence [see the legends about Alp in 14]. For ethnic thinking there is no an abstract territory, it must be linked to its current existence, otherwise it starts to carry a legendary character. There is no infinitely deep history for ethnic consciousness. It can be very distant. For example, the Tatars perceive rather painfully the events of 1552 associated with the capture of Kazan. Despite the fact that this event is remote chronologically, it is associated with the loss of statehood. Therefore, this event is quite sensitive in the present. The history could be very close chronologically, but already become legendary. Edward Evans-Pritchard writes about the Nuer people of Southern Sudan: "How shallow is the Nuer perception of time can be judged by the fact that the tree, under which mankind was born, was still standing a few years ago in the western part of the country" [2, p. 100]. For many peoples the choice of the time reference point is determined by the value that it has for the person in everyday life.

Now we try to apply aforesaid to the history of the Tatars and Tatarstan. We are interested in all what once happened in the territory of republic: prehistoric campsites, the Stone, Bronze, and Iron Ages. All these chronological years are the subject of archaeology but not of history, because it is difficult to speak in such antiquity about any community as an object of historical research. Neither definition of the people nor, especially, of the State could be applied to those periods of human life.

The appearance of the Huns in Tatarstan changes the object of the study because the Huns already represent a union of tribes with a strong statehood and uncertain boundaries of the residence. Nomadic empire uses the space differently from the sedentary states. This does not mean that there is no concept of boundaries among the nomads. The boundaries not only have a clear configuration, but are also extremely important for the whole economy, because of their relation with pastures, on which the power of the cavalry depends as well as quantity of cattle. The territory of present Tatarstan was drawn into the world of the nomadic culture of the Huns followed by the Turks, but as an element of a huge space rather than an independent community.

Disintegration of the Turkic khaganate and establishment of the Volga-Kama Bulgaria can be considered a point of bifurcation. The ethnic

elements included in the new State remained largely unchanged. They regrouped and built a new administrative structure. It is not difficult to trace the succession of a new State from the Turkic Khaganate, but that is another history with its own system of space-time coordinates. Rivers (Kama, Volga, Vyatka) as the most important trade routes, determine the singularity of the Volga-Kama Bulgaria. Here the nomadic culture was connected with the settled one. This was a prerequisite for determining the nature of the future Golden Horde State connecting the steppe by the rivers as paths (land and water) of transportation. On this connection was also build the future Mongol Empire.

We can consider the year 922 AD as a Zero reference point, when Islam became the official religion of Volga-Kama Bulgaria that ceased to pay tribute to the Khazar Khaganate. And, most importantly, a young State received international recognition, which was reflected in the fact of the arrival of the Ibn Fadlan's embassy. The phasic chrono-space of the Volga-Kama Bulgaria ends in 1236, when it was included in the ulus of Jochi.

Certainly, the Bulgarian State had a strong influence on the formation of not only the Tatars, but also of the entire Volga region. However, the Bulgarian roots do not reflect real history, but perform the function of the myth about the origin. This myth is still a myth, despite the fact that it is very plausible and authentic scientifically. The adoption of Islam, first Sahabah, Ibn Fadlah's journey are perceived as the legends. Even when we turn to the image of the Great Bolghar, we have before our eyes the city that was built by Batu khan as the first camp of the Golden Horde. The actual memory of Bulgarian roots appeared in the 19th century in parallel with the emergence of a national (in the European sense) consciousness. The Bulgarian theme became relevant only after Marjani had justified the local roots of Islam and created the proper Tatar educational system in order to write integral history of the Tatars. Kursavi, Utyz Imyani, Marjani, and others were disappointed in Bukhara as the center of religious knowledge and set themselves the task to create their own system of education that could meet the interests of Russian Tatars. Both the emphasis on voluntary and independent adoption of Islam by the Tatars in Bolghar and the interpretation of Kazan as a "New Bolghar" ("Bolghar al-Jadid") contained actual rejection of the prevailing at the time orientation to Central Asia. Michael Kemper writes: "As a result, Bukhara began to be regarded as antithesis of a new emerging culture. In this process, the "Bulgarian" ulema of the 19th century, reinterpreting Islam, sought to the realization of its true essence, while Tatar intellectuals emerged in the early 20th century, developed a national and secular ideology based on the European model, which subsequently focused on the ideas estranged from the Central Asian traditions" [4, p. 168]. Utyz Imyani reflected in his work the disappointment experienced

by Tatar youth in the center of education – Bukhara. The image of the “Holy Bolghar” carried out a symbolic function.

It was the Golden Horde as a powerful State with a remarkable system of communication, migration of huge human resources for thousands of kilometers, and extensive trade, that caused severe “mutations” in the ethnic terms. There was a huge mixing of ethnic groups. Certainly, continuity with the previous states had been preserved. A direct borrowing of many elements from the Turkish culture is evident not only in the art of war or economic management, but also in the language and culture. However, dramatic changes are also indisputable.

At first glance, the collapse of the Golden Horde and formation of many of the Tatar khanates reflect the beginning of a new phase in history. However, it is not the case. If the Golden Horde would really be destroyed from the outside by another State, that had another administrative system and culture, then we could talk about a new phase. But the Muscovite State to which some try to attribute the honor of destruction of the Golden Horde, never was at war with latter. Therefore, the time of the Tatar khanate was only the inertial period, it was the epilogue of the Golden Horde.

Tatar factor disappears from the foreign policy along with the fall of the Crimean Khanate, but in the internal affairs the Tatars displayed most lively activity, especially in the Time of Troubles. This was associated not only with the Kasimov khanate, Romanov Tatars, Cossacks, but also with many nobles of Tatar origin, among which there were quite remarkable political figures, such as Semion Bikbulatovich.

Subsequently, the Tatar influence was more pronounced through the peasant uprisings against the Christianization. How greatly considerable it was indicates the fact that Catherine II was forced to promulgate the decree on religious tolerance. Along with capitalism, influence of the Tatars moves to another sphere. In this case, a detailed analysis of these transitions is not as important to us as their continuity, which indicates that the Tatars did not drop out from the history of Russia. Put simply, their influence sometimes diminished, sometimes amplified. We have no reason to interrupt the thread of historical narrative since the emergence of Batu khan on the Volga banks.

The Golden Horde matter is more complicated and not as straightforward as it might seem at first glance. The matter is that the Zero point of Russian history also begins with the Golden Horde. Kievan Rus' is interesting only as a place of acceptance of Orthodoxy, as the idea of statehood; it had no effect on the appearance of Russia. In this sense, it represents the “legendary” period of Russian history. Also other principalities could not be the basis of the Russian statehood. Muscovy was merely the great principality. The territory and, in part, the culture of the Golden Horde became the base for the future of Russia, and therefore the appearance of the Tatars in the European part became a bifurcation point

for Russian and many other nations. On a place of the Muscovite State, that gathered around itself a number of principalities, appeared Russia, which became the State along with the conquest of the Kazan Khanate. But the idea of the Great State was born in the depths of the Golden Horde, when Moscow began to grow as the financial and ideological center. N.S. Trubetskoy writes about the Russian principalities as about the provinces of a large State: “It is known for certain, that Russia was involved in the overall financial system of the Mongol State. A number of Russian words relating to the financial economy and continuing to be used in the Russian language even today, are the words borrowed from the Mongol or Tatar (e.g. *kazna*, *kaznachey*, *den’ga*, *altyn*, *tamozhnya*). This fact suggests that the Mongol financial system in Russia was not only adopted and established, but survived the Mongol yoke” [10]. It is important to note such factor as the model of statehood, which became the ideological core of the actual Russian idea. Trubetskoy continues: «Of course, the inclusion of Russia in the Mongol statehood could not be only an external and reduced to a simple extension to Russia of the Mongol administrative system that prevailed in other areas and provinces of the Mongol Empire. Russia had to accept to a certain extent the very spirit of the Mongol statehood”. It was this spirit that actually became the Russian idea, coupled with Byzantine traditions of Orthodoxy through the activities of St. Sergius of Radonezh, the founder of the main center of religious movement – the Trinity-Sergius Lavra. Although Russia formally appeared after the capture of the Kazan Khanate, to which Trubetskoy adds also the Astrakhan and Siberian khanates, however, the ideology was born in Moscow as a protectorate of the Golden Horde. In the newly appeared Russia neither the administration, nor the finances, nor the means of communication had nothing in common with the former Russian principalities. The State structures continued the Golden Horde traditions until the reforms of Peter I. Therefore, the Golden Horde should be seen as the Zero point in the history of the Russian statehood. Its vast territory, multiethnic composition, and character of statehood emerged from the Moscow’s hegemony on the Horde spaces.

Given the dwelling space of Tatar population and its evolution within Russia, it can be argued that the Zero point of Tatar history, which conveyed the cultural invariants until today, begins in the Golden Horde. Neither in the Turkic khaganate nor in the Bulgar State, but namely in the Golden Horde.

REFERENCES

1. Braudel F. Istoriya i obshchestvennye nauki. Istoricheskaya dlitel'nost' [History and Social Sciences. Long Term History]. *Filosofiya i metodologiya istorii* [Philosophy and Methodology of History]. Moscow, 2000, pp. 115–142.

2. Evans-Pritchard E.E. *Nuery. Opisanie sposobov zhizneobespecheniya i politicheskikh institutov odnogo iz nilotskikh narodov* [The Nuer. A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People]. Moscow, 1985. 358 p.

3. Foucault M. *Arkheologiya znaniya* [The Archaeology of Knowledge]. Kiev, 1996. 208 p.

4. Kemper M. Mezhdubukharoy i Sredney Volgoy: stolknovenie Abdan-Nasra al-Kursavi s ulemami traditsionalistami [Between Bukhara and Middle Volga. Clash between 'Abd an-Nasir al-Kursavi and Traditionalist Ulema]. *Mirislama* [The World of Islam], no. 1–2, 1999, pp. 159–170.

5. Klyashtornyy S.G. *Runicheskie pamyatniki Uygurskogo kaganata i istoriya evraziyskikh stepey* [Runic Monuments of the Uighur Khaganate and the History of the Eurasian Steppes]. St. Petersburg, 2010. 328 p.

6. Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya v devyati tomakh* [The Collected Works in Nine Volumes]. Vol. I. Moscow, 1987. 430 p.

7. Pitirim Sorokin. *Sotsiologiya revolyutsii* [The Sociology of Revolution]. Moscow, 2008. 784 p.

8. Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa: Novyy dialog cheloveka s prirodoy* [The Order out of the Chaos. New Human Dialogue with Nature]. Moscow, 1986. 432 p.

9. Prigozhin I. Pereotkrytie vremeni [Rediscovery of the Time]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], no. 8, 1989, pp. 3–19 p.

10. Trubetskoy N.C. Vzgl'yad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka [The Glance to Russian History not from the West, but from the East]. *Klassika geopolitiki, XX vek* [Classics of Geopolitical Studies, 20th century]. St. Petersburg–Moscow, 2003, pp. 144–226.

11. Schütz A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira. Ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii* [Meaning Structure of the Everyday World. Essays on the Phenomenological Sociology]. Moscow, 2003. 336 p.

12. Wallerstein I. Vremya i dlitel'nost': v poiskakh neisklyuchennogo srednego [Time and Duration. The Unexcluded Middle]. *Filosofskie peripetii. Vestnik Khar'kovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Philosophical Vicissitudes. Bulletin of Kharkov State University], no. 409`98, Seriya: Filosofiya. KhGU, 1998, pp. 186–197.

13. Wallerstein I. *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [Analysis of Global Systems and the Situation in the Contemporary World]. St. Petersburg, 2001. 416 p.

14. Boryn'gy tatar ədəbiyate [Ancient Tatar literature]. Kazan, 1963. 386 p.

About the author: Rafail' Sibgatovich Khakimov – Director, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (AS RT), Vice-president of AS RT, Academician of AS RT, Dr. Sci. (History) (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); history@tataroved.ru

НУЛЕВАЯ ТОЧКА ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Р.С. Хакимов

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

Исторические исследования предполагают некое начало отсчета пространства-времени – Нулевую точку координат. В силу бифуркации в Нулевой точке течение социальных процессов резко меняется и детерминистская причинность заменяется на вероятностную. В силу этого меняются структура социальных отношений, форма государственности, течение этнических процессов. Появляется новый дискурс поведения народов.

Применительно к истории татар и Татарстана такими точками бифуркации становилось время образования:

1) Тюркского каганата, который появился в VI веке и представлял собой качественно новую государственную систему, переформатировавшую прежние элементы в рамках новой матрицы, с новым дискурсом поведения;

2) Волжско-Камской Болгарии, чья особенность определялась наличием рек (Камы, Волги, Вятки) в качестве важнейших торговых путей. Здесь кочевая культура соединялась с оседлой и ислам стал официальной религией в 922 году;

3) и Золотой Орды, мощного государства, с замечательной системой коммуникации, передвижением громадных людских ресурсов на тысячи километров, обширной торговлей, которые, в совокупности, привели к серьезным «мутациям» в этническом плане.

Учитывая пространство проживания татар, эволюцию в рамках России, можно утверждать, что Нулевая точка татарской истории, донесшая культурные инварианты до сегодняшнего дня, начинается в Золотой Орде. Не в Тюркском каганате и не в Булгарском государстве, а именно в Золотой Орде.

Российская империя, несмотря на радикальные перемены, не сумела превратить татар в россиян, а потому современные татары сохранили золотоордынские традиции в качестве культурного инварианта.

Ключевые слова: татары, Волжско-Камская Болгария, Золотая Орда, Россия, нулевая точка истории, историческое время.

Сведения об авторе: Рафаиль Сибгатович Хакимов – директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, доктор исторических наук (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); history@tataroved.ru

УДК 94(470)"04/14":327

KURULTAI OF 1235: QUESTION OF EXPANSION OF THE ULUS OF JOCHI

I.M. Mirgaleev

*(Sh.Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*

The article examines the Genghisid kurultai held in 1235. The author notes that in many aspects the kurultai of 1235 not only differed from other similar kurultais, but did not quite fit into the political reality of the early imperial period. The author examines in some detail the purpose of the new Western campaign of the Tatar-Mongols. Despite the fact that the Western campaign had a pan-Mongolian character, it contributed to a significant enhancement precisely of the Jochids pushed off earlier into the background by other Genghisids. Batu Khan, the new ruler of the Jochid ulus, succeeded both in extending the ulus of Jochi and resuscitating the ulus of his father. But most importantly, he won the right to lead the army of the whole empire, which immediately changed his status and the status of the Jochids. In a fairly short time, the Jochids had been strengthened to such an extent that they were able to take revenge from their cousins. After had defeated the descendants of Ogedei and brought to power the Toluids, the Jochids willingly relinquish power in the "indigenous yurt", since they already possessed vast territories and established a functioning state system. They used their influence in the capital only to strengthen their own ulus. The Jochids tried to keep the Mongol Empire under their control by ensuring decision-making at the next kurultais in accordance with their political interests.

The author believes that there were active negotiations among the Genghisids before the kurultay of 1235. The fact that the Western campaign was headed by Batu and not by the sons of Ogedei, represented an unconditional victory of the Jochid "family" diplomacy, since previously the Jochids were not allowed to the leadership of the Mongol campaigns. Thanks to the Western campaign, the Jochids were able to expand their possessions to such an extent that, immediately after the campaign, their relationship with the central government and other Genghisids acquired quite a different character.

Keywords: ulus of Jochi, kurultai, Mongol Empire, international relations, geopolitics, Genghisids, Jochids, Batu khan, Golden Horde.

The kurultai of 1235 became a turning point in the history not only of the Genghis Khan's empire, but also of the ulus of Jochi, which was destined to last longer than any other Genghisid state entity. In many aspects the kurultai of 1235, which was convened by the sons and grandsons of Genghis Khan, the actual builders of the vast Mongol Empire,

not only differed from other similar kurultais, but did not quite fit into the political reality of the early imperial period. And the main intriguing question here was, of course, the aims of a new Western campaign. We should note that this issue is still undeveloped in the historiography. It has long been firmly established in general works on the Mongol Empire and the early Jochid period that the goal of the campaign was to expand the territory of the ulus of Jochi and that the campaign allegedly served the implementation of the “will” of Genghis Khan. A national historiography (primarily Russian and European) dubbed this campaign of Genghisids as “Batu’s invasion”.

At first, I would like to note: neither Mongol campaign was conducted in order to expand any of Genghisid uluses. Neither the conquests of Genghis Khan nor the conquest of Ogedei of China, nor the subsequent conquests of Hulagu and Kublai Khan pursued the creation or expansion of the single ulus. All of them were only commanders-in-chief in the operating army of the Mongol Empire. In any case, kurultais did not take such decisions as, for example, the establishment of the Hulaguid ulus or the State of Kublai Khan. Although having the institute of co-rulers, the central authority of the Great Kaghan did everything in order to achieve total control over the entire territory of the empire. It is a well-known fact that Hulagu and Kublai Khan established their states due to separatism. Quite different was the case of the ulus of Jochi.

Undoubtedly, Jochi was an active builder of the new State. He was among the main conquerors of the West by participating in the conquest of Central Asia in 1219–1224. He was a member of the smaller council under Genghis Khan and as his eldest son, he had a huge impact in the Mongol State [6, p.77], which was the reason for hostile attitude of other members of Genghisid family. After had received a separate ulus in 1207 conquered by himself [5, p. 123], Jochi subsequently established relations with the Abbasid Caliphate as well as with Jalal ad-Din Mingburnu. And most importantly, he was able to create a numerous family, which became very active in establishing an independent ulus of Jochi. And here is appropriate to ask what would become a Yeke Mongol ulus if Jochi lived longer than his father? After all, despite their youth, his sons were able to organize a statewide campaign to the west in order to expand the ulus of Jochi. Despite the fact that from the beginning to the end this major event had a pan-Mongolian nature, it strengthened exactly the Jochids. As a result of the campaign, there was founded the strongest ulus led by the sons of Jochi. It is well-known that in matters of succession Jochi was postponed by Genghis Khan and his brothers Ogedei and Chaghatai. Therefore, after the death of Jochi, his ulus lost not only its factual independence, but also its core territory, becoming part of the ulus of Ogedei.

Batu succeeded not only in expansion of the ulus of Jochi, but he was also able to resuscitate his father’s ulus. And most importantly, he won the

right to head the army of the empire. This matter immediately changed his status and the status of Jochids.

Jochi had his own ideology of state-building and relationships with other countries, which differed from the ideology of Genghis Khan. When analyzing information of the sources about activities of Jochi, we can firmly state that Jochi was a supporter of the ideology of a peaceful reunification of the Turko-Mongol nomads. This assertion is supported by the peaceful submission of the Kyrgyz and Northern Forest Tribes, when Jochi did not wage a war against the Tumat who had refused to obey him [8, p. 225]. He was one of the founders of the Mongol State and the head of his own ulus. So, he did not want to destroy cities and kill their inhabitants. Such attitude towards the state-building would also have his descendants.

Certainly, Jochi had a broad support, especially among the non-Mongol elite. Jochi sought to create a solid foundation for managing heterogeneous peoples. This explained the reason, why he converted his son Berke to Islam when he was an infant. In this way, Jochi made it clear to the subjugated Muslims that in the ruling family was their coreligionist, which would protect them if necessary. Generally, the rumors that Jochi and Batu themselves secretly converted to Islam, had to be put for this purpose. And support provided to them by the Muslims, only confirms this. Jochi married Khan Sultan, the daughter of Ala ad-Din Muhammad, whereas the mother of the latter, Terken Khatun, while in captivity, was forced to live in poverty and disgrace [1, p. 150], picking up scraps from the meal of Genghis Khan.

The fact that Jochi started to move away from Genghis Khan in 1226–1227, was probably caused by personal reason, namely, by the conflict during a family council with the participation of Chaghatai. Chaghatai openly humiliated Jochi speaking about the semi-Merkit origin of the eldest son of Genghis. Strange in this conflict was the behavior of Genghis Khan himself, who did not interrupt Chaghatai (as the source says: “But the Khan – not a single word”). Koko-Tsos was compelled to respond instead of Genghis Khan, saying that then “there was a division among the whole people. Nobody went to the bed, everyone sought to profit prey”. [5, p. 134].

As we know from the “Secret History of the Mongols”, Genghis Khan himself was not eager to create the united State. He told his sons and his wives that there were many countries in the world and he divided the State among his sons. Yet, at the insistence of the family, he named his successor. One gets the impression that Genghis Khan did not want to name Jochi as his successor. If Genghis Khan wanted to name Jochi as the successor, he would have naturally done it. As a result, Ogedei was named the Great Kaghan instead of Jochi. All these interfamily relationships of Genghisids are important in terms of the entire history of the Mongol uluses. In fact, these relationships determined Genghisids’ approach to

creating new state entities, to the relationship' establishing both with the conquered peoples and other countries.

During large-scale conquests under Ogedei's reign, the supporters and opponents of establishing a strong state relations with cities did not encounter openly. Although there arose some disputes about saving or total destruction of cities. During this period, the Jochids have not played an important role in the pan-Mongolian affairs primarily because of their early age and because of the remoteness of their ulus from the metropolis. Strange but true, the sons of Jochi preferred to live in the ulus of their father rather than in the horde of Genghis Khan. They did not want to live in the Karakorum, built later, as did many Chaghataids and Ogedeids, not to mention the Toluids. Before 1236, the Jochids led military operations in the western direction in those unconquered lands that Genghis Khan supposedly bequeathed to their father. They conducted all the military operations using their own forces of the ulus of Jochi [7, p. 50].

And, of course, it is not known, could the Jochids achieve the decisions of kuriltai of 1235 about the beginning of the Western campaign and lead the main imperial army, if the family of Jochi was not such a numerous and if Jochi did not laid a solid state basis for his ulus? This, of course, can be considered as a kind of gratitude of Ogedei to the descendants of Jochi: after all, he took the place of Genghis Khan's successor, that is, of his eldest son.

After Jochi's death, his sons did not participate in the Mongol campaigns, neither against the Tanguts nor against Jin [3, p. 60–70]. They were engaged in a gradual expansion of their possessions.

Among the Genghisids, only the Jochids and Toluids Kublai and Hulagu would actively build their own states in the new lands. In doing so they would not seek return to the metropolis. On the contrast, other Genghisids would try to live in Mongolia. The reason for this behavior of Kublai and Hulagu is clear: they acted as separatists, while the metropolis wanted to keep the conquered territories under centralized control. The case of Jochi and his descendants was more difficult as separatist ambitions of Jochi emerged during the life of Genghis Khan. Even though Genghis Khan said that – “Mother Earth is great. There are lots of her rivers and waters. Tell me instead – we will govern foreign nations separately, spreading wide separate pastures” [5, p. 137] – yet Jochi had to conquer his father's “gift”. And there is such impression that everything that was said by Genghis Khan was concerned namely Jochi.

No doubt, sons of Jochi were well aware of their father's relationship with their grandfather and of the relationship between Genghisids. Since Jochi did not became the successor to Genghis Khan, his family was ejected from the metropolis, which still remained half a century the political center of the empire. And when the Jochids had the revenge by defeating Ogedei's descendants and placed Toluids in power, they themselves gave up power in the “native yurt”, as they already owned vast

territories and established a functioning state system. They used their influence in the capital only to strengthen their ulus. The Jochids tried to keep governance of the Mongol Empire under their control ensuring such decision-making at the kurultais that corresponded to their political interests. But they did not live in the capital of the empire and the Toluids were able to lead two pan-Mongolian campaigns, which gradually led to the cancellation of the previous agreements between the Jochids and Toluids.

Before the beginning of the Western campaign, all of the Jochid conquests were conducted by their own forces. Lacking major forces, the Jochids mainly resorted to a peaceful conquest. This determined the special character of subsequent Jochid conquests. When the Jochids headed pan-Mongolian army, they were not able to fully control the behavior of all their subsidiaries. To ensure complete victory they met with necessity of carrying out rapid military operations against large enemy forces in order to destroy its main capacity. Therefore, the Western campaign headed by the Jochids differed from the conquests in Khwarezm and China and from the campaign of Hulagu. Unlike other similar situations, Jochids knew their goal initially – they conquered new lands for their ulus and not for the empire. This unique case was typical only for the Jochids. All the other Mongol campaigns did not have such purpose and were carried out in the interests of the entire empire and all of the Genghisids.

The war between Yeke Mongol Ulus and Jurchen State of the Jin Dynasty, which had been launched by Genghis Khan himself in 1211, ended in 1234. During this war, the Mongols conquered the Korean State as well. Thus, the war continued relentlessly, and at that time, the Jochids did not participate in the southern campaigns mostly taking care of strengthening of their own ulus. Why they did not participate? The answer can only be one: the Genghisid family did not want this to happen. But at the kurultai of 1235, they were able to approve the plan of the Western campaign, which was to be carried out under their leadership (it was the first campaign that was headed by Genghis Khan's grandsons, not by his sons) and in which other Genghisids were supposed to take part. So, the expansion of the ulus of Jochi became the imperial matter.

There were two main Genghisid states after the dissolution of the Mongol Empire. These states were the ulus of Jochi and the Yuan Empire. The ulus of Hulagu was initially under Kublai Khan's control participating in the wake of his foreign policy during a certain period of time. During the entire period of its existence, the rulers of Hulaguid ulus called themselves Ilkhans, i.e. the rulers of an area rather than of a sovereign state. The ulus of Chaghatai, the native yurt of Tolui, the ulus of Ogedei, and uluses of Genghis Khan's relatives did not constitute a State. These areas were influenced by the ulus of Jochi and Yuan Empire and were only certain aristocratic properties, where were operating such Genghisids

as a descendant of Ogedei, Qaidu, follower of the traditional nomadic approach to the State establishment. During the reign of Ogedei they had the highest influence in the empire. Therefore, the beginning of a new campaign after conquest of the Northern China gave them an opportunity to get new booty and captives. It seems that the Jochids were able to use such attitude of other Genghisids and were able to achieve the approval of kurultai concerning the decision of Western campaign. The war was waged on the common grounds of the empire. But conquered lands were annexed to the ulus of Jochi, though it was obviously assumed that there would be the properties of other Genghisid uluses in the "Western lands".

Undoubtedly, there were active negotiations between the Genghisids prior to the kurultai's convening. The fact that the Western campaign was led by Batu and not by Ogedei's sons, was certainly the victory of the Jochid family diplomacy. After all, the Jochids were not admitted to the leadership of the southern campaigns. It is more than likely that the Jochids appealed to the "will" of Genghis Khan. But the Jochids for their part, made concessions. For example, participation of other Genghisids in the campaign allowed them to receive future taxes from the conquered lands. And the Empire was able to send to these lands its baskaks. But in return the Jochids were able to expand their holdings to such an extent that after the campaign their relationship with the central government and other Genghisids assumed a new character. The ulus of Jochi became the right wing of the Empire, in other words, the State within a State. It already had in possession not only the South-Siberian lands, but also vast territories, which included the western Siberia, Eastern Europe, Black Sea region, and Caspian lands.

If one looks at the composition of the Genghisids, which was assigned by kurultai to obey Batu, according to the list given by Rashid al-Din [4, p. 37], it becomes clear that it was a victory of the Jochids: despite the fact that the campaign was attended by many of Genghisids, the general leadership belonged to Batu.

Direct military actions began in 1236 and ended in 1242. Six years are not too much for such a large-scale conquest. It must be admitted that the campaign was conducted brilliantly and thoughtfully. Undoubtedly, the Jochids conducted the counter-reconnaissance battles before the Western campaign aimed at gathering information about the Kipchaks, Volga Bulgaria, Russian principalities, the Caucasus. According to Julian, the Eastern Hungarians was on war-path with them during 14–15 years [2, p. 154].

The presence of internal conflicts between Genghisids during the Western campaign should be viewed as a continuation of the attitude to the Jochids, which took shape in the previous period among some Genghisids and among the political elite of the Karakorum. An open dismissive attitude of Chaghatai towards Jochi was undoubtedly taken over by some of the Genghisids.

If Ogedei had moderate and more or less condescending predisposition towards the Jochids, then after his death there was an increasing influence of the Jochid opponents in Karakorum. This, of course, alerted the latter. As it seems, neither the Genghisids in Karakorum nor Batu thought about campaign in such situation. It was important for the Jochids to achieve as soon as possible a dominant position in the new lands, to create an institution of power and to establish relations with the conquered people. They had to quickly enhance their new holdings. Since, if their opponents came to power, they could deprive the Jochids of their new lands, life, and the ulus. For the central authority in Karakorum, in turn, it was necessary to prevent the enhancement of Jochids, who commanded the main army of the empire at that time. Therefore, other Genghisids left the army and went to Mongolia or their uluses. This circumstance was directly related to the termination of the Western campaign. But owing to this circumstance, they could not consolidate new territories as their possessions.

Thus, the role of Batu, head of the Jochid family, was huge at the kuriltai of 1235. It was he who was able to establish relationships with other Genghisids and, most importantly, with the Great kaghan Ogedei, in a new form, completely different from that of his father. It seems that after 1227, Batu could be in Ogedei's retinue and periodically lived in the court of kaghan. At least, he was supposed to keep in touch with kaghan. The Western campaign was to provide a new booty and territories to other Genghisids. However, the newly conquered lands were considered in advance as belonging to the ulus of Jochi.

REFERENCES

1. Buniyatov Z.M. *Gosudarstvo horezmshahov-Anushteginidov. 1097–1231*. [The State of the Anushteginid Khwarazmshahs. 1097–1231]. Moscow, Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ., 1986. 248 p.
2. Izvestiya Yuliana o vengrah, bulgarah i tatarah [Julian's Report on the Hungarians, Bulgars, and Tatars]. *Iz glubinyi stoletiy* [From the Depths of the Centuries]. Sost., vstupitelnyie stati i komm. B.L. Hamidullina. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2000, pp. 148–157.
3. Pochekaev R.Yu. *Batyyi. Han, kotoryiy ne byl hanom* [Batu Khan who was not a Khan]. Moscow, AST, AST MOSKVA; St. Petersburg, Evraziya Publ., 2007. 350 p.
4. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. II. Pervod s persidskogo Yu.P. Verhovskogo. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960. 253 p.
5. *Sokrovennoe skazanie mongolov* [The Secret History of the Mongols]. Pervod S.A. Kozina. Moscow, Tovarischestvo nauchnyih izdaniy KMK Publ., 2002. 156 p.
6. Trepavlov V.V. *Gosudarstvenniy stroy Mongolskoy imperii XIII v.: problema istoricheskoy preemstvennosti* [State System of the Mongol Empire in

the 13th century: The Problem of Historical Continuity]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 168 p, karta.

7. Choyzhilavyin Choysamba. *Zavoevatelnyie pohodyi Batu-hana* [The Campaign of Conquest of Batu Khan]. Moscow, Ideya-Press Publ., 2006. 168 p.

8. Tsyibikdorzhiev D.V., Batoeva D.B. Epoha Mongolskoy imperii v buryatskih pismennyih pamyatnikah XVIII – nachala XX vv. [Period of the Mongol Empire in the Buryat Written Monuments of the 18th – early 20th centuries]. *Mongolskaya imperiya i kochevoy mir* [The Mongol Empire and Nomadic World]. Kn. 2: sbornik statey. Ulan-Ude, BNTs SO RAN Publ., 2005, pp. 219–238.

About the author: Il'nur Midkhatovich Mirgaleev – Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde History, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Cand. Sci. (History) (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); dilnur1976@mail.ru

---

КУРУЛТАЙ 1235 ГОДА И ВОПРОСЫ РАСШИРЕНИЯ УЛУСА ДЖУЧИ

И.М. Миргалеев

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

Статья посвящена курултаю чингизидов, проведенному в 1235 году. Автор отмечает, что во многих аспектах курултай 1235 года не только отличался от других подобных курултаев, но и не совсем вписывался в политическую действительность государства чингизидов. Автор статьи уделяет довольно значительное внимание рассмотрению целей нового западного похода татаро-монгол. Автор предлагает по-новому взглянуть на проблему расширения Улуса Джучи. Хотя западный поход носил пан-монгольский характер, он способствовал серьезному усилению именно джучидов, вынужденных довольствоваться ранее второстепенной ролью среди других чингизидов. Батый, новый правитель улуса джучидов, добился не только расширения Улуса Джучи, но и реанимирования улуса своего отца. Но самое главное, он добился права возглавить армию всей империи, что сразу изменило его статус и статус джучидов. В достаточно скором времени джучиды усилились настолько, что смогли взять реванш у своих двоюродных братьев. Разгромив потомков Угедея и приведя к власти тулуйидов, они сами отказались от власти в «коренном юрте», так как уже владели огромными территориями и создали функционирующую государственную систему. Свое влияние в столице они использовали только в целях укрепления своего улуса. Джучиды пытались держать Монгольскую империю под своим контролем, добиваясь принятия решений на последующих курултаях в соответствии со своим политическими интересами.

Автор считает, что до курултая 1235 года между чингизидами велись активные переговоры. То, что западный поход возглавил Батый, а не сыновья Угедея, было безусловной победой «семейной» дипломатии джучидов, так как до этого джучиды не допускались к руководству монгольскими походами. Благодаря западному походу джучиды смогли расширить свои владения настолько, что сразу же по окончании кампании их взаимоотношения с центральной властью и другими чингизидами приобрели иной характер.

Ключевые слова: Улус Джучи, Монгольская империя, международные отношения, геополитика, Чингизиды, Джучиды, Бату-хан, Золотая Орда.

Сведения об авторе: Ильнур Мидхатович Миргалеев – руководитель Центра исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманава Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, кандидат исторических наук (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); dilnur1976@mail.ru

УДК 930.23

**ЯРЛЫК ХАНА УЗБЕКА ФРАНЦИСКАНЦАМ
ЗОЛОТОЙ ОРДЫ 1314 ГОДА: ЛАТИНСКИЙ ТЕКСТ,
РУССКИЙ ПЕРЕВОД И КОММЕНТРИИ**

Роман Хаутала

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

Настоящая статья содержит латинский текст, русский перевод и комментарии к ярлыку хана Узбека (1312/13–1341). Хан Узбек предоставил этот ярлык францисканцам Золотой Орды 20 марта 1314 года. По всей видимости, оригинальный текст ярлыка был написан на хорезмийском диалекте кипчакского языка. Однако оригинальный текст ярлыка не сохранился, так же, как и ряд других ярлыков ханов Золотой Орды, которые сохранились только в позднем русском переводе.

К счастью, настоящий ярлык был переведен на латинский язык, и впоследствии этот перевод переписал анонимный британский копиист первой половины XIV века. Артур Кристофер Моуль обнаружил эту средневековую копию ярлыка вместе с рядом других францисканских документов в одном из кодексов (D. II. 3.7.), хранящихся в библиотеке университета Кембриджа. В 1924 году Моуль опубликовал первое и единственное издание копии ярлыка вместе с другими францисканскими источниками, снабженными основательным предисловием Михаэля Биля.

Текст ярлыка Узбек-хана никогда не переводился на современные языки. По этой причине содержание ярлыка было известно только узкому кругу специалистов католического миссионерства в монгольской империи. В свою очередь, исследователи истории Золотой Орды, включая и исследователей джучидской официальной документации, не знают о существовании этого важного юридического документа и по сегодняшний день.

Текста ярлыка хана Узбека указывает на то, что сам документ базировался на предыдущих ярлыках ханов Менгу-Тимура (1267–1282) и Токты (1291–1312). Таким образом, содержание ярлыка позволяет уточнить время появления францисканцев на территории Золотой Орды. Кроме того, эти сведения являются еще одним свидетельством практики религиозной толерантности ханов Улуса Джучи. В данном контексте наиболее существенным является указание на толерантное отношение хана Узбека к христианам, несмотря на факт обращения хана в ислам.

Ключевые слова: история Золотой Орды, источники Улуса Джучи, католическая миссионерская деятельность, ярлыки золотоордынских ханов, религиозная политика хана Узбека.

Настоящая статья содержит оригинальный текст, русский перевод и комментарии к копии латинского перевода ярлыка хана Узбека, предоставленного францисканцам Золотой Орды 20 марта 1314 года. Копия перевода была обнаружена Артуром Кристофером Моулем вместе с рядом других францисканских документов в одном из средневековых кодексов (D. II. 3.7.), хранящихся в библиотеке университета Кембриджа. В 1924 году Моуль опубликовал первое и единственное издание копии ярлыка вместе с другими францисканскими источниками, снабженными основательным предисловием Михаэля Биля [25].

Насколько мне известно, копия этого ярлыка Узбека никогда не переводилась на современные языки. По этой причине содержание ярлыка, знакомое узкому кругу специалистов католического миссионерства в Монгольской империи, остается абсолютно неизвестным исследователям истории Золотой Орды и по сегодняшний день¹.

Следует уточнить, что латинский перевод ярлыка был скопирован анонимным британским переписчиком в первой половине XIV века вместе с рядом других францисканских документов, освещающих обстоятельства католического миссионерства в Золотой Орде. Средневековый переписчик поместил перевод ярлыка непосредственно перед письмом брата Иоганки 1320 года, давно известного по самостоятельному изданию и русскому переводу Сергея Аннинского [25, р. 55–56; 1, с. 108–112, 90–94]. По-видимому, Аннинский не отдавал себе отчета в существовании копии ярлыка, поскольку он пользовался венгерским изданием письма Иоганки, опубликованным Ласло Бендефи. В свою очередь, Бендефи сообщал в своем издании письма Иоганки, что кембриджский кодекс был найден Моулем, но не уточнял, что Моуль уже опубликовал письмо вместе с другими францисканскими источниками, включая и копию ярлыка [24, р. 47–52]. По этой причине Аннинский, вероятно, не только не знал о первичном издании письма Иоганки, но и не отдавал себе отчета в существовании копии ярлыка. Таким образом, в отличие от письма Иоганки, содержание ярлыка так и осталось неизвестным историкам Золотой Орды, включая и исследователей джучидской официальной документации.

Обстоятельства выдачи ярлыка

Согласно содержанию документа, получателями ярлыка были «латинские священники, которые зовут себя по собственному обыкновению меньшими братьями», без уточнения конкретного имени получателя привилегий. С другой стороны, ханское позволение «управлять людьми христианского закона» предполагает, что фактическим реципиентом ярлыка был один из руководителей франци-

---

¹ На этот факт мне любезно указал Роман Почекаев, за что я выражаю отдельную и искреннюю благодарность моему питерскому коллеге.

сканцев в Золотой Орде. В связи с этим мы можем предположить, что Узбек предоставил ярлык первому францисканскому прелату Крыма, то есть Иерониму из Каталонии.

Латинские источники предоставляют следующую информацию о карьере Иеронима. 20 декабря 1310 года папа Климент V посвятил его в епископы без резиденции и как суффрагана архиепископа Ханбалыка, Джованни да Монтекорвино [36, р. 149; 39, р. 292]. Папская булла от 19 февраля 1311 года подтверждала назначение, одновременно уточняя, что Иероним отправился на восток весной 1311 года [26, no. 176, р. 74; 29, р. 535, 547; 30, I, р. 302, III, р. 40; 43, р. 476]. Под датой 30 августа 1316 года официальная документация Генуэзской республики сообщает о восстановлении католической церкви в Каффе (разрушенной в 1308 году войсками Токты) благодаря усилиям Иеронима [30, III, р. 40; 33, col. 407]. В марте 1317 года Иероним упоминается как епископ Каффы в одной рукописи монастыря Капистрано [30, III, р. 41, 44]. В письме папы Иоанна XXII от 6 февраля 1318 года Иероним упоминается как епископ Каффы [26, no. 303, р. 142–143; 30, III, р. 41, 44]. 20 февраля 1318 года Иоанн XXII торжественно подтверждает возведение Иеронима в сан епископа Каффы и предоставляет ему в управление все католические приходы и местопребывания на территории, простиравшейся «от Варны до Сарая и от Черного моря до русских земель» [22, no. 8, р. 12–13; 39, р. 292].

Таким образом, можно предположить, что Иероним из Каталонии прибыл в Крым уже в 1311 году и принял активное участие в переговорах с ханом Узбеком о возвращении францисканцев в Каффу, откуда они были изгнаны ханом Токтой в 1308 году. Вполне возможно, что будучи наделенным званием епископа без резиденции, Иероним был специально направлен в Крым в качестве официального представителя Апостольского престола для ведения переговоров с ханом Золотой Орды [30, I, р. 302; 36, р. 156–158; 43, р. 476]. Суммируя, мы можем предположить, что действительным получателем ярлыка был Иероним из Каталонии.

Также Узбек сообщает, что он выдал ярлык «в соответствии с теми же условиями», которые были обговорены в ярлыках его предшественников – ханов Токты и Менгу-Тимура [35, р. 58–60; 36, р. 93, nota 104; 37, р. 350; 38, р. 239; 27, р. 97, nota 61]. В данном случае мы имеем еще одно подтверждение особой характеристики джучидского правотворчества, заключавшейся в том, что, цитируя Романа Почекаева: «Ханские ярлыки действовали в течение правления выдававшего их хана. Поэтому каждый новый хан, вступая на трон, либо подтверждал пожалования своего предшественника, либо отменял их» [15, с. 59]. Следовательно, мы можем предположить, что предыдущие ярлыки, на содержание которых ссылается Узбек-хан, были выданы в начале правления ханов Менгу-Тимура и Токты (около 1267 и 1291 годов). Для подтверждения этого предположения нам

следует прибегнуть к короткому анализу параллельных ярлыков, выданных русским митрополитам.

Общеизвестно, что тарханный ярлык Узбек-хана, выданный киевскому митрополиту Петру в 1313 году, имеет подложный характер, поскольку его содержание было переработано в 40-х годах XVI столетия [14, с. 88; 16, с. 142–143]. В тоже время, не вызывает сомнений и то, что редакция ярлыка XVI века основывалась на действительно существовавшем ярлыке, поскольку поездка митрополита в ставку Узбек-хана в 1313 году подтверждается параллельными русскими летописями [16, с. 143–146; 17, с. 51]. Отдельный интерес представляет предисловие к этому ярлыку, содержащееся в «пространной» редакции коллекции ярлыков русским митрополитам, которое сообщает, что одной из причин, побудивших митрополита поспешить с визитом к Узбек-хану, было стремление опередить некоего «бискупа Матфея папы Римскаго» [5, с. 111; 17, с. 49–51]. Несмотря на то, что анонимный автор предисловия, очевидно, спутал имя католического епископа (доминиканец Маттео Манни из Кортоны стал вторым епископом Каффы через 12 лет после поездки митрополита [30, III, р. 57; 31, р. 19; 32, р. 113]), это утверждение вполне могло соответствовать действительному стремлению митрополита опередить латинского прелата (то есть, Иеронима из Каталонии) в получении привилегий от недавно избранного ордынского хана.

Также следует отметить и предположение Василия Григорьева, недавно подтвержденное Романом Почекаевым и Юрием Сочневым, что редактор XVI века использовал в своей переработке ярлыка 1313 года содержание предыдущего ярлыка Менгу-Тимура 1267 года, поскольку первичный ярлык содержал более обширные привилегии по сравнению с ярлыком Узбек-хана [5, с. 92–93; 16, с. 145–146; 17, с. 51]. Все перечисленные исследователи указывают на определенную взаимосвязь между обоими ярлыками. В свою очередь, содержание «францисканского» ярлыка 1314 года подтверждает предположение предыдущих авторов о том, что каждый новый хан выдавал новые ярлыки на основе предыдущих, внося в них изменения по собственному усмотрению.

Отдельного рассмотрения заслуживают сведения ярлыка 1314 года относительно религиозной политики Узбек-хана. Мамлюкский автор ан-Нувайри сообщает, что 13 апреля 1314 года в Египет прибыло торжественное посольство от хана Узбека с поздравлениями «с расширением ислама от Китая до крайних пределов Западных государств». Далее, по словам ан-Нувайри, ордынские послы сообщили, что после прихода к власти, Узбек-хан ввел в действие программу насильственной исламизации своих подданных и «уничтожил посредством избиения и пленения» всех тех, кто отказался от обращения в мусульманскую веру [18, р. 163; 27, р. 111–112]. Несмотря на то, что интерпретация ан-Нувайри и других мамлюкских авторов о

скоротечной и насильственной исламизации Золотой Орды была принята на веру в некоторых современных публикациях [см. например: 11, с. 136; 10, с. 612; 3, с. 146; 9, с. 42], ряд исследователей подверг сомнению достоверность сведений ан-Нувайри [27, р. 94–95; 28, р. 121; 2, с. 7, 191; 20, р. 71–72]. Утверждение ан-Нувайри основывалось исключительно на словах послов Узбек-хана и не обязательно соответствовало действительности. Вероятно, сообщение послов содержало намеренное преувеличение радикального характера религиозной реформы ордынского хана, которое должно было способствовать укреплению дружественных отношений с мусульманским султанатом Египта.

Знакомство с содержанием ярлыка Узбека, предоставленного францисканцам, вынуждает подвергнуть сомнению сведения мамлюкского автора. Безусловно, сам факт выдачи ярлыка не опровергает возможности радикальной исламизации Улуса Джучи: намерением Узбек-хана могло быть обычное стремление предоставить профессиональную автономию христианским общинам в городах Крыма, так же, как и в случае подтверждения административной автономии митрополита Петра в 1313 году [5, с. 113; 16, с. 144–145; 17, с. 56]. Однако отдельное позволение хана «ходить, преподавая многим христианский закон», упомянутое в ярлыке Узбек-хана, ясно противоречит идее насильственного и повсеместного насаждения ислама в Золотой Орде. Францисканцы получили разрешение беспрепятственно передвигаться по территории Улуса Джучи и проповедовать христианство [37, р. 350; 41, р. 111]; и более позднее письмо францисканцев из Крыма, отправленное на запад в 1323 году [34], указывает на то, что минориты воспользовались ханским разрешением, чтобы развернуть миссионерскую деятельность среди кочевников, добившись ощутимых результатов и не встречая никаких препятствий со стороны ордынской администрации.

В заключение приводим сам текст ярлыка по изданию Моуля вместе с его исправлениями ошибок переписчика [25, р. 65].

Латинский текст

Incipit litera inperatoris Tartarorum fratribus concessa et eorum protectiua, a tartarico in latinum verbaliter translata.

In virtute eterni dei et magne maiestatis suffragio, Nos Vsbek mandamus hec verba nostra: Istud priuilegium tenentes sacerdotes latini qui suo more se fratres minores appellant, vt videlicet animo tranquillo consistentes, deum rogando, benedictionem faciendo incedant, priuilegium quod dederat Culuk progenitor noster et successor eius, frater noster senior, inperator, nos eciam nunc dedimus secundum eundem tenorem, priuilegium scilicet quod deum suum orando xristi servi, dicti

sacerdotes latini, legem xristianam mutis² dicendo ambulent. Nullus omnino nuncius ad recensendum³ exercitum vadens, ab illis nomine exercitus abstrahat, nec voituram⁴ aut aliud eis dampnificum ab illis accipiat; vectigalium vel tributorum officiales nec tributum nec censum ab eis accipiant nec exigant, nec aliquid de rebus ipsorum contingant. Nemo eis violenciam inferat aut oppressionem, ecclesiam frangendo vel domos aut loca destruendo eorum; set faciendo ecclesiam aut campanas xristiane legis homines regant, de longe vel de prope veniencium causas nobis dicendo, nobisque recordacionem faciendo incedant; qualiter autem eis fauebimus in graciis, nos sciemus: hoc priuilegium anno pardy mense 3° 4^a die mensis apud croceam arundinem.

Русский перевод

Начинается письмо императора тартар, предоставленное братьям, и их протекция, дословно переведенная с тартарского на латинский.

Силою вечного бога и при полном одобрении великого божественного величества, мы, Узбек, вручаем эти наши слова: Обладающие этой привилегией латинские священники, которые зовут себя по собственному обыкновению меньшими братьями, дабы, именно, шествовали они с безмятежной душой, молясь богу, верша благословение; привилегию, которую предоставил Кулук, наш родоначальник, как и его преемник, наш старший брат, император, мы также теперь даем в соответствии с теми же условиями; то есть привилегию, чтобы моля бога, рабы Христа, указанные латинские священники, ходили, преподавая многим христианский закон. Дабы абсолютно никакой посланец, направляющийся для переписи армии, не увел поименно у них войска и не брал в свое распоряжение средств передвижения или что-нибудь другое, что нанесло бы им ущерб; и дабы чиновники налогов и податей не получали или требовали от них ни подати, ни сбора и не касались чего-либо из их имущества. Дабы никто им не чинил насилия или притеснения, разрушая церковь или уничтожая их дома или местопребывания; но чтобы, сооружая церковь или колокола, они управляли людьми христианского закона, и дабы выходили к нам, чтобы донести о причинах прибытия [этих людей] издалека или из близи и сделать нам же письменный отчет; каким же образом мы им будем благоволить в милостях, мы узнаем: эта привилегия [дана] в год барса, в третий месяц, в четвертый день месяца возле шафранового тростника.

---

² *multos dicendo.*

³ *recensendum.*

⁴ *vecturam.*

Примечания

Начинается письмо ... – пояснительное вступление переводчика документа или переписчика, которое не содержалось в самом ярлыке [25, р. 65, nota 2].

дословно переведенная с тартарского на латинский – ср. с текстом ярлыка Узбек-хана венецианцам Азова 1332 года (переведенного на латынь в 1333 году): «перевел от слова до слова все вышеизложенное с куманского языка на латинский» (*transtuli de uerbo ad uerbum omnia supradicta de Cumanico in Latinum*) [8, с. 102; 44, XII, р. 5–6]. Ярлык Менгу-Тимура, данный митрополиту Кириллу в 1267 году, первоначально был написан на монгольском языке уйгурским письмом [8, с. 107]. Но согласно Иштвану Вашари, начиная с 80-х годов XIII столетия, официальным бюрократическим языком Золотой Орды становится хорезмийский диалект кипчакского языка [44, XIII, р. 121; см. также: 44, XII, р. 6–7, XVI, р. 269; 8, с. 82, 107; 6, с. 86–87].

Силою вечного бога и при полном одобрении великого божественного величества – схожие invocации встречаются: в ярлыке Менгу-Тимура митрополиту Кириллу 1267 года: «Вышняго бога силою вышняя троица волею» [21, с. 845; 12, с. 467–468; 5, с. 124; 7, с. 64; 40, р. 342; 44, XII, р. 8; также смотри реконструкции оригинального текста: 7, с. 64, 73, 75, 102; 13; 21, с. 849]; в поддельном ярлыке Узбек-хана митрополиту Петру 1313 года: «Вышняго и безсмертнаго Бога силою и волею и величеством и милостию его многою» [5, с. 112]; в ярлыке Узбек-хана венецианским купцам Таны 1332 года: «Силою вечного бога и его великой доброты милосердием» [8, с. 81–82, 100–101; 44, XII, р. 8]; в ярлыках Бердибека митрополиту Алексию 1357 года и Мухаммеда Бюлека митрополиту Михаилу 1379 года: «Бессмертнаго бога силою и величеством» [5, с. 118, 126; 21, с. 845; 40, р. 346].

молясь богу, верша благословение – по мнению Михаэля Биля, данная фраза отображала требование Узбек-хана молиться за хана и его семью, чтобы достигнуть божественного благословения [25, р. 57; смотри также: 38, р. 239; 37, р. 350]. Ср. с соответствующими пожеланиями: в ярлыке Менгу-Тимура митрополиту Кириллу 1267 года: «да правым сердцем молят за нас Бога, и за наше племя, без печали, и благословляют нас», и далее «А Попове от нас пожалованы по первым грамотам, Бога молят стояще, и нас благословляюще» [5, с. 124–125; 21, с. 845; 7, с. 85–86, 90–91, 97, 102; 40, р. 345]; в поддельном ярлыке Узбек-хана митрополиту Петру 1313 года: «да правым сердцем и правою мыслию молит Бога за нас, и за наши жены, и за наши дети, и за наше племя» [5, с. 114; 30, III, р. 177]; в проезжей грамоте Тайдулы епископу Иоанну 1347 года: «занеже они молитву за нас творят к Богу» [5, с. 121; 21, с. 844]; в грамоте Тайдулы митрополиту Феогносту 1351 года: «занеже самому Богу молятся за нас

и за наше племя в род и род, и молитву воздают» [5, с. 122–123; 21, с. 845; 7, с. 85–86, 91]; в ярлыке Бердибека митрополиту Алексею 1357 года: «чтобы во упокой Бога молили, и молитву воздавали», и далее «и молитву воздает к Богу за нас и за наше племя» [5, с. 126–127; 21, с. 846; 7, с. 86, 91]; в ярлыке Мухаммеда Бюлека митрополиту Михаилу 1379 года: «И он, как сядет на своем столе молит Бога за нас и за наше племя в род и род, и молитву воздае», и далее «но за нас к Богу молитвы воздавай, дабы церковные люди во упокой за нас молилися» [5, с. 119, 121].

Кулук – в «Родословии тюрок» – Келек-хан, второе имя Мунке-Тимура [19, с. 205; смотри также: 35, р. 58–60; 36, р. 93, nota 104; 37, р. 350; 38, р. 239; 27, р. 97].

наш старший брат, император – хан Токта [37, р. 350; 27, р. 97, nota 61]. Как отмечал Поль Пеллио, Токта был дядей, а не старшим братом Узбека [35, р. 60]. Однако в ордынских ярлыках термин «старший брат» имел более общее значение, указывая на родичей по боковой линии [15, с. 96–97; см. также 7, с. 91].

абсолютно никакой посланец – на первый взгляд, здесь идет речь об «эльчи/ильчи», то есть «киличеях/проезжих послах» русских источников – официальных представителях ордынских ханов, направляемых в отдельные регионы улуса Джучи для исполнения особого и чрезвычайно важного поручения (смотри ниже) [15, с. 107–108, 116, 120; 13; 7, с. 81–82; 37, р. 350].

направляющийся для переписи армии – однако уточнение их функций указывает на то, что здесь, по-видимому, речь идет о «битикчи», то есть «писцах-численниках» русских источников, занимавшихся подворной переписью подчиненного населения [7, с. 79–80; 40, р. 343; 21, с. 848].

не уводил поименно у них войска – воинская повинность «чирик», соответствовавшая термину «война» в русских источниках [15, с. 116–117; 7, с. 89–90].

чиновники налогов и податей – вероятно, «даруги/баскаки», официальные представители хана в регионах улуса Джучи, исполнявшие различные административные обязанности, включая и фискальные функции [7, с. 75, 78]. Хотя, может быть, здесь речь идет о «ясакчи», сборщиках дани, упоминаемых в ярлыке Менгу-Тимура под именем данщиков [6, с. 88].

ни подати, ни сбора – вопрос о системе налогообложения в Золотой Орде остается предметом оживленных дискуссий. Не вызывает особенных возражений обоснованность предположения о том, что джучидская администрация делала четкое разделение между постоянными налогами и экстраординарными сборами, которые, со временем, приобрели статус постоянных [40, р. 309–311, 344, 351]. Однако остается не до конца выясненным вопрос о том, каким образом эти типы налогов соответствовали монгольскому бинониму «албан-

кубчири» и его тюркскому эквиваленту «ясак-калан», упоминаемым и в других улусах монгольской империи. Герберт Франц Шурманн предложил интерпретировать «албан/калан» как постоянный налог, соответствующий русской «дани» и противопоставленный русской «пошлине» [40, р. 338, 348–352]. Однако его несколько искусственная перестановка терминов в тюркском бинониме «ясак-калан» (на «калан-ясак») вызвала критику со стороны Джона Мэссона Смита, предложившего прямо противоположную интерпретацию [42, р. 48–49; см. также 7, с. 78, 87–88].

разрушая церковь – по-видимому, это церковь Св. Агнессы в Каффе, основанная епископом Иеронимом из Каталонии, согласно официальной документации Генуэзской республики [33, col. 406–407; 30, III, р. 40; 29, р. 547; 36, р. 157–158]; и получившая статус кафедральной в соответствии с буллой папы Иоанна XXII от 26 февраля 1318 года [22, no. 8, р. 12–13; 36, р. 157–158; 39, р. 292].

колокола – вопрос о позволении со стороны хана звонить в колокола оставался наиболее острым во взаимоотношениях христианского и мусульманского населения крымских городов. Настоящий ярлык содержит ясно выраженное разрешение звонить в колокола. Однако, вероятно, в связи жалобами мусульман, годом позже Узбек-хан запретил христианам Крыма звонить в колокола; что явствует как из содержания письма папы Иоанна XXII, адресованного Узбек-хану 28 марта 1318 года, так и из упоминания запрета доминиканцем Гийомом из Адама в его трактате, написанном в 1317 году [23, XXIV, a. 1318 ii–iii, р. 73; 26, no. 318, р. 148; 25, р. 57; 29, р. 548; 30, III, р. 44, 178–180; 45, р. 46–49; 4, с. 290; 41, р. 113–114].

каким же образом мы им будем благоволить в милостях, мы узнаем – насколько я понимаю, смысл этого выражения заключается в том, что в случае нарушения прав миноритов, они всегда могут сообщить об этом самому хану. Это выражение имеет очевидное сходство с фразой, содержащейся в ярлыке Менгу-Тимура митрополиту Кириллу 1267 года: «кто паки того у нас не ведаеть, вси ведаем» [21, с. 845; 7, с. 87; 40, р. 344]. Любопытно, что Аркадий Григорьев рассматривал эту фразу как не сообразовавшуюся «с формуляром монгольских и, в частности, золотоордынских жалованных грамот» и считал ее припиской переписчика XV века [7, с. 90]. К сожалению, Григорьев не был знаком с данным текстом ярлыка Узбек-хана, содержащим похожую фразу и не подвергавшимся переработке с первой половины XIV столетия! Ср. также с фразой из ярлыка Менгу-Тимура князю Ярославу Ярославичу, выданного между 1266 и 1271/2 годами: «А кто мне ратный, с тимь сй сам ведаю» [21, с. 852].

в год барса, в третий месяц, в четвертый день месяца – согласно расчетам издателей ярлыка – 20 марта 1314 года [25, р. 58]. Под годом барса следует понимать год тигра [41, р. 112].

возле шафранового тростника – в Сары Камыше (около современного Камышева) [21, с. 849; 25, р. 58, nota 5]. Сравни с окончанием проезжей грамоты Тайдулы епископу Иоанну 1347 года: «На Желтой Трости орда кочевала» [21, с. 844; 5, с. 122].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и восточной Европе // Исторический архив. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1940. № 3. С. 71–112.
2. Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань: Издательский дом «Астраханский Кремль», 2007. 191 с.
3. Гарустович Г.Н. Католическая миссионерская деятельность на Южном Урале в XIV веке // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 137–148.
4. Гатин М.С. Бертольд Шпулер об исламе и религиозной ситуации в Золотой Орде // Ислам и власть в Золотой Орде. Сборник статей / Миргалеев И.М., Сайфетдинова Э.Г. (ред.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 264–304.
5. Григорьев В.В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. Историко-филологическое исследование. М.: Университетская типография, 1842. 132 с.
6. Григорьев А.П. Официальный язык Золотой Орды XIII–XIV вв. // Тюркологический сборник, 1977. М.: Издательство восточной литературы, 1981. С. 81–89.
7. Григорьев А.П. Ярлык Менгу-Тимура: Реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л.: Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова, 1990. № 12. С. 53–102.
8. Григорьев А.П. Ярлык Узбека венецианским купцам Азова: Реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л.: Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова. 1990. № 13. С. 74–107.
9. Егоров В.Л. Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде // Вопросы истории. М.: Издательство Академии наук СССР, 1974, № 8. С. 36–50.
10. Измайлов И.Л., Усманов М.А. Ислам в Улусе Джучи // История татар с древнейших времен в семи томах. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Усманов М., Хакимова Р. (ред.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. С. 599–617.
11. Исхаков Д.М. Проблема «окончательной» исламизации Улуса Джучи при хане Узбеке // Ислам и власть в Золотой Орде. Сборник статей / Миргалеев И.М., Сайфетдинова Э.Г. (ред.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 129–153.
12. Памятники русского права. Выпуск 3. Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV–XV вв. / Череп-

нин В.Л. (ред.). М.: Государственное издательство юридической литературы, 1955. 527 с.

13. *Почекаев Р.Ю.* Ярлыки ханов Золотой Орды как источник права и как источник по истории права. 2004. Электронный ресурс: http://sbiblio.com/biblio/archive/pochekaev_jarliki/

14. *Почекаев Р.Ю.* Золотоордынские ярлыки русской церкви как пример правоотношений светской и духовной власти на государственном и надгосударственном уровне // Политико-правовые основы социального партнерства государства и традиционных конфессий. Материалы научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 3 июня 2004 г. СПб., 2005. С. 88–92.

15. *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. 260 с.

16. *Почекаев Р.Ю.* Поддельные акты золотоордынских правителей и их реальные прототипы // Актуальные проблемы истории и культуры татарского народа. Материалы к учебным курсам. В честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова. Казань: Министерство образования и науки Республики Татарстан, 2010. С. 142–154.

17. *Сочнев Ю.В.* К оценке достоверности сведений предисловия к ярлыку хана Узбека о конфессиональной политике ордынских властителей // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 6. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 49–60.

18. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1884. 579 с.

19. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из Персидских сочинений / Ромаскевич А.А., Волин С.Л. (ред.). М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1941. 310 с.

20. *Юрченко А.Г.* Хан Узбек: Между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб.: Издательство «Евразия», 2012. 400 с.

21. *Ярлыки татарских ханов московским митрополитам* / Черепнин Л.В., Арсланова А. (ред.) // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. С. 843–851.

22. *Acta Joannis XXII (1317–1334) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt.* Tăutu A.L. (ed.). Fontes Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis, series III, Vol. VII/2. Romae: Typis pontificae universitatis gregorianae, 1966. 302 p.

23. *Annales ecclesiastici Caesaris Baronii.* 37 Vols. Raynaldus O., Theiner A. (eds.). Barri-Ducis: L. Guerin, 1864–1883.

24. *Bendefy L.* Fr. Julianus utazásának kéziratok kútfői = Fontes authentici itinera Fr. Iuliani illustrantes // Archivum Europae centro-orientalis. Évf. 3. Budapest: Főbizományos Stemmer Ödön Könyvkereskedés és Antiquarium, 1937, p. 1–52

25. *Bihl M., Moule A.C.* Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322 // Archivum Franciscanum Historicum. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1924, no. 17, pp. 55–71.

26. *Bullarium Franciscanum Romanorum Pontificum*. Vol. V. *Benedicti XI., Clementis V., Ioannis XXII. monumenta*. Eubel K. (ed.). Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1898. 643 p.

27. *DeWeese D.A.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1994. 656 p.

28. *DeWeese D.A.* Islamization in the Mongol Empire // *The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid Age* / Di Cosmo N., Allen F.J., Golden P.B. (eds.). Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2009, p. 120–134.

29. *Fedalto G.* La chiesa latina in Oriente. Verona: Casa editrice mazziana, 1973. 526 p.

30. *Golubovich G.* Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. 5 Vols. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1906–1927.

31. *Loenertz R.J.* Les Missions dominicaines en Orient au quatorzième siècle et la Société des frères pèlerins // *Archivum fratrum praedicatorum*. Romae: Institutum Historicum Fratrum Praedicatorum Romae ad S. Sabinae, 1932, no. 2, pp. 1–83.

32. *Loenertz R.J.* La Société des Frères Pèlerins. Étude sur l'Orient Dominicain. Vol. I. Étude sur l'Orient dominicain. Roma: Istituto Storico Domenicano, 1937. 209 p.

33. *Monumenta historiae Patriae edita iussu regis Caroli Alberti*. Vol. II. *Leges*. Tom. I. Torino: Augustae Taurinorum Reg. Typograph., 1838. 1773 p.

34. *Moule A.C.* Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323 // *Archivum Franciscanum Historicum*. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1923, no. 16/1–2, pp. 104–112.

35. *Pelliot P.* Notes sur l'histoire de la Horde d'or: suivies de quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en "ar". Ouvres posthumes de Paul Pelliot publiées sous les auspices de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres et avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique, Vol. II, Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, Adrien Maisonneuve, 1949. 292 p.

36. *Richard J.* La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles). Rome: École Française de Rome, 1998. 331 p.

37. *Richard J.* Missions to the North of the Black Sea: Thirteenth and Fourteenth Centuries // *The Spiritual Expansion of Medieval Latin Christendom: The Asia Missions* / Ryan J.D. (ed.). Farnham: Ashgate Publishing, 2013, p. 343–356.

38. *Richard J.* Les missions au nord de la mer Noire (XIIIe–XVe siècles) // *Codice cumano e il suo mondo: Atti del Colloquio internazionale*, Venezia, 6–7 dicembre 2002 / Schmieder F., Schreiner P. (eds.). Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2005, pp. 231–246.

39. *Ryan J.D.* Christian Wives of Mongol Khans: Tatar Queens and Missionary Expectations in Asia // *The Spiritual Expansion of Medieval Latin Christendom: The Asia Missions* / Ryan J.D. (ed.). Farnham: Ashgate Publishing, 2013, pp. 285–296.

40. *Schurmann H.F.* Mongolian Tributary Practices of the Thirteenth Century. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Cambridge, MA: Harvard-Yenching Institute, 1956, no. 19/3–4, pp. 304–389.

41. *Sinor D.* Some Latin Sources on the Khanate of Uzbek // *Essays on Uzbek History, Culture, and Language* / Nazarov B., Sinor D., DeWeese D.A. (eds.). Bloomington, Ind.: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 1993, pp. 110–119.

42. *Smith J.M.* Mongol and Nomadic Taxation // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Cambridge, MA: Harvard-Yenching Institute, 1970, no. 30, pp. 46–85.

43. *Soranzo G.* Il Papato, l'Europa cristiana e i Tartari. Milano: "Vita e pensiero", Pubblicazioni Dell'Università Cattolica del Sacro Cuore, 1930. 624 p.

44. *Vásáry I.* Turks, Tatars and Russians in the 13th–16th centuries, Aldershot, UK; Burlington, VT: Ashgate Publishing, 2007. 364 p.

45. *William of Adam* (Guillelmus Ade). How to Defeat the Saracens = *Tractatus quomodo Sarraceni sunt expugnandi*. Constable G., Chakravarti R., Constable O.R., Kolbaba T. (eds.). Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2012. 138 p.

Сведения об авторе: Роман Хаутала – старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; исследователь на историческом отделении гуманитарного факультета Университета Оулу, PhD (история) (90014, ул. Пентти Кайтера, д. 1, Оулу, Финляндия); virisequisque@hotmail.com

---

**YARLYK OF UZBEK KHAN GRANTED TO THE FRANCISCANS
OF THE GOLDEN HORDE IN 1314: THE LATIN TEXT,
RUSSIAN TRANSLATION, AND COMMENTARY**

Roman Hautala

*(Sh.Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*

The present article contains the Latin text, Russian translation, and commentary to the yarlyk of Uzbek khan (1312/13–1341). Uzbek khan granted this yarlyk to the Franciscans of the Golden Horde 20th March, 1314. Apparently, the original text of yarlyk was written in the Khwarezmian idiom of the Kipchak language. However, the original text of yarlyk has not been preserved as well as a number of other yarlyks of the Golden Horde khans, which survived only in the late Russian translation.

Fortunately, this yarlyk was translated into Latin and, subsequently, this translation was rewritten by anonymous British copyist in the first half of the 14th century. Arthur Christopher Moule discovered this medieval copy of yarlyk along with several other Franciscan documents in one of the codices (D. Ii. 3.7.) stored in the Cambridge University Library. In 1924, Moule published the first and only edition of the yarlyk's copy together with other Franciscan sources, provided with a thorough preface of Michael Bihl.

The text of this Uzbek's yarlyk have never been translated into modern languages. For this reason, the content of yarlyk has been known only to a narrow

circle of specialists studying the Catholic missionary activity in the Mongol Empire. In turn, the scholars of the Golden Horde history, including researchers of the Jochid official documentation, have been unaware of this important legal document up to the present time.

The content of Uzbek khan's yarlyk points out that this document was based on the previous yarlyks of khan Mengu-Timur (1267–1282) and khan Tokhta (1291–1312). Thus, the content of yarlyk allows us to define the time of an emergence and future activities of the Franciscans in the territory of the Golden Horde. Furthermore, this information provide further evidence on the religious tolerance practice of the Jochid khans. In this context, the most significant is an indication of the Uzbek khan's tolerant attitude toward Christians, despite the fact of his conversion to Islam.

Keywords: Golden Horde history, sources of the ulus of Jochi, Catholic missionary activity, yarlyks of the Golden Horde khans, religious policy of Uzbek khan.

REFERENCES

1. Anninskiy S.A. Izvestiya vengerskikh missionerov XIII–XIV vv. o tatarakh i vostochnoy Evrope [Hungarian Missionary Reports of the 13th–14th centuries on the Tatars and Eastern Europe]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive]. Moscow–Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1940, no. 3, pp. 71–112.
2. Vasil'ev D.V. *Islam v Zolotoy Orde. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie* [Islam in the Golden Horde. Historical and Archaeological Research]. Astrakhan, Astrakhanskiy Kreml' Publ., 2007. 191 p.
3. Garustovich G.N. Katolicheskaya missionerskaya deyatel'nost' na Yuzhnom Urals v XIV veke [Catholic Missionary in the South Urals in the 14th century]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statey* [Golden Horde Civilization. Collected Papers]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2012, no. 5, pp. 137–148.
4. Gatin M.S. Bertol'd Shpuler ob islame i religioznoy situatsii v Zolotoy Orde [Berthold Spuler on Islam and the Religious Situation in the Golden Horde]. *Islam i vlast' v Zolotoy Orde. Sbornik statey* [Islam and the Power in the Golden Horde. Collected Papers]. Mirgaleev I.M., Sayfedinova E.G. (red.). Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2012, pp. 264–304.
5. Grigor'ev V.V. *O dostovernosti yarlykov, dannykh khanami Zolotoy Ordy russkomu dukhovenstvu. Istoriko-filologicheskoe issledovanie* [On the Reliability of Yarlyks Granted by the Golden Horde Khans to the Russian clergy. Historical and philological research]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1842, 132 p.
6. Grigor'ev A.P. Ofitsial'nyy yazyk Zolotoy Ordy XIII–XIV vv. [Official Language of the Golden Horde in the 13th–14th centuries]. *Tyurkologicheskii sbornik. 1977* [Turkological Collection. 1977]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1981, pp. 81–89.

7. Grigor'ev A.P. Yarlyk Mengu-Timura: Rekonstruktsiya sodержaniya [The Yarlyk of Mengu Timur: Reconstruction of the Content]. *Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki* [Historiography and Source Study of the History of the Asian and African Countries]. Leningrad, Leningradskiy gosudarstvennyy universitet imeni A.A. Zhdanova Publ., 1990, no. 12, pp. 53–102.

8. Grigor'ev A.P. Yarlyk Uzbeka venetsianskim kuptsam Azova: Rekonstruktsiya sodержaniya [Uzbek's Yarlyk to the Venetian Merchants of Azov: Reconstruction of the Content]. *Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki* [Historiography and Source Study of the History of the Asian and African Countries]. Leningrad, Leningradskiy gosudarstvennyy universitet imeni A.A. Zhdanova Publ., 1990, no. 13, pp. 74–107.

9. Egorov V.L. Razvitiye tsentrobeznykh ustremлений v Zolotoy Orde [The Development of Centrifugal Tendencies in the Golden Horde]. *Voprosy istorii* [Questions of the History]. Moscow, Akademii nauk SSSR Publ., 1974, no. 8, pp. 36–50.

10. Izmaylov I.L., Usmanov M.A. Islam v Uluse Dzhuchi [Islam in the Ulus of Jochi]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh*. Vol. III. *Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v.* [The History of the Tatars from the Earliest Times in Seven Volumes. Vol. III. The Ulus of Jochi (The Golden Horde). 12th – middle of the 15th centuries]. Usmanov M., Khakimova R. (red.). Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2009, pp. 599–617.

11. Iskhakov D.M. Problema “okonchatel'noy” islamizatsii Ulusa Dzhuchi pri khane Uzbeke [The Problem of the “Final” Islamization of the Ulus of Jochi under Uzbek Khan]. *Islam i vlast' v Zolotoy Orde. Sbornik statey* [Islam and the Power in the Golden Horde. Collected Papers]. Mirgaleev I.M., Sayfetdinova E.G. (red.). Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2012, pp. 129–153.

12. *Pamyatniki russkogo prava*. Vypusk 3. *Pamyatniki prava perioda obrazovaniya russkogo tsentralizovannogo gosudarstva XIV–XV vv.* [Monuments of the Russian Law. Is. 3. Judicial Monuments from the Period of the Russian Centralized State's Establishment in the 14th–15th centuries]. Cherepnin V.L. (red.). Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury Publ., 1955. 527 p.

13. Pochekaev R.Yu. *Yarlyki khanov Zolotoy Ordy kak istochnik prava i kak istochnik po istorii prava* [Yarlyks of the Golden Horde Khans as a Source of Law as well as a Source on the History of Law]. 2004. Available at: http://sbiblio.com/biblio/archive/pochekaev_jarliki/

14. Pochekaev R.Yu. Zolotoordynskie yarlyki russkoy tserkvi kak primer pravootnosheniy svetskoy i dukhovnoy vlasti na gosudarstvennom i nadgosudarstvennom urovne [The Golden Horde Yarlyks to the Russian Church as an Example of the Legal Relations between Secular and Spiritual Power at the State and supra-State Levels]. *Politiko-pravovye osnovy sotsial'nogo partnerstva gosudarstva i traditsionnykh konfessiy. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 3 iyunya 2004 g.* [Political and Legal Basis for the Social Partnership between the State and Traditional Confessions. Proceedings of the research and practical conference. St. Petersburg, 3^d June, 2004]. St. Petersburg, 2005, pp. 88–92.

15. Pochekaev R.Yu. *Pravo Zolotoy Ordy* [The Law System of the Golden Horde]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2009. 260 p.

16. Pochekaev R.Yu. Poddel'nye akty zolotoordynskikh praviteley i ikh real'nye prototipy [Counterfeit Acts of the Golden Horde Rulers and Their Real Prototypes]. *Aktual'nye problemy istorii i kul'tury tatarskogo naroda. Materialy k uchebnym kursam. V chest' yubileya akademika AN RT M.A. Usmanova* [Actual Problems of the History and Culture of the Tatar People. Materials for the training course. In honor of the anniversary of academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, M.A. Usmanov]. Kazan, Ministerstvo obrazovaniya i nauki Respubliki Tatarstan Publ., 2010, pp. 142–154.

17. Sochnev Yu.V. K otsenke dostovernosti svedeniy predisloviya k yarlyku khana Uzbeka o konfessional'noy politike ordynskikh vlastiteley [Regarding the Evaluation of Reliability of the Information on the Golden Horde Rulers' Confessional Policy containing in the Foreword to the Uzbek Khan's Yarlyk]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statey* [Golden Horde Civilization. Research Annual]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2013, no. 6, pp. 49–60.

18. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Vol. 1. Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. I: Excerpts from the Arab Writings]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1884. 579 p.

19. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Tom 2. Izvlecheniya iz Persidskikh sochineniy* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. II: Excerpts from the Persian Writings]. Romaskevich A.A., Volin S.L. (red.). Moscow-Leningrad, Akademya Nauk SSSR, 1941. 310 p.

20. Yurchenko A.G. *Khan Uzbek: Mezhdru imperiey i islamom (struktury povsednevnosti). Kniga-konspekt* [Golden Horde: Between Yasa and the Quran (the beginning of the conflict). Compendium book]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2012. 400 p.

21. Yarlyki tatarskikh khanov moskovskim mitropolitam [Yarlyks of the Tatar Khans to the Moscow Metropolitans]. Cherepnin L.V., Arslanova A. (red.). *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh. Vol. III. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v.* [The History of the Tatars from the Earliest Times in Seven Volumes. Vol. III. The Ulus of Jochi (The Golden Horde). 12th – middle of the 15th centuries]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2009, pp. 843–851.

22. *Acta Joannis XXII (1317–1334) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt.* Täutu A.L. (ed.). Fontes Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis, series III, Vol. VII/2. Romae: Typis pontificae universitatis gregorianae, 1966. 302 p.

23. *Annales ecclesiastici Caesaris Baronii.* 37 Vols. Raynaldus O., Theiner A. (eds.). Barri-Ducis: L. Guerin, 1864–1883.

24. Bendefy L. Fr. Julianus utazásának kéziratok kútfői = Fontes authentici itinera Fr. Iuliani illustrantes. *Archivum Europae centro-orientalis.* Évf. 3. Budapest: Főbizományos Stemmer Ödön Könyvkereskedés és Antiquarium, 1937, pp. 1–52.

25. Bihl M., Moule A.C. Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322. *Archivum Franciscanum Historicum*. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1924, no. 17, pp. 55–71.

26. *Bullarium Franciscanum Romanorum Pontificum*. Vol. V. *Benedicti XI., Clementis V., Ioannis XXII. monumenta*. Eubel K. (ed.). Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1898. 643 p.

27. DeWeese D.A. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1994. 656 p.

28. DeWeese D.A. Islamization in the Mongol Empire. *The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid Age*. Di Cosmo N., Allen F.J., Golden P.B. (eds.). Cambridge, UK; New York, Cambridge University Press, 2009, pp. 120–134.

29. Fedalto G. *La chiesa latina in Oriente*. Verona: Casa editrice mazziana, 1973. 526 p.

30. Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano*. 5 Vols. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1906–1927.

31. Loenertz R.J. Les Missions dominicaines en Orient au quatorzième siècle et la Société des frères pérégrinants. *Archivum fratrum praedicatorum*. Romae: Institutum Historicum Fratrum Praedicatorum Romae ad S. Sabinae, 1932, no. 2, pp. 1–83.

32. Loenertz R.J. *La Société des Frères Pérégrinants. Étude sur l'Orient Dominicain*. Vol. I. *Étude sur l'orient dominicain*. Roma, Istituto Storico Domenicano, 1937. 209 p.

33. *Monumenta historiae Patriae edita iussu regis Caroli Alberti*. Vol. II. *Leges*. Tom. I. Torino: Augustae Taurinorum Reg. Typograph., 1838. 1773 p.

34. Moule A.C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartariae Aquilonaris an. 1323. *Archivum Franciscanum Historicum*. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1923, no. 16/1–2, pp. 104–112.

35. Pelliot P. *Notes sur l'histoire de la Horde d'or: suivies de quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en "ar"*. Ouvres posthumes de Paul Pelliot publiées sous les auspices de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres et avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique, Vol. II, Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, Adrien Maisonneuve, 1949. 292 p.

36. Richard J. *La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles)*. Rome, École Française de Rome, 1998. 331 p.

37. Richard J. Missions to the North of the Black Sea: Thirteenth and Fourteenth Centuries. *The Spiritual Expansion of Medieval Latin Christendom: The Asia Missions*. Ryan J.D. (ed.). Farnham, Ashgate Publishing, 2013, pp. 343–356.

38. Richard J. Les missions au nord de la mer Noire (XIIIe–XVe siècles). *Codice cumanico e il suo mondo: Atti del Colloquio internazionale, Venezia, 6–7 dicembre 2002*. Schmieder F., Schreiner P. (eds.). Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2005, pp. 231–246.

39. Ryan J.D. Christian Wives of Mongol Khans: Tatar Queens and Missionary Expectations in Asia. *The Spiritual Expansion of Medieval Latin Christendom: The Asia Missions*. Ryan J.D. (ed.). Farnham: Ashgate Publishing, 2013, pp. 285–296.

40. Schurmann H.F. Mongolian Tributary Practices of the Thirteenth Century. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Cambridge, MA: Harvard-Yenching Institute, 1956, no. 19/3–4, pp. 304–389.

41. Sinor D. Some Latin Sources on the Khanate of Uzbek. *Essays on Uzbek History, Culture, and Language*. Nazarov B., Sinor D., DeWeese D.A. (eds.). Bloomington, Ind.: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 1993, pp. 110–119.

42. Smith J.M. Mongol and Nomadic Taxation. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Cambridge, MA: Harvard-Yenching Institute, 1970, no. 30, pp. 46–85.

43. Soranzo G. *Il Papato, l'Europa cristiana e i Tartari*. Milano: “Vita e pensiero”, Pubblicazioni Dell'Università Cattolica del Sacro Cuore, 1930. 624 p.

44. Vásáry I. *Turks, Tatars and Russians in the 13th–16th centuries*, Aldershot, UK; Burlington, VT: Ashgate Publishing, 2007. 364 p.

45. William of Adam (Guillelmus Ade). *How to Defeat the Saracens = Tractatus quomodo Sarraceni sunt expugnandi*. Constable G., Chakravarti R., Constable O.R., Kolbaba T. (eds.). Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2012. 138 p.

About the author: Roman Hautala – Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Researcher, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu, PhD (History) (90014, Pentti Kaiteran st., 1, Oulu, Finland); virisequisque@hotmail.com

УДК 72.03

**РАЗВИТИЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
КАЗАНСКОГО ХАНСТВА (2)******Х.Г. Надырова****(Казанский государственный
архитектурно-строительный университет)*

Актуальность исследования заключается в том, что градостроительная культура Казанского ханства не рассматривалась как целостное явление, переставшее существовать с включением его в состав Русского государства. С другой стороны, в этом целостном явлении наблюдались традиционные связи и преемственность с предыдущими этапами развития Волжско-Камского региона – болгарским и золотоордынским. По сути, градостроительная культура Казанского ханства явилась завершающим этапом мусульманского периода в развитии культуры региона.

Цель работы заключалась в выявлении особенностей процесса развития градостроительной культуры Казанского ханства как сложной системы, сформировавшейся на основе достижений региона в составе Золотой Орды. Автор исследования ставила следующие задачи: 1. Проследить развитие градостроительной культуры Казанского ханства на всех взаимосвязанных и взаимозависимых уровнях системы, а именно: пространственная организация территории ханства, город и его архитектура. 2. Выявить изменения, происходившие на каждом из этих уровней под действием различных факторов и условий, которые в той или иной форме отражались на системе в целом. 3. Определить особенности развития градостроительной культуры Казанского ханства в сравнении с болгарским и золотоордынским периодами.

Научная новизна заключается в том, что в исследовании градостроительной культуры Казанского ханства использована комплексная методология, объединившая классический, культурологический и синергетический подходы к объектам исследований и позволившая рассматривать ее как целостное и сложное явление в процессе развития с учетом многих факторов и условий. Впервые определены характер и особенности столичного города Казанского ханства с мусульманским населением и установлены его отличительные черты от средневековых городов других регионов мусульманского мира. Впервые Казань, как и градостроительная культура Казанского ханства в целом, исследованы в динамике развития.

Ключевые слова: история, градостроительство, архитектура, синергетика, теория сложности городов, планировка, динамика развития.

---

* Окончание. Начало см.: Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 147–171.

Развитие архитектурно-пространственной и планировочной структуры Казани

От Казани ханского периода практически не сохранились архитектурные памятники, татарские летописные и графические документы ханского периода. Средневековая Казань упоминалась в русских летописях и единичных исторических документах мусульманского Востока. Для анализа пространственно-планировочной структуры Казани привлечены сведения письменных и графических документов русского периода существования Казани второй половины XVI – начала XVIII вв.: схемы территориального роста и развития планировочной структуры Казани в течение XVI – начала XVII в. и схематические планы ханской Казани, составленные историками, местными краеведами, автором, панорамы города XVI–XVII вв. и документы более позднего времени, позволяющие, тем не менее, выявить некоторые планировочные и пространственно-композиционные характеристики города ханского периода.

Материалы археологических раскопок последнего десятилетия, многолетние историко-графические исследования историков архитектуры и перечисленные выше историографические документы позволили автору в общих чертах определить пространственно-планировочную структуру Кремля ханской Казани с большой степенью приближения. Используя программы компьютерного моделирования (CorelDraw, 3dsMax), автор разработала виртуальную модель архитектурно-пространственной и планировочной структуры города на период до захвата его в октябре 1552 г., т.е. конечного этапа мусульманского периода развития Казани.

Для восстановления картины исторического развития Казани в ханский период необходимо рассматривать ее как целостную саморазвивающуюся и открытую систему, которая иерархически организована взаимосвязанными мега-, медиа- и микро-уровнями. При этом следует учитывать синергетическое положение о том, что механическая совокупность этих уровней не равнозначна всей этой системе.

Значение мега-уровня в системе города заключалось в его столичном статусе, расположении в пространстве ханства, взаимосвязях сухопутными и водными коммуникациями со столицами соседних и дальних государств, с центрами улусов ханства, переправами через Волгу, Каму и другие крупные реки региона, роли округа и предместий в жизни города. Коммуникации мега-уровня градостроительной системы определяли размещение проездных ворот города.

Медиа-уровень городской системы составляла архитектурно-пространственная и планировочная структура со своими элементами, к которым относятся: ландшафт, коммуникационный каркас, элементы ближайшей округи (пристани на Волге и Казанке, ярмарка на Гостином острове, пригородные караван-сарай (например, Таш-аяк)

и крупные комплексы, формирующие застройку города (Кремль, Ханский гостиный двор, комплексы соборных и квартальных мечетей, княжеские дворцовые комплексы и жилые кварталы), городские кладбища.

Микро-уровень Казани включал отдельные культовые (соборные, квартальные, поминальные, общегородская мечети), мемориальные (мавзолеи), общественные (бани, торговые сооружения, административные постройки) и жилые здания (дворцы, дома различных типов), хозяйственные (амбары, клетки, навесы, погреба) и технические постройки и сооружения (колодцы, мосты, плотины, ограды и т.д.).

Все эти три уровня составляли сложную систему города. Изменения на каждом из этих уровней (в их элементах) привели к изменениям в сложной системе, но эти изменения не были связаны прямолинейно и не были предсказуемы. В соответствии с синергетической теорией и теорией сложности городов, городская самоорганизующаяся система видоизменяется (развивается) при приложении механизмов (средств) воздействия на иерархические уровни. Механизмы воздействия могли иметь различный характер. Так, на микро-уровень воздействовали этнические и социальные компоненты, региональные строительные традиции, религиозный фактор и т.д.

На медиа-уровень системы воздействовали: законы и указы, регламентирующие застройку, традиционные принципы и приемы застройки различных этно-социальных групп средневековых городов, решения власти по размещению и строительству объектов оборонительной системы, мечетей, рынков и караван-сараяв, кладбищ и т.д.; традиционные верования и религиозные воззрения; природно-климатические и ландшафтные условия; влияния заимствованных градостроительных идей и типологии культовых и общественных зданий и т.д.

К началу монгольского нашествия Казань представляла собой небольшую, порядка 7 га, укрепленную крепость. Посад первоначально располагался с северо-восточной стороны, а затем стал развиваться в южном направлении.

Во второй половине XII – первой трети XIII в., по данным археологических раскопок, на месте прежних деревянно-земляных укреплений древней Казани появились каменные стены с шириной основания 1,8–2,0 м, сложенные из необработанного известняка. В южной части оборонительной системы обнаружены остатки каменных ворот и вымощенного камнем проезда шириной около 6 м [33, с. 23]. Разрушенные во время монгольского нашествия в 1236 г., эти укрепления были восстановлены во второй половине XIV в. и продолжали функционировать в первой половине XV в.

Архитектурно-пространственную структуру Казани на медиа-уровне формировали крупные архитектурные комплексы и комму-

никационный каркас, лежавший в основе планировочной структуры города.

Крупнейшим комплексом Казани являлся Кремль, претерпевший за 100 лет существования столицы ряд реконструкций. В середине XV в. перед Тезицким рвом была установлена каменная стена на земляной вал высотой 0,5-0,7 м и шириной в основании 12 м. После установки стены вал был насыпан еще на высоту 1 м. Грунт для вала взяли из расположенного рядом Тезицкого оврага, который стал служить рвом. По северному краю вала выявлены остатки деревянных конструкций в виде клетей, подпиравших насыпь вала от расползания [33, с.27]. С этой стороны вал имел почти отвесный склон. С развитием города и увеличением его территории в южном направлении эта стена осталась внутри города для защиты цитадели Кремля. Она существовала до 1552 г. К концу XV в. были возведены новые и реконструированы прежние стены Кремля.

К середине XVI в. каменно-деревянные стены на Кремлевском холме опоясывали территорию около 22,5 га, близкую по форме к вытянутому с севера на юг неправильному четырехугольнику. На восточной стороне холма стены крепости спускались почти к подошве холма, где имела проездная Елбугина (Водяная) башня, выводившая к переправе через реку Казанка. По Писцовой книге Казани 1565–1568 гг. исследователи точно определили месторасположение и названия проездных башен ханской крепости. Характер оборонительных стен в некоторой степени может быть восстановлен по деревянным сооружениям, применявшимся русскими войсками при взятии Казани. Подобные тайные лазы, дополнительные стены использовали и защитники Казани во время осады русскими войсками.

В первые десятилетия после захвата Казани в 1552 г. часть башен Кремля продолжали использовать, на месте разрушенных были построены новые башни с воротами. По писцовым книгам известно название некоторых башен татарского Кремля. Так Никольские (Тайницкие) ворота это татарские ворота Нур-Али (Муралеевы, находились в западной части Кремля, выходили на Алатскую и Галицкую дороги ханства), Воскресенские – Елбугины (Водяные, выходили к Казанке), Преображенские (Сергиевы) – Тюменские (в юго-западном углу Кремля, в месте соединения со стеной посада), Дмитриевские – Сбойливые ворота ханского периода (находились в северо-восточном углу комплекса, в месте пересечения со стеной посада). Археологические раскопки последних лет показали, что Северная башня Казанского кремля возведена во второй половине XV – начале XVII в. на месте квадратной в плане каменной башни ханского времени, от которой сохранились на высоту 4 м и толщиной 2,5–2,8 м фундаменты из крупных известняковых блоков [8, с.25]. Восточная башня была возведена вскоре после взятия Казани. Башни татарской Казани на ее месте не найдено [8, с. 29].

Южная часть обороны ханского Кремля предположительно состояла из трех рвов и тройного ряда стен, укрепленных высокими крепостными башнями. Очевидно, Кремль русского периода почти точно повторил татарскую крепость, а его стены лишь выпрямили углы на его южной границе [35, с. 52]. Один из рвов был Тезицким. С увеличением территории Кремля в южном направлении она стала внутренней стеной оборонительной системы. Вторым был ров в 100 м севернее современной южной стены Кремля, по северной бровке которого также была оборонительная стена с башней. Эта деревянная стена по верху вала и ров в южной стороне крепости показаны на реконструкции Казанского кремля второй половины XVI в. Н.Ф. Калининым как татарские, относившиеся к внешней южной линии обороны крепости ханского периода. Однако с этим можно не согласиться. Стена служила скорее внутренней линией обороны. Доказательством этому служит нахождение Преображенских ворот Кремля южнее этой стены, то есть с внешней стороны ханской крепости, за ее пределами. Однако Писцовая книга четко указывает, что Тюменские ворота татарской крепости – это Сергиевские (позднее Преображенские) ворота русского времени. Третья, внешняя стена крепости, если идти от ханской цитадели на юг, доходила до современной Спасской башни, на месте которой, очевидно, находилась Царская (Ханская) башня, от которой на запад и восток отходили закруглявшиеся прясла стен. Современные Юго-восточная и Юго-западная наугольные башни русского Кремля находятся уже за пределами территории крепости ханского времени. Устройство дополнительной оборонительной стены с башней внутри Кремля не противоречит градостроительным традициям региона. О том, что пространство между второй и третьей (внешней с южной стороны) оборонительными системами было буферной зоной, свидетельствуют мусульманское кладбище, локализованное в ее правой части, и незначительная толщина культурного слоя.

В ханском Кремле имелась цитадель с укрепленным каменными стенами ханским двором. От остальной части Кремля цитадель отделялась Тезицким рвом и стеной, возведенной к середине XV в. С.С. Айдаров предположил, что хан Мухаммед-Эмин в свой третий период правления в 1502–1518 гг. мог воспользоваться услугами итальянских зодчих, пригласив их из Москвы для строительных работ в Кремле. Опираясь на это предположение и привлекая соответствующие архитектурные аналоги, он выполнил графическую реконструкцию крепостной стены, отделявшей по Тезицкому рву северную часть крепости [1].

В основании склона северо-восточной части Кремля, недалеко от Воскресенской (Елбугиной) башни, на его внутренней территории раскопками вскрыта улица шириной 6 м с деревянными мостовыми, имевшая направление по линии СЗ-ЮВ. На улицу выходили усадьбы

с жилыми и хозяйственными деревянными постройками. Усадьбы огораживались заборами-чостоколами. По многочисленным обрезкам кожи и остаткам кожаной обуви установлено, что это был ремесленный район кожевников.

В северо-восточной части кремлевского холма, за Губернаторским дворцом XIX в. обнаружено несколько сооружений ханского периода, среди которых выделялись остатки трех построек с фрагментами конструкций стен, полов, лестниц, печей и следами перестроек. Вероятно, в этих зданиях жили люди, обслуживавшие ханский двор. С северной стороны Благовещенского собора (1560 г.), вдоль южной ограды современного Президентского сада археологами был выявлен переулок ханского времени, ориентированный по региональному азимуту на Мекку (205–210 градусов), по сторонам которого располагались деревянные постройки [8, с.10]. Направление переулка шириной 2,0–2,5 м с деревянной мостовой, очевидно, было связано с мечетью, упоминаемой в Писцовой книге 1565–68 гг. напротив северного придела Благовещенского собора. Вблизи восточного фасада Благовещенского собора археологами выявлена еще одна улица вдоль восточной каменной стены, которая шла к Елбугиным воротам на расстоянии 20 м от бровки склона холма. По сторонам улица была плотно застроена усадьбами с деревянными домами и хозяйственными постройками. Археологами были обнаружены деревянные мостовые и в других местах крепости. Ширина улиц ханского Кремля составляла 3,5–4 м.

Территория ханского дворца была окружена кирпичной стеной. Под стену, которая шла на восток, были вбиты четыре ряда свай (130–160 см) и устроен каменный цоколь шириной более 3 м. Стена могла быть высотой 6–8 м, т.к. раскопками были обнаружены остатки контрфорса 0,8x1,5 м в плане [28, с.72]. В раскопе № 5 1995 г. к северу от Благовещенского собора обнаружены остатки древнейшей стены из крупных необработанных блоков на известковом растворе. В конце XIV в. стена была восстановлена, реставрирована и служила оборонительной стеной северо-восточной части Ханского двора. Стена сохранилась только в толще земли на высоту от 2 до 5 м. В нижней части она имеет толщину 310 см, а в верхней – 220 см [28, с. 72]. В 50 м к северо-западу от раскопа № 5 в 1997–98 гг. обнаружено продолжение этой стены.

Конструкция оборонительной стены древней Казани представляла собой две стены из известняковых блоков, пространство между которыми было забутовано известковым раствором и мелкими камнями. Под стену в землю были вбиты четыре ряда двухметровых дубовых свай. Данный прием восходит к булгаро-хазарским традициям укрепления слабых грунтов и применен в Билярской и Булгарской соборных мечетях. Этот прием укрепления слабых грунтов широко использовался в регионе и в золотоордынский период.

В цитадели на самых высоких точках кремлевского холма располагались Ханская мечеть, мавзолеи и Ханский дворец. Доминантой этого комплекса, по некоторым данным, служила дозорная башня на въезде в ханский двор с западной стороны. Очевидно, именно о ней упоминал казанский летописец в рассказе о взятии Казани русскими войсками. Она названа самой высокой дозорной башней, на которой осажденные защитники города в 1552 г. поднимали флаг как сигнал к вылазкам из Арских лесов и нападению на русское войско, окружавшее Казань, отрядов татарского князя Япанчи [18, с. 125].

С севера на юг Казанский кремль пересекала дорога, связывавшая проездные башни Ханскую и Нур-Али. Эта главная улица крепости имела белокаменное мощение. Другие улицы мостились деревом [34, с. 118]. На склоне спуска к башне Нур-Али находился дворцовый комплекс одного из крупнейших вельмож ханства Нур-Али бия. Известно, что в этот комплекс входила мечеть Нур-Али. Следовательно, эта северная часть крепости была наиболее застроенной монументальными зданиями. Южнее первой каменной оборонительной стены и Тезицкого рва остатки каменных построек археологами пока не обнаружены. Здесь выявлены мощные деревянными плахами улицы шириной 3,5–4 м, по сторонам которых располагались деревянные жилые дома и хозяйственные постройки.

Таким образом, можно констатировать, что комплекс Казанского кремля формировался с начала образования города и до приобретения им столичного статуса в середине XV в. С этого времени Кремль, как композиционный центр и ядро столичного города, постоянно видоизменялся и развивался. Этому способствовали решения ханов по укреплению его обороноспособности после очередного отражения военной осады и расширению и возведению дворцового комплекса и его построек, решения религиозной ветви власти во главе с сеидом по возведению культовых и мемориальных комплексов, в которых проявлялись градостроительные и архитектурные влияния Крыма и Османской империи.

Большое значение для выявления пространственно-планировочной структуры города имели исследования посада. Археологические исследования на территории средневекового посада Казани осуществлялись фрагментарно и не систематически из-за плотной современной застройки. Описание посада в Писцовой книге Казани 1565–68 гг. отображает его состояние через 15 лет после захвата Казани войсками Ивана Грозного [18, с. 139–152].

Русская администрация восстанавливала город в основном в прежних пределах. Незначительно расширили посад в западном и юго-западном направлениях за счет включения в состав города территории в средней части левобережья Булака, где в ханский период располагалась пригородная слобода, название которой не сохранилось. И это, скорее всего, было обусловлено стратегическими причи-

нами обороны города во враждебном окружении, а не перенаселенностью посада. Деревянные стены, жилища и мечети на посаде погибли при штурме города. Каменные здания могли быть использованы для различных нужд, в том числе и под церкви. Возможность такого использования подтверждали каменные постройки ханского Кремля, использовавшиеся в русский период как склады или церкви.

Архитектурно-пространственную структуру Казани, помимо Кремля, составляли комплексы Ханского караван-сарая, комплексы общественных бань, городских и квартальных мечетей, тюремного острога, администрации города, городских рынков, кладбищ и т.д. Все они связывались главными дорожными коммуникациями города.

Не было очевидной необходимости в изменении главных дорожных коммуникаций города, связывавших Кремль, Ханский гостиный двор и важные места города с проездыми башнями, выводившими к государственным дорогам: Ногайской, Крымской, Арской, Алатской, Галицкой и т.д. Предполагаемая площадь посада ханской Казани составляла порядка 80 га. Посад являлся важной частью, которая в первую очередь страдала во время осады города врагами или от пожаров.

Возможны два варианта существования посада в ханский период. При первом – посад Казани включал в свои стены Черноозерскую впадину и прибулачную низменность, имел двугребенчатый профиль. Протяженность его в юго-восточном направлении составляла около 800 м. Планировочная структура казанского посада имела радиально-веерную основу. С расширением территории посад развивался в южном направлении, первоначально по гребню кремлевского холма. В период Казанского ханства территория посада доходила до современной ул.Астрономической. С западной стороны посад ограничивался протокой Булак. С восточной и юго-восточной стороны посад, предположительно, включал Черноозерскую впадину с системой озер и территорию, где позднее возник Богородицкий монастырь (Старое городище).

При втором варианте развития город мог иметь несколько посадов. Один из них примыкал к крепости с юга и располагался по цепи холмов, составляющих ныне единый кремлевский холм (при претворении плана перепланировки Казани XVIII в. овраги, разделявшие холмы, были засыпаны) вдоль протоки Булак. Стены этого посада шли с западной стороны холма чуть выше ул. Баумана, с восточной стороны холма – у его основания, вдоль Черноозерской впадины, где выявлены остатки крепостных стен. С юга посад ограничивался деревянной стеной и рвом вдоль современной ул.Астрономической, где также выявлены их археологические остатки. Ров этот наполнялся водами Булака и соединялся также протокой с цепью озер Черноозерской впадины. Второй посад мог располагаться вдоль р.Казанки на так называемом Старом городище. В этом случае стены шли от

крепости по бровке высокого левого берега реки Казанки, огибали территорию посада в районе северной стороны современной площади Свободы и тянулись по другой стороне Черноозерской впадины до Кремля. Следовательно, Черноозерская впадина оставалась вне посадских стен, являясь внешней дополнительной преградой для наступающих из-за топкости болотистых берегов и системы озер, в которую входили: Банное, Черное, Белое и другие. В районе северной части Черноозерской впадины стены двух посадов могли соединяться. В противном случае – они примыкали к кремлевским стенам.

Оборонительная система Казанского посада состояла из рва и стен в виде городней – деревянных срубов, заполненных землей и камнями. Наверху стены находилась площадка для воинов. В наиболее важных и опасных для обороны местах в стенах стояли башни, часть из которых имела проездные ворота. Проездных башен было, вероятно, восемь. С востока на запад по окружности посадская стена имела следующие башни с проездными воротами: Щелские (татарское название неизвестно), Кайбатские и Арские (выходили на Арскую дорогу), Ханские (Царские) (находились на склоне холма в районе физфака КГУ), Ногайские (выходили на Ногайскую дорогу в районе улиц Баумана и Астрономической), Кураишевы, Крымские (выходили на Булак и Кураишеву слободу), Аталыковы (выходили на протоку Гнилой Булак и рынок Ташаяк). Сколько было непроездных башен – неизвестно.

В эпоху Казанского ханства стены и башни посада, по данным русских летописей, неоднократно перестраивались и обновлялись в 1505, 1530, 1546, 1551 годы. Посадский ров был выкопан с использованием существовавших оврагов и связан с протокой Булак и р.Казанкой. Анализ природно-ландшафтных условий и материалы археологических наблюдений исторической части Казани показали, что Черноозерский овраг (впадина) имел для города важное жизненное значение и входил в пространственно-планировочную структуру города. Впадина, по сути, являлась главным источником водоснабжения города. На склонах и по дну этого глубокого оврага били ключи, которые подпитывали искусственно созданные системой шлюзов озера. Каналом, проложенным по дну одного из ответвлений оврага, эта система озер была связана с кремлевским рвом и Поганым озером, находившимся у подошвы кремлевского холма с северной стороны.

По письменным источникам XVI в. известно, что Кремль ханской Казани был связан с посадом главными Ханскими воротами, располагавшимися на южной стене. Главными осями пространственно-планировочной структуры посада ханского времени являлись три главные магистрали, сходящиеся своими северными концами перед Ханской башней крепости. Объединяющим началом для них служила расположенная перед южной стеной Кремля площадь торгова, отделявшаяся от нее глубоким рвом, наполненным водами

Булака и Казанки. Центральная из трех дорог отходила от главной Ханской башни и шла по гребню кремлевского холма к одноименным Ханским посадским воротам (направление современной ул.Кремлевской).

Вторая магистраль тянулась вдоль основания западного склона кремлевского холма. Предположительно, она начиналась на северо-западе от Аталыковых посадских ворот и, проходя через Ногайские ворота посада, шла на юг в Ногайскую Орду и далее Крым. Был ли посад вдоль западного склона холма вблизи раздваивающегося устья Булака, пока окончательно не установлено. На этом месте располагался «нижний базар» и сезонная ярмарка «Таш аяк» («Каменная нога»). По преданию, название связано с каменной чашей, в которую собирался торговый налог.

Третья магистраль начиналась от Сбойливых ворот Кремля и выводила к Арским посадским воротам, уходя в Заказанье, к городу Арча. От торговой площади, где находился Ханский караван-сарай, на восток и запад по склонам холма и в основном по поперечным оврагам к магистралям спускались улицы и переулки, объединяя главные улицы посада в единую систему.

За Булаком, ближе к оз.Кабан располагалась загородная Кураишева слобода с Отучевой мечетью. На посаде располагалась жилые кварталы с преимущественно деревянной застройкой, ремесленными мастерскими, приходскими деревянными и каменными мечетями.

Принципы и приемы организации застройки городов и селений Казанского ханства

Общие принципы пространственной организации мусульманских городов, отражавших специфику жизни города в соответствии с требованиями шариата, мы можем проследить на примере столицы Казанского ханства Казани. Город имел укрепленный Кремль и окруженный деревянными стенами посад. По обще-мусульманской традиции городские кладбища должны были выноситься за пределы стен городов. Только в ханской цитадели Кремля в комплексе с Ханской мечетью существовали мавзолеи для членов ханской семьи и высшей знати [27]. Кладбище для знати рангом ниже в Кремле располагалось в его юго-восточном углу между двумя оборонительными стенами. Археологическими исследованиями выявлено, что в ханской Казани было два больших городских кладбища. Одно находилось за стенами посада в южной оконечности гряды холмов, на которых располагался Кремль и верхняя часть города. Ныне на этой территории находится комплекс Казанского университета (Университетский городок). Второе городское кладбище находилось за Булаком, в районе бывшей Сенной площади, вблизи Кураишевой слобо-

ды (квартал, ограниченный улицами Татарстан, Левобулачной, Московской и Камала).

Общественные бани, являвшиеся неперенным атрибутом исламских городов, строились из камня и кирпича вблизи источников воды – на Булаке и в обширном овраге с системой озер (на Банном озере Черноозерской впадины) и относились к типу восточной бани-хаммам. На территории Кремля ханские бани пока не обнаружены. Известны посадские бани. Тагирова (Даирова) каменная баня, использованная русскими войсками для устройства подкопа к месту взрыва стены и подземного хода к Тайничному ключу на северном склоне кремлевского холма, сохранялась до XVII в. Она располагалась на берегу Казанки. Три каменные бани стояли на Булаке, одна баня – на Поганом озере (позднее русское название) вблизи Елбугиных ворот, три бани на берегах озер Черноозерской впадины. В комплексе с баней на территории, огороженной забором, находились дом истопника, хозяйственные постройки, навесы с дровами.

В Кремле находились мечети Ханская, Нур-Али и соборная, главная мечеть Казани и ханства – Кул-Шарифа. В городе, а вернее в его предместьях, должна была располагаться открытая общегородская мечеть–мусалла, предназначенная для молитв всех горожан во время больших мусульманских праздников. Ее местонахождение пока не выявлено. Однако можно предположить, что она могла располагаться на Арском или Ханском поле¹. Из этих двух предполагаемых для размещения мечети–мусаллы мест предпочтение следует отдать Арскому полу, поскольку оно не затапливалось в половодье.

Главный рынок города размещался на площади перед Ханскими воротами (в районе Спасской башни). В его структуре или вблизи него функционировал Ханский караван-сарай. Товары к рынку и Ханскому караван-сараю подвозились от пристаней Булака, куда приплывали лодки с товарами от Волги через р.Казанку. Главная сезонная ярмарка находилась на волжском острове Гостином. Вблизи устья Булака находились нижний рынок и ярмарка Таш-аяк², функционировавшая в основном весной, когда во время разлива Волги и Казанки большие суда с товарами заходили непосредственно в протоку Булак.

В соответствии с современной концепцией исламского города, средневековое градостроительство мусульманского мира отличалось многообразием региональных проявлений. Это определялось тем, что исторические города мусульманских стран развивались под влиянием таких факторов, как климат, ландшафт, технологии строи-

¹ Арское поле – обширное открытое пространство на восток–юго-восток от средневековой Казани. Ханское поле (по русским источникам) – обширный луг от Булака до Волги протяженностью около 6–7 км.

² Таш-аяк (тат.) – каменная нога.

тельства и производства и т.д. В мусульманском мире Волго-Камье являлось самым северным по расположению регионом³, обладавшим в отличие от большинства других особыми природно-климатическими условиями (морозные и снежные зимы, сочетание степи и лесов, переходящих местами в тайгу и др.) и во многом обусловленными ими архитектурно-градостроительными традициями.

Застройка посада была организована вокруг мечетей приходами-махаллями. Традиционно жилая застройка средневековых мусульманских городов формировалась по кланово-родственному принципу, когда отдельные части или кварталы городов заселялись семьями одного рода, племенной группы. При этом надо отметить важность этого принципа, определявшего социальную иерархию внутри частей и кварталов города. Расселение в структуре города или иного поселения по кланово-родственному принципу не исключало вхождение в состав родственных групп семей неродственного населения на положении зависимой страты.

Юридические различия между мусульманами и посторонними горожанами выливались на практике в расселение иноверцев в отдельных кварталах и поселениях и законодательно закрепленный главенствующий статус мусульманского населения. Мусульмане являлись полноправными членами общества, тогда как представители других этносов и конфессий ограничивались в правах. Им предписывались особые условия размещения в городах жилых кварталов, культовых сооружений, кладбищ и правила поведения. Эта установка действовала и в городах Московского государства, где иноземное население жило в пригородных слободах, и в городах Западной Европы. Следовательно, эта установка имела универсальный характер в различных регионах христианского и мусульманского мира. В средневековых городах выделялись кварталы или районы для жителей иных этносов и конфессий со своей иерархической структурой. Часто они имели свои названия, отражавшие специфику этнической группы. Известно о существовании армянских кварталов в Биляре, Булгаре и ханской Казани. В средневековой Казани Армянская слобода располагалась южнее города за пределами стен посада в районе дореволюционной Суконной слободы. Так же, как и в Булгаре, она имела свою церковь и кладбище.

Кланово-родственный принцип расселения в Казани и других городах ханства находит косвенное подтверждение в том, что в татарских селениях XVII–XVIII вв., очевидно, и значительно раньше, сохранялись большие усадьбы, застроенные домами и хозяйственными

---

³ В источниках средневековой арабской географии по климатической шкале, разработанной на мусульманском Востоке, регион Волго-Камья отнесли к седьмому, последнему поясу, севернее которого располагались «Земля и Море Мрака».

постройками родственников нескольких поколений и не разделенные заборами. Замена в начале XVIII в. подворной подати на подушную вызвала разделение пространства больших усадеб на более мелкие при сохранении принципа родственного расселения в структуре селения. Даже в середине XIX в. особенность татарских селений и слобод городов составляла очень высокая плотность застройки их отдельных частей или концов, заселенных родственными группами семей, принадлежавших к одному роду. Часто за первым рядом усадеб располагался без разрывов второй, а иногда и третий ряд усадеб. Это объяснялось не только исчерпанием земельного лимита в пределах селения или слободы для его дальнейшего развития по ряду социально-экономических и природно-ландшафтных причин, но и традициями расселения татар родственными группами. В начале XIX века современник так объяснял эту особенность: « Часто двор татарина со всем его хозяйством не примыкает к улице, обстроен бывает со всех сторон такими же дворами других хозяев и чтоб к нему добраться, нужно пройти через несколько других дворов. Таким образом сплочены только в родстве между собой состоящие семьи, посторонние же отделяются одни от других переулками и улицами. Это происходит от того, что если, например, в каком-нибудь хозяйстве кто-нибудь женится, его не выселяют на край деревни. Напротив, у родительского двора отделяют половину, которая тогда огораживается, и нововодворенный обстраивается там отдельным домом и хозяйством» [43, с. 406–407].

Выгораживание части территории родительской усадьбы для молодой семьи – значительно позднее явление, возникшее в татарских селениях под влиянием развивавшихся капиталистических отношений. Традиционно для молодых на родительской усадьбе ставился дом, а иногда просто клеть, где жили с весны до глубокой осени. Хозяйство было общим для всей большой патриархальной семьи. Ее усадьба представляла собой комплекс в виде огороженной забором общей территории, внутри которой стояли дома отца, его братьев и женатых сыновей, а по периметру располагались отдельно стоявшие хозяйственные постройки. Такая усадьба находилась в окружении подобных усадеб, принадлежавших родственникам одного клана или рода. Татарское селение периода позднего средневековья состояло из нескольких подобных гнезд усадеб.

Этот прием расселения был характерен в период позднего средневековья для татарского, марийского, чувашского, удмуртского, мордовского населения не только на селе, но и в городе. Кланово-родственный принцип расселения был характерен и для русских средневековых городов, где вокруг боярской усадьбы селились родственники и зависимое население.

Во второй половине XVI–XVII вв. в городах и селениях бывшего Казанского ханства, куда после захвата переселялось русское население, этот принцип в полной мере не соблюдался, поскольку рассе-

ление в них осуществлялось уже по служило-слободскому принципу. При этом жителями городской слободы или селения становились переселенцы из разных мест Московского государства.

Казанское ханство было мусульманским государством. Очевидно, помимо родственного и этнически-религиозного принципа расселения жителей в структуре средневековых городов Волго-Камья, в их архитектурно-пространственной организации проявлялся свод принципов и правил, присущий городам других регионов и стран мусульманского мира и отражавший сложившийся образ жизни исламского населения региона.

В организации застройки городов мусульманского Востока существовал ряд принципов, обладавших универсальным характером и проявлявшихся в разных формах, в зависимости от региона [49].

Принцип учета природно-климатических и ландшафтных условий – общий для градостроительства любых регионов. Согласно ему в значительной степени определялся характер и план города. Он нашел свое выражение в появлении таких элементов, как двор, терраса, узкие улицы и сады, которые были разработаны для борьбы с жаркой погодой, доминирующей в большинстве регионов мусульманского мира. В Волго-Камье этот принцип особенно ярко определял различие городов Казанского ханства и стран мусульманского Востока. При этом, благодаря расположению Казанского ханства в Восточной Европе в одном климатическом поясе и идентичных ландшафтных условиях с Московским государством, их города обладали большой общностью во многих сферах градостроительства. Особенно это сказывалось на общности планировочных структур городов, строительных материалов оборонительных сооружений и монументальных зданий, типологии, материале и конструкциях массового жилища и т.д.

Принцип учета религиозных верований и культурных традиций. Верования и практика определили центром религиозной и культурной жизни для всех групп мусульманского населения соборную мечеть, которая заняла центральное место в пространственной и социальной иерархии города, и городские и приходские мечети. Религиозные убеждения населения обусловили разделение общественной и частной жизни, что регулировалось различными пространственными уровнями общественных зон и жилых районов города. Планировочная структура города состояла из узких улиц и пространств мечетей, рынков, общественных бань, разделявших частную и общественную сферы городской жизни. Следовательно, экономическая деятельность горожан, участие их в общественной жизни города были отделены от жилья и сосредоточены в общественных местах и на основных улицах. В данном случае речь идет о городских рынках, где ремесленные мастерские и торговля часто были совмещены. Имелись также лавки и мастерские при жилье. Однако в этом случае они об-

служивали население ближайших улиц и соответствовали не общегородскому, а квартальному уровню городской организации.

В зарубежной историографии исламский город также рассматривается в виде иерархической структуре пространства города, основанного на первичной единице – доме с внутренним двором. Структура города имела сложившиеся иерархические уровни, создававшиеся в процессе постепенного скопления застройки, предварительно размещенной на территории, а не ее подразделения. Улицы городов не были спланированы, а появились из оставшихся свободными мест после строительства зданий. Дома формировали группы вокруг узких, полуобщественных переулков. В итоге, группы групп сформировали соседства (кластеры), группы соседств образовывали кварталы, группы кварталов формировали городскую застройку. Этот процесс скопления застройки сделал этнические кварталы или соседства основой «свободной» концентрации родственного населения, в отличие от социально-экономического разделения городского населения на Западе [44, с. 23]. Кварталы городов исламского Востока, по сути, были аналогичны племенным деревням под патронажем местной элиты [46; 47]. Этот принцип также хорошо прослеживается в формах организации татарских селений позднефеодального периода и, вероятно, действовал в ханский период. Уличной сетью формировались связи от запретного пространства внутри дома до мира за городскими стенами. Чужаку улицы и переулки города с мусульманским населением представлялись лабиринтом коридоров с глухими стенами. Однако в действительности они являлись закодированной и сложно-визуальной системой порогов, переходных зон и буферных мест, которые действовали все вместе как фильтры, чтобы сдерживать чужаков от проникновения вглубь. Порогами обычно служили арки, низкие каменные ограды, груды кирпичей или внезапное сужение переулка [46].

Требования шариата определяли физические и социальные отношения между государственными и частными сферами, а также между соседями и социальными группами. Одним из основных требований шариата была сегрегация полов и соответствующее ей разделение рабочей силы. На всех уровнях города проявлялись изоляция жизни семьи и женщин от посторонних, приоритет родственных связей, отделение частной жизни от общественной, преобладание занятости мужчин в общественной сфере или вне дома.

Приоритет частной жизни был возведен в закон, который защищал право собственности, устанавливал высоту домов и другие правила, определявшие форму и образ исламского города. Этот принцип был важнейшим в организации городов мусульманского Востока. Он определял приемы организации жилой застройки на основе соблюдения закрытости и сохранения родственного сообщества, которые проявлялись на всех уровнях города. Высота зданий, например, была ограничена так, чтобы никто не мог видеть через забор двор и крышу

(если она использовалась) дома соседа. Не позволялось располагать двери и окна противоположных и соседних домов на улице непосредственно друг против друга. Коридоры, которые вели от передней двери до внутреннего двора, располагали так, чтобы, даже если кто-то сумел проникнуть взглядом за дверь, то там он видел препятствие, например, в виде решетчатой стены. Высоко расположенные маленькие окна с решетками разрешали смотреть на улицу. При этом зритель оставался невидимым с внешней стороны [48, с. 5].

Эти приемы, с большой долей вероятности, использовались и в средневековых городах Казанского ханства. Соблюдение принципа закрытости семейной жизни, обусловленного требованиями шариата, в нашем регионе могло достигаться другими приемами. Усадебная организация жилой застройки городов и селений, по сути, идентична организации дома с внутренним двором, характерного для стран мусульманского Востока. Только этот двор из-за суровых природно-климатических условий региона включает дом и другие постройки, но изолирован от внешней среды глухим забором. Жилые комнаты дома средиземноморского типа, окружавшие двор, в наших условиях превратились в отдельно стоящие постройки. Такие усадьбы образовывали родственные кластеры, связанные крупными городскими коммуникациями, но сами пронизанные сетью извилистых улиц, переулков и тупиков, образованных оградами усадеб и стенами построек, обращенными дверями и окнами во двор. Дома, как правило, находились в глубине двора.

Существование принципов и приемов организации застройки городов и селений региона, обусловленных шариатом, по этнографическим данным отмечалось в татарских слободах и селениях еще в конце XIX в. Так, ни одно окно дома, стоящего на границе с соседней усадьбой, не должно было выходить в ее сторону. Двор огораживался плотным высоким забором, чтобы посторонние не могли видеть находящихся в нем женщин и частную жизнь семьи. В XIX веке в ответ на требования властей ставить дома по красной линии улицы, дома татар стали ориентироваться фасадом на улицу, но оставались за забором и отделялись палисадником. Появление окон на фасадах, ориентированных в сторону улиц, повлекло установку перед ними в оградах резных решеток. Такой же решеткой прикрывали окно на фронтоне дома и мезонина. При этом длительное время наблюдалась практика удаления дома в глубину участка усадьбы, подальше от улицы. Вход в татарский дом всегда располагался со двора на его боковом фасаде.

По этнографическим данным известно, что в застройке татарских слобод Казани, других городов и селений до конца XIX – начала XX в. татарское население четко обозначало концы или кварталы, издавна населенные родственными семьями определенных родов (нэсель, буын) или ведущих происхождение от одного предка. В татарских селениях, не подвергавшихся перепланировке, население указывало

автору на существование таких концов еще в 1970–80-е годы. Концы и кварталы родственного населения прослеживаются на планировочных съемках татарских селений середины XIX века. На первый взгляд, беспорядочная, с кривыми улицами и обилием поворотов, переулков, тупиков планировочная структура татарских селений на самом деле обуславливалась принципом родственного расселения. Некоторые авторы называли ее гнездовой, поскольку вокруг тупиковых ответвлений от улиц группировались гнезда усадеб родственников.

Вероятно, немаловажное значение в формировании такой структуры имел факт децентрализованного использования земли, правительственный учет и регулирование по месту *post factum*, характерный для многих средневековых мусульманских государств [49]. Эта установка могла выполняться при наличии свободных территорий в городах или в пределах территорий, отведенных для клана, племени или рода.

В каждом регионе эти принципы и приемы находили свое претворение в определенных архитектурных и градостроительных формах. Застройка татарских городов и селений, очевидно, формировалась кварталами, население которых объединялось по этническому, родственно-племенному или религиозному признаку. Эти кварталы могли обладать чертами кластеров городов Ближнего Востока и Северной Африки, когда изолированные от внешней среды дома с внутренним двором связывались с городскими улицами через тупиковые переулки получастного характера. Формирование таких кластеров в мусульманских городах Востока напоминает процесс сложения гнезд усадеб в татарских селениях [50, рис. 123]. Многовековое расположение домов и хозяйственных построек внутри усадебных дворов, или отсутствие окон и дверей на уличных фасадах домов и других построек при их расположении на границах усадьбы свидетельствует, что древний принцип закрытости жилищ был закреплен требованиями шариата в городах и селениях татар в Новое время.

Следовательно, специфику городам и поселениям Казанского ханства с мусульманским населением придавали приемы организации застройки и жизни в городе при соблюдении указанных принципов. Принадлежность их к городам мусульманского мира определялась культово-мемориальными и общественными зданиями (мечети, минареты, бани-хаммам, караван-сарай и т.д.). Города и селения Казанского ханства имели общие черты с городами мусульманского мира в принципах их организации преимущественно по образно-типологическим характеристикам монументальных зданий и приемам организации жилой застройки, обусловленными требованиями шариата.

Таким образом, развитие архитектурно-пространственной и планировочной структуры Казани была обусловлена разноплановыми средствами (условиями, механизмами), которые воздействовали на медиа-уровень городской системы. Среди них следует различать

постоянно действующие, такие, как ландшафтно-природные условия, так и эпизодические, случайные, временные, как правило, непредсказуемые. Это смена ханов и их администрации в государстве и столице, их планы по развитию города и его застройке, разрушение оборонительных стен и части города во время нападений русских войск, внезапных пожаров и многое другое, что практически не учитывалось при изучении градостроительного развития Казани. Анализ архитектурно-пространственной и планировочной структуры Казани с учетом различных средств воздействия на ее развитие показал, что она несколько раз на протяжении ста лет проходила повторяющиеся этапы становления, развития, хаоса, частичного разрушения.

Микро-уровень градостроительной культуры: архитектура городов и селений Казанского ханства

Микро-уровень городской системы Казани составляли здания и сооружения различного назначения.

Оборонительные сооружения использовали для защиты городов. Для устройства крепостей в городах Казанского ханства применяли традиционные для региона бревенчатые стены типа городней и тарасов. На углах и длинных пряслах устраивали глухие четырехгранные или восьмигранные башни под шатровыми крышами. Для въезда в город имелись проездные башни с воротами в нижнем ярусе [11; 12]. Стены с башнями устанавливали на земляных валах, часто укрепленных в толще бревенчатыми срубами. С наружной стороны стен устраивали глубокий ров, заполнявшийся водой или грязью для затруднения его преодоления.

Оборонительные стены и башни из камня возводились в Казанском кремле. Возможно, часть стен имела бревенчатый верх и шатровое завершение. В зависимости от степени оборонительного назначения стены могли иметь разную толщину и высоту. Так, стены Кремля были значительно толще двухметровых стен ханского двора. Стены Ханского караван-сарая могли иметь такие же стены или чуть тоньше. Основным типом стен городских комплексов был тын из вертикально вбитых в землю бревен или горизонтально уложенных бревен, вставленных концами в пазы вертикальных столбов. Особенность застройки городов Казанского ханства, как и Московского государства, составляли комплексы, огражденные по периметру стенами. Внутри этих комплексов разделение пространства могло осуществляться деревянными заборами и плетнями.

Жилища. Ханский дворцовый комплекс располагался в Кремле и представлял собой укрепленную цитадель в виде обширного двора, опоясанного белокаменной стеной. Въезд в него был оформлен высокой проездной башней. В центре комплекса построили белокаменный ханский дворец габаритами 18x24 м и стенами толщиной до 2 м. Обь-

ем дворца внутренними толстыми стенами разделен на шесть неравных помещений. В восточной части на втором этаже, очевидно, находился парадный зал. После разгрома Казани в 1552 г. здание дворца продолжали использовать для различных нужд до конца XVIII в. и разобрали в 1807 г. при строительстве губернаторского дома.

В ханский период в регионе массовое жилище рядового населения продолжали возводить из дерева. Жилые дома и хозяйственные постройки группировались на участке усадебного комплекса без видимого порядка, хотя внутренняя логика в этом непременно существовала. Наземные жилища были одно-, двух-, трехкамерные. Справа или слева от двери находилась глинобитная печь на срубке, напротив – лежанки-нары, сбитые из досок. В двухкамерном жилище к избе пристраивались дощатые сени или это был пятистенник. Трехкамерное жилище состояло из двух изб, соединенных по оси дощатыми или бревенчатыми сенями. Рядовое жилище, как в городах, так и в сельских поселениях было однотипным. Региональные типы жилищ сельского и городского населения существовали и в золотоордынский, и в болгарский период. Юрты и шатры продолжали использовать в летнее время в качестве сезонного жилья или для кратковременного отдыха во время празднеств на Ханском лугу или выездов на природу.

И. Лепехин, участвовавший в экспедициях, организованных Академией наук с целью изучения юго-восточных окраин Российской империи, оставил описание жилищ татар, русских, мордвы из селений по реке Черемшан в Закамье. Он отметил наличие нар вдоль передней стены в татарских избах, своеобразную конструкцию печи с вмазанным котлом, отапливаемую по-белому, и «красные», т.е. не волоковые окна [26, с. 138–139]. Нары-суфы были характерны для золотоордынских жилищ. Однако, нары жилищ Казанского ханства восходят к традиционному болгарскому жилищу, обогревавшемуся массивными печами, и не имели канов в своей толще, как золотоордынские суфы.

Культовые и мемориальные здания. На территории Волго-Камья не сохранилось ни одной постройки ханского периода. До середины 1970-х гг. существовали только мифы и легенды о местонахождении монументальных сооружений ханской Казани, которые упоминались в русских исторических источниках. В 1970-х гг. начались планомерные раскопки на территории Казанского кремля, в результате которых были обнаружены остатки ханских мавзолеев. Это, вероятно, были одинарные, центричной композиции, башенные мавзолеи с купольным завершением, а также двухкамерные мавзолеи со сводчатым покрытием. Наряду с каменными мавзолеями, очевидно, были распространены срубно-деревянные, квадратные или шести-, восьмигранные в плане мавзолеи с шатровым завершением.

В период подготовки к празднованию тысячелетия Казани, с начала 2000-х гг. раскопки проводились на участках Кремля, ранее не

подвергавшихся раскопкам. Были обнаружены фундаменты культовых зданий, упоминавшихся в летописях и писцовых книгах Казани второй половины XVI – начала XVII в.

Среди них выявлены остатки каменных мечетей Ханской, Нур-Али и Кул-Шарифа.

Опираясь на данные археологических раскопок, можно представить последовательность возведения культовых монументальных построек в Кремле ханской Казани. Одной из первых монументальных построек в ханской цитадели Казанского кремля в середине XV в. в правление Махмуд-хана была построена Ханская мечеть [34, с. 175]. Она представляла собой квадратную в плане белокаменную постройку 14x14 м, ориентированную продольной осью в юго-западном направлении на Мекку. В первой половине XVI в. за счет пристроенного к первоначальному белокаменному нового кирпичного объема (9x9 м) Ханская мечеть была расширена. Он был пристроен по продольной оси. Общая длина сооружения составила 23 м. Возможно, к кирпично-каменному зданию примыкали деревянные пристройки и наружные лестницы.

До конца XX в. считалось, что к этому же периоду относится построенный севернее Ханской мечети первый каменный ханский мавзолей, где в конце 1460-х гг. был погребен Махмуд-хан, а в начале XVI в. рядом был построен второй ханский мавзолей. Однако раскопками 2004 г. установлено, что остатки двух мавзолеев, на самом деле, являлись одним белокаменным зданием с габаритами 6x18 м. Многокамерные мавзолеи были широко распространены, наряду с однокамерными мавзолеями, в городах Золотой Орды. Вероятно, вторая часть была пристроена к первоначальному объему мавзолея в начале XVI в. и в ней был погребен в 1518 г. хан Мухаммед-Эмин. Продольные стены Ханской мечети и мавзолеев параллельны. Такое расположение мавзолеев свидетельствует о том, что их внутренние помещения могли использоваться для поминальных молитв.

Остатки сложного в плане здания с развитым составом помещений, предположительно, мечети Кул-Шарифа выявлены на территории Архиерейского двора русского времени [34, с. 120, рис. 184]. Мечеть Кул-Шарифа являлась одновременно и медресе. Она была построена на рубеже XV–XVI вв. южнее ханского двора в цитадели, вблизи северного склона Тезицкого рва и имела, по татарским преданиям, восемь минаретов [34, с. 120, рис. 184]. С юга комплекс мечети Кул-Шарифа был огражден белокаменной стеной цитадели с проездной башней и мостом через Тезицкий ров. Поскольку остатки всех мечетей выявлены на уровне фундаментов, то трудно судить об их внутренней планировке. Имели ли они, как в Биляре и Булгаре многоколонные залы, утверждать затруднительно. Возможно, они имели купольную систему перекрытий без колонн по аналогии с культовой

архитектурой Османской Турции, с которой ханство поддерживало тесные связи через Крымское ханство [38, с. 68–75; 39].

Архитектура дворцовых сооружений ханской цитадели, вероятно, отражала региональные и золотоордынские традиции и, предположительно, влияния османской архитектуры того времени [37, с. 305–309].

О характере мечетей посада практически ничего не известно. Однако приходские деревянные мечети могли быть близки традиционным срубным мечетям более позднего времени.

Общественные здания. Торгово-гостиничными комплексами являлись караван-сарай, появившиеся в регионе с X века. В Казани наиболее известными из них были Ханский караван-сарай и ярмарочный комплекс Таш-аяк. Детально об их архитектуре мы судить не можем ввиду отсутствия достоверных материалов. Однако в соответствии с восточной и золотоордынской традицией они могли представлять собой замкнутый прямоугольный или квадратный двор, по периметру которого располагались одно- или двухэтажные жилые, складские и торговые лавки, ориентированные входами во двор и образывавшие глухие наружные стены комплекса. Во дворе выкапывали колодец и устанавливали навесы. Вход в комплекс мог быть с одной или двух противоположных сторон. Караван-сарай Казани, очевидно, возводились из срубно-деревянных конструкций.

По региональной традиции в Казани продолжали возводить кирпично-каменные бани-хаммам, широко распространенные в городах Болгарии и Болгарского улуса Золотой Орды. Они имели зально-ячеистую структуру помещений, перекрывавшихся сводами и куполами. В торце здания устанавливали котел с печью, от которой горячий дым, проходя по подпольным каналам, отапливал помещения бани.

Административные учреждения в виде приказов различного назначения для управления городом и ханством могли иметь вид огороженных дворов с отдельными постройками и локализоваться в Кремле или вблизи него.

Заключение

Градостроительная культура Казанского ханства обладала достаточно высоким уровнем развития и восходила к золотоордынским традициям. Система расселения хотя и трансформировалась в новых условиях, однако традиционно включала и развивала бывшие территории Болгарии и Болгарского улуса Золотой Орды. Сохранялась восточно-мусульманская типология общественных и культовых зданий в городах Казанского ханства (мечети, медресе, мавзолеи, караван-сарай, бани-хаммам). Однако в градостроительной культуре Волго-Камья в рамках Казанского ханства в сравнении с золотоордынским периодом происходят заметные преобразования. Исчезают

открытые линейно-протяженные города, характерные для золотоордынского периода. В Казанском ханстве возрождается в новом качестве тип закрытого города с мысовым расположением в ландшафте и секторной пространственно-планировочной структурой, деревянно-земляными оборонительными сооружениями. В силуэтах городов, очевидно, начинают преобладать купольные здания мечетей, контрастно дополненные высокими минаретами. Застройка городов формируется традиционными для региона типами усадеб и жилых домов в деревянных конструкциях.

В процессе существования многоуровневой системы градостроительной культуры Казанского ханства можно выделить следующие стадии развития:

– Становление системы после распада Золотой Орды и образования ханства;

– Развитие системы в состоянии неустойчивого равновесия, когда проходит несущественная реконструкция элементов системы;

– Начало деградации системы с последующей потерей неустойчивого равновесия, при которой протекает качественная трансформация системы вплоть до ее уничтожения с сохранением на этой фазе некоторых элементов структурных частей, как потенциала к возрождению;

– Создание более сложной системы с возникновением новых связей и реализацией потенциала архитектурно-градостроительной культуры на более высоком уровне и далее продолжение развития.

Наравне с доминирующими типами структур, входившими в подсистемы, в новом периоде могли существовать и типы, перешедшие из предыдущих периодов. В итоге происходило постепенное накопление различных типов структур на каждом уровне. Следует отметить, что в конце каждого периода наступал кризис и переломный момент в системе, обусловленный общественно-историческими причинами, выход из которого означал переход к следующему периоду развития системы.

Все перечисленные стадии показывают качественное изменение системы за время ее существования, смена этих стадий зависит от тех средств (механизмов) воздействия, для которых открыта конкретная структура архитектурно-градостроительной системы.

Применение в исследовании синергетического подхода впервые позволило проследить особенности развития градостроительной культуры Казанского ханства. Многообразие средств (механизмов) воздействия на нее как на систему определило неравномерность ее развития. На примере Казани показано, что градостроительная культура развивалась непрямолинейно и поступательно, а скачкообразно, поскольку при воздействии таких факторов, как разрушительные пожары, военные осады и попытки захватить город противником значительно понижались качественные характеристики архитектурно-градострои-

тельной системы города. Это так называемые периоды хаоса, в которых низшие точки в тоже время определяли начальные уровни очередного этапа развития города. С этих точек были возможны различные направления (аттракты) дальнейшего развития города. При этом существование и применение конкретных средств воздействия определяло очередной этап развития градостроительной культуры. Несмотря на то, что градостроительная культура Казанского ханства существовала чуть более ста лет, в ее эволюции наблюдалось несколько периодов скачкообразных подъемов, спадов и хаосов. Однако хаос, постигший Казанское ханство и его градостроительную культуру в 1552 г., оказался катастрофическим, из которого оно не смогло выйти. В случае гипотетической альтернативной истории, одним из возможных аттрактов было бы продолжение развития градостроительной культуры региона в русле стран мусульманского мира с сохранением регионально-национальных традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айдаров С.С.* Монументальные каменные сооружения и комплексы Волжской Булгарии и Казанского ханства (опыт реконструкции и генетико-стилистические особенности). Автореферат дис. ... доктора архитектуры. М., 1990. 51 с.
2. *Айдарова-Волкова Г.Н.* Морфология архитектурного пространства Казани и культурологические аспекты реконструкции. Панорама-форум. 1996, № 4. С. 69–74.
3. *Айдарова Г.Н.* Взаимодействие культур в архитектурно-градостроительном развитии Среднего Поволжья середины XVI – начала XX вв. Автореферат дисс. ... доктора архитектуры. М.: Изд-во НИИТАГ, 1997. 45 с.
4. *Айдарова-Волкова Г.Н.* Архитектурная культура Среднего Поволжья XVI–XIX веков: модель развития, структура типов, влияния. Казань: КГАСА, 1997. 196 с.
5. *Айдарова-Волкова Г.Н.* В поиске материальных следов архитектуры ханской Казани // Эхо веков – Гасырлар авазы. 1999. № 3/4. С. 180–186.
6. *Айдарова-Волкова Г.Н.* Архитектурно-градостроительное развитие Казани X–XVI веков: Эволюция, традиции, влияния: Учебное пособие. Казань: КГАСУ, 2012. 150 с.
7. *Аминова Г.* Территория Казанского ханства на русских и европейских картах XV–XVII веков // Эхо веков – Гасырлар авазы. 1999. № 1/2. С. 75–86.
8. Археологические открытия в Татарстане. 2000 г. Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. 91с.
9. *Бородкин Л.И.* Порядок из хаоса. Концепции синергетики в методологии исторических исследований. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/Labs/HisLab/html/chaos.htm>.
10. *Бурханов А.А.* Памятники Иске-Казанского комплекса (к проблеме изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия и роли географического положения и природно-экологических особенностей

в заповедных зонах) // Материалы и исследования по археологии Золотой Орды и Казанского ханства. Вып. 2. Казань, 2002. 30 с.

11. *Валеев Ф.Х.* К истории архитектуры казанских татар XV–XVI веков // Вопросы истории, филологии и педагогики. Вып. 2. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1967. С. 94–104.

12. *Валеев Ф.Х.* Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1975. 211 с.

13. *Витюк Е.Ю.* Синергетический подход к градостроительству // Архитектон: известия вузов. 2007, № 19. Режим доступа: http://archvuz.ru/2007_3/6.

14. *Витюк Е.Ю.* Синергетическое моделирование структуры города // Архитектон: известия вузов. 2010, № 32. Режим доступа: http://archvuz.ru/2010_4/1.

15. *Галлямов Р.* Административные даруги Казанского ханства: опыт // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань: Фэн, 2002. С. 270–275.

16. *Гольдзамт Э.А., Швидковский, О.А.* Градостроительная культура европейских социалистических стран. М.: Стройиздат, 1985. 479 с.

17. *Гумаюнов С.В., Евстратов И.В.* Шонгат – неизвестный монетный двор Золотой Орды. Режим доступа: <http://info.charm.ru/library/Shongat.shtml>.

18. Древняя Казань глазами современников и историков / Составители и авторы комментариев Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдилов. Казань: Фест, 1996. 444 с.

19. Древние Чаллы. Казань: Мастер Лайн, 2000. 319 с.

20. *Егеров В.В.* Возникновение и развитие планировки г. Казани // Научные труды КИИСНП (КИИКС). Вып. 4. Казань, 1956. С. 35–46.

21. Из глубины столетий. Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. 271 с.

22. Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань: Фэн, 2002. 320 с.

23. *Калинин Н.Ф.* Казань 18 века (По неизданным картографическим и иконографическим материалам) // ИОАИЭ. Т. XXXIV (XXXIII). Вып. 3–4. Казань, 1929. С. 119–130.

24. *Калинин Н.Ф.* Казань. Исторический очерк. Казань, 1955. 414 с.

25. *Исхаков Д.М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Научно-методическое пособие. Казань, 2004. 132 с.

26. *Лепехин И.* Дневные записки путешествия ... по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг. СПб., 1771. С. 138–139.

27. Мавзолеи Казанского Кремля (Опыт историко-антропологического анализа). Казань, 1997. 158 с.

28. *Мухамадиев А.Г.* Раскопки в Казанском Кремле // Поволжье в средние века. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931–2000). Н. Новгород, 2001. С. 71–75.

29. *Надырова Х.Г.* Булгаро-татарский контекст пространственно-градостроительной структуры Казани // Искусство и этнос: новые парадигмы. Казань: Дом печати, 2002. С. 39–57.

30. *Надырова Х.Г.* Особенности архитектурно-пространственной организации селений поволжских татар конца XVIII – начала XX веков (на при-

мере селений северо-западной зоны Татарии). Дисс. ... канд. архитектуры. М., 1990. Т. 1. 178 с. Т. II. 47 таблиц.

31. Татары Среднего Поволжья и Приуралья / Отв. ред. Н.И. Воробьев, Г.М. Хисамутдинов. М.: Наука, 1967. С. 205.

32. *Саначин С.П.* Иконография и планы Казанского Кремля о возрасте Сююмбекиной башни // Казань. 2002. № 9. С. 37–47.

33. *Ситдиков А.Г.* Оборонительные укрепления древней Казани // Средневековая Казань: Возникновение и развитие. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 22–40.

34. *Ситдиков А.Г.* Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань, 2006. 188 с.

35. *Халитов Н.Х. (Нияз Халит)* «Тверд паче меры...» Черты древней цитадели. №№5–6. Казань, 1999. С. 52–53.

36. *Халитов Н.Х. (Нияз Халит)* Очерки по архитектуре ханской Казани. Гипотезы. Факты. Размышления. Казань, 1999. 232 с.

37. *Халитов Н.Х. (Нияз Халит)* Татарские дворцовые комплексы XV–XVI вв.: некоторые закономерности архитектуры // Истоки и эволюция художественной культуры тюркских народов: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения педагога-просветителя, художника Ш.А. Тагирова (Казань, 17–18 апреля 2008 г.). Казань, 2009. 392 с.

38. *Халитов Н.Х.* К реконструкции средневековой мечети-медресе Кул-Шарифа в Казанском Кремле // Известия КГАСУ, 2011. № 4 (18). С. 68–75.

39. *Халитов Н.Х.* Мечети средневековой Казани. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 183 с.

40. *Хузин Ф.Ш.* Древняя Казань в X – начале XIII в. (по материалам археологических исследований 1994–1998 гг.) // Археологическое изучение болгарских городов. Казань, 1999. С. 5–31.

41. *Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г.* Древняя Казань. Казань: Изд-во КГУ, 2005. 152 с.

42. *Чернышев Е.И.* Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 272–292.

43. Этнографическое описание Казанской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. СПб.: Типография МВД, 1841, Ч. XXXIV, № 3. С. 350–410.

44. *Abu-Lughod J.* The Islamic City: Historic Myth, Islamic Essence, and Contemporary Relevance // Urban Development in the Muslim World. Ed. Hooshang Amirahmadi and Salah S. El-Shakhs, 1993, pp. 11–36.

45. *Alexander Christopher.* New concepts in complexity theory arising from studies in the field of architecture. May. 2003 <http://www.katarxis3.com/SCIENTIFIC%20INTRODUCTION.pdf>.

46. *Bianca Stefano.* The Deep Structure of the Traditional Urban Fabric. // Urban Form in the Arab World – Past and Present. London: Thames & Hudson, 2000, pp. 137–157.

47. *Daunton M.* The Social Meaning of Space: The City in the West and Islam. In Proceedings of the International Conference on Urbanism and Islam. (ICUIT). October 22–28, 1989. Ed. Yukawa Takeshi. Tokyo: Research Project

«Urbanism in Islam, A comparative Study» and the Middle Eastern Culture Center of Japan, pp. 37–38.

48. *Dion Good*. The Middle Eastern Islamic City: Type and Morphology.

49. *Rabah Saoud*. Introduction to the Islamic City. Режим доступа: <http://www.muslimheritage.com/uploads/Islamic%20City.pdf>. Publication ID: 4012, FSTC Limited 2002, 2003.

50. *Petruccioli Attilio*. After amnesia. Learning from the Islamic mediterranean urban fabric. ICAR: Architecture, 2007. 238 p.

51. *Portugali Juval*. Self-Organization and the City. Berlin: Springer-Verlag, 2000. Режим доступа: <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/5/2/reviews/turner.html>.

52. *Portugali Juval*. Complexity Theories of Cities: Achievements, criticism and potentials. Режим доступа: http://www.bk.tudelft.nl/fileadmin/Faculteit/BK/Over_de_faculteit/Afdelingen/Urbanism/Onderzoek/Ulab/Conferences/Conferenc_e_Complexity_Theories/papers/doc/Portugali.pdf

Сведения об авторе: Ханифа Габидуллоевна Надырова – декан факультета общей архитектурно-художественной подготовки, зав. кафедрой архитектурной композиции, Казанский государственный архитектурно-строительный университет (КГАСУ), кандидат архитектуры, доцент (420043, ул. Зеленая 1, Казань, Российская Федерация); nadyrova-kh@yandex.ru

---

DEVELOPMENT OF URBAN PLANNING CULTURE IN THE KAZAN KHANATE (2)*

Kh.G. Nadyrova

(Kazan State University of Architecture and Engineering)

Relevance of this research lies in the fact that the urban culture of the Khanate of Kazan was not seen as a holistic phenomenon, which ceased to exist, according to the previous research, with its inclusion in the Russian State. On the other hand, researchers have identified in this holistic phenomenon traditional links and continuity with early stages of the Volga-Kama region development, i.e., with the Bulgarian and Golden Horde periods. In fact, the urban culture of the Khanate of Kazan represented the final stage of the Muslim period in the cultural development of the region.

The purpose of this work was to identify the characteristics of the process of urban planning culture in the Kazan Khanate as a complex system formed on the basis of the achievements of the region as part of the Golden Horde. Author of the study had the following objectives: 1. To trace the development of urban planning culture of the Kazan Khanate at all interconnected and interdependent levels of the system, namely, the spatial organization of the territory of the khanate, the city, and its architecture. 2. To identify the changes taking place at each of these

---

* The end of the article. See the beginning in: Golden Horde Review, 2014, no. 2(4), pp. 147–171.

levels under the influence of various factors and conditions, which in one form or another, were reflected on the system as a whole. 3. To identify the features of the development of urban planning culture of the Kazan Khanate in comparison with the Bulgarian and Golden Horde periods.

The research novelty of this work lies in the fact that its author used in the study of urban planning culture of the Kazan Khanate complex methodology both combining classical, cultural, and synergetic approach to the objects of research and allowing to consider it as a holistic and complex phenomenon in the development process, taking into account many factors and conditions. The author has been first both to define nature and characteristics of the capital city of the Kazan Khanate with the Muslim population and to establish its distinctive features from medieval towns in other regions of the Muslim world. For the first time, Kazan as well as urban culture of the Kazan Khanate in general, have been studied in the dynamics of development.

Keywords: urban planning, architecture, history, synergetics, complexity theory of the cities.

REFERENCES

1. Aydarov S.S. Monumental'nye kamennye sooruzheniya i kompleksy Volzhskoy Bulgarii i Kazanskogo khanstva (opyt rekonstruktsii i genetiko-stilisticheskie osobennosti) [Monumental stone constructions and complexes of the Volga Bulgaria and Kazan khanate (experience of reconstruction and genetic-stylistic peculiarities)]. *Avtoreferat dissertatsii ... doktora arkhitektury* [Abstract of Doctoral Thesis in Architecture]. Moscow, 1990. 51 p.
2. Aydarova-Volkova G.N. Morfologiya arkhitekturnogo prostranstva Kazani i kul'turologicheskie aspekty rekonstruktsii [Morphology of the architectural space of Kazan and cultural aspects of reconstruction]. *Panorama-forum*. 1996, no 4, pp. 69–74.
3. Aydarova G.N. Vzaimodeystvie kul'tur v arkhitekturno-gradostroitel'nom razvitii Srednego Povolzh'ya serediny XVI nachala XX vv [The interaction of cultures in architecture and urban development of the Middle Volga region of the middle of the 16th – early 20th centuries]. *Avtoreferat dissertatsii ... doktora arkhitektury* [Abstract of Doctoral Thesis in Architecture]. Moscow, Nauchno-issledovatel'skiy institut teorii i istorii arkhitektury i gradostroitel'stva Publ., 1997. 45 p.
4. Aydarova-Volkova G.N. *Arkhitekturnaya kul'tura Srednego Povolzh'ya XVI–XIX vekov: model' razvitiya, struktura tipov, vliyaniya* [Architectural culture of the Middle Volga region of the 16th–19th centuries: development model, the structure of types, influences]. Kazan, Kazanskiy gosudarstvennyy arkhitekturno-stroitel'nyy universitet Publ., 1997. 196 p.
5. Aydarova-Volkova G.N. V poiske material'nykh sledov arkhitektury khanskoy Kazani [In the search of material traces of the Khazan Khanate's architecture]. *Ekho vekov – Gasyrlar avazy* [Echo of the Ages]. 1999, no. 3/4, pp. 180–186.
6. Aydarova-Volkova G.N. *Arkhitekturno-gradostroitel'noe razvitie Kazani X–XVI vekov: Evolyutsiya, traditsii, vliyaniya: Uchebnoe posobie* [Architectural and urban planning development of Kazan in the 10th–16th centuries: Evolution,

traditions, influence: Textbook]. Kazan, Kazanskiy gosudarstvennyy arkhitekturno-stroitel'nyy universitet Publ., 2012. 150 p.

7. Aminova G. Territoriya Kazanskogo khanstva na russkikh i evropeyskikh kartakh XV–XVII vekov [The territory of the Kazan khanate on the Russian and European maps of the 15th–17th centuries]. *Ekho vekov – Gasyrlar avazy* [Echo of the Ages]. 1999, pp. 1/2, pp. 75–86.

8. *Arkheologicheskie otkrytiya v Tatarstane. 2000 g.* [Archaeological discoveries in Tatarstan: 2000]. Kazan, Master-Layn Publ., 2001. 91 p.

9. Borodkin L.I. *Poryadok iz khaosa. Kontseptsii sinergetiki v metodologii is-toricheskikh issledovaniy* [Order out of chaos. Concept of synergy in the methodology of historical research]. Available at: <http://www.hist.msu.ru/Labs/HisLab/html/chaos.htm>.

10. Burkhanov A.A. Pamyatniki Iske-Kazanskogo kompleksa (k probleme izucheniya i sokhraneniya istoriko-kul'turnogo i prirodnogo naslediya i roli geograficheskogo polozheniya i prirodno-ekologicheskikh osobennostey v zapovednykh zonakh) [The Monuments of Iske-Kazan complex (to the problem of studying and preserving of historical and cultural and natural heritage and the role of geographical location and natural-ecological characteristics in protected areas)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Zolotoy Ordy i Kazanskogo khanstva* [Materials and research on the archaeology of the Golden Horde and Kazan khanate]. Is. 2. Kazan, 2002. 30 p.

11. Valeev F.Kh. K istorii arkhitektury kazanskikh tatar XV–XVI vekov [To the architectural history of the Kazan Tatars 15th–16th centuries]. *Voprosy istorii, filologii i pedagogiki* [Questions of History, Philology, and Pedagogy]. Is. 2. Kazan, Kazan State University Publ., 1967, pp. 94–104.

12. Valeev F.Kh. *Drevnee i srednevekovoe iskusstvo Srednego Povolzh'ya* [Ancient and medieval art of the Middle Volga region]. Yoshkar-Ola, Mariyskoe knizhnoe Publ., 1975. 211 p.

13. Vityuk E.Yu. *Sinergeticheskiy podkhod k gradostroitel'stvu* [Synergistic approach to urban planning]. *Arkhitekton: izvestiya vuzov* [Architecton: Proceedings of the universities]. 2007, no. 19. Available at: http://archvuz.ru/2007_3/6.

14. Vityuk E.Yu. Sinergeticheskoe modelirovanie struktury goroda [Synergistic modeling of the city structure]. *Arkhitekton: izvestiya vuzov* [Architecton: Proceedings of the universities]. 2010, no. 32. Available at: http://archvuz.ru/2010_4/1.

15. Gallyamov R. Administrativnye darugi Kazanskogo khanstva: opyt [The administrative darugas of the Kazan khanate: an essay]. *Kazanskoe khanstvo: aktual'nye problemy issledovaniya* [The Kazan khanate: urgent problems of study. Materials of the research workshop]. Kazan, Fen Publ., 2002, pp. 270–275.

16. Gol'dzamt E.A., Shvidkovskiy, O.A. *Gradostroitel'naya kul'tura evropeyskikh sotsialisticheskikh stran* [Urban planning culture of the European socialist countries]. Moscow, Stroyizdat Publ., 1985. 479 p.

17. Gumayunov S.V., Evstratov I.V. *Shongat – neizvestnyy monetnyy dvor Zolotoy Ordy* [Shongat – an unknown mint of the Golden Horde]. Available at: <http://info.charm.ru/library/Shongat.shtml>.

18. *Drevnyaya Kazan' glazami sovremennikov i istorikov* [Ancient Kazan through the eyes of contemporaries and historians]. Sostaviteli i avtory kommentariyev F.Sh.Khuzin, A.G.Sitdikov. Kazan, Fest Publ., 1996. 444 p.

19. *Drevnie Chally* [The Ancient Chally]. Kazan, Master Layn Publ., 2000. 319 p.

20. Egerev V.V. Vozniknovenie i razvitie planirovki g. Kazani [The emergence and development of the Kazan city planning]. *Nauchnye trudy Kazanskogo instituta inzhenerov kommunal'nogo stroitel'stva* [Scientific papers of the Kazan Institute of Civil Engineering]. Is. 4. Kazan, 1956, pp. 35–46.

21. *Iz glubiny stoletiy* [From the depth of centuries]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2004. 271 p.

22. *Kazanskoe khanstvo: aktual'nye problemy issledovaniya* [The Kazan khanate: urgent problems of study]. Kazan, Fen Publ., 2002. 320 p.

23. Kalinin N.F. Kazan' 18 veka (Po neizdannym artograficheskim i ikonogra-ficheskim materialam) [Kazan of the 18th century (according to unpublished cartographic and iconographic materials)]. *IOAIE* [Proceedings of the Society of Archaeology, History, and Ethnography]. Vol. XXXIV. Is. 3–4. Kazan, 1929, pp. 119–130.

24. Kalinin N.F. *Kazan'. Istoricheskiy ocherk* [Kazan. Historical essay]. Kazan, 1955. 414 p.

25. Iskhakov D.M. *Tyurko-tatarskie gosudarstva XV–XVI vv. Nauchno-metodicheskoe posobie* [Turko-Tatar states of the 15th–16th centuries: Academic textbook]. Kazan, 2004. 132 p.

26. Lepekhin I. *Dnevnye zapiski puteshestviya ... po raznym provintsiyam Rossijskogo gosudarstva v 1768 i 1769 gg.* [Daily travel notes ... in different provinces of the Russian state in 1768 and 1769]. St. Petersburg, 1771, pp. 138–139.

27. *Mavzolei Kazanskogo Kremlya (Opyt istoriko-antropologicheskogo analiza)* [The mausoleums of the Kazan Kremlin (the experience of historical and anthropological analysis)]. Kazan, 1997. 158 p.

28. Mukhamadiev A.G. Raskopki v Kazanskom Kremle [Excavations in the Kazan Kremlin]. *Povolzh'e v srednie veka. Tezisy dokladov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu so dnya rozhdeniya Germana Alekseevicha Fedorova-Davydova (1931–2000)* [The Volga Region in the Middle Ages. Abstracts of the National research conference devoted to the 70th-anniversary from the birthday of Herman A. Fedorov-Davydov (1931–2000)]. N. Novgorod, 2001, pp. 71–75.

29. Nadyrova Kh.G. Bulgaro-tatarskiy kontekst prostranstvenno-gradostroitel'noy struktury Kazani [The Bulgaro-Tatar context of spatial and urban planning structure of Kazan]. *Iskusstvo i etnos: novye paradigmy* [Art and ethnicity: new paradigms]. Kazan, Dom pečhati Publ., 2002, pp. 39–57.

30. Nadyrova Kh.G. Osobennosti arkhitekturno-prostranstvennoy organizatsii seleniy povolzhskikh tatar kontsa XVIII – nachala XX vekov (na primere seleniy seve-ro-zapadnoy zony Tatarii) [Features of architectural-spatial organisation of the settlements of the Volga Tatars of the late 18th – beginning of the 20th centuries (by the example of settlements in the North-Western zone of Tatarstan)]. *Dissertatsiya ... kandidata arkhitektury* [PhD Thesis in Architecture]. Moscow, 1990. Vol. 1, 178 p., vol. II. 47 tablits.

31. *Tatary Srednego Povolzh'ya i Priural'ya* [The Tartars of the Middle Volga and Urals]. Otv. red.N.I. Vorob'ev, G.M. Khi-samutdinov. Moscow, Nauka Publ., 1967, p. 205.

32. Sanachin S.P. *Ikonografiya i plany Kazanskogo Kremlya o vozraste Syuyumbe-kinoy bashni* [Iconography and plans of the Kazan Kremlin on the age of the Söyembikä tower]. Kazan, 2002, no. 9. С. 37–47.

33. Sitdikov A.G. *Oboronitel'nye ukrepleniya drevney Kazani. Srednevekovaya Kazan': Vozniknovenie i razvitie* [Fortifications of the Ancient Kazan. Medieval Kazan: the emergence and development]. Kazan, Master-Layn Publ., 2000, pp. 22–40.

34. Sitdikov A.G. *Kazanskiy krem': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie* [The Kazan Kremlin: historical and archaeological research]. Kazan, 2006. 188 p.

35. Khalitov N.Kh. (Niyaz Khalit) «Tverd pache mery...» *Cherty drevney tsitadeli* [«Solid pace measures...». Features of the ancient citadel]. No. 5–6. Kazan, 1999, pp. 52–53.

36. Khalitov N.Kh. (Niyaz Khalit) *Ocherki po arkhitekture khanskoy Kazani. Gipote-zy. Fakty. Razmyshleniya* [Essays on the Architecture of the Khans' Kazan. Hypothesis. Facts. Reflections]. Kazan, 1999. 232 p.

37. Khalitov N.Kh. (Niyaz Khalit) *Tatarskie dvortsovye komplekсы XV–XVI vv.: nekotorye zakonomernosti arkhitektury* [Tatar Palace complexes of the 15th–16th centuries: some regularities in the architecture]. *Istoki i evolyutsiya khudozhestvennoy kul'tury tyurkskikh narodov: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konfe-rentsii, posvyashchennoy 150-letiyu so dnya rozhdeniya pedagoga-prosvetitelya, khudozhnika Sh.A. Tagirova (Kazan', 17–18 aprelya 2008 g.)* [The Origins and Evolution of Artistic Culture of the Turkic Peoples: Materials of International scientific-practical conference, dedicated to the 150th-anniversary from the birthday of teacher-educator, artist Sh.A.Tagirov (Kazan, 17–18 April 2008)]. Kazan, 2009. 392 p.

38. Khalitov N.Kh. *K rekonstruktsii srednevekovoy mecheti-medrese Kul-Sharifa v Kazanskom Kremlе* [To the reconstruction of the medieval mosque-medrese of Kul-Sharif in Kazan Kremlin]. *Izvestiya Kazanskogo gosudarstvennoy arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta* [Proceedings of the Kazan State Architecture and Civil Engineering University]. 2011, no. 4 (18), pp. 68–75.

39. Khalitov N.Kh. *Mecheti srednevekovoy Kazani* [Mosques of the medieval Kazan]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2011. 183 p.

40. Khuzin F.Sh. *Drevnyaya Kazan' v X – nachale XIII vv. (po materialam arkheologi-cheskikh issledovaniy 1994–1998 gg.)* [Ancient Kazan in the 10th – early 13th centuries (based on materials of archaeological research 1994–1998)]. *Arkheologicheskoe izuchenie bulgarskikh gorodov* [Archaeological study of the Bulgar cities]. Kazan, 1999, pp. 5–31.

41. Khuzin F.Sh., Sitdikov A.G. *Drevnyaya Kazan'* [The Ancient Kazan]. Kazan, Kazan State University Publ., 2005. 152 p.

42. Chernyshev E.I. *Seleniya Kazanskogo khanstva (po pistovym knigam)* [Settlements of the Kazan khanate (according to the cadastres)]. *Voprosy etnogeneza tyurkoyazychnykh narodov Srednego Povolzh'ya* [Problems of ethnogenesis of the Turkic-speaking peoples of the Middle Volga region]. Kazan, 1971, pp. 272–292.

43. *Etnograficheskoe opisanie Kazanskoy gubernii* [Ethnographic description of the Kazan province]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del* [Journal of the Ministry of Internal Affairs]. St. Petersburg, Tip. Ministerstva vnutrennikh del Publ., 1841, Part. XXXIV, no. 3, pp. 350–410.

44. Abu-Lughod J. The Islamic City: Historic Myth, Islamic Essence, and Contemporary Relevance. *Urban Development in the Muslim World*. Ed. Hooshang Amirahmadi and Salah S. El-Shakhs, 1993, pp. 11–36.

45. Alexander Shristopher. *New concepts in complexity theory arising from studies in the field of architecture*. May. 2003. Available at: <http://www.katarxis3.com/SCIENTIFIC%20INTRODUCTION.pdf>.

46. Bianca Stefano. The Deep Structure of the Traditional Urban Fabric.. *Urban Form in the Arab World—Past and Present*. London, Thames & Hudson, 2000, pp. 137–157.

47. Daunton M. *The Social Meaning of Space: The City in the West and Islam*. In *Proceedings of the International Conference on Urbanism and Islam. (ICUIT)*. October 22–28, 1989. Ed. Yukawa Takeshi. Tokyo: Research Project «Urbanism in Islam, A comparative Study» and the Middle Eastern Culture Center of Japan, r. 37–38.

48. Dion Good. *The Middle Eastern Islamic City: Type and Morphology*.

49. Rabah Saoud. *Introduction to the Islamic City*. Available at: <http://www.muslimheritage.com/uploads/Islamic%20City.pdf>. Publication ID: 4012, FSTC Limited 2002, 2003.

50. Petruccioli Attilio. *After amnesia. Learning from the Islamic mediterranean urban fabric*. ICAR: Architecture, 2007. 238 p.

51. Portugali Juval. *Self-Organization and the City*. Berlin: Springer-Verlag, 2000. Available at: <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/5/2/reviews/turner.html>.

52. Portugali Juval. *Complexity Theories of Cities: Achievements, criticism and potentials*. Available at: http://www.bk.tudelft.nl/fileadmin/Faculteit/BK/Over_de_faculteit/Afdelingen/Urbanism/Onderzoek/Ulab/Conferences/Conferenc e_Complexity_Theories/papers/doc/Portugali.pdf

About the author: Khanifa Gabidullova Nadyrova – Dean of the Faculty of General architectural and artistic training, Head of the Department of Architectural composition, Kazan State University of Architecture and Engineering, Cand. Sci. (Architecture), Associate Professor (420043, Zelenaya st., 1, Kazan, Russian Federation); nadyrova-kh@yandex.ru

УДК 355/359(=512.1)

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ВЕЛИКИМ КНЯЖЕСТВОМ ЛИТОВСКИМ И КАЗАНСКИМ ХАНСТВОМ (1506–1552)

Я.В. Пилипчук

(Институт востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины)

Данная статья посвящена взаимоотношениям Великого Княжества Литовского с Казанским ханством. Целью исследования является анализ динамики и характерных черт отношений Казанского ханства и Великого Княжества Литовского. Восточная политика Ягеллонов по праву считается одним из важных направлений политики польских королей и великих князей литовских в XVI веке. Традиционно, историки уделяют намного больше внимания истории взаимоотношений Крымского ханства с Литвой и Польшей. Однако относительно отношений Великого Княжества Литовского с Казанским ханством, есть источниковедческие статьи Д. Мустафиной и В. Трепавлова, посвященные анализу документов в литовском государственном архиве (Литовской метрике). Главной тематикой данной статьи является военно-политическая история Восточной Европы первой половины XVI в. Необходимо проследить, насколько европейская политика Казанского ханства зависела от личностей Сахиб-Гирея и Сафа-Гирея и их личных отношений с Сигизмундом I Старым. Новизна данного исследования состоит в том, что впервые вниманию исследователей представлена целостная картина литовско-казанских отношений, а не частные вопросы отношений между отдельными великими князьями и ханами. На фоне отношений Литвы с Русским государством и Крымским ханством рассмотрены вопросы истории взаимодействия казанских татар с литовцами и поляками. Попытки установить анти-русский альянс продолжались всю первую половину XVI в. Мухаммед-Амин из династии Улуг-Мухаммеда, в 1506 г. выразил заинтересованность в союзе только, когда это ему было выгодно. Предложение Сигизмунда I Старого заключить в 1516–1518 г. союз, не встретило отклика у казанцев. Династия Улуг-Мухаммеда, в целом, не была сторонником ориентации на Великое Княжество Литовское. Реальный союз между казанцами и литовцами стал возможен только во второе правление в Казани Сафа-Гирея. Только единожды, а именно в 1535–1537 гг., литовцы поддержали казанцев войной против русских. Постоянный контакт между Казанским ханством и Великим Княжеством Литовским был возможен только, когда этот альянс поддерживало Крымское ханство. Одним из главных дестабилизирующих фактов в отношениях между Ягеллонами и Гиреями были взаимные набеги казаков Великого Княжества Литовского и отрядов татарских пограничных беев. Посольство казанцев к литовцам и полякам в 1551 г. не нашло отклика у Сигизмунда II Августа. Ягеллоны не были заинтересованы в союзе с казанцами. Надежными союзниками казанцев были только крымские Гиреи и восточные ногайцы.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское, Казанское ханство, Крымское ханство, Гирей, Ягеллоны, литовцы, поляки, казанцы, татары.

Одним из интереснейших аспектов истории Восточной Европы являются отношения между Казанским ханством и Великим Княжеством Литовским. По объективным причинам о нем известно намного меньше, чем о крымско-литовских отношениях. Источники ограничиваются посольскими донесениями и сведениями архивов. Сведения польских хроник о Казанском ханстве отрывочны. Касательно исследований, касающихся взаимоотношений между Казанским ханством и Великим Княжеством Литовским, то это источниковедческие работы Д. Мустафиной и В. Трепавлова, в которых описаны отношения Сигизмунда I Старого с казанскими ханами Сафа-Гиреем и Мухаммед-Амином. В работе М. Довнара-Запольского же очень мало сказано о посольстве казанских татар в ВКЛ в 1506 г. Исследователя более всего интересовали финансовые аспекты тюрко-татарских посольств [16; 27; 6]. Рассматривать отношения Великого Княжества Литовского с Казанским ханством нельзя отдельно от отношений с крымцами и ногайцами, поскольку только рассмотрение этих отношений в совокупности позволяет составить целостную картину международных отношений в Восточной Европе. Задачей данного исследования является анализ динамики отношений Великого Княжества Литовского с Казанским ханством и рассмотрение причин неудач казанского направления литовской восточной политики.

Вступление на престол Великого Княжества Литовского и Королевства Польского Сигизмунда I Старого открыло новую главу во внешней политике этих государств. С этого времени литовские и польские правители начали искать союзников в степи, а Большая Орда как важный фактор межгосударственных отношений в Восточной Европе прекратила оказывать влияние с 1504 г. Затишье 1507 г. может быть объяснено тем, что крымского хана отвлекал ногайский фактор. В 1508 г. ногайцы во главе с бием Агишем и мирзой Саид-Ахмедом и астраханцы во главе с ханом Абд ал-Керимом напали на Крым, но Менгли-Гирей разбил их. Калга-султан (наследник крымского ханского престола) Мухаммед во главе большого войска в 1509 г. двинулся на восток и вышел к Волге. С этого времени в политике Великого Княжества Литовского появилось казанское направление. В 1506 г. еще к великому князю Александру прибыл посол от казанского хана Мухаммед-Амина. Сигизмунд же отправил к казанцам посла Сороку с поминками. В поминки входили тринадцать локтей оксамита, сукно, серебряная чаша. Польские епископы и магнаты давали советы королю относительно контактов с крымцами и казанцами. Во время пребывания в Казани в 1507 г. Сорока умер. Однако реальной помощи от литовцев Мухаммед-Амин не дождался

и решил пойти на мир с русскими, подписав с ними «Вечный мир». В 1508 г. из плена были освобождены русские, попавшие в рабство к казанцам после поражений в 1506 г.

В письме, которое предшествовало первому письму Сигизмунда I казанскому хану, Мухаммед-Амин сообщал, что он победил русских и на земле, и на воде, призывал оказать помощь казанцам. Вероятно, перед посольством Сороки стояла цель разведать потенциальные возможности Казанского ханства и уже после этого заключить с ними союз. Кроме того, по объективным причинам литовцы не могли помочь Мухаммед-Амину в 1507–1508 гг. Литовские и польские войска были отправлены на подавление мятежа Глинских и на войну с русскими в 1507–1508 гг. В 1505 г. в Литву пришли послы от ногайцев и Заволжской Орды (Астраханского ханства), а в 1505–1506 гг. ногайцы поддерживали казанцев против русских. Посольства от крымского хана в 1506–1509 гг. дорого стоили казне, однако Сигизмунд I шел на это, чтобы прекратить нападения крымцев на границы [3, с. 98–104, 106–109; 26, с. 146–147, 164–165; 27; 31, с. 62–69; 38, с. 107, 294–295, 297; 8, с. 69–70; 6, с. 12–13, 27; 12, с. 240–241; 34, с. 101–107; 24, с. 186].

Союз Мухаммед-Амину был необходим, поскольку в 1505 г. он разорвал отношения с Москвой. В 1507 г. Мухаммед-Амин после победы одержанной над русским войском заключил с Василием III мир. В 1514 г. Сигизмунд возобновил связь с казанским ханом. Он отправил в Казань нового посла, чье имя нам неизвестно, и толмача Макара. В 1515 г. теперь уже посольство во главе с Макаром прибыло в Казань добиваться союза с Казанским ханством против русских. Эти посольства не получили отклика, поскольку хан плохо себя чувствовал, а политикой руководило его окружение, которое не было настроено против русских. Письмо от 18 ноября 1514 г. интересно тем, что Сигизмунд I сообщает казанцам о нескольких победах литовцев, изгнании русских из литовских земель (правда, умалчивает о том, что Смоленск не удалось отвоевать) и пленении многих знатных русских дворян (намек на большую победу при Орше). Сигизмунд призывал Мухаммеда-Амина не мириться с русскими и причинить им максимальный ущерб. Со своей стороны великий князь литовский и король польский обещал сделать то же самое. Второе посольство, прибывшее в Казань в 1516 г., привезло Мухаммеду-Амину обещание оказать помощь, если русские нападут на Казанское ханство. В послании говорилось, что за два года до того литовцы разбили русских. Великий князь литовский предлагал казанцам захватить Нижний Новгород. Со своей стороны Сигизмунд обещал помочь, воюя против русских. Союзу Великого Княжества Литовского с Казанским ханством мешало несколько обстоятельств. В плену у русских оставался Абд ал-Латиф, который погиб при таинственных обстоятельствах в 1517 г. Сам Мухаммед-Амин умер в 1518 г., не нарушив ни одного раза «Вечного

мира» с русскими. Нужно сказать, что матерью Мухаммед-Амина была Нурсултан-бике, которая не была сторонницей литовцев. У русских находился ее сын – Абд ал-Латиф, что было прекрасным рычагом давления на нее со стороны москвитян. Регентша Гаухаршад при хане Джан-Али в целом не была настроена на альянс с литовцами и скорее разделяла промосковскую ориентацию Булата Ширина, Кичи-Али и Табая. Зато она давно поддерживала связи с русскими и жаловалась на Мухаммед-Гирея русскому послу. При дворе хана, очевидно, преобладали сторонники мира с русскими. Да и сам Мухаммед-Амин в свое время (в 1500 г.) воевал на стороне русских против литовцев во время осады Путивля. Действия татар и русских привело к миграции некоторого количества русинов (украинцев) из района Брянска и Путивля в земли Киевщины. Вероятно, казанский хан, видя перед собой пример Ахмеда и Шейх-Ахмеда, которым Казимир Ягеллончик и Александр Казимирович помогали только на словах, считал лучше иметь прочный мир с русскими, чем войну с неопределенным исходом. Он долгое время пробыл при дворе великого московского князя и не по слухам знал о его силах. Если литовцы реально хотели помочь ему, то вероятно это нужно было сделать еще в 1506 г. Как известно, после смерти Мухаммед-Амина пресеклась династия Улуг-Мухаммеда и престол занял сторонник союза с русскими Шах-Али [27; 32, с. 100–101; 22, 163–165; 3, с. 136–141; 19, с. 226–229, 233–237; 21, с. 193–199; 15, с. 108; 31, с. 61–80].

Союзу с Казанью также мешали сложные отношения Великого Княжества Литовского с Крымским ханством. Мухаммед-Гирей старался продолжить политику Менгли-Гирея относительно союза с литовцами и поляками, однако в самом Крымском ханстве была часть знати, которая выступала против этого. Это был брат Мухаммеда Ахмед-Гирей и жена хана Нурсултан-бике. Также в повороте во внешней политике Крымского ханства были заинтересованы османы и русские. Летом 1515 г. совершил демарш один из Гиреев, который подошел к Черкассам и потребовал от Остафия Дашковича незамедлительной помощи против русских. Сам Мухаммед-Гирей прислал посольство к Сигизмунду I для того, чтобы известить его о своем воцарении и добиваться союза против русских. Однако великий князь литовский и король польский не спешил с ответом, а также задержал уплату поминков. Литовские послы заверили хана в верности союзу, но с конкретными шагами медлили, что, в свою очередь, вызывало неудовольствие у Мухаммед-Гирея. Тот давил на литовцев дипломатическими методами, но также безуспешно, что и привело к разрыву союза. В разрыве альянса большую роль сыграло недоверие Сигизмунда I к Мухаммед-Гирею. Он считал, что крымцы должны усмирить буджакских татар, которые весной 1515 г. совершили нападение на Киевщину, Подолье и Галичину. Йодок Людвиг Деций сообщал, что они сделали попытку овладеть Тереховлей, но были

отражены местным гарнизоном. Однако то, что буджакцы не были разгромлены литовцами и поляками, было сигналом для крымцев, которые в 1516 г. совершили набег на Подолье и Киевщину. Заслугу разрыва союза с поляками Халим-Гирей приписывал Нурсултан-бике, однако думается в расторжении союза сыграли роль и другие факторы [32, с. 91–102; 29].

Литовцы не выдавали крымцам Шейх-Ахмеда из большеордынской династии. Кроме того, от Менгли-Гирея Мухаммед-Гирей унаследовал притязания на Киев и Черкассы. В 1516 г. Мухаммед-Гирей отказался помогать литовцам против русских, мотивируя это тем, что занят походом на Хаджи-Тархан и ногайцев. Бахадур-Гирей совершил поход на Великое Рязанское княжество. В 1518 г. крымский хан заключил с Великим Московским князем союз. Впрочем, противоречия между русскими и крымцами были сильными. В 1519 г. Василий III добился того, что ханом в Казани стал его сторонник Шах-Али, что вызвало бурю негодования в Крыму. В 1520 г. был восстановлен крымско-литовский союз, а в 1521 г. крымцы грозились совершить поход на Москву, однако от полномасштабного похода их отвлекла кампания османов против Венгрии в 1521 г., где крымцы должны были участвовать. Мухаммед-Гирей также раздражало нежелание русских помочь установить власть Гиреев в Хаджи-Тархане. Мухаммед-Гирей в 1523 г. сам установил свою власть над Хаджи-Тарханом на короткое время, но стал жертвой заговора ногайский мурз, которые с 1517–1518 гг. находились под властью крымцев, изгнанные со своей родины казаками хана Касима. Нужно сказать, что географические познания поляков и литовцев не простирались далее ногайцев и Астрахани. В «Литовской Метрике» переписчик письма Мухаммед-Гирея к Сигизмунду I до 21 октября 1520 г. заменил слово «казахский хан» на «казанский хан». Видимо, переписчика сбило с толку упоминание о нем рядом с астраханским и решил, что «казанский хан» логичнее – все-таки давний дипломатический партнер Крыма. Уже в 1521 г. к литовцам пришло понимание, что «казанский хан» и «каза[ский хан]» – это разные люди. Да и к тому же воцарение Сахиб-Гирея в Казани и начавшиеся контакты с ногайцами позволили литовцам и полякам более подробно узнать географию западноевразийских степей [30, с. 178–196; 3, с. 136–158; 7, с. 108–111; 31, с. 76–82; 28, с. 55; 37, с. 88–92].

Мухаммед-Гирей, а потом и Саадет-Гирей не забывали о набегам на литовские и польские земли. В 1517 г. крымцы напали на Подолье и Волынь. В 1519 г. 40 тыс. крымцев совершили поход на Волынь, а также на Львовскую, Белзскую и Люблинскую земли. Перед этим они, естественно, прошли по землям Подолья и Брацлавщины. В битве под Сокалем в 1519 г. Мухаммед-Гирей восстановил уже было пошатнувшуюся репутацию крымских татар как воинов. Крымский хан нанес поражение Константину Острожскому, который много раз

до этого побеждал татар, в частности, в 1512 г. под Лопушным. В 1523 г. на Подолье и Галичину напали войска турок и буджакских татар. В 1524 г. на Волынь и Галичину пришли войска Саадет-Гирея и дошли до самого Мостыська. Галицкая, Львовская и Перемышльская земли были опустошены. В условиях, когда войска Гиреев опустошали пограничные территории Польши и Литвы, Сигизмунду I было не до того, чтобы налаживать отношения с новым ханом Казани – Сахиб-Гиреем [5; 22, с. 151; 33, с. 110–113; 25, с. 908–914; 4, с. 369–373; 37, с. 93–94].

Контакты с Великим Княжеством Литовским возобновил уже был Сафа-Гирей, который поддерживал контакты с литовцами еще с 30-х гг. XVI в. Этот хан постарался наладить отношения Гиреев с Ягеллонами, которые решительно оборвал крымский хан Саадет-Гирей. Сахиб-Гирею, которого еще Мухаммед-Гирей отправил ханом в Казань было не до союза с литовцами и поляками, поскольку он был занят тем, чтобы Казань устояла под напором московитов и промосковских татарских ханов из Касимовского ханства. Сам Саадет-Гирей проводил антипольскую и антилитовскую политику. В 1524 и 1531 гг. он совершил два похода против литовцев. Войска Узбек-Гирея, Ислам-Гирея, Бучек-Гирея и Янтар-Гирея столкнулись с ожесточенным сопротивлением на границах, а на обратном пути были разбиты казаками Семена Полозовича и Кшиштофа Кмитца. В 1527 г. Константин Острожский под Ольшаницей около Канева наголову разбил войска Саадет-Гирея. В 1532 г. Саадет-Гирей взял в осаду Черкассы. Крепость выдержала осаду, а подошедшие силы Остафия Дашковича нанесли поражение татарам и туркам. Сахиб-Гирей же не дождался помощи от крымцев и в 1524 г. был свергнут, а потом попал в османскую тюрьму. Против самого Саадет-Гирея выступила часть знати во главе с Ислам-Гиреем, который пользовался помощью литовцев и поляков в борьбе за трон. Под Черкассами у него была база для нападений на Крым. Кроме того, в 1527 г. Сигизмунд выпустил из многолетнего заточения Шейх-Ахмеда, который сразу же устремился в Хаджи-Тархан. Возвращение хана на Волгу отмечено в Евреиновской летописи и сказано, что он был отпущен на царство Заволжское. Этим термином называли Астраханское ханство и соседние с ним земли ногайцев, поскольку последними правили не ханы, а бии, а средневековые европейцы мыслили в категориях подданства. Факт прибытия Шейх-Ахмеда на Волгу встревожил крымцев, которые неоднократно указывали русским, что он их общий враг [16; 3, 182–185, 187–192, 194; 7, 110–113; 32, 160–166, 168–178, 192–198; 35, с. 1055–1059; 22, с. 149; 33, 117–127; 25, с. 913–915, 918–920; 4, с. 373–378; 36, р. 64–71; 37, с. 94–97].

В письме Сафа-Гирея Сигизмунд Старый был упомянут по полному титулу, а собственно великий князь литовский, русский и жамойтский, король польский и князь мазовецкий. Кроме того, в титул

было включено также “князь прусский”, что было указанием на то, что немецкий князь Пруссии вассал польского короля. Сафа-Гирей упоминал, что, когда он еще был в Крымском ханстве, великий князь литовский нарекал его сыном. Хан по обыкновению в крымско-литовской переписке предлагал великому князю быть другом и союзником и врагом врагов. Сообщалось, что знать Казанского ханства погубила Джан-Али. Вместо него на престол был призван уже бывший в Казани ханом Сафа-Гирей. Он правил государством в 1524–1531, 1535–1546, 1546–1549 гг. В отличие от Джан-Али он представлял не большеордынскую, а крымскую династию Гиреев, как и Сахиб-Гирей. Сафа-Гирей указывал, что претендует на Нократскую землю. Нократской землей в понятии татар были земли Вятки и Великой Перми. Указывалось, что эти земли давали дань предкам казанских ханов [16; 3, с. 167–178].

В своем первом письме великому князю литовскому казанский хан сообщал о том, что ходил против русских за Оку, Козучак-оглан сжег и разорил замок Борсуму (с. Воросьма в Нижегородской области), Ямгурчи же двинулся на Кирменчик (Хан-керман, Городец, Мещерский городок) под Боркаучем. Другие отряды воевали под Балахною. При этом Сафа-Гирей тенденциозно изображал свои войска многочисленными в количестве 40 тыс., а войска Ямгурчи в числе 70 тыс. Инициатива в переговорах принадлежала татарам. Посол от Сафа-Гирея Хамза был отправлен, чтобы заключить общий союз против русских. После миссии Хамзы в Казань прибыло литовское посольство Афендея. После миссии Афендея сам Сафа-Гирей атаковал владения касимовского хана и сжег замок Намрлын, взял Бором (который Д. Мустафина считает Муромом) и дошел до самого Владимира-на-Клязьме. Хан приписывал себе управление 10 тыс. человек. На помощь казанцам пришли силы Алея (сына ногайского мирзы Шейх-Мама). От хана Хаджи-Тархана Абд ар-Рахмана пришло 1 тыс. войско. Сафа-Гирей приписывал своему войску небывалые успехи, указывая, что земли от Владимира, Борома (Мурома) и Костромы Юнкечюч, Беле-хана (Белева) до самого Кирменчика и оттуда до Студенного моря (Ледовитого океана), город Касыма-хана (Касимова) и многие другие земли и города опустошил. Сообщал он также, что хаджитарханцы и ногайцы готовы выступить вместе с ним против русских.

Второе письмо было более конкретно. Сафа-Гирей просил у великого князя литовского тысячу золотых. Передать он просил через литовского подскарбия Богуша. Сообщал, что сын Шейх-Мама привел 10 тыс. и чтобы они охотнее шли в бой, просил скорее прислать указанную сумму. В третьем письме указывалось, что в Великом Княжестве Литовском были важные люди – служебники хана. Кургурча находился при пане Юрии из Гродно, а второй был известен по имени Хасан. Отправить их назад в Казань хан просил через посла Исмаила вместе с подскарбием Богушем. Четвертое письмо интерес-

но тем, что в нем указывалось, что хан оказал помощь литовцам через Ямгурчи. Указывалось, что от Ямгурчи послом был Кельдеяр. Вместе с этим послом прибыло и внушительное представительство от Казанского ханства. От жены хана прибыл посол Чобак, который интересовался здоровьем великого князя литовского и короля польского (форма дипломатического этикета). Упоминались Ковач мурза и его посол Исхак, Кидакчи мурза и его посол Кулуш, Мамай-оглан и его неизвестный посол. Все они спрашивали о здоровье Сигизмунда. Такая же форма обращения была и у посла Джанамета (Джан-Ахмеда) от Булат-бия. Булат-бий (Булат Ширин), один из больших казанских карачи-беков. Кадыж-бий брат отуча-князя это никто другой как Кадыш-бий. Политика Кадыша и Булата была изменчивой. При хане Джан-Али они поддерживали интенсивные связи с русскими. Они много раз меняли свой политический курс [16].

Послания Сафа-Гирея Сигизмунду I Старому были отправлены в период с 1535 по 1544 гг. Активизация отношений была вызвана Стародубской войной между литовцами и русскими. В 1534 г. литовцы предприняли попытку взять Смоленск, Чернигов, Стародуб и Почеп. Александр Вишневецкий двинулся на Смоленск и опустошил его предместье, Андрей Немирович разбил в приграничных боях несколько отрядов русских и сжег Радогощ, в Почепе его войска взяли посад, но потом были атакованы русскими. В одном из следующих походов он попробывал взять Чернигов, но не смог овладеть городом. В 1535 г. русские войска совершили рейды до Долгиново и Витебска и взяли большой полон из литовцев. Они не дошли до литовской столицы всего 50 км. Вместе с русскими в поход на Великое Княжество Литовское выступили касимовские татары, а также марийцы и чувашаи, которых, вероятно, русские наняли. Попытка взять Мстиславль была неудачной. В ответ на это в июле 1535 г. взяли Гомель и осадили Стародуб. Войска крымских татар в 1535 г. совершили набег на рязанские земли. Русские сожгли Почеп и переселили его жителей в Брянск. В феврале 1536 г. литовские войска осадили Себеж, но не смогли его взять и отступили с большими потерями. В результате стороны должны были искать дипломатический выход из ситуации, что привело к тому, что Русское государство потеряло Гомельскую волость. Сепаратный мир литовцев с русскими поставил в затруднительное положение Сафа-Гирея, которого поддерживал только Сахиб-Гирей. Переворот Девлет-Гирея II в 1551 г., поддержанный османами и приведший к смерти Сахиб-Гирея, нанес значительный удар по Казанскому ханству. По сведениям Саида-Мухаммеда Ризы, Абдулгаффара Кырыми и Халим-Гирея казанцы просили назначить ханом Казани Белюка-Гирея. По сведениям хронистов, Сулейман назначил Девлет-Гирея ханом казанским только для вида, а на самом деле видел в нем нового хана Крымского. Влиятельные турецкие везири и паши интриговали против Сахиб-Гирея, который

казался им слишком самостоятельным. Со смертью Сахиб-Гирея в 1551 г. Крыму пришлось попрощаться с амбициями стать полноправным, а не частичным наследником Золотой Орды. Про такие его амбиции целиком говорили крымско-татарские хронисты. Помощь Сахиб-Гирея позволила Сафа-Гирею осуществлять активные наступательные операции. Литовцы несколько раз продлевали перемирия с русскими и не оказали Казани действенной поддержки, кроме войны в 1535–1537 гг. [9; 23, с. 37–46; 11; 33, с. 103–105; 1, с. 75–79; 2, с. 81–82; 14, с. 98; 36, р. 79; 37, s. 97–100].

По сведениям крымско-татарского хрониста Реммаля, Ходжи Сахиб-Гирей отправил в поход зимой 1539–540 гг. на Литву калгу Эмин-Гирея и Ибрагим-пашу. В хронике Реммал Ходжи этот поход назван походом на северные страны. В. Остапчук в своей статье, посвященной этой хронике, конкретизирует, что эти страны могли быть Великим княжеством Литовским. Следующим походом после этого был поход 1541 г. на Московию. Поход на Литву был удачным, однако нападение ногайцев доставило серьезные проблемы крымцам. Андрей Немирович по сведениям Евреиновской летописи победил войска Белека-мурзы в 1538 г. В Хронике Литовской и Жмойтской под 1538 г. упоминалось, что барский староста Бернард Претвич вместе с черемисами совершил удачный поход на Перекоп. Мацей Стрыйковский и Александр Гванини датируют этот поход 1541 г. Марцин Бельский под 1539 г. сообщал о том, что у крымцев появился новый царь Сайтгигей (Сахиб-Гирей). Хронист относил вторжение татар в Русь к 1541 г. Так же датирует эти события Александр Гванини. Он сообщал, что крымцы воевали около Винницы и других городов Подолья. Сообщалось, что в ответ на это Бернард Претвич совершил набег. Марцин Бельский указывает, что поляки дошли до Очакова. Мацей Стрыйковский говорит о походе на Перекоп. Александр Гванини говорил о походе на Очаков. Ни о каком походе Сахиб-Гирея польские и литовские хронисты не знали. В противовес им Хурреми Челеби сообщал, что Сахиб-Гирей втоптал в грязь государства русских и поляков. Халим-Гирей же обходил этот вопрос стороной. Кстати, Семен Бельский в то время, когда находился при Сахиб-Гирее, по данным посольского документа отговорил хана от похода на Литву, но зато был среди татар во время похода на Русское государство. При этом актовые документы Великого Княжества Литовского сообщали о маневрах Сахиб-Гирея вдоль границ. Этими маневрами он выторговал для себя поминки в 15 тыс. золотых флоринов. Как мы можем убедиться, одна из сторон лжет. При этом поляки и литовцы в своих хрониках не скрывали неудачных для них исходов битв, крымско-татарские историки старались их не вспоминать. В 1539 г. татарские отряды из Буджака и Очакова совершили набег на Подолье. Под Бериндой несколько тысяч татар были постигнуты отрядом Бернарда Претвича и разгромлены. Повторное

нападение татарских отрядов, теперь в направлении Винницы, также было отражено. Буджакские татары были разбиты, а их вожака Атоку литовцы казнили. Основные силы Сахиб-Гирея находились на левом берегу Днепра. Литовские не-летописные источники сообщали о нахождении крымцев на Левобережье Днепра и о том, что они идут мимо Чернигова под Лоеву гору. На Левобережье до Десны у литовцев были отдельные крепости и города, которые не составляли надежной линии обороны, – Переяслав, Глинск, Лубны, Ромен, Полтава. В июне 1539 г. угроза вторжения Сахиб-Гирея уже исчезла. Литовские отряды не допустили проникновения крымцев на Днепровское Правобережье. Похоже, рассказ с упоминанием ногайцев у Реммаль-Ходжи был призван скрыть неудачный поход на Литву и Польшу. В походе на русских Сахиб-Гирей достиг Оки, но противоречия с ногайским бием Баки помешали ему переправиться через эту реку. При этом саботаж со стороны Баки запечатлен в письме крымского хана русскому правителю. Панегерист Сахиб-Гирея Реммаль-Ходжа превратил маневры вдоль границ в успешный поход, значительно приукрасив действительность [35, s.1083, 1087; 25, с. 920; 4, с. 380; 18, с. 391; 10; 32, с. 225–228; 33, с. 128–129].

Большую роль в судьбе Сафа-Гирея, кроме крымского хана Сахиб-Гирея, сыграли ногайские аристократы. В 1531 г. Сафа-Гирей бежал к своему тестю Мамаю б. Мусе. Большеордынская династия в Казани старалась нейтрализовать ногайский фактор. Джан-Али женился на дочери Йусуфа Суюнбике. Ногайцы не оказали поддержки Шах-Али, а нападение касимовских татар на ногайское посольство в Казань вызвало выступление ногайцев. Ногайцы напали на русские пограничные земли, а бий Йусуф грозил русскому царю походом на Москву. Суюнбике вышла замуж за Сафа-Гирея и вместе с ней ко двору Сафа-Гирея прибыли и ногайцы. В 1546 г. после свержения Сафа-Гирей снова бежал к ногайцам. Его в Ногайской Орде поддерживали восточные ногайцы. Казанские ханы производили ногайцам выплаты до 40 тыс. алтын [26, с. 211–219]. Западные же ногайцы, жившие рядом с Русским государством, были настроены промосковски, и эту группу знати возглавлял Исмаил.

Упомянутый Сафа-Гиреем Абд ар-Рахман был сыном Абд ал-Карима. В 1534 г. он воцарился в Хаджи-Тархане при помощи ногайцев – сыновей Алчагыра, но не хотел им повиноваться и посему установил контакт с русскими. Ногайцы в отместку за это поддержали Ислам-Гирея, который при помощи ногайцев в 1535–1536 гг. стал ханом Хаджи-Тархана. Попытка Ислам-Гирея завладеть Крымским ханством в 1537 г. окончилась печально. Баки-бий, бывший при Ислам-Гирее, убил его, чем существенно облегчил жизнь Сахиб-Гирею. Кроме того, на престол в Хаджи-Тархане вернулся Абд ар-Рахман. Через Хаджи-Тархан Казань поддерживала связь с крымцами. В 1537 г. касимовские татары перехватили астраханско-ногайское по-

сольство, ехавшее в Казань. Поддерживали Абд ар-Рахмана сыновья Алчагира, Ишим и Муса. При помощи враждебных Абд ар-Рахману ногайцев Шейх-Мамайя на престол взошел Дервиш-Али, который в отличии от Абд ар-Рахмана был враждебно настроен против русских. Дервиш-Али сильно зависел от ногайцев, и его свергли черкесы и крымцы. На престол вернулся Абд ар-Рахман. Этот хан, вопреки данным письма, не очень-то активно поддерживал казанцев. Исаак Масса сообщал, что этот хан старался наладить хорошие отношения с русскими и даже отправил к ним большое посольство. Его старания наладить дружеские отношения с русскими подтверждаются и русскими посольскими документами. Однако в Никоновской летописи сказано, что в походе Сахиб-Гирея на русских в 1541 г. приняли участие и астраханцы. По мнению И. Зайцева, Абд ар-Рахман мог создать альянс с Сахиб-Гиреем. Однако представляется, что это был ситуативный союз, как, вероятно, ситуативным был и союз астраханского хана с казанским ханом. Ни о какой длительной поддержке астраханцами Сафа-Гирея не было и речи. В 1546 г. укрытие Сафа-Гирею предоставил новый хан Хаджи-Тархана Аккубек о чем и свидетельствовал Реммаль-Ходжа. Аккубек скоро сверг Ямгурча, который к тому же ограбил крымский торговый караван. В ответ Сахиб-Гирей разорил Хаджи-Тархан. Часть астраханцев, по сведениям Хурреми Челеби, была переселена в Крым. В русских посольских документах также отмечена большая победа Сахиб-Гирея. Ямгурчи остался хаджи-тарханским ханом, но был серьезно ослаблен. Благодаря этому русские казаки в 1550 г. на некоторое время овладели Хаджи-Тарханом [7, с. 116–143; 17].

Русские сами начали войну против казанцев. Правительство Елены Глинской в 1536 г. отправило против Сафа-Гирея войско С. Гундорова и В. Замытского. Русские хотели вернуть на престол промосковского кандидата – Шах Али и планировали свергнуть Сафа-Гирея. Нападением татар подвергся Нижегородский край. В 1536 г. прорусская часть ногайцев даже напала на казанцев. Казанцы же в своих походах доходили до Нижнего Новгорода, Балахны и Гороховца. В 1537 г. татары совершили нападение на Муром, но не смогли взять его. Под Костромой они разбили русский отряд Петра Васильевича Пестрого Засекина и Меншика Полева. С заключением сепаратного мира между литовцами и русскими казанский хан Сафа-Гирей столкнулся с значительными трудностями. Русские при помощи касимовских татар отрезали Казань от внешнего мира. Попытка Тебенекамирзы была блокирована касимовцами, которые взяли самого мирзу в плен. В 1540 г. поход на Муром не привел к падению города. В 1541 г. казанцы были остановлены на Оке, а касимовские татары отбили на обратной дороге часть полона из русских. В этом походе крымцев поддержали ногайцы. В 1545 г. русские совершили поход тремя отрядами под Казань, но были разбиты. Тяжести войны обременяли Казань

ское ханство, и в 1546 г. Сафа-Гирей был свергнут казанцами. Вместо него ханом стал промосковский Шах-Али, правда, с помощью тестя Сафа-Гирей смог скоро вернуть престол, и в русских посольских документах сохранилась память о посольстве казанцев в Крым. Крымское ханство было намного более надежным партнером Казани в антирусских союзах, чем Великое Княжество Литовское [1, с. 71–82; 2, с. 95–97; 20, с. 155–159; 15, с. 109; 31, с. 98–105, 112–113].

Последней отчаянной попыткой заключить союз с Литвой и Польшей было посольство 1551 г. от казанцев. Благодаря данным польских посольских документов известно, что к наследнику Сигизмунда I Сигизмунда II Августу прибыло посольство от крымцев. Вместе с крымцами прибыло и посольство от казанцев. Ханство пребывало в бедственном положении. Многие западные ногайские мирзы в 1549 г. нападали на владения Казанского ханства, поддерживая русских. Бий Йусуф старался сохранить независимость Казанского ханства, предлагал сделать ханом Утемиша-Гирея и сохранить регентшей при нем Суюнбике. Под давлением Ивана IV Грозного Йусуф устранился от помощи Казани при событиях 1550–1552 гг. В 1551 г. казанцы выдали Суюнбике русским и свергли ее режим. Режим Шах-Али не продержался в Казани долго, и его заменил Ядгар, которого к власти привел мирза Джан-Мухаммед. Посольство к полякам и литовцам должны были отправить антирусски настроенные казанские аристократы. К сожалению, не известно, добились ли казанцы поддержки от Сигизмунда II Августа, однако, вероятно, это посольство было встречено без особого интереса. В условиях, когда даже ногайский бий устранился от помощи казанцам и Казань вместе с татарами защищали только ногайские добровольцы, сложно себе представить, что Сигизмунд II Август, которого дела восточнее Крыма и русских вообще мало интересовали, мог проявить интерес, чтобы помочь Казани. Его отец Сигизмунд I Старый проводил активную восточную политику, но его контакты с казанскими татарами были эпизодическими, и удачной была только попытка заключить союз с Сафа-Гиреем во многом благодаря помощи со стороны великого Сахиб-Гирея [8, с. 168–169; 15, с. 110–111; 31, с. 129–142].

Чтобы уяснить для себя какое место занимали казанские татары в политике Ягеллонов в XVI в. необходимо ознакомиться с знаниями о татарах у литовцев и поляков. Матвей Меховский написавший свой «Трактат о двух Сарматиях» в начале XVI в. знал о таких ордах татар, как заволжские (Большая Орда), перекопские (крымские), козанские (казанские), ногацкие (ногайцев) и казацкие (казахов). При этом Мацей Меховский указывал, что у казахов нет императора, что, конечно же, ошибка, поскольку у казахов был хан, а вот ногайцами правили бии. Заволжскую Орду он называл также чагатайской и путался в генеалогии правителей. По большому счету, поляки хорошо знали только о крымских татарах, имели представление о Казанском

ханстве и Большой Орде, а о ногайцах и казахах знали по не всегда точным слухам и то лишь приблизительно [13, с. 63–64].

Казахское завоевание ногайских земель и правления Сахиб-Гирея в Казани позволило литовцам ознакомиться с исторической географией степи. Уже Михалон Литвин, написавший свой трактат в середине XVI в., знал, что на восток от перекопских, то есть крымских татар, живет множество тюркских народов. Он называл среди татар нагаев (ногайцев), астраханов (татар Хаджи-Тархана), Заволжска (бывшая Большая Орда, территории которой контролировались ногайцами), козаниев (Казанское ханство), Казацка (Казахское ханство), а также называл Бухар (Бухару) и Самаркан (Самарканд) то есть ханства узбеков. Также он указывал, что есть еще двенадцать других, разделенных между многими императорами. Вероятно, имелись ввиду владения восточнее от казахов [10].

Александр Гванини в «Хронике Европейской Сарматии», написанной в 70-е гг. XVI в. указывал на множество ханств по всей евроазиатской степи, включая в состав татар и горские народы Кавказа, и самодийцев, и монгольские владения. Среди реальных татар он упоминал Казань, Астрахань, Крым, Буджак, Тюмень, Сибирь, казахов, ногайцев, Шибанидов (узбеков). Сочинение Александра Гванини интересно своими сведениями о Казанском ханстве. Казанских татар он считал наиболее человечными, поскольку они живут оседло и в домах, а не кочуют и не живут в юртах. Казанские ханы ему известны с эпохи Халила. Мухаммед-Амин был ему известен как Махмедин, который в 1504 г. восстал против московитов. Александр Гванини сообщал о его победе над русскими. Потом коротко был упомянут Шейя (Шах-Али) и после него упомянут Сафа-Гирей. Сообщалось о значительных опустошениях, которые причинил он русским. Союзником был назван Мехмед-Гирей (Мухаммед-Гирей). В сведениях Александра Гванини слились правление Сахиб-Гирея и несколько правлений Сафа-Гирея. Сообщалось о нескольких осадах Казани. Войско казанцев польский хронист исчислял в 20 тысяч. Сообщалось, что в 1551 г. русские взяли Казань и с того времени Казанское ханство завоевано русскими. Данные Александра Гванини наталкивают на мысль, что этот хронист был знаком с данными польского и литовского государственных архивов [4, с. 704–728].

По сути, знания поляков о Казанском ханстве сильно уступали русским, что свидетельствует о том, что Казань, да и ногайцы, находились на периферии интересов Сигизмундов. Главным пунктом на повестке дня было Крымское ханство. Была ли возможна альтернатива этому развитию истории? Архивные материалы сохранили несколько ярлыков и шарт-наме Сахиб-Гирея к Сигизмунду I Старому и Сигизмунду II Августу. В целом Сахиб-Гирей был готов примириться с Великим Княжеством Литовским и выступить общим с казанцами и литовцами фронтом против русских. В ярлыках традици-

онно указывалось на давнюю дружбу между литовскими князьями и крымскими ханами. Сахиб-Гирей соглашался признавать за Великим Княжеством Литовским все реально контролируемые земли, плюс также Северские земли с Черниговом, Брянском, Стародубом, Курском, Путивлем, Козельском, Волконском, Ягальтаевой тьмой, а также Новгород, Псков и Переяслав-Рязанский. Подчеркивалась готовность Сахиб-Гирея оказать помощь литовцам и помочь им отвоевать потерянные предками Сигизмунда I земли. Хан позволял людям из Литвы добывать соль в Хаджибейском лимане. Сигизмунд Старый же в ответ выражал согласие пребывать в мире с крымцами, указывал, что за дела Менгли-Гирея и Мухаммеда-Гирея не сердится на хана и что это дела давно минувших дней. В ответ хан также обещал забыть дела, которые были при Менгли-Гирее и Мухаммед-Гирее, ссылаясь на хорошие отношения татар с литовцами еще со времен Витовта и Казимира IV. Князь обязывался платить поминки и посылать крымцам лондонские сукна в качестве даров. Ислам-Гирей Сигизмунд называл сыном. Да и Сафа-Гирея, как свидетельствует письмо этого казанского хана, до 1535 г. великий князь литовский также сыном называл. Формально стороны договаривались взять на себя обязательства не нападать друг на друга и воевать против русских [36, р. 74–89, 689–716, 722–739; 16].

Однако перед теоретической возможностью этого союза были огромные практические сложности. Это было обусловлено нападениями приграничных мурз и беев на литовское пограничье и такие же набеги казаков на татарское пограничье. Так, поляки указывали, что во время правления Бернарда Претвича на Подолье было около 70 битв с татарами. Эти столкновения, естественно, не идут ни в какое сравнение с битвами Константина Острожского и по сути были пограничными стычками. Большим мероприятием был поход татар в 1541 г. на Подолье. Бернард Претвич, преследуя крымцев, дошел до Ислам-Кермена. В 1545 г. он совершил нападение на Очаков. Перед ним в 1528 г. Юрий Язловицкий возглавлял неудачный поход на Очаков, когда крымцами правил еще Саадет-Гирей. Остафий Дашкевич предлагал в землях около порогов, которые крымцы считали своими, построить укрепления и разместить 2 тыс. воинов, чтобы пресекать нашествия. Сахиб-Гирей много раз жаловался королю на казаков. Он сообщал, что казаки из Канева и Черкасс нападают на татарские улусы и грабят их. Хан требовал выдачи казакских важаков Солтанца, Ворочи и Масла, в противном случае угрожал напасть на Черкасы и Канев, но не для войны с литовцами, а для того, чтобы наказать казаков. В 1540 г. казаки на Каире убили крымцев, которые собирались идти походом на русских. Литовские акты указывали, что татары, кочуя в своих улусах, часто подвергаются нападениям казаков. В 1538 г. казаки напали на Очаков, а через несколько лет люди из Браслава напали на татарские чамбулы. Набеги татар на литовское пограничье и

казаков на татарские улусы были источником прибыли, и поэтому приграничные люди очень часто нарушали приказы своих правителей. В 1541 г. Сигизмунд I Старый в циркуляре пограничным старостам писал, что уже много раз запрещал им самовольно нападать на татар, что их самоуправство может угрожать походом крымского хана. Он грозил ревизиями замков и обвинял старост в том, что те делят с казаками награбленное у татар. Но это было только для того, чтобы не ввязаться в большую войну с крымцами. В 1543–1544 гг. один из крымских отрядов, которые возвращались из Венгрии, был рабит казаками. В 1544 г. литовские “соляники” ограбили крымцев у Хаджибея. Летом 1544 г. казаки убили гонца Амин-Гирея. В 1545 г. они во всю грабили караваны татар и турков на Днепре и его притоках. В том же году они взяли Очаков. В 1545 г. Сахиб-Гирей направил королю жалобы на казаков. Сахиб-Гирей в шарт-наме брал на себя обязательство карать своих “казаков”, нападающих на литовские и польские земли из Аккермана, Очакова и Азова, и отправлять их на суд к османскому султану. Также он обещал не допустить того, чтобы принцы из Гиреев, беи и мирзы совершали походы на Литву и Польшу. Своевольных грабителей обещал сурово наказывать. Однако, как и в случае с обещаниями великого литовского князя, это делалось скорее для отвода глаз и декларации того, что Крымское ханство не будет воевать с Польшей и Литвой.

Кроме указанного похода 1539 г., крымцы при Сахиб-Гирее осуществили два более менее больших похода на Волынь в 1534 г. и на Подолье в 1541 г. Поход же Сахиб-Гирея в 1539 г. был даже не запечатлен польскими хронистами и литовскими летописцами, поскольку преследовал единственную цель – получить большие поминки и по сути являлся военным маневром у границ, которые закончились парой небольших пограничных столкновений. В конце своего правления Сахиб-Гирей организовал большой поход 1549 г. уже в правление Сигизмунда II Августа, который, пожалуй, был единственным его большим походом против литовцев и поляков. Были разорены Подолье, Волынь, Галичина. Но этот поход не нашел отражения в хронике Реммаль-Ходжи. С Сигизмундом I Старым же Сахиб-Гирей старался находить решение проблем дипломатическим путем [5; 22, с. 191–194; 32, с. 132–137; 36, р. 716, 724, 729; 4, с. 379–380; 25, с. 919–920, 924; 33, с. 128–129; 37, с. 99].

Б. Черкас предоставил интересное объяснение, почему литовские власти негласно поддерживали казаков. Приграничные старосты получали долю от награбленного, плюс история с Сары-чором, за которого требовали выкуп, показывает, что в похищении татарских купцов и беев могли быть заинтересованы и высшие чины Великого Княжества Литовского, и даже сами правители. Амин-Гирей в 1544 г. требовал, чтобы ему лично литовцы каждый год платили 1 тыс. золотых. Нападение на его гонца было неслучайным. Казнь гонца была

сигналом Амин-Гирею, что не стоит ему требовать поминки, которые Сигизмунд I Старый желал посылать только Сахиб-Гирею. Это означало, что с этого момента Сахиб-Гирей в посольство мог отправлять только одного великого посла. Фактически нападения казаков, этих корсаров на службе у государства, сократили расходы казны. Ограбления караванов были также неслучайны. Сигизмунд давал понять, что не допустит торговли по альтернативным путям кроме Днепровского и ответственности за безопасность купцов на альтернативных путях не несет. Кроме того, в переписке между великим князем и ханом наблюдается интересный посыл. Литовцы настаивали на том, чтобы сопровождать караваны до Тавани и настаивали на том, что Тавань до сих пор литовская территория. То есть Сигизмунд I Старый хотел вернуть ситуацию в степях к времени Казимира IV, чего в реальности, конечно, не добился [33, с. 135–137].

Основной проблемой в отношениях между правителями был прагматический расчет разных правителей. Когда помощь казанских татар была нужна Великому Княжеству Литовскому в 1516–1518 гг., то война была невыгодна Мухаммеду-Амину. Русские были для него куда ближе и понятнее, чем далекие литовцы, против которых он и воевал в 1500 г. под Путивлем. Да и в целом казанская династия Улуг-Мухаммеда не была расположена к альянсу с литовцами против русских. Кроме того, литовцы в 1506 г., когда, в свою очередь, Мухаммеду-Амину была необходима помощь против русских, прохладно отнеслись к его просьбе. Для литовцев в их восточной политике всегда на первом месте стоял крымский вопрос. Реальное наполнение антирусский союз Литвы и Казани приобрел только в 1535–1537 гг. Стороны старались пустить пыль в глаза преувеличивать свои успехи и скрывая неудачи. Естественно, что противники Литвы и Казанского ханства открывали глаза на эти нестыковки. Литовцам и казанцам не хватало доверия к друг другу, а также локальные интересы не давали выстроить сколько-нибудь долговременную стратегию. Изменчивый характер отношений Великого Княжества Литовского с Крымским ханством делал невозможным прочный союз с казанским ханством в принципе, поскольку контакты с Литвой и Польшей можно было установить только через Крым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения XV–XVI вв. Казань: Татарское книжное издательство, 1995. 160 с.
2. Волков В.А. Войны и войска Московского государства (конец XV – первая половина XVII в.). М.: ЭКСМО, 2004. 572 с.
3. Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. 1: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследие Великой Орды. Киев-Бахчисарай:

Майстэрня кнэгы – Бахчисарайскы йсторыко-культурны заповеднык, 2010. 400 с.

4. *Гваньіні Олександр*. Хроніка Європейської Сарматії. Кіев: Вид. дім Кієво-Могилянська Академія, 2009. 1008 с.

5. *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. VII. Кіев: Наукова думка, 1995, 627 с. Електронны ресурс:<http://litopys.org.ua/hrushrus/iur70105.htm>

<http://litopys.org.ua/hrushrus/iur70204.htm>

<http://litopys.org.ua/hrushrus/iur70205.htm>

6. *Довнар-Запольскый М.* Литовскіе упоминки татарскім ордам. Скарбовая кніга метрики литовской 1502–1509. Сімферополь: Типографія Спіро, 1898. 94 с.

7. *Зайцев И.Л.* Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2004. 303 с.

8. *Зайцев И.Л.* Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI в.). Очерки. М.: РУДОМИНО, 2004. 216 с.

9. *Кромм М.М.* Стародубская война 1534–1537 гг. Из истории литовско-русских отношений. М.: Рубежи XXI, 2008. 140 с. Електронны ресурс:

http://militera.lib.ru/h/krom_mm01/text.html#t5

http://militera.lib.ru/h/krom_mm01/text.html#t6

http://militera.lib.ru/h/krom_mm01/text.html#t7

10. *Литвин Михалон*. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: Издательство МГУ, 1994. 151, [3] с. Електронны ресурс: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin/frametext1.htm>

11. Литовская метрика. Книга Записей № 15. Вильнюс, 2002. Електронны ресурс: http://www.laborunion.lt/memorandum/ru/modules/metrika/15_164_paliaubos.htm

12. *Любая А.А.* Татарские поминки в контексте взаимоотношений Польского Королевства и Великого княжества Литовского с Крымским ханством в XVI в. // *Studia historica Eurorae Orientalis – Исследования по истории Восточной Европы*. Минск: Изд-во БГУ, 2008. Вып. 1. С. 239–262.

13. *Матвей Меховскый*. Трактат о двух Сарматиях // Матвей Меховскый. Трактат о двух Сарматиях. Сокровенное Сказание монголов. Рязань: Александрия, 2009. 512 с.

14. *Миргалеев И.М.* Сведения ал-Хадж Абд ал-Гаффара Кырыми о Казанском ханстве // *Средневековые тюрко-татарские государства*. Казань: Ихлас, 2012. С. 96–98.

15. *Моисеев М.В.* Казанский вопрос в русско-ногайских отношениях конца XV – первой половины XVI в. // *Средневековые тюрко-татарские государства*. Казань: Ихлас, 2012. С. 107–112.

16. *Мустафина Д.* Послание царя казанского // Эхо веков. 1–2. Казань, 1997. Електронны ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Zolotoord/XVI/1520-1540/Safa_Girej/posl_sigizmund.phtml?id=7937

17. *Незри А.* Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей*. Одесса: Городская типография, 1844. Т. 1. С. 379–392. Електронны ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Tur_ruk_obsch/text.phtml?id=5430

18. *Останчук В.* Хроника Реммаля Хаджи История Сагиб-Герей как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2001. С. 391–421.

19. *Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н.* Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв. СПб.: Евразия, 2012. 384 с.

20. *Рахимзянов Б.Р.* Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. –Казань: Татарское книжное издательство, 2009. 207 с.

21. *Русина О.В.* Сіверська земля у складі Великого Князівства Литовського. К: Інститут історії України, Інститут археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського, 1998. 244 с.

22. *Русина О.В.* Україна під татарами і литвою. К.: ВД Альтернативи, 1998. 320 с.

23. *Сідаренка Б.І.* Старадубская вайна (Вайна Вялікаго княства Літоўскага з Маскоўскай дзяржавай 1534–1537 гг.) // Беларускі гісторычны часопіс. № 1. 1998. С. 37–46.

24. *Софонович Ф.* Хроніка з літопісців стародавніх. Киев: Наукова думка, 1992. 336 с.

25. *Стрийковський Мацей.* Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. – Львів: Наукове товариство ім. Т. Шевченка у Львові, 2011, XII, 1084 с.

26. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: Восточная Литература, 2002. 752 с.

27. *Трепавлов В.В.* Хотем с Тобюю быти у братстве и в приязни (послания короля Сигизмунда I хану Мухаммеду-Амину) // Гасырлар Авызы – Эхо Веков. № 3–4. Казань, 2010. Электронный ресурс:

http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2010_3_4/02/02/

28. *Трепавлов В.В.* Казахские ханы XVI в. в Литовской Метрике // Отан Тарихы. № 3. Алматы, 2013. С. 54–61.

29. *Халим Гирай Султан.* Розовый куст ханов или история Крыма. – Симферополь: Доля, 2004, 288 с. Электронный ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Rozovyj_kust_chanov/2.phtml?id=12922

30. *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиторал УРСС, 2001. 366 с.

31. *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского Ханства. М.: Инсан, 1991. 320 с.

32. *Черкас Б.* Україна у політичних відносинах Великого Князівства Литовського з Кримським ханатом (1515–1540 рр.). Киев: Інститут історії України, 2006. 244 с.

33. *Черкас Б.* Степовий щит Литви. Українське військо Гедиміновичів (XIV–XVI ст.): науково-популярне видання. Киев: Темпора, 2011. 144 с.

34. *Шэйфер В.* Мяцеж ці паўстанне? Выступ Міхала Глінскага пад час вайні Маскоўскай дзяржаві з ВКЛ у 1507–1508 гг. // Гістарычны Альманах. Т. 2. Менск, 1999. С. 101–109.

35. *Kronika Polska Marcina Bielskiego.* Т. 2. Księga IV–V. Sanok: Nakład i druk Karola Polaka, 1856. P. 701–1222.

36. *Kolodziejczyk D.* The Crimean khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th –18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. Leiden-Boston: E.J. Brill, 2011. XXXVI, 1109 p.

37. *Podhorodecki L.* Chanat Krymski i jego stosunki s Polska. Warszawa: Ksiazka i wiedza, 1987. 359 p.

38. *Pulaski K.* Stosunki z Mengli-Girajem. Stosunki Polski s Tatarszczina od Polowi XV wieku. Krakow-Warszawa, 1881, pp. 1–449.

Сведения об авторе: Ярослав Валентинович Пилипчук – младший научный сотрудник отдела Евразийской степи Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины, кандидат исторических наук (01001, ул. Грушевского 4, каб. 210, Киев, Украина); bachman@meta.ua

---

RELATIONS BETWEEN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AND KAZAN KHANATE (1506–1552)

Ya. V. Pilipchuk

(Institute of Oriental Studies n.a. A.E. Krymskyi of NAS of Ukraine)

This article considers the relationship between the Grand Duchy of Lithuania and Khanate of Kazan. The aim of this study is to analyze the dynamics and characteristics of the relations of the Kazan Khanate with Grand Duchy of Lithuania. Jagiellonian eastern policy is rightfully considered as one of the most important policy directions of the Polish Kings and Grand Dukes of Lithuania in the 16th century. Researchers have traditionally paid much more attention to the history of relations of the Crimean Khanate with Lithuania and Poland. Relations of the Grand Duchy of Lithuania with Kazan Khanate have been considered in the source study articles by D. Mustafina and B. Trepavlov analyzing the content of documents preserved in the Lithuanian State Archives (Lithuanian Metric). The main theme of this article is the military and political history of Eastern Europe in the first half of the 16th century. The author aims to clarify to what extent the European policy of the Kazan Khanate depended on the personalities of Sahib Giray and Safa Giray and their personal relations with Sigismund I the Old. The novelty of this study lies in the fact that the author is the first to present to the researchers' attention a complete picture of the Kazan-Lithuanian relations rather than focusing on particular issues of relations between the individual Grand Dukes and khans. The article examines the history of the interaction of the Kazan Tatars with Lithuanians and Poles in the context of relations of Lithuania with the Russian State and Crimean Khanate. Attempts to establish an anti-Russian alliance were undertaken during the first half of the 16th century. Mohammed Amin, from the dynasty of Ulugh Muhammad, expressed interest in the establishment of the union in 1506 only by the fact that it was profitable for him. In 1516–1518, the proposals of Sigismund I the Old to make an alliance did not

meet the response in Kazan. In general, the dynasty of Ulugh Muhammad was not a supporter of rapprochement with the Grand Duchy of Lithuania. The real union between the Kazan Tatars and Lithuanians became possible only during the second rule of Safa Giray in Kazan. Only once and namely in 1535–1537, the Lithuanians supported Kazan in the war against the Russians. The continuous contact between the Kazan Khanate and Grand Duchy of Lithuania was only possible when the alliance was supported by the Crimean Khanate. Mutual raids of the Cossacks of Grand Duchy of Lithuania and troops of the Tatar frontier beys were one of the main destabilizing factors in the relationship between the Jagiellonians and Girays. The Kazan embassy to the Lithuanians and Poles in 1551 found no response from Sigismund II Augustus. The Jagiellonians were not interested in an alliance with the Kazan Tatars. Only the Crimean Girays and eastern Nogays were the staunch allies of Kazan.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Kazan Khanate, Crimean Khanate, Giray dynasty, Jagiellonians, Lithuanians, Poles, Kazanians, Tatars.

REFERENCES

1. Alishev S.Kh. *Kazan' i Moskva: mezhdgosudarstvennyye otnosheniya XV–XVI vv.* [Kazan and Moscow: international relations in the 15th–16th centuries]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 1995. 160 p.
2. Volkov V.A. *Voiny i voyska Moskovskogo gosudarstva (konets XV – pervaya polovina XVII v.).* [Wars and troops of the Muscovite State (end of the 15th – first half of the 17th centuries)]. Moscow, EKSMO Publ., 2004. 572 p.
3. Gayvoronskiy O. *Poveliteli dvukh materikov. Vol. 1: Krymskie khany XV–XVI stoletiy i bor'ba za nasledie Velikoy Ordy* [The Rulers of Two Continents. Vol. 1: The Crimean Khans of the 15th–16th centuries and the Rivalry for the Heritage of Great Horde]. Kiev-Bakhchisaray, Maysternya knygy – Bakhchisarayskiy istoriko-kul'turnyy zapovednik, 2010. 400 p.
4. Gvan'ini Oleksandr. *Khronika Evropeys'koï Sarmatii* [The Chronicle of European Sarmatia]. Kiev, Vid. dim Kievo-Mogilyans'ka Akademiya Publ., 2009. 1008 p.
5. Grushevs'kiy M.S. *Istoriya Ukraïni-Rusi* [The History of Ukraine-Rus]. Vol. VII. Kiev, Naukova dumka Publ., 1995, 627 p. Avialable at: <http://litopys.org.ua/hrushrus/iur70105.htm>
<http://litopys.org.ua/hrushrus/iur70204.htm>
<http://litopys.org.ua/hrushrus/iur70205.htm>
6. Dovnar-Zapol'skiy M. *Litovskie upominki tatarskim ordam. Skarbovaya kniga metriki litovskoy 1502–1509* [The Lithuanian upominki from the Tatar Hordes. The Financial Book of Lithuanian Methrica, 1502–1509]. Simferopol', Tipografiya Spiro, 1898. 94 p.
7. Zaytsev I.L. *Astrakhanskoe khanstvo* [The Khanate of Astrakhan]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2004. 303 p.
8. Zaytsev I.L. *Mezhdru Moskvoy i Stambulom. Dzhuchidskie gosudarstva, Moskva i Osmanskaya imperiya (nach. XV – per. pol. XVI vv.). Ocherki* [Between Moscow and Stambul. The Jochids States, Moscow and Ottoman Empire (beginning of the 15th – first half of the 16th centuries)]. Moscow, Rudomino Publ., 2004. 216 p.

9. Kromm M.M. *Starodubskaya voyna 1534–1537 gg. Iz istorii litovsko-russkikh otnosheniy* [The Starodubian war of 1534–1537. From the history of Lithuanian-Russian relations]. Moscow, Rubezhi XXI, 2008. 140 c. Available at:
http://militera.lib.ru/h/krom_mm01/text.html#t5
http://militera.lib.ru/h/krom_mm01/text.html#t6
http://militera.lib.ru/h/krom_mm01/text.html#t7
10. Litvin Mikhailon. *O nravakh tatar, litovtsev i moskvityan* [About the Mores of Tatars, Lithuanians, and Muscovites]. Moscow, Moscow State University Publ., 1994. 151, [3] p. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin/frametext1.htm>
11. *Litovskaya metrika. Kniga Zapisey No. 15* [The Lithuanian Metric. Book of Notes. № 15]. Vil'nyus, 2002. Available at: http://www.laborunion.lt/memorandum/ru/modules/metrika/15_164_paliaubos.htm
12. Lyubaya A.A. Tatarskie pominki v kontekste vzaimootnosheniy Pol'skogo Korolevstva i Velikogo knyazhestva Litovskogo s Krymskim khanstvom v XVI v [The Tatarian upominki in the context of relationships of Polish Kingdom and Great Duchy of Lithuania with Crimean khanate in 16th centuries]. *Studia historica Europae Orientalis – Issledovaniya po istorii Vostochnoy Evropy*. Minsk, Bashkir State University Publ., 2008. Is. 1, pp. 239–262.
13. Mathieu de Miechów. Traktat o dvukh Sarmatiyakh [Treatise on the Two Sarmatias]. *Mathieu de Miechów. Traktat o dvukh Sarmatiyakh. Sokrovennoe Skazanie mongolov* [Treatise on the Two Sarmatias. The Secret History of the Mongols]. Ryazan, Aleksandriya Publ., 2009. 512 p.
14. Mirgaleev I.M. Svedeniya al-Khadzh Abd al-Gaffara Kyrymi o Kazanskom khanstve [Information of al-Hadj Abd al-Ghaffar Kyrymi on the Kazan Khanate]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [The Medieval Turko-Tatar States]. Kazan, Ikhlis Publ., 2012, pp. 96–98.
15. Moiseev M.V. Kazanskiy vopros v russko-nogayskikh otnoshniyakh kontsa XV – pervoy poloviny XVI v. [The Kazan issue – in the Russian-Nogai relations of the late 15th – early 16th centuries] *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [The Medieval Turko-Tatar States]. Kazan, Ikhlis Publ., 2012, pp. 107–112
16. Mustafina D. Poslanie tsarya kazanskogo [A Letter of the Kazan Khan]. *Ekho vekov* [Echo of the Ages]. 1–2. Kazan, 1997. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Zolotoord/XVI/1520-1540/Safa_Girej/posl_sigizmund.phtml?id=7937
17. Negri A. Izvlechenie iz turetskoy rukopisi Obshchestva, sodержashchey istoriyu krymskikh khanov [Extract from the Turkic manuscript of Society, which contains the History of Crimean Khans]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Odessa, Gorodskaya tipografiya, 1844. Vol. 1, pp. 379–392. Available at:
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Tur_ruk_obsch/text.phtml?id=5430
18. Ostapchuk V. Khronika Remmalya Khadzhi Istoriya Sagib-Gereya kak istochnik po krymsko-tatarskim pokhodam [The of Chronicle Remmal Khoja “History of Sahib Giray” as a source on the Crimean Tatar campaigns]. *Istochnikovedenie istorii Ulusa dzhuchi (Zolotoy Ordya). Ot Kalki do Astrakhani* [Source Study of the Golden Horde History. From Kalka to Astrakhan]. Kazan,

Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2001, pp. 391–421.

19. Pochekaev R. Yu., Pochekaeva I. N. *Vlastitel'nitsy Evrazii. Istoriya i mify o pravitel'nitsakh tyurko-mongol'skikh gosudarstv XIII–XIX vv.* [The Female Rulers of Eurasia. The History and Myths about the Female Rulers of the Turko-Mongol States in the 13th–19th centuries]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2012. 384 p.

20. Rakhimzyanov B. R. *Kasimovskoe khanstvo (1445–1552 gg.). Ocherki istorii* [The Kasimov Khanate (1445–1552). Essays on the History]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2009. 207 p.

21. Rusyna O. V. *Sivers'ka zemlja u skladi Velykogo Knjazivstva Lytovs'kogo* [The Siver Land under the Rule of Grand Duchy of Lithuania]. Kiev, Instytut istorii' Ukrainy, Instytut arheografii' ta dzhereloznavstva im. M. S. Grushevs'kogo, 1998. 244 p.

22. Rusyna O. V. *Ukrai'na pid tataramy i lytvoju* [Ukraine under Tatar and Lithuanian rule]. Kyev, VD Al'ternatyvy, 1998. 320 p.

23. Sidarenka B. I. *Staradubskaja vajna (Vajna Vjalikago knjastva Litouskaga z Maskouskaj dzjarzhavaj 1534–1537 gg.)* [The Starodubian War (The War of Grand Duchy of Lithuania against the Muscovite State of 1534–1537)]. *Belaruskі гісторычны часо-піс* [Belarusian Historical Journal]. No. 1. 1998, pp. 37–46.

24. Sofonovych F. *Hronika z litopysciv starodavnih* [Chronicle with extracts from other ancient chronicles]. Kyev, Naukova dumka Publ., 1992. 336 p.

25. Strykovs'kyj Macej. *Litopys pol's'kyj, lytovs'kyj, zhmuds'kyj i vsijej' Rusy* [Chronicle of Poland, Lithuania, Samogitia and all the Russia]. – L'viv: Naukove tovarystvo im. T. Shevchenka u L'vovi, 2011, XII, 1084 p.

26. Trepavlov V. V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of the Nogay Horde]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2002. 752 p.

27. Trepavlov V. V. *Khochem s Toboyu byti u bratstve i v priyazni (poslaniya korolya Sigizmunda I khanu Mukhammedu-Aminu)* [I want to become with you in brotherhood and affection (letters of the King Sigismund I to the Khan Mohammed Amin)]. *Gasyrlar Avyzy – Ekho Vekov.* No. 3–4. Kazan, 2010. Available at: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2010_3_4/02/02/

28. Trepavlov V. V. *Kazakhskie khany XVI v. v Litovskoy Metrike* [The Kazakh khans of 16th century in Lithuanian Methric]. *Otan Tarikhy.* No. 3. Almaty, 2013, pp. 54–61.

29. Khalim Giray Sultan. *Rozovyy kust khanov ili istoriya Kryma* [The Khans' Rosebush or the History of Crimea]. Simferopol, Doly Publ., 2004, 288 p. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Rozovyj_kust_chanov/2.phtml?id=12922

30. Khoroshkevich A. L. *Rus' i Krym ot soyuza k protivostoyaniyu. Konets XV – nachalo XVI vv.* [Russia and Crimea. From alliance to confrontation. The end of the 15th – beginning of the 16th century]. Moscow, Editorial URSS, 2001. 366 p.

31. Khudyakov M. G. *Ocherki po istorii Kazanskogo Khanstva* [Essays on the History of Kazan Khanate]. Moscow, Insan Publ., 1991. 320 p.

32. Cherkas B. *Ukrai'na u politychnyh vidnosynah Velykogo Knjazivstva Lytovs'kogo z Kryms'kym hanatom (1515–1540 rr.)* [Ukraine in political

relationships of Great Duchy of Lithuania with Crimean Khanate (1515–1540)]. Kyev, Instytut istorii' Ukraï'ny, 2006. 244 p.

33. Cherkas B. *Stepovyj shhyt Lytvy. Ukraï'ns'ke vijs'ko Gedyminovychiv (XIV–XVI st.): naukovo-populjarne vydannja* [The Steppe shield of Lithuania. Ukrainian army of the Gediminoviches]. Kyev, Tempora, 2011. 144 p.

34. Shjefjer V. Mjacezh ci paustanne? Vystup Mihala Glinskaga pad chas vajni Maskouskaj dzjarzhavi z VKL u 1507–1508 gg. [A rebellion or uprising? The uprising of Mikhal Glinsky during the war of Muscovite State against GDL in 1507–1508]. *Gistarychny Al'manah*. Vol. 2. Mensk, 1999, pp. 101–109.

35. *Kronika Polska Marcina Bielskigo*. Vol. 2. Kniega IV–V. Sanok: Naklad i druk Karola Polaka, 1856, pp. 701–1222.

36. Kolodziejczyk D. *The Crimean khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th–18th centuries): a study of peace treaties followed by annotated documents*. Leiden-Boston: E.J. Brill, 2011. XXXVI, 1109 p.

37. Podhorodecki L. *Chanat Krymski i jego stosunki s Polska*. Warszawa, Ksiazka i wiedza, 1987. 359 p.

38. Pulaski K. *Stosunki z Mengli-Girajem. Stosunki Polski s Tatarszczina od Polovi XV wieku*. Krakow-Warszawa, 1881, pp. 1–449.

About the author: Yaroslav Valentynovych Pilipchuk – Junior Research Fellow, Department of Eurasian Steppe, Institute of Oriental Studies n.a. A.E. Krymskyi of NAS of Ukraine, Cand. Sci. (History) (01001, Hrushevskiy st., 4, room 210, Kiev, Ukraine); bachman@meta.ua

УДК 97(470)

**POLITICAL REPRESSIONS IN THE MONGOL EMPIRE,
GOLDEN HORDE AND OTHER TURKIC-MONGOL STATES,
AND THEIR JUSTIFICATIONS (13TH–16TH CC.)¹**

R.Yu. Pochekaev

*(National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg)*

In this article the author analyses the cases of political repressions in the Mongol Empire, Golden Horde and other Turkic-Mongol states of the 13th–16th centuries. Author investigates different types of repressions: against rivals during the struggle for the throne, officials who incurred the anger of monarchs, rebellious cities and their citizens.

So, the political rivals often justified their right to the throne referring to the Great Yasa of Chinggis Khan, and hence, the punishment of the vanquished rivals usually was based as well on the Chinggis Khan's principles of the "Law and Order": ambiguity of these principles (since the Great Yasa, as it seems, was not a written code of laws but only a system of rules and principles proclaimed by Chinggis Khan or his successors, who attributed them to him) allowed the winners to avenge their rivals following the formal legal norms. Thus, the charge of violation of the Great Yasa was a universal one allowing to solve the problem of getting rid of a dangerous rival.

The punishment of disgraced officials was justified by other arguments that differed from charges of rebellion of the Chinggisid family members. But Chinggisid rulers also used some "standard" accusations such as treason, support of usurpers, bribery. Since in most cases such acts also contradicted to the principles of the Great Yasa (as they were interpreted by the Chinggisids), the formula "put to yasa" was frequently used in verdicts on such cases.

At last, we can also include the destruction of the resisting and insurgent cities in terms of political repressions. Reprisals against foreign cities that resisted the Mongol conquerors, was an integral part of the military strategy of terror facilitating the voluntary surrender of the following cities. In this case, the Chinggisids did not need any legal basis for the slaughter and destruction. However, in case of the rebellion of their own cities against the legitimate monarch, the latter, dealing with them accordingly, always represented his actions as the restoration of law and order.

So, despite the fact that in most of such cases repressions were result of personal decision of the monarch, or revenge, or coup d'état, etc., we can make

---

¹ This article was originally presented at the International Conference "History of Mass Violence in Russia and China" (Helsinki, May 17–18, 2012) and then it has been substantially revised and supplemented.

sure that almost all of such repressions (with rare exceptions) were presented only as a punishment of criminals, traitors, bribe-takers and so on.

Keywords: Mongol Empire, Golden Horde, Ilkhanate, Chinggisid states, political repressions, judicial proceeding, parricide, rebellion, bribery.

The cruelty of the Mongol conquerors against civilians of the conquered states is well-known. As well as facts of the “reprisals against winners” (using the term of Lev Gumilev) during the struggle for power between different branches of the Chinggisid family and clans, which supported them. Researches often analyzed the reasons of such reprisals (single and mass) against aristocracy and common people, circumstances of their execution and even burial. But legal aspects of this subject – particularly, the legal interpretation of such repressions against certain person, group of people or even whole city – have been less studied. Meanwhile, the most of such repressions had legal interpretations and we intend to examine the ways of such interpretation justifying the Turkic-Mongol rulers’ repressions against their enemies.

Firstly we should say that there are not a lot of examples of ruling elite representatives’ punishment without accusation and trial, and initiators of such punishments are presented in historiography as usurpers or unjust monarchs, which later were blamed by own subjects, descendants and historians [see in details: 35, p. 76–79]. For instance, in 1290s, Nogay, the beklari-bek (prime-minister) and, in fact, real ruler of the Golden Horde, made legitimate khan Toqta (1291–1312) to execute a number of nobles, and it was done secretly, without trial – later, it was Nogay, and not Toqta, who was recognized as the initiator of this massacre and who, in his turn, was defeated and killed by his protégé [39, p. 157–158]. In 1357, Berdibek, legitimate khan of the Golden Horde (1357–1359), executed 12 of his relatives – rivals for the throne (in medieval Russian chronicles they all named as his brothers) – and subsequently was also negatively characterized in historiography as a patricide [22, p. 229; 24, p. 129; 45, p. 108]. Similarly, the massacre of the Golden Horde aristocracy by false khan Kildibek (1361–1362) in 1361 was explained by the fear of this impostor that these nobles knew the real Kildibek and could denounce him [24, p. 129]. Esen Oirat leader, who in 1452 killed the legitimate pretender on the Mongol throne as well as 44 of his sayyids (ministers) and 66 commanders, was a usurper as he proclaimed himself a khan but was not a descendant of Chinggis Khan [32, p. 265]. We found only one example of punishment without trial by ruler who was positively characterized by historians: in 1295, the Persian ilkhan Gazan (1291–1304) ordered to execute his relative, dethroned ilkhan Baidu (1295) and a group of his supporters. Formally, ilkhan broke the rule of Chinggis Khan, which prescribed that his descendants should be judged only by own family court. But Baidu himself was a usurper who foully killed the legitimate ilkhan

Geikhatu (1291–1295), predecessor of Ghazan, and, thus, lost his right for court of the Chinggisids [38, p. 609–610]².

In other cases of repressions against political rivals and even of actions for frightening of conquered peoples, the Turkic-Mongol rulers usually found legal interpretations for their actions. We would like to examine some kinds of repressions in the Turkic-Mongol states of the 13th–16th centuries and characterize some examples of such interpretations, which were used by rulers to demonstrate that their repressions were, in fact, legal measures against criminals.

At first, let us examine the examples of repressions against political rivals and their supporters during the struggle for throne.

One of the first examples of political repressions in the Mongol Empire became, obviously, the execution by khan Guyuk (1246–1248) of his great-father Temuge-otchigin in 1246. The latter, indeed, tried to usurp the throne in 1242 or 1243, but, in fact, on his own free will, refused to do it and was not put to trial. But 3 or 4 years later his offence was recalled, the formal family court of the Chinggisids took place and Temuge was sentenced to death in accordance with Chinggis Khan's Yasa [9, p. 255; 38, p. 387]. As we can see, he was executed according to law and sentence of court, but, in fact, the Chinggisids punished him with the purpose to finally secure the Mongolian throne for direct descendants of Chinggis Khan. The punishment of Chinggis Khan's brother was so fast and cruel that during several ages other representatives of the Bordjigin family (descendants of Chinggis Khan's brothers) didn't take risk to rival for the Mongol throne: only in the second part of the 15th century, when the ruling family of Mongolian Chinggisids was almost annihilated, they took part in fight for the throne again.

Another example is well-known and repeatedly attracted researchers' attention as there occurred true mass repressions: we talk about repressions of Mongolian emperor Möngke (1251–1259) and his co-ruler Batu (ruler of the Golden Horde, 1227–1256) against descendants of Chaghatai and Ögedei (2nd and 3rd sons of Chinggis Khan) in 1252. As known, after the death of Chinggis Khan the power in the Mongol Empire belonged to the family of Ögedei (in accordance with Chinggis Khan's will), but in 1251 a coup d'état took place and Möngke, son of Tului (4th son of Chinggis Khan) was elected as emperor. Descendants of Ögedei (Mongol khan in 1229–1241) and their supporters from the Chaghatai family had to agree with such decision of great kurultay, but didn't want to loose the Mongolian throne once and for all and soon conspired against Möngke to kill him. Only few descendants of Ögedei participated in this plot, which was quickly discovered and all plotters were arrested. But it became an occasion for persecution of whole families of Chaghatai and

---

² The examples of shameful executions of the persons who lost respect were examined by P.O. Rykin [29, p. 65].

Ögedei (rivals of Möngke and Batu) as well as of their less noble supporters.

The rulers of the Mongol Empire accurately kept the procedure of official accusation, trial and execution. All their rivals were accused of disobeying the khan and plotting a coup d'etat. The representatives of Chinggisid family were judged by Möngke khan himself, women from this family were judged by Sorhaqtani, mother of khan, and their noble supporters were judged by “*great yarguchi*” (head of supreme court) Munkesar-noyon. But the direction for all judges was clear: all accused had to admit their guilt and be sentenced. No wonder that many of accused nobles of the Chaghataid and Ögedeid princes were subjected to torture and slander together with their masters. Oghul-Gaimish, widow of Guyuk Khan, was striped and drawn to court as if her crime already had been proven, and she was sentenced to death. Nevertheless, as was said, all formal procedures were observed, accusations were brought and “proved”, and most part of accused were sentenced to death – more than 70 representatives of the Chinggisid family and high nobles were executed.

To our mind, the sentence of this court in general was rather cynical. As for immediate plotters (Naqu and Shiremun, grandsons of Ögedei), they were only sent for exile: Naqu – to the distant provinces, Shiremun – in the Mongol front-line forces in China. Meanwhile, their relatives, representatives of the ruling family (including mothers of both plotters), which didn't conspire at all, were put to death. There is no doubt that Möngke and Batu succeed to punish their most dangerous enemies among the Chinggisids, whereas the relatively “harmless” plotters (and their unsuccessful plot was an evidence of their inabilities) saved their lives [9, p. 574–592; 16, p. 205, 217; 38, p. 399–404; 42, p. 122; see also: 3, p. 30–34].

Another show trial was connected with the end of the struggle for the throne of the Mongol Empire between two brothers – Kublai and Arik Bukha (both were brothers of above mentioned khan Möngke). During four years, they fought for the throne until 1264, when Arik Bukha (1260–1264), who was betrayed by his allies, had to surrender to Kublai (1260–1294) and was put to trial. But the legality of Kublai's trial was under question, and the words of Arik Bukha are proof of this: when Kublai asked him, who was right in their war, his brother answered: “*We were then, but you are today*” [38, p. 427]. As we can see, Kublai acquired the right to judge his brother not as more legitimate khan, but only as most lucky warrior, the winner! Similarly with the case of descendants of Chaghatai and Ögedei, there was a trial of equals: representatives of the Chinggisid family were judged by the family court, noyons and commanders – by *yarguchis*. And the verdict was the same: a lot of nobles and officials were executed, as for leaders of uprising (Arik Bukha and his nephew, Asutai, son of Möngke), they saved their lives and were exiled [38, p. 427–429]. The point is that Arik Bukha was inert and mediocre

figure, who resisted to Khubilai during four years only due to the support of talented commanders and powerful tribal leaders and high officials of Empire: so, they were executed and official leader of uprising saved his life and even was granted by Kublai with large domain³.

Rulers of other Turkic-Mongol states followed the example of their Mongol relatives and suzerains.

Hulagu, brother of Möngke, Kublai and Arik Bukha, and founder of the state of ilkhans in Iran (1256–1265), massacred a group of his commanders – representatives of the Jochid family, ruling house of the Golden Horde (Jochi was an elder son of Chinggis Khan). They were in command of the Golden Horde troops in Hulagu's campaign in Iran (by order of Möngke Khan). Seven Jochid princes were executed, their troops were attacked by soldiers of Hulagu and, with enormous tolls, partly returned to the Golden Horde, partly fled to Egypt: its Mamluk rulers were allies of the Golden Horde. Armenian authors, who weren't interested in glorification of the Persian ilkhans, said frankly that the Golden Horde commanders were executed for refusal to recognize Hulagu as a ruler of invaded territories – since the rulers of the Golden Horde claimed this lands to themselves [6, ch. 65; 8, p. 339]. Persian historian Rashid al-Din (he was also the actual prime-minister of ilkhans) said, that the Jochid commanders were accused and punished as they practiced sorcery against Hulagu. It is known that Hulagu even sent one or two of accused princes to their relative Berke, ruler of the Golden Horde, and the latter recognized that ilkhan acted under law and sent them back to Iran, where they were put to death [38, p. 356, 502]³. Thus, the information of Armenian historians gives us a true reason for massacre and the version of Rashid al-Din reflects the official accusation by ilkhan in this case. It's significant that Jochid princes were accused in sorcery – that indeed was one of the most serious accusations with the sentence to death [see: 16, p. 177]. As we will show below, that accusation was used very often in those cases, when the rulers didn't have real reasons for repressions against their rivals.

In 1310s, Uzbek, the most-known khan of the Golden Horde (1313–1341), annihilated about 120 Chinggisids during the struggle for the throne. Different sources give different reasons of such massacre. Arab medieval historians said, that Uzbek put to death his rivals as they refused to adopt Islam, which was proclaimed by this khan as official State religion of the Golden Horde; Arabs even contemptuously named these victims “a gang” [39, p. 163]. Their Persian colleagues said that Uzbek punished his relatives who took part in the plot against him shortly after his enthronization [24, p. 141]. At last, Ötemish Hajji, Turkic author of

---

³ It should be pointed that saving of live to Shiremun in 1252 and Arik Bukha in 1264 was not a sign of light-mindedness of Möngke and Kublai: shortly after the trial, Shiremun was drowned by Kublai on certain suspicion; the circumstances of the death of Arik Bukha in 1266 (two year after the trial) are not clear [see: 38, p. 302, 429].

the middle of the 16th century (Uzbek is an ideal Moslem and Chinggisid ruler for him) said that Uzbek didn't put to death anybody: he says that Uzbek only robbed the descendants of 17 sons of Jochi (founder of the Golden Horde, ancestor of Uzbek himself) of their princes' status and subjugated them to the less noble person – Isatai of Kyats [45, p. 105]⁴. However, the mass massacre of relatives by Uzbek also was based on law and official accusations and, consequently, was presented in historiography as an example of khan's justice, not as act of tyranny.

The tradition of justifying repressions against political rivals by law and trial was saved also in the later Chinggisids' states. For instance, Muhammad Shaybani Khan, descendant of the Golden Horde rulers and founder of Bukhara Khanate in Central Asia (1500–1510), ordered in 1508 to put to death both Sultan Mahmud Khan, the dethroned ruler of Tashkent (1487–1508), and his family (only his infant grandson was saved). The true reason for execution of Sultan Mahmud Khan and his family was the fear of Shaybani Khan that they could win to their side a part of his army and seize some of just invaded territories (especially Tashkent). Shaybani Khan himself said that saving of Sultan Mahmud's life "*would be the cause of the ruin of my kingdom*" [25, p. 120]. But later Shaybani Khan proclaimed that his relative was executed for his treacherous attempt to attack his provinces – this version was reflected in the official Central Asiatic historiography [10, p. 286–288; 30, p. 105].

Sometimes Turkic-Mongol rulers didn't have legal reasons for execution of their rivals and used another way to rid themselves of them – blood feud. In this way rulers formally withdrew from violence, but had the direct benefits from annihilation of their enemies.

So, in 1284 Arghun, ilkhan of Persia (1284–1291) defeated and dethroned his uncle Tekuder (1282–1284), but his gilts were not proved during the trial, and nephew had to save his life. But his followers explained him that if Tekuder would survive, then the enemies of Arghun could make him a symbol of their struggle. Then ilkhan blamed uncle in illegitimate execution of two princes, and dethroned ilkhan was put to death, although this guilt of Tekuder was already mentioned at the trial and forgiven [38, p. 556].

The similar approach was used by the famous Amir Timur (Tamerlane, actual ruler of Transoxiana in 1370–1405) when in 1370 he defeated and captivated amir Husain – his former ally and subsequent rival during the struggle for power in Chaghataid Ulus. Amir Timur said that he didn't want to execute him. But he allowed to one of his supporters, amir Kay Khosrow, to revenge for his brother who was killed by Husain several years earlier, and Kay Khosrow, in his turn, killed

---

⁴ Isatai was grandfather of the famous Golden Horde statesman and actual ruler Mamai.

Husain [2, p. 68]. It should be mentioned, that lately Kay Khosrow also was killed by Amir Timur.

Another example of similar killing of the dethroned ruler took place in the Crimean Khanate in the middle of the 16th century. In 1551, the deposed khan, Sahib Geray (1532–1551), was killed with 10 his sons and grandsons. Neither the Ottoman sultan (who deposed him), nor new Crimean khan Dewlet Geray (1551–1577) had relation to this massacre. The former khan was killed by his great-son Bulyuk Geray who revenged him for two years earlier Sahib Geray Khan had refused his claims for the throne of Kazan khanate (which was a vassal of the Crimea) and, in addition, put him in prison. It's notable that new khan Dewlet Geray denied intention to kill his predecessor and even publicly mourned over him and. But, nevertheless, the murderer Bulyuk Geray, became his kalga-sultan (co-ruler and heir), and, besides that, khan declared soon that killing of Sahib Geray and his family was necessary to “keep the order” in the Crimean khanate. By the way, shortly after these events kalga-sultan Bulyuk Geray also was killed by Dewlet Geray Khan – just for his bragging of killing Sahib Geray [12, p. 221–223, 229; 15, p. 370–371]⁵.

Besides rivals in the struggle for power, participants of court intrigues also often became victims of repressions. Although such victims were mostly high officials (i.e. not members of the ruling family or aristocracy), their punishment was also presented as a result of the ruler's legal sentence.

In 1246, the above mentioned Guyuk, the Mongol emperor, put to death several powerful courtiers. Firstly, his own aunt Altalun (favorite daughter of Chinggis Khan) was executed. The true reason for her persecution was the intention of Guyuk and his mother Toregene to seize her numerous estates, but they couldn't find any basis for her accusation. And she was charged with sorcery: they said that she cost spell on Ögedei Khan (husband of Toregene and father of Guyuk) and he died. The formal trial took place and accusation was brought and proven, but the Mongol rulers broke the maxim of Chinggis Khan as she was judged not by family court but only by officials of Toregene. Later this offence against law became one of the causes to remove descendants of Ögedei from the throne [14, p. 111; 38, p. 355; 43, p. 127].

The same year, 1246, Toregene died and Guyuk began repressions against her own officials. The most-known was the punishment of Fatima – minion of Toregene who was one of the most powerful figures in the Mongol Empire during the regency of Ögedei's widow. The supporters of Guyuk intended to rid of her, but, again, didn't find any substantial

---

⁵ O. Gaivoronskiy soundly draws a parallel between killing of the dethroned Crimean khan and killing of their brothers by Turkish sultans before accession to the throne: according to the maxim of sultan Mehmed II the Conqueror, this way helped to keep the order and prevent distempers because of the struggle for power.

accusation. And “universal” charge with sorcery was used once more: Fatima was charged with casting spell upon Godan, brother of Guyuk (he was the ruler of Tibet in 1240–1251), which caused his death. She was sentenced to death and executed violently – as well as several other supporters of Toregene [9, p. 245; 38, p. 387; see also: 28, p. 248–249]. By the way, shortly after that, Godan mysteriously “revived” and even survived his brother Guyuk (d. 1248): he was mentioned in historical sources up to 1251...

The real court war for power and influence took place at the court of ilkhans of Persia, and, as a result, very often even vazirs (high officials) of ilkhans became victims of repressions. Sharaf Khan Bidlisi, the Persian historian of the end of the 16th century, mentioned that in 1324 vazir Ali Shah died – the only vazir of the Mongol rulers in Iran who died a natural death [41, p. 60]! All other vazirs were executed by ilkhans due to intrigues of their rivals. For example, in 1312 vazir Saad ad-Din Muhammad offended his colleague Rashid al-Din (famous historian), and the latter was succeed to put him to trial; during the proceeding “*something like treason was discovered*”, and Saad ad-Din was “put to Yasa”, i. e. executed in accordance with Mongol law [36, p. 57]. The fact that “treason” was “discovered” only during the trial, convinces us that this charge was framed-up by revengeful Rashid al-Din. But he didn’t enjoy his victory for a long time: in 1318 his new colleague, above mentioned Ali Shah (who also was his protégé), in his turn, charged Rashid al-Din with improper medical care of ilkhan Oljeitu, which caused the death of the latter. Rashid al-Din was found guilty and put to the violent death: he was divided in half [5, p. 307–308; 36, p. 78–80]. But, there is no doubt that, in fact, it was a result of the struggle for power among officials; besides that, powerful Rashid al-Din, who was the factual prime-minister of Iran during the reign of three ilkhans, was inconvenient for fretful and suspicious ilkhan Abu Said. Thus, his sentence to death was prejudged.

Sometimes the legal interpretation for punishment was found already after the death of certain person. For instance, in 1282 there was a plot against Ahmad Benaketi, powerful official of Kublai Khan, who was in charge of all finances in the Yuan Empire. Ahmad was assassinated, and khan firstly ordered to find and punish his murderers. But then his son and heir, who sympathized with the plotters, convinced father of crimes of Ahmad: he accepted bribes, abused of power and was dissolute. As a result of the trial, which found Ahmad guilty, his corpse was dragged out from the grave and drawn through the capital, his possessions were confiscated [38, p. 445–446; 46, p. 374]. Similarly, in Iran the powerful official Dimashk-khoja was assassinated in 1327, but later, by the order of ilkhan Abu Said, he was recognized as “*sentenced to Yasa for indecent actions made by him*” (i.e. put to death) [36, p. 122–123].

The same situation took place in the Mughal Empire in India in the middle of the 16th century. Bayram Khan, the regent and actual ruler of

the Empire during young years of the famous emperor Akbar (1556–1605), killed his rival Tardibek Khan and only after this murder he wrote a letter to the emperor with explanation of this massacre. He blamed Tardibek Khan (who was defeated in battle shortly before his killing) for treason and intentional defeat. And Akbar had to recognize the murdered official as traitor and to approve the act of Bayram Khan [7, p. 52–53].

It's interesting to mention that there was no a practice of repressions against the members of victims' families – as it was in medieval China or Japan⁶. So, the members of executed official's family suffered the same fate only if they also were officially accused with crimes. Thus, after killing of Ahmad Benaketi his wife and two of his sons were also found guilty and executed as they took part in the gerrymander of his husband and father: they were flayed alive [46, p. 374]. Similarly, numerous sons of Rashid al-Din also were repressed: one of them was executed with father, others lost their high positions and possessions and were exiled [36, p. 80]⁷. To our mind, the most-known massacre of executed official's family was the repressions of ilkhan Abu Said (1316–1335) against the family of amir Chopan who during the long years was beklari-bek and factual ruler of Iran. Above mentioned murder of Dimash-khoja (he was one of the numerous sons of Chopan) became an occasion to investigate activities of Chopan and his relatives. As Chopan and his sons and grandsons firstly fled away and later began to fight against ilkhan, they were sentenced to death in their absence and, to the end of the 1320s, most part of them was annihilated [36, p. 115–137]. However, all of them also held high positions and gave occasion to accuse them of abuse of power and encroachment on monarch's one. Thus, these were the specific accusations of certain persons that reached power by using the family ties – not the repressions against families in general⁸.

Foreign rulers, who were vassals of the Turkic-Mongol monarchs, automatically became a part of the ruling elite of their states and, as a result, they became participants of intrigues and not rarely they also became victims of the repressions. We find some examples of such cases in the history of the Golden Horde or Iran under the Mongols. Two of the most famous cases in the Russian history (owing to the medieval orthodox hagiography) are the executions in the Golden Horde of Michael of

---

⁶ Above mentioned killing of Sultan Mahmud Khan's and Sahib Geray Khan's families were exceptions connected with annihilation of lineage for saving the throne and order in the State.

⁷ Later sons of Rashid al-Din came to power again, and one of them, Giyas ad-din, acquired the position of vazir – just as his father [see: 36, p. 124; 41, p. 63].

⁸ The principle of whole family responsibility for the crime committed by its representative (as it was in the medieval China or Japan), obviously, was lacking in the Mongol law. For example, the Golden Horde khans wrote in their yarliks (edicts) that judges should "*thoroughly investigate the case so that father wouldn't suffer for son as well as son for father*" [cit. on: 18, p. 586, transl. is ours, R.P.].

Chernigov in 1246 and Roman of Ryazan in 1270. Both were charged with religious crimes – disrespect to the Mongol religion and to khan himself; the similar case took place in Iran in the 1250s: the powerful Armenian prince Jalal was put to death for disrespect to the religion and to ilkhan himself. To the Mongols' mind, the offence of their gods and khan, possessor of divine charisma, confirmed the desire of such offenders to call the divine anger upon Mongol rulers. That's why they tried to punish such crimes as quickly and violently as possible – to avoid divine anger and to transfer it to the criminals themselves [see, e.g.: 26; 27]. But, as known, the true reasons of execution of above mentioned persons were not connected with official charges: so, Michael of Chernigov was killed, obviously, in the result of intrigues of his competitor – prince Yaroslav of Vladimir (father of Alexander Nevsky); the Armenian prince Jalal was also slandered by his rivals.

During the reign of khans Toqta and Uzbek in the Golden Horde (1300s–1330s) more than dozen of Russian princes (of Ryazan, Tver', etc.) were executed [see, e.g. 23, p. 176, 194, 203]. Official accusations were disobedience to khans, negotiations with their enemies, organization of rebellions. But, in fact, most of them became victims of intrigues of the Moscow princes who were in favor of khans and rivals of the executed rulers.

Similar accusation became the reason of execution of some foreign rulers and officials in Iran under the Mongols. In the 1260s, Armenian prince Zakare was charged by his enemies with relations with Georgian and Armenian princes who rebelled against ilkhan [6, ch. 64]. In 1277, Muin al-Din Pervana, powerful vazir of the Seldjukide state, was put to trial of ilkhan Abaga: his guilt was undoubted as his letters to Mamluks of Egypt (enemies of the Iranian Mongols) were delivered to ilkhan; nevertheless, the formal trial was held and Pervana was officially sentenced to death and executed⁹. In 1289, Georgian tsar Demetre II was executed: his only guilt was that he was under protection of the powerful Mongol official Buga, whose death, in his own turn, was a consequence of court intrigues [40, p. 127 et seq.]¹⁰. But it should be mentioned that all these executions were also made only after official accusation and trial.

So, we can resume that in the most part of the cases of political repressions formal procedures were observed thoroughly: at first, there was official accusations, then putting to trial, investigation (with tortures as, a rule), getting avowal of guilt or another proofs of it, sentencing to

---

⁹ The same accusations were brought against one more Seldjukide vazir, Fakhr al-Din Ali in 1271/1272 and against George, emperor of Trapezund, another vassal of ilkhans, in 1280, but they succeeded to prove their innocence during the trial [see: 33, p. 185–186].

¹⁰ A Georgian author didn't mention accusations against Georgian tsar: obviously, he was executed on the base of accusation, which were brought against his protector Buga.

death (in rare cases – less drastic punishment) and execution. We don't have official documents from the Turkic-Mongol states of the 13th–16th centuries on such procedure, which survive till our days, but it can be clearly restored from the narrative sources of this period.

Modern researchers of the Mongol conquests often analyze the subjects of plundering and destructions of cities and massacre of their population. For that they offer different explanations for why the Mongols destroyed cities – e.g. that they, as nomads, “didn't know” what to do with conquered cities [13, p. 230; see also: 47, p. 162], or that they practiced terror to frighten inhabitants of other cities and make them surrender without resistance [17, p. 269].

Of course, first of these explanations seems to be rather primitive and mistaken: up-to-date researches of archaeologists convince us that the medieval nomads of Central Asia had own cities and, sure, had idea of their role and importance. As for destroying cities and massacre of population as an instrument of terror, we could agree with such opinion but only in the cases of invasion. And what about punitive actions against the cities that already became a part of the Turkic-Mongol states? To our mind, only such actions could be characterized as repressions, and it makes sense to analyze their legal interpretations.

The subject of destroying and even total annihilation of cities and mass massacre of their population was examined in details by St. Petersburg historian A. Yurchenko who analyzed such actions as annihilation of cities, mass killing of people and even domestic animals as well as building of towers of skulls (widespread practice of the Turkic-Mongol invaders during the 13th–16th centuries) [see: 11; 47, p. 161–166]. To our mind, the researcher clearly brought out the sacral meaning of such actions, intention of the Mongol invaders to mark certain territories as sacred places (“kuruqs” in the Turkic-Mongol traditions) etc. But we are more interesting in the legal aspects of such actions.

The legal meaning of destroying the Central Asian cities during the campaigns of Chinggis Khan in the 1220s seems to be clear: in particular, Bamian and Nishapur were destroyed since during their siege there were killed both Mutugan, grandson of Chinggis Khan, and Toguchar, his son-in-law. The killing of the members of ruling house caused terrible punishment, and the places of their death were transformed in the “reserves of death” (such term is used by A. Yurchenko). Similarly, after the battle of Legnitsa in Poland (1241), a lot of Polish captives were killed by the Mongols, and there was build a tower of their skulls since the Mongol noble military leader was killed in this battle (researchers suppose that he could be also a member of the Chinggisid family) [see in details: 11, p. 162, 164–165]. In 1238, the Russian city of Kozelsk was wiped off the face of earth and its population was massacred since the Mongols suffered enormous losses during its siege and assault [see: 23, p. 112]. We could find the same examples in the history of campaigns both of Amir

Timur (Tamerlane) on the edge of the 14th–15th centuries and his descendant Babur in the beginning of the 16th century. So, in 1388 Timur destroyed Urgench (capital of Khorezm) and ordered to sow its site with grain since the rulers of this city repeatedly rebelled against him [2, p. 126–127], the same situation occurred in Isfahan [4, p. 58], as well as in Syria and India, where he destroyed cities and massacred people for their resistance and under pretence that they didn't want to convert to Islam and did harm to the Muslims [see: 2, p. 321; 31, p. 97–98; 37, p. 364, 368–369]. His great-great-grandson Babur, the famous poet and historian, also destroyed cities and built piles of skulls (some times he mentioned the “minarets of skulls”) in revenge to resistance to him by local people of Afghanistan and India [18, p. 160, 221, etc.].

But sometimes repressions against own cities also took place – when they submitted to the Turkic-Mongol rulers and then rebelled against them. Rulers practiced even more cruel actions against them. Rebellion and especially betrayal were the most serious crimes in the Mongol law and resulted into violent punishment. As we already have mentioned, the point is that the Chinggisids possessed the so called divine charisma, which was a sacred and legal basis for their right to rule [see: 34, p. 238]. Thus, such crimes were considered as political and religious at the same time: the Chinggisids considered rebellions and betrayal as an encroachment on the universal order and that was a reason of more cruel punishment. Thus, the Mongols massacred the Volga Bulgarians in the 1230s, when they submitted but rebelled again [38, p. 322]. In 1275, the Mongol commander Bayan destroyed the Chinese city of Changzhou and massacred population formally breaking the orders of Kublai Khan but in accordance with the Mongol law in general: the citizens of Changzhou submitted to the Mongols at spring of 1275, but then they recognized the power of the Chinese Southern Sung dynasty again [see: 44, p. 110–111]. The cruel punishment of the Moscow people by the Golden Horde khan Toqtamys and burning of the city were caused by their disobedience to their suzerains and refusal to pay the prescribed tribute (“vyhod”) [see: 24, p. 69]. While taking Bukhara, the Uzbek conqueror Muhammad Shaybani Khan didn't allow his troops to plunder the city, and it was considered by population as his weakness: people rebelled and after second taking of the city, it was plundered and a lot of inhabitants were killed by Uzbek soldiers. The similar situation occurred in 1501: the Central Asian cities of Karakul, Karshi, and Dabusia submitted to Shaybani Khan but then called for their former Timurid rulers again: khan and his commanders cruelly punished their population by plundering cities and building towers of skulls in the marketplaces [20, p. 122–123, 127]. Modern historians have opinion that such examples were not a simple demonstration of blood-thirstiness of the Turkic-Mongol rulers but of their justice: they punished the rebelled cities and restored the universal

order on the dependent territories as they understood it [see also: 21, p. 140–141].

Of course, there were no a show trials in the cases of cities' rebellions, but we also can say that the formal procedure of official accusation and legal interpretation of such actions took place in the most part of such cases.

As we can see, the predominant number of cases of political repressions were presented by their initiators as legal measures, provided official accusation and judicial proceedings and, as a result, the punishment of relatives, aristocracy and even city population transformed them in act of justice. It's necessary to emphasize that this tradition was preserved in the later Chinggisid states, where Islam was an official religion and where the domination of Muslim law was proclaimed [see in details: 1]. The Muslim law didn't replace the Turkic-Mongol legal traditions (some of them were used in the Central Asian States up to the beginning of the 20th century), but added new accusations, crimes and punishments. Thus, the Chinggisid rulers and their successors demonstrated their adherence to law (today we can even say – rule of law!). But whether there was a real high level sense of justice?

Of course, not. The legal basis was necessary for the rulers since within the Nomadic society existed very intricate clan (or tribal) system, which was transferred later into the Mongol Empire and Chinggisid states. Each representative of the ruling family or high official had strong patrimonial and matrimonial relations with different and powerful Mongol and Turkic clans, which had strong influence on the policy of the certain state. Unjustified punishment of any prince or noble could be a catalyst for the strife between clans and, as a result, for internal war, which could lead to weakening of the ruling elite and disintegration of the State (and precisely on this way finished the history of Mongol Empire, Yuan Empire in China, Chaghataid Ulus in Central Asia, Golden Horde, etc.). Thus, the legal basis was something like a compromise for rulers who needed to maneuver between different clans: by keeping the formal rules of accusation, trial and execution, they not only demonstrated their justice but also involved in decision-making process representatives of the powerful clans and provided the “cover-up” (mutual responsibility): clan leaders had no reasons to blame khans for repressions as they participated in trials themselves. In these circumstances, khans could punish even powerful clans because the most powerful one (not less respected than the khan's family) couldn't resist all other clans of the State. Besides that, sometimes trials ended by discharge of the accused (as it was with Shiremun and Naqu in 1252, Ariq-Buga and Asutai in 1264, Alexander of Tver' in 1337, etc.) and it was additional prove for impartial justice of the Turkic-Mongol rulers.

REFERENCES

1. Aigle D. Loi mongole vs loi islamique. Entre mythe et réalité. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 2004, no. 5–6, pp. 971–996.
2. Akhmedov A. (transl.). *Sharaf ad-Din Ali Yazdi. Zafar-name*. Tashkent, San'at. 2008. 486 p.
3. Allsen T.T. *Mongol Imperialism: The Politics of the Grand Qan Mongke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259*. Berkeley, University of California Press, 1987. XVII+278 p.
4. Bababekov Kh.N. (transl.). *Ibn Arabshah. Istoriya Amira Temura* [History of Tamerlane]. Tashkent, Institut istorii narodov Sredney Asii imeni Mahpirat, 2007. 240 p.
5. Bartold V.V. Retsenziya na knigu: E. Blochet, Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din (1910) [Review of: E. Blochet, Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din (1910)]. In: Bartold V.V., *Sochineniya*, Vol. 8 [Collected works. Vol. 8]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 270–310.
6. Bedrosian R. (transl.). *Kirakos Gandzakets'i's History of the Armenians*. E-text from the site: www.virtualscape.com/rbedrosian/kg1.htm.
7. Beveridge H. (transl.). *The Akbar-nama by Abul Fazl*, Vol. II. Delhi, 1977. XXIII+577 p.
8. Blake R.F., Frye R. (transl.). History of the Nation of the Archers (The Mongols) by Grigor of Akanc, *Harvard Journal of Asiatic Studies*, Vol. 12, no. 3–4, Dec. 1949, pp. 269–399.
9. Boyle J.A. (transl.), Morgan, D.O. (intr. and bibl.). *Juvaini Ata-Malik. The History of the World-Conqueror: Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini*. Manchester, Manchester University Publ., 1997. LXVII+765 p.
10. Defremery M.C. (transl.). Histoire des Khans Mongols du Turkistan et de la Transoxiane. Extraite du Habib Essiier de Khondemir. *Journal Asiatique*, 1852, Ser. IV, vol. XIX, pp. 58–94, 216–288.
11. Drobyshev Yu.I., Yurchenko A.G. “Zapovedniki smerti” Mongol'skoi imperii [Preserves of death of the Mongol Empire]. In: *Sibirsky sbornik – 1. Pogrebal'ny obryad narodov Sibiri I sopredel'nykh terroitoriy* [Siberian Collection – 1. The Burial Rites of Siberian Peoples and Adjacent Territories]. St. Petersburg, Muzei antropologii i etnografii (Kustkamera), 2009, pp. 160–169.
12. Gaivoronskiy O. *Poveliteli dyukh materikov, Vol. 1: Krymskie khany 15–16 stoletiy i bor'ba za nasledstvo Velikoi Ordy* [Sovereigns of two continents, Vol. I: Crimean khans of the 15th–16th centuries and the struggle for the Golden Horde legacy]. Kiev, Bakhchisaray, Oranta, 2007. 368 p.
13. Grousset R. *The Empire of the Steppes: A History of Central Asia*. New Brunswick, New Jersey, and London, Rutgers University Publ., 2000. XXX+687 p.
14. Hildinger E. (transl.). *The Story of the Mongols whom we call the Tartars, by Friar Giovanni di Plano Carpini*. Boston, Branden Publishing Company, Inc., 1996. 136 p.
15. Kazimirski M. (trad.). Jauber A. (rev.). Precis de l'histoire des khans de Crimee, depuis l'an 880 jusqu'a l'an 1198 de l'hegire. *Journal Asiatique*, vol. XII, 1833, pp. 349–380, 428–458.

16. Kerr R. (ed.). Travels of William de Rubruquis into Tartary, about the year 1253, in Kerr, R. (ed.), *General History and Collection of Voyages and Travels, Arranged in Systematic Order: Forming a Complete History of the Origin and Progress of Navigation, Discovery, and Commerce, by Sea and Land, from the Earliest Ages to the Present Time*, Vol. I. Edinburgh, William Blackwood; London, T. Cadell, 1824, pp. 161–261.

17. Khrapachevskiy R.P. *Voennaya derzhava Chingiskhana* [The Military State of Chinggis Khan]. Moscow, AST, 2004. 558 p.

18. Leyden J., Erskine W. (transl.). *Memoirs of Zehir-ed-Din Baber, emperor of Hindustan, written by himself in the Jagatai Turki*. London, Longman, Rees, Orme, Brown and Green; Edinburgh, Cadell and Co., 1826. VII+LXIX+433 p.

19. Mas Latrie L. de. Privileges commerciaux accordés à la République de Venise par les princes de Crimée et les Empereurs Mongoles du Kiptchak. *Bibliothèque de l'École des chartes*, 6-e ser., Vol. 4. Paris, 1868, pp. 580–595.

20. Mukminova R.G. O nekotorykh istochnikakh po istorii Uzbekistana nachala 16 v. [On some sources on the history of Uzbekistan at the beginning of the 16th century]. *Trudy Instituta vostokovedeniya Akademii nauk Uzbekskoy SSR*, Vol. 3. Tashkent, 1954, pp. 119–137.

21. Pochekaev R.Yu. Mongol'skie zavoevateli i mirnoe naselenie: pravovye aspekty vzaimootnosheniy [The Mongol conquerors and civilians: legal aspects of mutual relations]. In: Mirgaleev I.M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordyy. Materialy Kruglogo stola, provedennogo v ramkakh Mezhdunarodnogo zolotoordynskogo foruma (Kazan', 30 marta 2011 g.)* [The Golden Horde Warfare: Problems and Prospects of the Study. Materials of the round table carried out within the International Golden Horde Forum. Kazan, 29–30 March 2011]. Kazan, Foliant Publ., 2011, pp. 138–142.

22. *Polnoe sobranie russkikh letopisey, T. 10. Letopisniy sbornik, imenuemiy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 10. Collection of chronicles named Patriarchal or Nikon Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoi kultury Publ., 2000. 248 p.

23. *Polnoe sobranie russkikh letopisey, T. 11. Letopisniy sbornik, imenuemiy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 11. Collection of chronicles named Patriarchal or Nikon Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoi kultury Publ., 2000. 264 p.

24. Romaskevich A.A., Volin S.L. (eds.). *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy. T. II. Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannyye V. G. Tizengauzenom* [Compendium of materials related to the history of the Golden Horde, Vol. 2, Extracts from the Persian works, collected by V.G. Tiesenhauzen]. Moscow, Leningrad, Akademii nauk SSSR Publ., 1941. 288 p.

25. Ross E.D. (transl.). *The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat: A History of the Moghuls of Central Asia*. London, S. Low, Marston and Co., 1895. XXIV+128+535 p.

26. Rykin P.O. Gibel' knyazya Mikhaila Chernigovskogo v svete traditsionnykh mongol'skikh verovaniy [Death of prince Mikhail of Chernigov from the point of view of traditional Mongolian beliefs]. In: *Rossiya i Vostok: Traditsionnaya kul'tura, etnokul'turnye i etnosotsial'nye protsessy. Materialy 4 mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Rossiya i Vostok: problemy vzaimodeistviya"* [Russia and Orient: Traditional culture, ethno-cultural and ethno-social

processes: Materials of the 4th International scientific conference “Russia and Orient: Problems of interactions”]. Omsk, Omsk State University Publ., 1997, pp. 85–89.

27. Rykin P.O. K voprosu ob obychnykh raschleneniya i skal'pirovaniya u srednevekovykh mongolov [On the custom of dismemberment and scalping among the medieval Mongols]. In: *Sibirskiy sbornik – 1. Pogrebal'ny obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh terroitoriy* [Siberian Collection – 1. The Burial Rites of Siberian Peoples and Adjacent Territories]. St. Petersburg, Muzei antropologii i etnografii (Kustkamera), 2009, pp. 169–177.

28. Rykin P.O. Kontsepsiya smerti i pogrebal'naya obryadnost' u srednevekovykh mongolov (po dannym pis'mennykh istochnikov) [Concept of death and funeral rites among medieval Mongols (based on written sources)]. In: *Ot bytiya k inobytiyu: Folklor i pogrebal'nyy ritual v traditsionnykh kul'turakh Sibiri i Ameriki: Sbornik statei* [From existence to non-existence: Folklore and funeral rites in the traditional cultures of Siberia and America: Collected works]. St. Petersburg: Muzei antropologii i etnografii (Kustkamera), 2010, pp. 239–301.

29. Rykin P.O. Mongol'skiy srednevekoviy ritual v letopisnom rasskaze ob ubiystve knyazya Romana Ryazanskogo (1270 g.): opyt interpretatsii [Medieval Mongolian rite in the annalistic Tale of the murder of prince Roman of Ryazan (1270): experience of interpretation]. *Nomadic Studies*, 2005, no. 11, pp. 62–73.

30. Salakhedinova M.A. (transl.). *Khafiz-i Tanysh Bukhari. Sharaf-name-yi shakhi* (“*Kniga shakhskoi slavy*”), T. 1 [Book of Shah's glory, Vol. 1]. Moscow, Nauka, 1983. 299+245 p.

31. Semyonov A.A. (transl.). *Giyas ad-Din Ali. Dnevnik pokhoda Timura v Indiyu* [Diary of Timur's campaign in India]. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1958. 208 p.

32. Shastina N.P. (transl.). *Lubsan Danzan. Altan Tobchi* (“*Zolotoe skazanie*”) [“Golden Summary”]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 440 p.

33. Shukurov R.M. *Velikie Komniny i Vostok (1204–1261)* [The Grand Komnenoi and the Orient, 1204–1261]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2001. 448 p.

34. Skrynnikova T.D. *Kharisma i vlast' v epokhu Chingis-khana* [Charisma and Power during the Epoch of Chinggis Khan]. St. Petersburg, Eurasia Publ., 2013. 384 p.

35. Sultanov T.I. *Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast'* [Chinggis Khan and the Chinggisids: Destiny and power]. Moscow, AST Publ., 2006. 446 p.

36. Talyshkhanov E.R. (transl.), Mirgaleev I.M. (ed.). *Khafiz Abru (Shikhab ad-Din Abdallakh ibn Lutfallakh al-Khavafi). Zail-I Dzhami at-tavarikh-I Rashidi* (“*Dopolnenie k sobraniyu istoriy Rashida*”) [Addition to Compendium of Chronicles by Rashid al-Din]. Kazan, Yaz Publ., 2011. 320 p.

37. Ter-Grigoryan T., Bagramyan A. (transl.). Foma Metsopskiy. Istoriya Timur-Lanka i ego preemnikov [Thomas of Metsop. History of Tamerlane and his successors]. In: Rakhmanaliev R. (ed.). *Tamerlan: Epokha. Lichnost'. Deyaniya* [Tamerlane: Epoch. Person. Deeds]. Moscow, Gurash Publ., 1992, pp. 359–371.

38. Thackston, W.M., transl. *Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-tavarikh. Compendium of Chronicles. A History of Mongols*, 3 vols. Cambridge, Cambridge University Publ., 1998–1999. 811 p.

39. Tiesenhausen V.G. (transl.). *Sbornik materialov, odnosyaschikhsya k istorii Zolotoi Ordy, T. 1. Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh*. [Compendium of materials related to the history of the Golden Horde, Vol. 1, Extracts from the Arab sources]. St. Petersburg, 1884. XVI+565 p.

40. Tsulaya G.V. (transl.). *Anonimniy gruzinskiy chronograph 14th v.* T. 1: Tekst [Anonymous Georgian Chronograph of the 14th century, Vol. 1: Text]. Moscow, Institut etnologii i antropologii imeni N.I. Miklukho-Maklaya, 2005. 162 p.

41. Vasil'eva E.I. (transl.). *Sharaf-khan Bidlisi. Sharaf-name*, Vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1976. 351 p.

42. Vokhidov Sh.Kh., Muminov B.B. (transl.). *Jamal al-Karshi. Al-Mulkhakat bi-s-Surakh (Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh, Vol. 1)* [History of Kazakhstan in the Persian Sources]. Almaty, Daik-Press Publ., 2005.

43. Weatherford J., *The Secret History of the Mongol Queens: How the Daughters of Genghis Khan Rescued His Empire*. New York, Crown Publishers, 2010. 360 p.

44. Wright D.C. The Mongol general Bayan and the massacre of Changzhou, 1275. *Altaica VII*, Moscow, Institut vostokovedeniya Rossiyskoy akademii nauk, 2002, pp. 108–121.

45. Yudin V.P. (transl.). *Ötemish Hajji. Chingiz-nama*. Alma-Ata, Gylm Publ., 1992. 296 p.

46. Yule H. (transl.). *The Book of Ser Marco Polo, the Venetian, Concerning the Kingdoms and Marvels of the East*, Vol. I. London, John Murray, 1871. CLXI+410 p.

47. Yurchenko A.G., *Istoricheskaya geografiya politicheskogo mifa. Obraz Chingis-khana v mirovoi literature 13–15 vv.* [Historical Geography of Political Myth. Image of Genghis Khan in the World Literature of the 13th–15th centuries]. St. Petersburg, Eurasia Publ., 2006. 640 p.

About the author: Roman Yulianovich Pochekaev – Head of the Department of theory and history of law and state of the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg, Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor (198099, Promyshlennaya st., 17, St. Peterburg, Russian Federation); ropot@mail.ru

---

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ,
ЗОЛОТОЙ ОРДЕ И ДРУГИХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ
ГОСУДАРСТВАХ: ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ (XIII–XVI ВВ.)**

Р.Ю. Почекаев

(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург)

Статья представляет собой анализ примеров политических репрессии в Монгольской империи, Золотой Орде и других тюрко-монгольских государствах XIII–XVI вв. Автор рассматривает различные типы репрессий – про-

тив соперников в борьбе за трон, чиновников, вызвавших гнев монархов, восставших городов.

Так, соперники в борьбе за трон Монгольской империи и чингизидских государств XIII–XIV вв. зачастую обосновывали свои права на власть ссылками на Великую Ясу Чингис-хана. Соответственно, и расправа победителей с побежденными также основывалась на принципах «правопорядка» Чингис-хана: неопределенность этих правовых принципов (как думается, Великая Яса представляла собой не зафиксированный свод законов, а именно систему нормативных правил и принципов, провозглашенных Чингис-ханом или приписанных ему его преемниками) позволяла победителям мстить своим соперникам, используя правовые средства. Таким образом, обвинение в нарушении Великой Ясы являлось «универсальным» для решения проблемы избавления от опасного соперника.

При расправе с опальными вельможами Чингизиды использовали несколько иные средства, чем в борьбе с проигравшими соперниками. Тем не менее, имелся ряд «стандартных» обвинений – измена, поддержка узурпатора, казнокрадство. Поскольку подобные деяния также противоречили принципам Великой Ясы (как она трактовалась потомками Чингис-хана), в приговорах по делам сановников нередко фигурировала фраза «предать ясе».

Наконец, разрушение сопротивляющихся или восставших городов также можно включить в круг политических репрессий в чингизидских государствах. Расправа с иностранными городами, которые оказывали сопротивление монгольским завоевателям, представляла собой политику военного террора, с помощью которой монголы получали возможность не встретить сопротивления от следующих городов, и в данном случае никаких правовых оснований для резни и разрушений не требовалось. Когда же речь шла о собственных городах, восставших против законного монарха, то последний, расправляясь с ними всегда представлял свои действия как восстановление закона и порядка.

Несмотря на то, что в большинстве случаев поводом для расправы являлись личная воля монарха, месть или государственный переворот, такие репрессии (за немногочисленными исключениями) официально являлись результатом судебного разбирательства и вынесения приговоров преступникам, изменникам, взяточникам и т.д.

Ключевые слова: Монгольская империя, Золотая Орда, государство Ильханов, государства Чингизидов, политические репрессии, судебный процесс, государственная измена, мятеж, взяточничество.

Сведения об авторе: Роман Юлианович Почекаев – заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, кандидат юридических наук, доцент (198099, ул. Промышленная, 17, Санкт-Петербург, Российская Федерация); gorot@mail.ru

УДК 94(57)+94(574)"15"

**ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ ТРАДИЦИИ В «ГОСУДАРСТВЕ
КОЧЕВЫХ УЗБЕКОВ» ХАНА АБУ-Л-ХАЙРА**

Д.Н. Маслюженко

(ФГБОУ ВПО «Курганский государственный университет»)

Статья посвящена выявлению повседневных и политических традиций в ханстве Абу-л-Хайра, которое традиционно называется в литературе «Государством кочевых узбеков». Оно было создано на юге Западной Сибири в 1430-х гг. и военным путем включило в свой состав все земли потомков Шибана, младшего брата Бату. Среди исследователей доминирует точка зрения на это государство как изначально мусульманское, что подтверждается чтением в честь хана хутбы после занятия им «трона Саин-хана» и наличием в его окружении шейхов и суфиев.

При этом власть Абу-л-Хайра опиралась на значительную поддержку кочевой элиты более чем двадцати племен. Именно эта элита, ее запросы и интересы, выражавшиеся на советах знати, формировали существовавшие политические и повседневные традиции. Они показывают значительное сохранение среди кочевого населения тюрко-монгольских обычаев. Аналогии этим практикам могут быть найдены в более ранних обычаях предшественников данного постордынского государства, то есть Монгольской империи и Улуса Джучи. Эти традиции для ханства Абу-л-Хайра являлись феноменами культурной инерции, которые реставрировались в условиях исламизации и могли становиться адатами, что особенно показательно с учетом специфического отношения суфийских тарикатов к явлениям мирской жизни.

В политическом плане среди них особое значение имела реставрация проведения тоя и связанного с ним курултая, которые могли проходить в соответствии с существовавшим степным (животным) календарем. Были восстановлены раздачи халатов и поясов как основного механизма перераспределения должностей и полномочий среди степной аристократии. Военные традиции также ориентировались на образцы предшествующего времени, что, в частности, проявлялось в выделении крыльев и авангарда. В ходе военных действий использовались известные еще с раннего средневековья магические обряды, призванные повлиять на погоду с помощью магического камня яда и колдунов-ядачи.

Ключевые слова: исламизация кочевников, тюрко-монгольские традиции, кочевая элита, Шибаниды, государство кочевых узбеков, хан Абу-л-Хайр.

Ханство Абу-л-Хайра оказало значительное влияние на историю юга Западной Сибири второй–третьей четверти XV века. Одним из знаковых событий, в частности, стало восшествие этого хана на пре-

стол в Чинги-Туре весной или ранним летом 1430 года. Именно после этого за городом закрепился столичный статус во владениях Шибанидов, в особенности их сибирской ветви в лице хана Ибрахима и его наследников, создавших в 1460-е гг. Тюменское ханство. При этом следует учитывать, что интересы представителей данной династии чаще сосредотачивались в степной зоне Северного Казахстана и Южного Зауралья, что могло быть связано с кочевой спецификой повседневной жизни ханского двора и племенной аристократии. Сам город находился на далекой северной периферии этого пространства, обеспечивая контроль над пушными ресурсами Западной Сибири. Политическая история того объединения, которое в историографии принято называть «государством кочевых узбеков», достаточно хорошо изучена в историографии [2, с. 32–70; 15, с. 76–88], хотя отдельные вопросы хронологии еще требуют уточнения.

Однако один момент в истории «кочевых узбеков» при хане Абу-л-Хайре остается слабоизученным. Д.М. Исхаков указывает, что «Шибанидское государство с самого начала формирования было мусульманским ханством, а верховный правитель кочевых «узбеков» Абу-л-Хайр был настоящим мусульманином» [9, с. 150]. Эта позиция была поддержана и в недавней совместной работе А.Г. и И.А. Селезневых и И.В. Белича [21, с. 28–29]. Как правило, доказательства этого не приводится, факт воспринимается априори. В поддержку данной версии может быть указано присутствие при дворе хана сейидов, чтение хутбы на имя хана в Орду-Базаре и ряд других моментов, часть из которых связано с источниками, созданными в шибанидских государствах Средней Азии уже в XVI веке.

Влияние ислама на постзолотордынские государства оспаривать практически невозможно. Более сложен ответ на вопрос о том, на какие конкретно явления в жизни кочевой элиты как наиболее исламизированной группы населения степных государств позднего средневековья он оказал влияние и что при этом было сохранено в качестве адатов, то есть разрешенных исламом практик. Причем в данном случае генетически они должны были быть связаны с практиками Монгольской империи и Золотой Орды, являясь феноменами культурной инерции. Очевидно, что при общении хана с племенными биями и бахатурами он должен был апеллировать к конкретным формам поощрения их поддержки, которые и определяли их дальнейшее поведение.

Прежде всего, необходимо по возможности определить то, насколько много при дворе узбекского лидера было представителей суфийских тарикатов, которые наиболее активно действовали в степях. При этом присутствие мусульманских сейидов при дворе ханов и даже их участие в военных походах в качестве полководцев долгое время сохранялось в шибанидской государственной традиции [9, с. 151–166]. В окружении хана Абу-л-Хайра на совете перед началом

похода на Хорезм были представители одного из таких тарикатов Кул-Мухаммад-сейида и Кара-сейида, причем в перечнях соратников они указываются на первом месте, что свидетельствует о значимости этих фигур в политической структуре ханства. При этом участие сейидов в ранних событиях истории этого государства, в том числе в приходе Абу-л-Хайра к власти, упоминается одним источником, который и был использован в анализе Б.А. Ахмедовым и Д.М. Исхаковым [2, с. 99; 9, с. 151].

Сравнительный анализ списка соратников хана из «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» Кухистани (1540-е гг.) с аналогичными списками в более ранних источниках («Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» (1502–1504 гг.) и «Шейбани-наме» (1504–1510 гг.)), показывает не только наличие прямых заимствований между источниками, но и выявляет расхождения [16, с. 16–17, 96–97, 143–144]. Два ранних произведения практически дословно повторяют списки соратников, подразделяя их на две части – тех, кто был с будущим ханом «во время казачества» и тех, кто пришел, «когда он достиг могущества». Хотя в «Шейбани-наме» список расширяется за счет присоединения одиннадцати имен представителей омаков (или племен) кушчи, найманов, конгратов, уйгуров и курлаутов, которые играли значительную роль в дальнейшей истории этого ханства. Автор более позднего произведения «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» Масуд бен Усман Кухистани не только заимствует этот расширенный список, но и частично корректирует его. Кухистани убирает восемь имен, в том числе Мухаммад-бека конграта, но при этом добавляет 23 имени, в частности фигуры важных для легитимации хана в исламском мире Кул-Мухаммад-сейида и Кара-сейида. Возникает вопрос о том, каким образом формируется список этих добавленных имен. Сравнение с последующими перечнями участников различных походов хана выявляет, что, кроме пяти случаев, все они были автоматически записаны в интересующий нас список именно из них, за счет чего было достигнуто его расширение [16, с. 143–144, 146, 149, 153–154, 156–157, 159, 164, 168]. Это должно было показать максимально широкую поддержку нового хана уже в первые годы его правления. По всей видимости, такое допущение можно сделать и для сейидов, которые непосредственного участия в самих выборах не принимали, а присоединились к Абу-л-Хайру уже в ходе роста среднеазиатских интересов хана в 1430-е гг. При этом сейиды упоминаются как военные предводители лишь в трех событиях: битве с ханом Махмуд-Ходжой на Тоболе, походах на Хорезм в первой половине 1430-х гг. и на калмыков в 1457 г.

Несомненно, что определенную путаницу в этот вопрос вносит наличие приставки «ходжа» как у одного из лидеров общины Чинги-Туры буркута Кепек-Ходжи-бека, так и у лидеров таких кочевых племен, как уйгур, найман, конграт, тюмень, дурман, кушчи и группы ички из окружения Абу-л-Хайра. Всего эта приставка указана у

шестнадцати представителей разных племен, причем из них восемь в списке тех, кто казаковал с будущим ханом. В историографии существует мнение о том, что термин «ходжа» является синонимом понятия «сейид» [9, с. 179]. Чаще всего он рассматривается как несомненный признак почетного титула мусульманина, применяемый к потомкам четырех праведных халифов или мусульманских святых [1, с. 65]. Так, например, Р.Ю. Почекаев считает, что появление таких прибавок к имени, как Сейид или Ходжа в именах ханов, является наследием браков между Чингизидами и дочерьми сейидов [18, с. 101]. Однако «в текстах XIII–XIV вв. чаще всего встречается значение «чиновник»; с этим словом совпала персидская передача тюркского слова «коджа» – старик; в собственных именах оно часто не имеет никакого значения» [22, с. 305]. По всей видимости, именно в русле этого уважительного обращения следует рассматривать наличие этой приставки в первой половине XV века. Тем более, что в окружении Абу-л-Хайра в документах упоминаются прежде всего лидеры кочевых племен. При этом несомненно, что у кочевников появление этой части имени связано с исламским влиянием. Можно предположить, что в среде кочевой элиты начала XV века могло происходить постепенное наложение смысла «ходжа» как хозяин, владелец, господин, и «хаджи», то есть совершивший хадж, хотя даже в современных татарских именах обе эти части имени используются независимо. Наверное, имя хана Хаджи-Мухаммада из династии Шибанидов действительно могло быть связано с его родством по женской линии с сейидами или имамами, однако в целом имен с «хаджи» для этого времени в степях известно чрезвычайно мало.

Наверное, более показательны в этом отношении могли быть приставки «Суфи», «Дервиш» и «Шайх», которые тоже встречаются среди имен сподвижников хана. По всей видимости, они были близки по смыслу и обозначали непосредственную принадлежность именно к суфийским тарикатам (скорее всего, в условиях первой половины XV века это был тарикат Ясавийа). Трое из них упоминаются в окружении Абу-л-Хайра еще периода его казначества (Шайх-Суфи найман, Мумин-дервиш тубай, Ак-Суфи найман). Еще шестеро присоединились в период могущества хана, то есть после восшествия на престол, причем среди них было трое огланов, один из которых имеет сложное имя Шайх-Суфи.

Более сложный вопрос заключается в том, что именно нам известно о бытовавших в среде «узбекской» кочевой элиты повседневных традициях. По сути, единственное на данный момент исследование процесса исламизации населения улуса Шибана на всем протяжении его существования было проведено только В.П. Костюковым. Он указывал, что «после Узбека центральная власть не допускала отступлений от курса на исламизацию... Решающую роль в этом процессе играла элита. В клане Шибанидов приверженность исламу

отчетливо прослеживается по линии нарастания популярности мусульманских имен... Темпы укоренения ислама в народной массе были гораздо более медленными. После Узбека превращение кочевников в истинных мусульман становилось предметом особой заботы всех крупных лидеров Восточного Дашт-и-Кыпчака – от эмира Едигея до хана Кучума». В результате, по мнению исследователя, «самоидентификация местного населения как мусульман, инициированная реформой Узбека и непрерывно поддерживаемая местной элитой, судя по письменным источникам, становится реальным внутривнутриполитическим фактором ко второй четверти XV века» [10, с. 453–455]. Однако при этом все последующие тюменские и сибирские ханы, особенно Кучум в 1570-е гг., уделяют внимание процессу исламизации населения юга Западной Сибири, что наталкивалось и на военное сопротивление местного населения.

Очевидно, что исламизация не препятствовала сохранению тюрко-татарской культуры кочевых групп, генезис части которых связан с монгольскими племенами, а впитывала эти традиции в условиях специфического отношения суфийских тарикатов к явлениям мирской жизни. Показательным примером является и отношение к этому процессу политических лидеров. Так, по мнению Анке фон Кюгельген, правитель государства Тимуридов Шахрух (1409–1447 гг.) при укреплении ислама в регионе, сопровождавшимся антимонгольскими действиями и риторикой, одновременно с этим не видел необходимости упразднить монгольские порядки, в частности монгольский суд и наказания за нарушение ясы. Это же было характерно и для шибанидских ханов, и для мангытских правителей Средней Азии последующего времени [13, с. 42, 229, 259].

В понимании автора данной статьи исламизация – это процесс принятия обществом ислама, включая символику, ритуалы, вероучение, богослужение, то есть формирование и интеграция мусульманских институтов в общественную структуру и культуру. В конечном итоге это формирование уммы, то есть местной религиозной общины мусульман. Для населения степных, а тем более периферийных территорий, к которым относится и Западная Сибирь, в этом процессе по разным причинам должны были быть значительные особенности. Так, специалисты по сибирскому исламу А.Г. и И.А. Селезневые определяют его как региональный вариант религиозного синкретизма, то есть «теснейшее переплетение различных религиозных и культурных традиций» [20, с. 3]. Для эпохи средневековья этот синкретизм мог усугубляться длительным сохранением среди сибирских тюрко-татарских групп традиций кочевого образа жизни, который не способствовал при одновременном отсутствии четкой религиозной организации распространению знаний об исламе и их практическом применении. Именно в таком контексте необходимо рассматривать отдельные политические, религиозные и повседневные традиции,

распространившиеся среди кочевых узбеков. В конечном итоге специфические черты сибирского ислама могли начать складываться именно в период золотоордынской истории. Причем участие в процессе исламизации именно представителей тариката Ясавийа могло создать основу для появления популярных в Западной Сибири образов «святых» Хаким Ата и Занги-Ата, которые убедительно идентифицируются именно с деятелями этого братства [20, с. 61, 84].

Несмотря на создание текстов о хане Абу-л-Хайре мусульманскими авторами, в них можно найти некоторые факты, которые говорят о сохранении в среде военной аристократии ряда тюркомонгольских кочевых традиций, характеризующих сферу политических и повседневных практик военной элиты. При этом в исламе эти кажущиеся отклонения могли рассматриваться как адаты. Скорее всего, такое сохранение не должно вызывать удивление, поскольку такие племена, поддержавшие на начальном периоде Абу-л-Хайра, как дурмен, найман, мангыт, уйгур, тюмен, уйшун, тубай, конграт, кыйат, масит, тангкут, непосредственно связаны именно с существованием Монгольской империи и Улуса Джучи. Известный американский антрополог Эдвард Оллворт отмечал, что часть ханских ритуалов и форм поведения Абу-л-Хайра были в значительной степени ориентированы именно на кочевых лидеров [29, р. 26]. Необходимо понимать, что сама опора в борьбе за власть в этих условиях на чингизидскую генеалогию «...означала также возвращение к монгольским традициям и система права...», как это видно на примерах из истории среднеазиатских государств, исследованных Анке фон Кюгельген [13, с. 45], хотя вопрос о взаимовлиянии чингизидской и исламской идеологии еще не достаточно хорошо изучен в литературе.

По всей видимости, наибольшее значение эти кочевые традиции имели в первые годы существования «Узбекского государства», то есть в период его функционирования на севере степной зоны и южной лесостепи Западной Сибири. Ситуация в этом отношении коренным образом могла измениться только после похода на Хорезм в 839 г.х. (27.07.1435 – 15.07.1436). В том числе после того, как в возрасте 24 лет (840 г.х. / 16.07.1436 – 5.07.1437), то есть на следующий год после похода, Абу-л-Хайр получил от Шахруха «в удел Хорезм и создал свое государство в Дашт-и Кыпчаке» [26, с. 117]. Переориентация целей хана и поддерживающих его кочевых лидеров на юг могла привести и к некоторой трансформации политической и повседневной сферы.

Обратим внимание на то, что даты рождения (год дракона, «который есть год крокодила»), воцарения на престол (год обезьяны) и смерти (год мыши) приведены Кухистани в «Тарих-и Абу-л-Хайрхани» не только в системе мусульманского календаря, но и продублированы по животному календарю, характерному для кочевого мира [16, с. 141, 144]. Зарождение такого календаря принято связывать

с тюркоязычными кочевниками Центральной Азии, хотя он распространен среди многих народов Азии. Предполагается, что автор этого источника мог использовать не только более ранние сочинения, но и не дошедшие до нашего времени государственные документы [16, с. 136]. Такая двойная хронология характерна для ряда исторических трудов, написанных мусульманскими авторами в государствах Средней Азии, Крыма и Поволжья, связанных с чингизидской традицией [13, с. 190–192]. Относительно данного источника следует помнить, что он был создан по поручению хана Абд ал-Латифа, внука Абу-л-Хайра, как для его личного пользования, так и для прославления предков хана. Двойная дата с использованием животного календаря позволяла легче воссоздать биографию основателя династии с учетом того значения, которое придавалось в кочевой среде знанию генеалогии. По мнению И.В. Захаровой, «в повседневной жизни в целом тюрко-язычных народностей 12-летний цикл до XX в. играл роль единственного способа летоисчисления. Его преимуществом являлась легкость счета, в частности, то, что по циклу счет ведется на солнечные годы, в то время как по хиджре – на лунные, что гораздо сложнее и было доступно только ученым людям и духовенству» [7, с. 34]. С точки зрения А.Г. Юрченко, «государственное время в Улусе Джучи следовало ритмам центрально-азиатского календаря с двенадцатилетним животным ритмом. Этот календарь был имперским календарем, иными словами, политическое время было структурировано в символах монгольской культуры...» [28, с. 202]. По всей видимости, именно животный календарь использовался кочевниками, вошедшими в состав государства хана Абу-л-Хайра.

В свете исследуемого вопроса показательны указания авторов относительно событий, произошедших в ставке хана после значимого для Абу-л-Хайра разгрома Махмуд-Ходжи весной–летом 1431 года. Именно в это время под властью молодого хана оказалась собрана значительная часть бывшего улуса Шибана. При этом эмирам и воинам была роздана вся полученная после сражения военная добыча, которая включала в себя невольниц, лошадей, верблюдов, шатры, кольчуги, оружие и панцири. Однако Кухистани об этом событии особо отмечал: «Всех высокопоставленных султанов и славных эмиров он отличил и [возвысил] вещами, поясом и высокими должностями» [16, с. 149]. Кипчак-хан в более краткой форме писал: «Хан-и Бузург вернулся победителем и устроил большой той» [16, с. 391]. Очевидно, что той – это большое празднество, которое сопровождалось коллективным пиром.

Щедрость хана по отношению к воинам и представителям элиты была одним из показателей идеала правителя [25, с. 77]. По сути, хан выступал редистрибутором, и в рамках престижной экономики эти подарки были важным инструментом влияния на кочевую элиту, отказ от которого мог повлечь центробежные тенденции. Аналогичные раз-

дачи неоднократно упоминаются в источниках при описании деятельности Чингиз-хана и его потомков [11, с. 281–295]. Утемиш-хаджи описывает аналогичный поступок предка Абу-л-Хайра Шибана: «Столько досталось [им] имущества и снаряжения, кольчуг [и] панцирей, что не было тому ни числа, ни счета. Однако Шайбан-хан повелел, чтобы ни единая вещь и [предмет] снаряжения, которые попали [в руки] каждому человеку, не были присвоены [и] чтобы их все принесли... Принесли всю эту добычу [и] преподнесли [ее Саин-хану]... Затем, когда прибыл [Саин-хан и] устраивал корунуши, много различных милостей и благоволение оказал он Шайбан-хану и сделал [ему] пожалования. Всю попавшую [им в руки] добычу [он] пожаловал Шайбан-хану, [а тот] всю ее подарил своему войску» [27, с. 94].

В отличие от описанного примера, раздачи подарков Абу-л-Хайром известны не только после военных действий, но и в иных значимых ситуациях, причем относительно отдельных лиц. Часть даров имели, скорее всего, статусный характер, в частности пояса и халаты. Кухистани упоминает ритуал одарения «дорогими халатами», который был проведен по отношению к Алаш-бахадару и его аймаку сразу после возведения на престол молодого хана в 1430 г. Именно в юрте Алаша скрывался Абу-л-Хайр последнюю зиму перед этим событием. Причем, в источнике указывается, что в ведении бахадура после этого были оставлены «...[право] распоряжения страной и имуществом...» [16, с. 145], в дальнейших событиях он не упоминается. Имеется информация о подобных подарках и для более раннего времени. Так, Шереф-ад-дин Йезди в «Книге побед» упоминает подобный случай, однако не связанный с большим праздником. В мае 1391 года Тимур почтил «царскими наградами, подарил... золотой пояс к колчану и собственный халат...» Шейх-Давуду-туркмену за то, что тот взял в степях Притоболья пленного, который рассказал новости о Токтамыше [8, с. 343]. Таким образом, очевидно, что наделение подобными предметами могло проводиться как для значительных групп степных аристократов в ходе общезначимых ритуалов, так и для отдельных людей за особые заслуги перед ханами или другими лидерами.

При этом общезначимые ритуалы и раздачи часто приурочены к летним или осенним месяцам. Это видно по той причине, что после раздач и пиров хан отпускает воинов на места кочевий, что в условиях юга Западной Сибири и казахстанских степей было резонно делать не позднее, чем к концу осени. Хотя в данном случае специфика источниковой базы оставляет эти размышления лишь на уровне предположений, можно сравнить сроки проведения этих церемоний с принятыми датами курултаев в Монгольской империи, которые проводились в период августа-октября [11, с. 388–389]. При этом описание некоторых курултаев, например собранного кааном Угедеем в 1235 г., в значительной степени схоже с более поздними праздни-

вами. По всей видимости, аналогичные мероприятия устраивались и в Улусе Джучи. Хорошо известен в литературе праздник, который посетил Ибн Баттута в июне 1334 года при кочевой ставке хана Узбека. Путешественник писал об этом, что по постановлению Чингизхана «...они должны собираться раз в год на пиршество, которое называется туй, или «день празднества». К этому дню съезжаются со всех концов страны потомки Чингиза – эмиры, хатуны и крупные военачальники» [28, с. 215].

Аналогичная церемония, в ходе которой хан «...удостоил падишахскими халатами и царственными подарками известных бахадуров и воинов...», была проведена и после разгрома ханов Махмуда и Ахмада между 1447–1449 годами. Именно после этого события Абу-л-Хайр занял «трон Саин-хана», с именем хана была прочитана хутба и затем проведен чекан монеты [16, с. 155]. При этом чтению хутбы однозначно придавалось большое значение в создании образа мусульманского правителя как в политических реалиях того времени, так и в используемом тексте источника. Такие события, как возведение на престол, разгром основного конкурента в лице дяди хана Махмуд-Ходжи, захват «трона Саин-хана», однозначно, меняли политическое положение самого Абу-л-Хайра, что и требовало нового конструирования ханского окружения.

Однако пожалование халатом и падишахскими дарами упоминается не только по отношению к лидерам кочевых узбеков, но и к соседним правителям, например по отношению к правнуку Тимура Абу-Саиду, когда в 1451 году тот оказался при дворе хана, чтобы заручиться его поддержкой. При этом Абу-Саиду также поставили «царский шатер и ограду и крытый двор для аудиенции» [16, с. 163]. Получение этих даров, особенно одежды, из рук хана, традиционно создавало основу для зависимости, в том числе политической, получателя от дарителя. Такая практика известна не только из кочевой истории, но и позднее использовалась правителями Московского царства, в том числе по отношению к выходцам из степных государств.

Таким образом, в перечне подарков особенное внимание обращают на себя наличие в их составе таких вещей, как халаты (с эпитетами «царский» или «падишахский»), и, в одном случае после победы над ханом Махмуд-Ходжой, пояса, при этом данная процедура совпадает с указаниями о наделении получателей высокими должностями. Аналогии этому, на наш взгляд, следует искать в ритуалах периода Монгольской империи и Улуса Джучи, где халат и пояс выступали одним из внешних атрибутов статуса. Следует помнить, что старшее поколение узбекской элиты еще вполне могло помнить об их существовании, ведь, по сути, со времени пусть и формально единой Золотой Орды прошло всего несколько десятилетий. Сохранение ордынской идеологии объясняет и то значение, которой придавалось

захвату Абу-л-Хайром Орду-Базара и трона Саин-хана в конце 1440-х гг. в легитимации власти хана. Курултай в ханстве Абу-л-Хайра продолжали по образцу более ранних выполнять многочисленные функции: решение политических вопросов, перераспределение ценностей и должностей, проведение общих праздников и пиров. В конечном итоге подобные мероприятия были основой государственной идеологии, спланивающей хана и его родственников с представителями племенной аристократии, укрепляющей их власть.

Значительную роль совета кочевой знати в управлении государством кочевых узбеков подчеркивал и Б.А. Ахмедов [2, с. 98–99]. Например, перед походом на Хорезм хан «вызвал для совещания и совета вождей войска и отважных [предводителей] победоносной рати, сливки сейидов... и других предводителей победоносного войска» [16, с. 149]. Аналогичное событие произошло и перед походом на Махмад и Ахмада: «... хан после совета с [эмирами и предводителями войска]...» [16, с. 153]. В условиях степных войн и роста роли в них племенных вождей без их поддержки ханы не только не могли проводить свою политику, но и вообще удержаться у власти, что и привело к реставрации таких более ранних институтов, как курултай. Возможно, этот институт сохранялся и в других тюрко-татарских государствах Западной Сибири, например, приглашение Кучума на престол было осуществлено именно по решению «сибирских людей», а на всю землю Сибирскую ссылался Едигер в своем письме в Москву в январе 1555 года [17, с. 370].

Таким образом, той 1431 г., по сути, мог быть аналогом курултая племенной военной аристократии и части Чингизидов, после которого Абу-л-Хайр считался избранным ханом. В ходе этого праздника каждый его участник, «кто имел место в системе управления, получал доступ к распределению ресурсов, реальных (например, пастбища) и символических (знаки власти)» [28, с. 212]. Именно по этой причине Абу-л-Хайр среди прочих подарков раздавал пояса, халаты и связанные с этим должности. Раздачу или, точнее, одевание халатов на эмиров в ходе праздника июня 1334 года отметил и Ибн Баттута [8, с. 138]. По всей видимости, эти раздачи, с учетом символики халатов и поясов, повторяли ранее известные процедуры в Монгольской империи и Золотой Орде, которые могли использоваться в политических технологиях вне зависимости от религиозной принадлежности одаряемых.

Хан и кочевая аристократия в ходе этого события ежегодно подтверждали взаимный статус. Съезды знати были наследием общемонгольской политической системы, нормировавшей повседневную жизнь населения как империи в целом, так и отдельных улусов. При этом наделение поясом и халатом с очевидностью было внешним знаком наделения властными полномочиями и статусными отличиями, что отражало сложившуюся символику пояса и халата в мон-

гольской культуре. З.В. Доде пишет, что «...в золотоордынских церемониях сохранялись имперские традиции, в которых почетный халат выполнял функцию государственного символа» [цит. по: 28, с. 189]. Имперская самоидентификация, по мнению М.Г. Крамаровского, осуществлялась в выборе ханами, нойонами и представителями местной аристократии соответствующих регалий, к которой относятся костюм, прическа, головные уборы, детали конского снаряжения, парадная утварь и воинские пояса [12, с. 201]. Примеры с раздачами Абу-л-Хайра показывают, что подобная символика халата и пояса сохраняла свое значение и среди кочевых узбеков во второй четверти XV века. При этом иные ранее известные регалии в текстах о деятельности шибанских ханов не упоминаются. По мере расширения среднеазиатской политики Абу-л-Хайра утрачивают смысл и раздачи поясов, но раздача халатов фиксируется и позднее. По всей видимости, можно поставить вопрос о причинах постепенного исчезновения ранее общепринятых политических символов.

Помимо политических и повседневных традиций, в государстве хана Абу-л-Хайра сохранялись и характерные навыки тюрко-монгольского военного дела, на которые сам по себе ислам не оказывал влияние. Деление войска на крылья было принято у большинства кочевых обществ эпохи средневековья. Впервые у Кухистани этот принцип описан в полевом сражении войск Джумадука против восставших биев, когда сам Абу-л-Хайр, видимо, еще будучи огланом, руководил левым крылом. Этот же принцип использовал во всех полевых сражениях сам Абу-л-Хайр, уже став ханом. При этом он лично руководит центром войска, а левое и правое крылья находятся под предводительством султанов и эмиров. При этом левое крыло всегда описывается первым, а Мунис в своем произведении «Фирдаус ал-икбал» указывает применительно к элю Йадгара, который в 1460-х гг. рассматривался как конкурент Абу-л-Хайру, что «... по монгольскому обычаю левая сторона более почетна, чем правая» [16, с. 436]. В большинстве случаев выделялся также авангард, которым всегда руководил племянник хана Бахтийар-султан [16, с. 141, 146, 154, 157, 165–166]. Исключением из этого правила были лишь походы на Хорезм и Сыгнак [16, с. 149–159], где при завоевании городских регионов использовалась тактика и стратегия, отличная от полевых сражений с иными кочевыми группами. Источники упоминают и сохранение десятичной системы сбора войска, а также личную проверку и осмотр ханом «воинских доспехов, лат и средств сражения» [16, с. 359].

Более интересно то, что в военной практике сохранялось и использование магических ритуалов. В частности это фиксируется уже в конце 1440-х гг. в ходе столкновения узбекского войска с сыновьями Кичи-Мухаммеда Махмудом и Ахмадом, а также в 1451 году при пересечении степей во время похода на Самарканд. В первом случае перед началом битвы хан «...приказал, чтобы ядачи, бросив в воду

камни яда, занялись гаданием при помощи этих камней», что привело к появлению черных туч на небе [16, с. 154]. Во второй раз, в 1451 году, Абу-л-Хайр поддержал претензии на престол Абу Саида, потомка Тамерлана. Для облегчения пересечения Голодной степи во время похода на Самарканд хан приказал провести ядачи соответствующие обряды, которые привели к появлению облаков [16, с. 164].

Комментаторы текста отмечают, что «яда – это желчный камень рогатого скота, безоар, силою которого, по поверьям кочевников Монголии, Тибета и тюрков Центральной Азии, можно вызвать или прекратить дождь, произнеся соответствующие заклинания» [16, с. 514]. Османский историк XVI в. Сейфи Челеби, описывая использование подобных обрядов в Кашгарии для обеспечения торговли с Китаем, говорит несколько об ином происхождении камня: «Это костистое вещество величиною с грецкий орех, обладающее твердостью камня. Его находят в черепе человека, свиньи, лошади и других животных, но в исключительно редких случаях» [24, с. 260].

В целом управление погодой с помощью яда было характерно для магических обрядов тюркских и позднее монгольских кочевников как в мирные периоды для ликвидации засухи, так и в военное время. По мнению Л.Н. Гумилева, впервые в военной тактике вызов снежной бури был использован в начале V века в войне Юебань против жужуаней, а позднее сами жужане (авары) вызывали грозовую бурю против франков [5, с. 84]. Мусульманские источники раннего средневековья подчеркивают умение шаманов у тюрков, уйгуров, кимаков вызывать дождь с помощью яда-таш. В военных действиях это способ тюрки-караханиды использовали против последнего эмира из династии Саманидов Исмаила в начале XI века [3, с. 346]. В начале XIII века подобный обряд проводился для прекращения засухи в ставках хорезмшаха Мухаммада и его сына Джелал ад-Дина, в окружении которых было значительное число кыпчаков и канглов [4, с. 321].

В период формирования Монгольской империи обряд вызывания дождя с помощью камня проводился найманами и ойратами в битве при Койтене против объединенных войск Ван-хан и Темуджина в 1201 году, что обернулось против них самих [23, с. 52–53]. Этот обряд использовался и монгольскими армиями, которые, скорее всего, заимствовали его у тюрков. Например, аналогичный обряд был применен весной 1232 года Тулуй-ханом, младшим сыном Чингиз-хана, в сражении против чжурчженьских войск Алтан-хана. Рашид ад-дин пишет об этом: «Тулуй хан приказал колдовать. А этот вид алхимии, [связанный] с существованием разного рода камней, природное свойство которых таково, что когда их извлекают, кладут в воду и моют, тотчас же, [даже] если будет середина лета, [поднимется] ветер, начнется холод, дождь, снег и ненастье». Далее рассказывается о том, что в войске Тулуя был канглы, сведущий в науке яда, причем колдовал он так хорошо, что позади войска монголов шел дождь, а в

последний день пошел снег и началась метель. Это привело к ослаблению войск Алтан-хан и его поражению [19, с. 23]. Практически аналогично об этом событии рассказывает Джувейни [6, с. 128]. Существуют упоминания об использовании «яда» против минских войск сыном последнего императора династии Юань Тогон-Тимура при его отступлении. За несколько лет до этого аналогичный обряд был использован моголами Чагатайского улуса против Тимура [3, с. 347]. Таким образом, искусство вызывать ненастье перед сражением является отголоском древней традиции кочевого мира, а его использование свидетельствует о сохранении этой практики среди номадов, поддерживающих хана Абу-л-Хайра. Позднее волхование посредством камней сохранилось у потомков тех групп, которые входили в шибанидские государства позднего средневековья. В частности, оно фиксировалось у томских тюрок (чатов, эуштинцев) еще в начале XVII века [20, с. 113–117]. Возможно, с ними же следует связывать и чародеев-джаадугар, которые обвораживали пленных, чтобы те при побеге сбились с дороги, и которые существовали у казахов еще в XVIII веке [14, с. 319].

Таким образом, исламизация кочевой элиты «государства кочевых узбеков» хана Абу-л-Хайра сохранила в ее среде в 1430–1450-е гг. в форме адатов политические и повседневные практики, которые отсылают к доисламским обычаям. Среди них особое значение имели проведение тоя и курултая, раздача халатов и поясов, сопровождающееся наделением должностей, а также ряд военных, в том числе магических (ядачи), традиций. На взгляд автора, все они имеют общую основу по отношению к общим формам поведения и обрядам кочевых народов на территории Монгольской империи и государств-наследников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абашии С.Н.* Потомки святых в современной Средней Азии // Этнографическое обозрение. 2001. № 4. С. 62–82.
2. *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М.: Наука, 1965. 181 с.
3. *Бойл Дж.Э.* Тюркский и монгольский шаманизм в средневековье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6. Золотоордынское время. Донецк: ДонНУ, 2008. С. 341–350.
4. *Голден П.Б.* Религия кыпчаков средневековой Евразии // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6. Золотоордынское время. Донецк: ДонНУ, 2008. С. 309–340.
5. *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М.: Товарищество «Клышников – Комаров и К», 1993. 528 с.
6. *Джувейни Ата-Мелик Чингисхан.* История Завоевателя Мира. М.: Издательский дом Магистра-Пресс, 2004. 690 с.

7. *Захарова И.В.* Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Т. 8. Алма-Ата, 1960. С. 32–65.
8. Золотая Орда в источниках. Т.1. Арабские и персидские сочинения / сост., вводная статья и комм. Р.П. Храпачевского. М., 2003. 448 с.
9. *Исхаков Д.М.* Институт сейидов в Улусе Джучи и поздnezолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань: Фэн АН РТ, 2011. 228 с.
10. *Костюков В.П.* Культурные трансформации в урало-казахстанской степи в первой половине II тыс. н.э. // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск: Рифей, 2006. С. 444–457.
11. *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006. 557 с.
12. *Крамаровский М.Г.* Два вектора формирования культуры монгольской элиты XIII–XIV вв. // История и культура средневековых народов степной Евразии. Материалы II Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 200–203.
13. *фон Кюгельген А.* Легитимация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы: Дайк-пресс, 2004. 516 с.
14. *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
15. *Маслюженко Д.Н.* Политическая история становления ханства Абул-Хайра на юге Западной Сибири // Тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2012. С. 76–88.
16. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1969. 652 с.
17. Полное собрание русских летописей. Т.13. Патриаршая, или Никонская летопись. М.: Наука, 1965. 240 с.
18. *Почекаев Р.Ю.* Религиозные факторы легитимации власти в Золотой Орде и позднесредневековых тюрко-монгольских государствах XV–XVIII вв. // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 96–109.
19. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т.П. М.-Л.: Академия наук СССР, 1960. 214 с.
20. *Селезнев А.Г., Селезнева И.А.* Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. 72 с.
21. *Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В.* Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: Изд.дом Марджани, 2009. 216 с.
22. Сборник материалов по истории Золотой Орды. Т.П. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1941. 309 с.
23. Сокровенное сказание монголов / пер. С.А.Козина. М., 2002. 156 с.
24. *Султанов Т.И.* Известия османского историка XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии // Тюркологический сборник, 2003–2004. М.: Восточная литература, 2005. С. 254–272.
25. *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2006. 445 с.

26. Таварих-и гузида Нусрат-наме / иссл., критический текст А.М.Акрамова. Ташкент: Фан, 1967. 135 с.

27. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсим., пер., транскр., текстолог. примеч., иссл. В.П. Юдина. Коммент. и указат. М.Х. Абусейтовой. Алма-Ата: Ёлым, 1992. 296 с.

28. Юрченко А.Г. Хан Узбек. Между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб.: Евразия, 2012. 400 с.

29. Allworth A.E. The Modern Uzbeks. From the Fourteenth Century to the Present. A Cultural History. Stanford: Hoover Institution Press, 1990. 410 p.

Сведения об авторе: Денис Николаевич Маслюженко – заведующий кафедрой «Культурология» Курганского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (640669, ул. Гоголя, 25, Курган, Российская Федерация); denmas13@yandex.ru

---

TURKO-MONGOL TRADITIONS IN THE “STATE OF NOMADIC UZBEKS” OF ABU AL-KHAIR KHAN

D.N. Maslyuzhenko
(Kurgan State University)

The author of this article identifies the daily and political traditions in the Khanate of Abu al-Khair, which researchers traditionally call the “State of nomadic Uzbeks”. This State was created in the south of Western Siberia in the 1430’s and annexed by military means to the land of Shiban’s (the younger brother of Batu) descendants. The overwhelming majority of researchers consider it as a Muslim State since its very foundation, substantiating their allegations by indication both on the reading of khutba in honor of Khan after he took the “throne of Sain Khan” and on the presence of the sheikhs and Sufis in his entourage.

At the same time, the authority of Abu al-Khair had the strong support of nomadic elite of more than twenty tribes. Precisely this elite, its inquiries and interests, which were advocated on the nobility councils, formed the existing political and daily traditions. These traditions reflect the preservation of Turko-Mongol customs among nomadic populations. We can find analogies of these practices in the earlier customs among the precursors of post-Golden Horde State, i.e., in the Mongol Empire and the ulus of Jochi. Traditions of the Abu al-Khair’s Khanate represented a phenomenon of cultural inertia, which were restored in the conditions of Islamization and could become the *adats*. This effect is particularly significant in view of the specific attitude of Sufi tariqats to the phenomena of social life.

In political terms, of particular importance among these was the restoration of the Toy and the related kurultay that could take place in accordance with the existing steppe (animals) calendar. The khans restored the ritual of robes and belts’ distribution as the main mechanism for redeployment of posts and

responsibilities among the steppe aristocracy. Military tradition was also focused on samples of the previous time, which was particularly manifested in the selection of wings and avant-garde. In the course of military operations, there was the prevalent practice of magical rites known since the early Middle Ages and aimed at influencing the weather by means of the magic stone “yada” and Yadachi-sorcerers.

Keywords: nomadic Islamization, Turko-Mongol traditions, nomadic elite, Shaybanids, State of the nomadic Uzbeks, Khan Abu al-Khair.

REFERENCES

1. Abashin S.N. Potomki svyatykh v sovremennoy Sredney Azii. [The descendants of saints in modern Central Asia]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2001. No. 4, pp. 62–82.
2. Akhmedov B.A. *Gosudarstvo kochevykh uzbekov* [The state of nomadic Uzbeks]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 181 p.
3. Boyl Dzh.E. *Tyurkskiy i mongol'skiy shamanizm v srednevekov'e* [Turkish and Mongol Shamanism in the Middle Ages]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya*. T.6. *Zolotoordynskoe vremya* [The European Steppes in the Middle Ages. The Golden Horde period]. Donetsk, Donetskii natsional'nyy University Publ., 2008, vol. 6, pp. 41–350.
4. Golden P.B. *Religiya kypchakov srednevekoviy Evrazii* [Religion among the Qipchaqs of Medieval Eurasia]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya*. Vol. 6. *Zolotoordynskoe vremya* [The European Steppes in the Middle Ages. The Golden Horde period]. Donetsk, Donetskii natsional'nyy University Publ., 2008, pp. 309–340.
5. Gumilev L.N. *Drevnie tyurk* [The Ancient Turks]. Moscow, Tovarishestvo «Klyshnikov – Komarov i K», 1993. 528 p.
6. Dzhuveyni Ata-Melik Chingiskhan [Chinggis Khan. The History of the World Conqueror]. *Istoriya Zavoevatel'ya Mira*. Moscow, Izdatel'skiy dom Magistra-Publ., 2004. 690 p.
7. Zakharova I.V. Dvenadtsatiletniy zhivotnyy tsikl u narodov Tsentral'noy Azii [Twelve-year animal cycle among the peoples of Central Asia]. *Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii Akademii nauk Kazakhskoy SSR* [Proceedings of the Institute of history, archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR]. Alma-Ata, 1960, vol. 8, pp. 32–65.
8. *Zolotaya Orda v istochnikakh. Vol. 1. Arabskie i persidskie sochineniya* [The Golden Horde in the sources. Arab and Persian writings]. Sost., vvodnaya stat'ya i komm. R.P. Khrapachevskogo. Moscow, 2003. 448 p.
9. Iskhakov D.M. *Institut seyidov v Uluse Dzhuchi i pozdnezolotoordynskikh tyurko-tatarskikh gosudarstvakh* [Institute of Seyyids in the Ulus of Jochi and the Late Golden Horde Turkic-Tatar States]. Kazan, Fan Publ., 2011. 228 p.
10. Kostyukov V.P. Kul'turnye transformatsii v uralo-kazakhstanskoy stepi v pervoy polovine II tys. n.e. [Cultural transformation in the Ural steppes of Kazakhstan in the first half of the II Millennium AD]. *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Step' (problemy kul'turogeneza)* [Archaeology of the Southern Ural. The Steppe (problems of cultural genesis)]. Chelyabinsk, Rifey Publ., 2006, pp. 444–457.

11. Kradin N.N., Skrynnikova T.D. *Imperiya Chingis-khana* [Empire of Genghis Khan]. Moscow, Vostochnay literatyra Publ., 2006. 557 p.
12. Kramarovskiy M.G. Dva vektora formirovaniya kul'tury mongol'-skoy elity XIII–XIV vv. [Two vectors of formation of the Mongolian elite culture in the 13th–14th centuries]. *Istoriya i kul'tura srednevekovykh narodov stepnoy Evrazii. Materialy II Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoy arkheologii evraziyskikh stepey* [History and culture of medieval Nations of the Eurasian steppe. Materials of II International Congress of medieval archaeology of the Eurasian steppes]. Barnaul, Altai University Publ., 2012, pp. 200–203.
13. fon Kyugel'gen A. Legitimatsiya sredneaziatskoy dinastii mangitov v proizvedeniyakh ikh istorikov (XVIII–XIX vv.) [Legitimation of the Central Asian dynasty of the Mangyt in the writings of their historians (18th–19th centuries)]. Almaty, Dajk-press Publ., 2004. 516 p.
14. Levshin A.I. Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey [Description of the Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. Almaty, Sanat Publ., 1996. 656 p.
15. Maslyuzhenko D.N. Politicheskaya istoriya stanovleniya khanstva Abu-l-Khayra na yuge Zapadnoy Sibiri [The political history of the Abu al-Khair Khanate's formation in the south of Western Siberia]. *Tyurko-tatarskie gosudarstva. Vol. 4.* [The Turko-Tatar States]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., pp. 76–88.
16. *Materialy po istorii Kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy)* [Materials on the history of the Kazakh khanate in the 15th–18th centuries (extract from the Persian and Turkic writings)]. Sost. S.K. Ibragimov i dr. Alma-Ata, Nauka KazSSR Publ., 1969. 652 p.
17. Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 13. Patriarshaya, ili Nikonovskaya letopis [A complete collection of Russian Chronicles. Patriarchal, or Nikon chronicle]. Moscow, Nauka Publ., 1965, 240 p.
18. Pochekaev R.Yu. Religioznye faktory legitimatsii vlasti v Zolotoy Orde i pozdnesrednevekovykh tyurko-mongol'skikh gosudarstvakh XV–XVIII vv. [The impact of religious factors of legitimation of power in the Golden Horde and late medieval Turkic-Mongol States of the 15th–18th centuries]. *Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review*, 2013, no. 1, pp. 96–109.
19. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Moscow-Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960, vol. II. 214 p.
20. Seleznev A.G., Selezneva I.A. *Sibirskiy islam: regional'nyy variant religioznogo sinkretizma* [The Siberian Islam: regional variation in the religious syncretism]. Novosibirsk, Institut arkheologii i etnografii Sibirskoe otdelenie Rossiyskoy akademii nauk Publ., 2004. 72 p.
21. Seleznev A.G., Selezneva I.A., Belich I.V. *Kul't svyatykh v sibirskom islame: spetsifika universal'nogo* [The cult of the saints in the Siberian Islam: the specificity of the universal]. Moscow, Mardzhani Publ., 2009. 216 p.
22. *Sbornik materialov po istorii Zolotoy Ordy* [The collection of materials on the history of the Golden Horde. Extract from the Persian works]. Vol. II. Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannye V.G. Tizengauzenom. Moscow-Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1941. 309 p.
23. *Sokrovennoe skazanie mongolov* [The secret history of the Mongols]. Per. S.A.Kozina. Moscow, 2002. 156 p.

24. Sultanov T.I. Izvestiya osmanskogo istorika XVI v. Seyfi Chelebi o narodakh Tsentral'noy Azii [Information of the Ottoman historian Seifi Çelebi (16th century) on the peoples of Central Asia]. *Tyurkologicheskiy sbornik, 2003–2004* [Turkological collection, 2003–2004.]. Moscow, Vostochnay literatyra Publ., 2005, pp. 254–272.

25. Sultanov T.I. *Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast'* [Genghis Khan and the Genghisids. Destiny and Authority]. Moscow, AST Publ., 2006. 445 p.

26. Tavarikh-i guzida Nusrat-name / issl., kriticheskiy tekst A.M.Akramova. Tashkent, Fan Publ., 1967. 135 p.

27. *Utemish-khadzhi. Chingiz-name*. Faksim., per., transkr., tekstolog. primech., issled. V.P. Yudina. Komment. i ukazat. M.Kh. Abuseitovoy. Alma-Ata, Gylm Publ., 1992. 296 p.

28. Yurchenko A.G. *Khan Uzbek. Mezhd u imperiey i islamom (strukturny povsednevnosti). Kniga-konspekt* [Khan Uzbek. Between the Empire and Islam (patterns of everyday life). Book summary]. St. Petersburg, Eurasia Publ., 2012, 400 p.

29. Allworth A.E. *The Modern Uzbeks. From the Fourteenth Century to the Present. A Cultural History*. Stanford, Hoover Institution Press, 1990. 410 p.

About the author: Denis Nikolaevich Maslyuzhenko – Head of the Department of Cultural studies, Kurgan State University, Cand. Sci. (History), Associate professor (640669, Gogol st., housing 25, Kurgan, Russian Federation); denmas13@yandex.ru

УДК 297.1

**СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ
В ЗОЛОТООРДЫНСКОМ КРЫМУ:
ШАРАФ АЛ-КЫРЫМИ**

М.М. Якубович

(Национальный университет «Острожская академия»)

В большинстве современных исследований по исламской философии основное внимание посвящено классической эпохе (с VIII по XIII век), в то время как творчество авторов постклассического периода (XIV–XVIII века) изучено довольно поверхностно. В свою очередь, автор настоящей статьи подчеркивает, что философское и научное наследие Крымского ханства представляет сегодня огромный интерес для исследователей; и, прежде всего, благодаря тому факту, что в XV–XVII веках на территории Крыма и в других регионах Северного Причерноморья происходил значительный расцвет культурной жизни. Среди прочего, особого внимания заслуживает изучение развития «рациональных наук», в том числе и философских знаний.

В настоящем исследовании, автор обращается к рассмотрению наследия правоведа и мыслителя из Золотой Орды, а именно, к Шарафу ал-Кырыми (ум. в 1440 г.). Его жизненный путь приходится на очень интересный и, в целом, малоизученный период истории Крыма, а именно, на время, когда Крымский юрт (Qırım Yurtu) еще не был самостоятельным государством и входил в состав Золотой Орды. Творческий расцвет этого ученого совпадает с эпохой ослабления золотоордынской власти в Крымском юрте, который выделился в независимое государство («ханство», hanlıǵı) только в 1441 году, во времена правления Хаджи-Гирея (ум. в 1466).

Произведение Шарафа ал-Кырыми, посвященное вопросам правовой герменевтики, дает четкое представление не только о некоторых вопросах постклассической исламской мысли, но и о развитии исламского знания в Северном Причерноморье. Автор статьи показывает, что Шараф ал-Кырыми находился под влиянием философской теологии авторов из Центральной Азии и Персии, развившейся на основе трудов Абу Али ибн Сины и его последователей. Дальнейшие исследования рукописного наследия крымских авторов могут раскрыть особенности развития философских знаний в западной части Золотой Орды.

Ключевые слова: Крымское ханство, исламское право, исламская философия, аристотелизм, неоплатонизм, школа Абу Ханифы, школа ал-Матуриди.

Философское и научное наследие Крымского ханства представляет сегодня огромный интерес для исследователей. Прежде всего благодаря тому факту, что в XV–XVII веках на территории Крыма и

других регионов Северного Причерноморья происходил значительный расцвет культурной жизни. Среди прочего особого внимания заслуживает развитие «рациональных наук», в том числе и философских знаний. Нами уже опубликованы работы о наследии Абул-Бака' ал-Кафауви (1619–1682) [18], Мухаммада ал-Аккирмани (ум. 1761) [21] и ряда других крымскотатарских ученых, происходивших из этого региона.

В рамках настоящего исследования речь пойдет о крымском правовед и мыслителе, жизненный путь которого приходится на еще более интересный и в целом малоизученный период истории Крыма, а именно время, когда Крымский юрт (*Qırım Yurtu*) еще не был самостоятельным государством и входил в состав Золотой Орды. Речь идет о Шарафе бин Камале бин Хасане бин 'Али ал-Кырыми (? – 1440) – одном из первых крымских исламских авторов, в творчестве которого фиксируется значительное внимание к актуальным на то время философским вопросам. Акме, то есть творческий расцвет этого ученого совпадает с эпохой ослабления золотоордынской власти в Крымском юрте, который выделился в независимое государство («ханство», *hanlıǵı*) только в 1441 году, во времена правления Хаджи-Гирея (ум. 1466). Лишь в 1475 Крымское ханство перешло под протекторат Османской империи, которая вытеснила с южного берега Крыма генуэзцев и заняла юго-восточную часть побережья с центром в Кафе. Именно поэтому османские источники, благодаря которым нам известны хотя бы поверхностные детали жизни других крымских авторов, чрезвычайно скупы на свидетельства о Шарафе ал-Кырыми (в арабском прочтении он часто фигурирует как «ал-Кирими», «ал-Курайми» и др.).

Из современных работ, посвященных личности этого ученого, стоит упомянуть две до сих пор не опубликованные магистерские диссертации, защищенные в 2010 и 2011 годах в Исламском университете им. Имама Мухаммада бин Са'уда (Эр-Рияд, Саудовская Аравия) под руководством 'Абд ал-Азиза ал-Маш'аля [1, 7]. Обе работы содержат отредактированный текст сохранившегося труда ал-Кырыми *Шарх Манар ал-Анвар* («Комментарий к “Маяку светочей”»), а также попытку биографического исследования. Источниковая база, на основе которой можно восстановить биографию ученого, также весьма ограничена. Существует небольшое упоминание об ал-Кырыми в компендиуме Сулаймана ал-Кафауви (? – 1582/1583) *Катта'иб 'Аллям ал-Ахйар* («Жизнеописания выдающихся ученых»), приводимое индийским правоведом 'Абд ал-Хайием ал-Лакнауви (1847–1886) в *Фава'id ал-Бахийя фи Тараджим ал-Ханафийя* («Яркие полезные замечания о жизни ученых школы Абу Ханифы») [6, с. 82–83]. Сама работа, *Шарх Манар ал-Анвар*, упомянута в труде османского ученого Хаджи Халифы (1609–1657) [14, т. 2, с. 1284]. Некоторые данные приводит и Камал ад-Дин Ташкубри-заде (1552–

1621) в биографическом сочинении *Аш-Шака'ик ан-Ну'манийя фи 'улама ад-Давля ал-'Усманийя* («Цветы-анемоны среди ученых Османского государства») [12, с. 50]. Сведения, касающиеся учеников и учителей Шарафа ал-Кырыми, в свое время собрал выдающийся татарский просветитель Шихаб ад-Дин ал-Марджани (1818–1889), часть из которых, среди прочего, была опубликована в русском переводе А. Юзеева под общим названием «Очерки Марджани о восточных народах» [17]. Наконец, как указывает Халид аз-За'би, до наших времен сохранилось минимум девять рукописей произведения ал-Кырыми Шарх Манар ал-Анвар. Некоторые из них содержат определенные автобиографические сведения [1, с. 3]. В рамках нашего исследования, кроме указанной магистерской работы, оказались доступными две хорошо сохранившиеся рукописи произведения ал-Кырыми – из библиотеки Принстонского университета (США), которая датируется 1742 годом [4], а также из библиотеки Гази Хосров Бека (Босния и Герцеговина), переписанная еще при жизни автора – в 1422 году [5]. На титульной странице этой же рукописи отмечено, что Шараф ал-Кырыми был также автором супракомментария к *Шарх 'Акаи́д ан-Насафи* («Комментарий на “Основы вероучения” ан-Насафи) Са'д ад-Дина ат-Тафтазани [5, с. 1а]. Неизвестно, сохранился ли этот труд до нашего времени.

Итак, согласно указанным источникам, Шараф бин Камаль ал-Кырыми родился в Крыму во второй половине XIV века. Источники свидетельствуют, что образование будущий правовед и мыслитель получил именно здесь. Ал-Лакнауви [6, с. 82], Ташкубри-заде [12, с. 50] и Марджани [17, с. 80] упоминают по крайней мере одного из учителей ал-Кырыми, а именно Хафиз ад-Дина Мухаммада ал-Баззази (также известного как ибн аль-Баззаз) (1340–1414/1424), выходца из Средней Азии. Около 1402 года этот ученый посетил Крым, где преподавал право ханафитской религиозно-правовой школы [6, с. 187–188]. Также Ал-Лакнауви сообщает, что Шараф ал-Кырыми получил у ал-Баззази иджазу, то есть разрешение на преподавание другим ученикам определенных научных трудов (скорее всего, в области того же ханафитского права) [6, с. 82]. Преподавал ал-Баззази в Крыму и другие религиозные науки. Среди них важны труды среднеазиатского ученого Джалаля ад-Дина ал-Хаббази (1231–1291) по матуридитскому богословию, о чем свидетельствует сохраненная Сулайманом ал-Кафауви иджазы, полученная в 1404 году от упомянутого ибн ал-Баззази неким Сирадж ад-Дином ал-Хаджитархани [22, с. 209–210].

Другие учителя ал-Кырыми упомянуты лишь в общем («перенял науки от ученых своей страны») [6, с. 83]. Сам ал-Кырыми говорит о своем образовании так: «Еще с молодых лет я получал шариатские знания... познакомился со многими книгами в области основ [права]... некоторые из них я прочитал под руководством выдающихся светочей

науки, а некоторые слышал от других благородных людей». Примерно в таком же ключе оценивает образование Ал-Кырыми и Сулайман ал-Кафауви, слова которого Ал-Лакнауви переводит так: «он был достойным ученым, который сочетал и науки о производных вещах, и науки об основах» [5, л. 2а]. Ал-Марджани вспоминает и учеников самого ал-Кырыми: среди них был, например, другой крымский ученый, Ахмад ал-Кырыми (? – 1446). Среди работ этого мыслителя, который последние годы своей жизни прожил в Мерзифоне (центр современной Турции) и близ Константинополя, можно обнаружить трактаты логико-философского и теологического направления (в частности, супракомментарии к «Толкованию “Основ вероучения”» и «Раскрытию объяснения на текст “Исправления в основах права”» Са’д ад-Дина ат-Тафтазани) [21, с. 200–205]. Рукопись комментария к «Раскрытию объяснения на текст “Исправления в основах права”» сохранилась в Сирии, в библиотеке им. Хафиза Асада [3]. Кроме того, Ахмад ал-Кырыми написал еще и комментарий к толкованию Корана ал-Байдави (ок. 1203–1286), озаглавленный как *Мисбах ат-Та’дил фи Кашиф Анвар ат-Танзил* («Светильник исправления в раскрытии «Светочей откровения») [2, с. 160]. Интересны и его сочинения, посвященные наследию главнейших суфийских авторитетов Ибн ’Араби и Садр ад-Дина ал-Кунави [21, с. 203].

Дальнейшие вехи из жизни ал-Кырыми малоизвестны. Сам он сообщает, что около 1407 года совершил паломничество в Мекку, встретившись где-то «в Шаме» (возможно, имелся в виду конкретно Дамаск) с местными «выдающимися учеными», которым показал черновики своего труда *Шарх Манар ал-Анвар* [5, л. 2б–3а]. По словам ал-Кырыми, ученые были настолько поражены содержанием, что, высказав свои замечания, попросили автора как можно быстрее подготовить чистовой вариант. Окончательная версия труда, как свидетельствует сам ал-Кырыми, появилась «на пути в Хиджаз», то есть по дороге из Сирии в Мекку [5, л. 3а]. Османский автор Хаджи Халифа, коротко пересказывая эту историю, называет труд ал-Кырыми «одним из лучших в своем роде» [14, т. 2, с. 1284]. После этого, что наиболее вероятно, ал-Кырыми вернулся на родину, в Крым. Именно там он «и преподавал, и составлял сочинения», отмечает Ташкубри-заде [12, с. 50]. Ал-Лакнауви пересказывает от ал-Кафауви еще один известный факт из биографии ученого: «[ал-Кырыми] отправился в ар-Рум, где султан Мурад Хан проявил к нему уважение. Там он и умер» [6, с. 83]. Под «Ар-Рум» здесь имелась ввиду часть Малой Азии, к тому времени отвоеванная османами у Византии. Соответственно, султан Мурад Хан – султан Османской империи Мурад II, находившийся у власти с 1421 до 1444 года. Учитывая это, можно сделать вывод, что ал-Кырыми эмигрировал в Османскую империю не ранее, чем в 20-х годах XV века, прожив там до самой смерти (в 1440 году). Вполне возможно, что оставить Крым

ученого заставила сложная политическая ситуация – с 1420 (после смерти хана Едигея) до 1441 (приход к власти Хаджи Гирея) года на полуострове наблюдались значительные междоусобные противостояния. По крайней мере, именно эту причину эмиграции ал-Кырыми называет упомянутый Ташкубри-заде [12, с. 50].

Интересно, что ученик Шарафа ал-Кырыми, Ахмад бин 'Абдаллах ал-Кырыми, описывал эти события султану Мухаммаду ал-Фатиху (1444–1446, 1451–1481) так: «Долгий срок в Крыму было много ученых, благочестивых и достойных людей, так что говорили даже, что там было 600 муфтиев и 300 ученых-сочинителей. Мы же застали лишь конец такого положения». Султан спросил: «А что было причиной его упадка?» Он ответил: «Появился там визир, который стал унижать и оскорблять ученых, а они были словно сердце страны. Он расстроил их положение, так что они разбежались. А когда болезнь поражает сердце, она расходится по всему телу» [17, с. 88].

Единственная сохранившаяся работа Ал-Кырыми *Шарх Манар ал-Анвар*, написанная в 1407 году, относится к категории толкований (*шарх* – «объяснение») трудов авторитетов прошлого. В данном случае речь идет о сочинении среднеазиатского теолога и правоведа Абул-Бараката ан-Насафи (? – 1310) *Манар ал-Анвар фи усул ал-Фикх* («Маяк светочей в науке об основах права»). Труды выходцев из Насафа (современный Узбекистан), как показывает исследование П. Брукмайра, сыграли важную роль в становлении теологической школы Абу Мансура ал-Матуриди (870–944) и ее популяризации в различных регионах исламского мира (прежде всего, Индии, Иране и Малой Азии) [19, с. 65].

В *Манар ал-Анвар* ан-Насафи пытался рассмотреть наиболее важные вопросы основ исламского права (*усуль аль-фикх*) – проблемы толкования отдельных норм, отношение частного и общего, возможности применения единичных хадисов в юридической практике, принципа общего согласия (*иджма'*), допустимости индивидуальных обоснованных суждений (*иджтихад*) и других вопросов, которые вызвали споры среди представителей религиозно-правовой школы Абу Ханифы. Фундаментальные запросы права (неофеноменолог Ж. Ваарденбург в свое время назвал *науку усуль аль-фикх* «исламской герменевтикой» [20, с. 111]) Абул-Баракат рассматривал в перспективе теологической школы ал-Матуриди, которая доминировала в «тюркской» части мусульманского мира). Так, в *Манар ал-Анвар* находим и специфически философские вопросы: проблему генезиса знания (гносеологию) [15, с. 50–58], проблему возможности рационалистического понимания нравственных категорий (этику) [15, с. 91–159], проблему смыслогенезиса (уже упомянутую герменевтику) [15, с. 203–209].

Труд ан-Насафи пользовался огромным авторитетом: до наших дней сохранились десятки комментариев (*шарх*) и супракомментари-

ев (*хашиийя*) к Манар ал-Анвар. Наиболее обстоятельные и популярные среди них – это работы 'Абд ал-Латифа ар-Руми, известного как ибн Малик (? – 1398), Зайн ад-Дина бин Абу Бакра, известного как ибн ал-'Айни (1433–1487) и Са'д ад-Дина ад-Дахляви (? – 1486) [1, с. 45–48]. Существуют также сокращенные изложения (*мухтасар*) произведения ан-Насафи – например, труд ибн Хабиба ал-Халябби (ок. 1339–1406), один из наиболее известных комментариев к которому составил ибн Кутлубуга (1400–1474) [10]. Значимость произведения ан-Насафи подтверждает и тот факт, что Манар ал-Анвар вызывал интерес ханафитских правоведов и в новейшие времена: так, еще в XIX веке египетский ученый 'Абд ар-Рахман ал-Бахрауви (1820–1904) писал супракомментарий к комментарию ибн Нуджайма (1520–1562) [13].

Шарх ал-Кырыми к труду ан-Насафи занимает важное место среди других произведений такого рода, поскольку является одним из древнейших толкований *Манар ал-Анвар*. Среди десятков авторитетов различных школ исламского права (прежде всего – ханафитского и шафиитского), здесь находим еще и ссылки на представителей теологической и философской мысли – Абу Бакра ал-Бакилляни (950–1013), Дийа 'ад-Дина ал-Джувайни (1028–1085), Абу Хамида ал-Газали (1058–1111). Кроме того, труд ал-Кырыми отличается широким использованием классических философских концепций, популярных в мусульманском мире со времен становления арабского перипатетизма, неоплатонизма и формирования теологических традиций. Во многих случаях ал-Кырыми высказывает собственное мнение, не ограничиваясь простым повторением уже существующих взглядов.

В одном из разделов своего комментария, где говорится о различных категориях хадисов, ал-Кырыми, например, акцентирует особое внимание на вопросе соотношения между чувственным и рациональным познанием. В тексте ан-Насафи конкретно в этом месте говорится о разуме ('*акль*), «который освещает путь, ведь именно в нем завершаются чувственные восприятия» [15, с. 212]. Именно благодаря разуму, а не чувствам, человек может постичь творение как доказательство существования Творца. Поэтому и требования исламского права становятся обязательными лишь для совершеннолетних, то есть людей с «полноценным разумом». По мнению уже упомянутого комментатора ибн Малика, разум – «душевная сила, благодаря которой человек познает сущности вещей» [15, с. 213]. Следовательно, подчеркивает другой комментатор, ал-'Айни, ответственность появляется у человека лишь после достижения совершеннолетия [15, с. 213].

Ал-Кырыми предлагает несколько иное, более сложное толкование [5, л. 225а–227б]. Он четко указывает на то, что «разум находится и в голове, и в сердце». «Действие» (*фи'ль*) связывается с органами тела, а те, в свою очередь, с мыслями. Акл в этой схеме выглядит «духом», то есть «умственной силой» и «мыслящей душой». Послед-

ние два понятия заимствованы автором из лексикона арабских перипатетиков и неоплатоников, которые активно комментировали, например, аристотелевскую «Книгу о душе». Именно разум «дает ответ» сердцу, то есть преобладает над чувственным познанием. Ал-Кырыми, впрочем, отмечает, что постижение определенной сущности происходит не под «душевым влиянием» (опять же, ум здесь рассматривается чисто в аристотелевском смысле), а по «согласию и наитию от Всевышнего Господа» [5, л. 225а]. Поскольку «ощущения созданы для постижения всего чувственного, а разум – всего другого», то появление представления о Творце у человека, считает ал-Кырыми, требует именно рационального познания. По мнению ал-Кырыми, ан-Насафи хотел сказать, что «постижение умом» сильнее «постижения ощущениями», ведь разум начинает «действовать» там, где ощущения уже завершают свое действие [5, л. 225б]. Чисто с философских позиций Ал-Кырыми описывает и веру в единого Бога: «это – вера в существование сущности, которая существует сама по себе, сущности, которой характерно все совершенное, которая имеет прекрасные имена – например, знает о всем общем и конкретном, которая способна на все возможное» [5, л. 227б]. Одно из доказательств существования Бога – наличие постигаемых чувствами «видимых изменений» (*тагайират аз-захира*) в мире, «которые указывают на то, что существует Тот, Кто вечно влияет на мир, Тот, Кто все это изменяет» [5, л. 213б]. Понятия, применяемые ал-Кырыми (*ваджиб ал-вуджуд* – «то, что существует само по себе», *куллийат* – «всеобщности», *джузыйат* – «частности», *мумкинат* – «возможные вещи») свидетельствуют о знакомстве ал-Кырыми с традициями так называемого «пост-авиценновского» каляма, который появился в XI–XII веках под влиянием выдающегося восточного мыслителя Абу 'Али ибн Сины (980–1037).

Если рассмотреть ход мысли ал-Кырыми с точки зрения логико-смысловых отношений арабоязычной философской мысли («основа – производная», «внешнее – внутреннее») [16], то можно утверждать, что именно 'акл («разум») и рациональное в целом играло для ал-Кырыми роль своеобразной основы ('асл), тогда как хасс («чувство») и сенсительное в общем было только производным (*фуру'*). Разум – это «внутреннее» (*батин*), индивидуальное, влекущее за собой ответственность, а чувства – «внешнее» (*захир*), общее, видимое (недаром изменения в природе ал-Кырыми называет именно «видимыми», *захира*). Искомый смысл (в данном случае – способность постичь данный Богом закон, *шари'а*) появляется только тогда, когда достигается гармония (в тексте ан-Насафи употребляется термин *'иттидал*, «размеренность») между разумом и чувствами. Только так человек способен к формированию индивидуального понимания, которое, в свою очередь, становится основанием для ответственности за свои поступки. Заметно, что ал-Кырыми, в отличие от других ком-

ментаторов, формулировал проблему отношения разума и чувств скорее в философской, чем правовой перспективе.

Еще один пример осведомленности ал-Кырыми в сложных вопросах арабской философской мысли – проблема понимания «доброто» (*хасан*) и «злого» (*кабих*), которая появилась еще во времена первых философских дискуссий в мусульманском мире (VIII–IX вв.). Формулировался этот вопрос следующим образом: что именно определяет поступок как «добрый» или «злой» – только «услышанное» (т.е. религиозное откровение), только «осмысленное» (т.е. разум) или одновременно и то, и другое? Является ли «добро» «добром» исключительно благодаря тому, что так предписал Всевышний, или польза «доброто» понятна сама по себе? Что имеет первостепенное значение – «услышанное» или «осмысленное»? (см.: [9]).

Существует множество ответов на этот вопрос, одновременно касающийся и мусульманского права (*фикх*), и вероучительной доктрины ислама (*'акыда*). Ан-Насафи в тексте Манар ал-Анвар выражает следующую мысль: «То, что предписано делать, с логической необходимостью (*дарурат-ан*) должно быть именно «хорошим»... Ведь Бог не велит совершать мерзость» [15, с. 48]. Заметим, что слова «Ведь Бог не велит совершать мерзость» являются цитатой из Корана (Коран, 7:28), а потому и традиционно использовались как доказательство «разумности» приказов и запретов религиозного закона (*шари'а*). Впрочем, в целом позиция ан-Насафи вызвала дополнительные вопросы, на которые и пытались ответить авторы многочисленных комментариев. Как отмечает 'Айд аш-Шахрани, среди ханафитов не было единого мнения по поводу проблемы понимания «доброто» и «злого»; исследователь насчитывает целых пять взглядов на этот вопрос [9, с. 377–187].

Ал-Кырыми, в свою очередь, пытается решить проблему, опираясь на достаточно широкую источниковую базу. Заметно, что ему были знакомы как мысли му'тазилитов и аш'аритов, так и различия между позициями ханафитов-матуридитов. Поддерживая мнение ан-Насафи о разделении «доброто» на «доброе само по себе» и «доброе для чего-то другого», Ал-Кырыми приводит множество конкретных примеров: омовение перед молитвой само по себе не считается «доброто» («ведь приводит к охлаждению»), но выступает таковым лишь благодаря тому, что делает возможным молитву [5, л. 58а]. Так и *джихад* не считается «доброто» сам по себе, «поскольку может принести страдания творениям и опустошать землю», но становится «доброто», «превознося слово Божье и побеждая Его врагов» [5, л. 58б]. Ал-Кырыми осуждает му'тазилитов и аш'аритов, поскольку как первая, так и вторая школа считали, что «доброе» и «злое» утверждаются разумом еще до того, как постигается истина религиозного закона; более того, му'тазилиты даже считали, что именно «ра-

зум» ('акл) становится онтологической причиной обязательности «доброто» и неприемлемости «злото» [5, л. 586].

«Свою» позицию (говоря от имени ханафитской школы) автор *Шарх Манар ал-Анвар* формулирует следующим образом: «Несомненно, разум играет определенную роль (буквально: «имеет определенную долю» – М.Я.) в некоторых вопросах религиозного закона, в частности в том, что касается веры, обрядовых предписаний, справедливости и истинности намерений (*ихсан*). Поэтому конкретное предписание доказывает и объясняет то, «доброта» чего уже утверждена в разуме, а также предусматривает обязательность того, что [самим разумом] не познается». Разум, утверждает ал-Кырыми, – это лишь средство для познания «доброто» и «злото», а не то, что само по себе делает их таковыми [5, л. 56а]. «Обязательность устанавливает лишь Бог», заключает автор *Шарх Манар ал-Анвар*, намекая на то, что «доброто» в целом является «доброто» не в силу своей «доброто», а в силу того, что обязательным к выполнению его сделал Бог. Позиция Ал-Кырыми в целом соответствует утверждению некоторых среднеазиатских ханафитов-матуридитов, в частности, Абул-Фатха ал-Асманди (? – 1157/1167), Абу Сана' ал-Ламиши (кон. XI – нач. XII в.), а также уже упомянутого ибн Малика [9, с. 381]. Поскольку между более ранним комментарием ибн Малика и трудом Ал-Кырыми нет буквальных совпадений (разные и стиль, и специфика использования отдельных понятий, и внимание к некоторым аспектам), можно утверждать, что ал-Кырыми был хорошо ознакомлен именно с трудами упомянутых среднеазиатских ученых (выходцами из Самарканда, Бухары, Хорезма и других центров знания). Это знакомство нельзя считать случайным: со времен золотоордынского хана Узбека (1313–1341) между Средней Азией и Крымом активизировались научные и культурные связи.

Подводя итоги исследованию философских аспектов труда Шарфа бин Камала ал-Кырыми *Шарх Манар ал-Анвар*, целесообразно отметить следующее.

Во-первых, философская традиция в Крыму, представленная целым рядом влиятельных авторов (ал-Кафауви, ал-Аккирмани), начала свое формирование еще задолго до становления Крымского ханства и, соответственно, усиления османского влияния. Есть основания полагать, что исламская правовая, теологическая и философская мысль начала свое развитие в Крыму еще в середине XIV века. Прежде всего, это стало возможным в связи со среднеазиатскими воздействиями, особенно актуальными после исламизации Золотой Орды (именно поэтому в Крыму и утвердилась религиозно-правовая школа Абу Ханифы и теологическая школа ал-Матуриди).

Во-вторых, ал-Кырыми, как один из самых ранних крымских мыслителей, удачно сочетал в своих работах теологию (*калям*), доктрину ('акыда) и элементы философской мысли. Этот синтез, ко-

торый стал особенно заметным в исламском мире начиная с конца XII века (Ибн Халдун, в частности, связывал его с Фахр ад-Дином ар-Рази (1149–1209) [11, с. 212–219]), был признаком уже постклассической мусульманской философской мысли, то есть новой парадигмы мировоззрения, которая пришла на смену предыдущим традициям. Поскольку этот же подход был характерен для работ ал-Кафауви, ал-Аккирмани и других авторов, связанных с Крымом, Северное Причерноморье и юг Украины в целом можно считать тем регионом исламского мира, где эта тенденция развития философской мысли имела особый успех.

Наконец, следует заметить, что главное место в работе *Шарх Манар ал-Анвар* играл метод рационального познания мира. 'Акл, «разум», был для ал-Кырыми важным инструментом постижения самой цели религиозного закона, одновременно открывая возможность индивидуального познания единства Творца. В утверждениях ал-Кырыми о сущности разума заметны «следы» знакомства с аристотелизмом, которые, впрочем, истолковываются совершенно по-новому, в этическом смысле: «зрелый разум» не вступает в спор с предписаниями религиозного закона, а, наоборот, делает человека ответственным, сознательным, постигающим шариатские науки. Именно поэтому постклассическая мусульманская философия настолько высоко ценила логику и рациональный метод в целом, называя авторитетных ученых понятием *мухаккикун* («те, которые подтверждают, проверяют [мнения предшественников]»). Этот термин, между прочим, часто встречается и на страницах произведения ал-Кырыми (как и в трудах последующих крымских авторов). Хочется верить, что дальнейшие исследования позволят выяснить еще и другие, до сих пор малоизвестные страницы философской мысли Золотой Орды и Крымского ханства, которая оставила заметный след в истории мусульманской цивилизации и культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *аз-За'би Халид*. Шарх манар ал-анвар ли-Шараф ибн Камал ал-Курайми. Мин бидайат ал-китаб хатта нихайат ал-истидлалат ас-сахиха, дирасатан ва тахкикан. Эр-Рияд: Джам'ийя Мухаммад Са'уд ал-исламийя, 1431/2010. 804 с.
2. *аз-Зирикли Хайр ад-Дин*. ал-'Аллам. Камус тараджим. Бейрут: Дар ал-'илм ли-л-малайин, 1986. Т. 1. 2050 с.
3. *ал-Курайми [Крыми] Ахмад 'Абд Аллах*. Хашийат 'ала-т-талвих. Мактабат Асад. Махтут No. 12629. ff. 1–230.
4. *ал-Курайми [Крыми]*. Шарх 'ала-л-манар. The Ghazi Husrev Beg Library. 304. 138 ff.

5. *ал-Курайми [Крыми]*. Шарх китаб манар ал-анвар. Princeton University Islamic manuscripts, Garrett Collection, Yahuda Section, Mss. No. 903, ff. 1a-362b.

6. *ал-Лакнави 'Абд ал-Хай*. Китаб фава'ид ал-бахиййа фи тараджим ал-ханафиййа. Бейрут: Дар ал-ма'рифат, [б. д.]. 249 с.

7. *ал-Маи'ари Салих*. Шарх манар ал-анвар ли-Шараф ибн Камал ал-Курайми [Крыми]. Мин ал-истидлалат ал-фасида ила нихайат ал-китаб, дирасатан ва тахкикан. Эр-Рияд: Джам'иййа Мухаммад Са'уд ал-исламиййа, 1431/2010. 612 с.

8. *ан-Насафи*. Кашф ал-асрар. Шарх ал-мусаннаф 'ала-л-манар ма'а шарх нур ал-анвар 'ала-л-манар ли-л-Мулладжиййун. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-'илмиййа, [б. д.]. Т. 1. 484 с.

9. *аш-Шахрани 'Айд*. ат-Тахсин ва-т-такбих ал-'аклиййан ва асару-хума фи маса'ил усул ал-фикх. Эр-Рияд: Дар Ишбилийа, 1429/[2006]. Т. 1. 514 с.

10. *Ибн Кутлубуга*. Хуласат ал-афкар. Шарх мухтасар ал-манар. Бейрут: Дар Ибн Хазм, 1424/2003. 206 с.

11. *Ибн Халдун*. Мукаддима. Ад-Дар ал-Байда': Хизанат Ибн Халдун, 2005. Т. 5. 350 с.

12. *Таикубри-заде*. аш-Шака'ик ан-ну'маниййа фи 'улама ад-давла ал-'усманиййа. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-'илмиййа, 1395/1975. 450 с.

13. *Фатх ал-Гаффар би-шарх ал-манар*. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-'илмиййа, 1422/2001. 206 с.

14. *Халифа Хаджи*. Китаб кашф аз-зунун 'ан асами л-кутуб ва-л-фунун. – Бейрут: Дар ихйа' ат-турас ал-'араби, [б. д.]. Т. 1–2.

15. Шарх манар ал-анвар ли-усул ал-фикх ли-л-мавля 'Абд ал-Латиф ал-машхур би-Ибн Малик ва би-хамиши-хи шарх ли-шайх Зайн ад-Дин 'Абд ар-Рахман ибн Абу Бакр ал-ма'руф би Ибн ал-'Айни. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-'илмиййа, [б. д.]. 1308 с.

16. *Смирнов А.В.* Логика Смысла: Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М.: Языки славянской культуры, 2001. 504 с.

17. *Юзеев А.Н.* Очерки Марджани о восточных народах. Казань: Татарское книжное издательство, 2003. 175 с.

18. *Якубович М.М.* Філософські проблеми у «Книзі загальних понять» Абу ль-Бака' аль-Кафауі. Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія «Філософія». 2013. Вип.14. С. 21–25.

19. *Bruckmayr Philipp*. The Spread and Persistence of Maturidi Kalam and Underlying Dynamics // *Iran and the Caucasus*. 2009. Vol. 13. P. 59–92.

20. *Waardenburg Jacques*. Islam: Historical, Social, and Political Perspectives. Paris: Walter de Gruyter, 2002. 436 p.

21. *Yakubovych M.M.* Muḥammad al-Aqkirmānī and his 'Iqd al-La'ālī: the Reception of Ibn Sīnā in Early Modern Ottoman Empire // *The Journal of Ottoman Studies*. 2013. No. 41, pp. 197–219.

22. *Yakubovych M.M.* Post-Classical Islamic Philosophy in the Medieval Crimea: Sharaf al-Din al-Qirimi and Ahmad al-Qirimi // *Studia Antyczne i Mediewistyczne*. 2013. Vol. 11 [46], pp. 207–221.

Сведения об авторе: Михаил Михайлович Якубович – доцент кафедры религиоведения и теологии Национального университета «Острожская академия», кандидат исторических наук (35800, ул. Семинарская, 2, Острог, Ровенская обл., Украина); mykhaylo.yakubovych@oa.edu.ua

---

DEVELOPMENT OF THE PHILOSOPHICAL THOUGHT IN CRIMEA DURING THE GOLDEN HORDE PERIOD: SHARAF AL-QRIMI

M.M. Yakubovych

(National University of Ostroh Academy)

In most of contemporary studies on Islamic Philosophy, the main attention is concerned with the Classical Age (from the eighth up to the thirteenth century). It is worthy to mention that many late medieval Arabic sources still remain out of the real scholarly interest. In turn, the author of this article emphasizes that the philosophical and scientific heritage of the Crimean Khanate represents now a vital interest to researchers, above all, due to the fact that there was a significant flourishing of cultural life on the territory of Crimea and other regions of the Northern Black Sea in the 15th–17th centuries. Among other things, it should be paid special attention to the study of the development of “rational sciences”, including philosophical knowledge.

In this context, the author refers to the heritage of the scholar from the Golden Horde, namely Sharaf al-Qrimi (d. 1440). His life falls on a very interesting and, in general, poorly studied period in the history of the Crimea, namely, at a time when the Crimean Yurt (Qırım Yurtu) had not yet been an independent State and was a part of the Golden Horde. Creative heyday of this scientist coincided with the age of the weakening of the Golden Horde power in the Crimean yurt, which stood out in an independent State (“Khanate”, hanlıǵı) only in 1441, during the reign of Haji Giray (d. 1466).

The works of Sharaf al-Qrimi dedicated to the hermeneutics, provides a clear picture not only of some issues of Post-Classical Islamic thought, but also the development of Islamic knowledge in the Eastern European lands (in particular, in Crimea, which experienced the intensive inter-cultural transmission during the Golden Horde times). It is argued, that Sharaf al-Qrimi was under the influence of the Central Asian and Persian philosophical theology, inspired by the works of Abu ‘Ali ibn Sina and his followers. It is showed that in Crimean (and also early Ottoman) context Islamic Philosophy continued its development in the form of synthesis between various patterns of rationalism. Further studies in this area may show new lines of the interaction between the Crimean schools of philosophy and other part of the late medieval Islamic world.

Keywords: Crimean Khanate, Islamic law, Islamic Philosophy, Aristotelianism, Neoplatonism, Abu Hanifa School, Al-Maturidi School.

REFERENCES

1. al-Za'bi Khalid. *Sharh Manar al-Anwar li-Sharaf ibn Kamal al-Quraymi*. Min bidayat al-kitab hatta nihayat al-istidlalat al-sahiha, dirasatan wa tahqiqan. al-Riyadh, Jam'iyya Muhammad Sa'ud al-Islamiyya, 1431/2010. 804 p.
2. al-Zirikli Khayr ad-Din. *Al-'Allam. Qamus Tarajim*. Beyrut, Dar al-'Ilm al-Malayin Publ., 1986. Vol. 1. 2050 p.
3. al-Quraymi [Qrymi] Ahmad ibn 'Abd Allah. *Hashiyat 'ala-t-Talwih*. Maktabat Asad. Makhtut. No. 12629. ff. 1–230.
4. al-Quraymi [Qrymi]. *Sharh 'ala-l-Manar*. The Ghazi Husrev Beg Library. 304. 138 ff.
5. al-Quraymi [Qrymi]. *Sharh Kitab Manar al-Anwar*. Princeton University Islamic manuscripts, Garrett Collection, Yahuda Section, Mss. No. 903, ff. 1a-362b.
6. al-Laknawi 'Abd al-Hayy. *Kitab Fawa'id al-Bahiyya fi Tarajim al-Hanafiyya*. Beyrut, Dar al-Ma'rifa Publ., [b. d.]. 249 p.
7. al-Mash'ari Salih. *Sharh Manar al-Anwar li-Sharaf ibn Kamal al-Quraymi [Qrymi]*. Min al-istidlalat al-fasida ila nihayat al-kitab, dirasatan wa tahqiqan. al-Riyadh, Jam'iyya Mukhammad Sa'ud al-Islamiyya, 1431/2010. 612 p.
8. al-Nasafi. *Kashf al-Asrar. Sharh al-Musannaf 'ala-l-Manar ma'a Sharh Nur al-Anwar 'ala-l-Manar li-l-Mullajiyun*. Beyrut, Dar al-Kutub al-'Ilmiyya, [b. d.]. Vol. 1. 484 p.
9. al-Shahrani 'Ayd. *at-Tahsin wa-t-Taqbikh al-'Akliyyan wa Atharu-huma fi Masa'il Usul al-Fiqh*. ar-Riyad: Dar Ishbiliyya, 1429/[2006]. Vol. 1. 514 p.
10. Ibn Qutlubugha. *Khulasat al-Afkar. Sharh Mukhtasar al-Manar*. Beyrut, Dar Ibn Khazm, 1424/2003. 206 p.
11. Ibn Khaldun Muqaddima. *ad-Dar al-Bayda': Khizana Ibn Khaldun*, 2005. Vol. 5. 350 p.
12. Tashkubri-zade. *al-Shaqa'iq al-Nu'maniyya fi 'Ulama ad-Dawla al-'Uthmaniyya*. Beyrut, Dar al-Kutub al-'Ilmiyya, 1395/1975. 450 p.
13. Fath al-Ghaffar bi-sharh al-Manar. Beyrut, Dar al-Kutub al-'Ilmiyya, 1422/2001. 206 p.
14. Khalifa Hajji. *Kitab Kashf al-Zhunun 'an Asami-l-Kutub wa-l-Funun*. Beyrut, Dar Ihya' at-Turath al-'Arabi, [b. d.]. Vol. 1–2.
15. *Sharh Manar al-Anwar li-Usul al-Fiqh li-l-Mawla' 'Abd al-Latif al-mashhur bi-Ibn Malik wa bi-hamishi-hi Sharh li-shaykh Zayn al-Din 'Abd ar-Rahman ibn Abu Bakr al-ma'ruf bi Ibn al-'Ayni*. Beyrut, Dar al-Kutub al-'Ilmiyya, [b. d.]. 1308 p.
16. Smirnov A.V. *Logika Smysla: Teoriya i ee prilozhenie k analizu klassicheskoy arabskoy filosofii i kul'tury* [The Logic of Sense: Theory and Its Application to the Analysis of Classical Arabic Philosophy and Culture]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001. 504 p.
17. Yuzeev A.N. *Ocherki Mardzhani o vostochnykh narodakh* [Marjani's Essays on the Eastern Peoples]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2003. 175 p.
18. Yakubovych M.M. *Filosofs'ki problemy u «Knyzi zagal'nyh ponjat'» Abu l'-Baka' al-Kafauvi* [Philosophical Problems in the "Book of the General Concepts" by Ebûl-Bekâ el-Kefevi]. *Naukovi zapysky Nacional'nogo universytetu «Ostroz'ka akademija»*. Serija «Filosofija» [Scientific Proceedings of the National University "Ostrog Academy"]. 2013. Is. 14, pp. 21–25.

19. Bruckmayr Philipp. The Spread and Persistence of Maturidi Kalam and Underlying Dynamics. *Iran and the Caucasus*. 2009. Vol. 13, pp. 59–92.

20. Waardenburg Jacque. *Islam: Historical, Social, and Political Perspectives*. Paris, Walter de Gruyter, 2002. 436 p.

21. Yakubovych M.M. Muḥammad al-Aqkirmānī and his ‘Iqd al-La’ālī: the Reception of Ibn Sīnā in Early Modern Ottoman Empire. *The Journal of Ottoman Studies*. 2013. No. 41, pp. 197–219.

22. Yakubovych M.M. Post-Classical Islamic Philosophy in the Medieval Crimea: Sharaf al-Din al-Qirimi and Ahmad al-Qirimi. *Studia Antyczne i Mediewistyczne*. 2013. Vol. 11 [46], pp. 207–221.

About the author: Mykhaylo Mykhaylovych Yakubovych – Associate Professor, Religious Studies and Philosophy Department, The National University of Ostroh Academy, Cand. Sci. (History) (35800, Seminarskaya st., 2, Ostroh, Rovenskaya obl., Ukraine); mykhaylo.yakubovych@oa.edu.ua

УДК 94 (470)"1400/1800"(092)

**«УМДЕТ АЛ-АХБАР» И ТЮРКСКИЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОЧНИКИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО
И ПОЗДНЕЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ***

Ю. Шамильоглу

(Висконсинский университет, Мадисон, США)

ВВЕДЕНИЕ ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Американский историк татарского происхождения Юлай Шамильоглу является ведущим специалистом по истории Улуса Джучи. Получил превосходное образование в Индианском университете, где его учителями были прекрасные тюркологи и ориенталисты А. Бодроглигети и Ю. Брегель. Докторскую диссертацию Юлай Шамильоглу защитил в 1986 г. в Колумбийском университете по теме «Племенная политика и социальная организация в Золотой Орде» (Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde). В последние годы он является профессором Висконсинского университета (г. Мэдисон), где продолжает разрабатывать проблемы, поднятые в этой работе.

Данная работа, вне всякого сомнения, является прорывной в области изучения Улуса Джучи. В ней впервые была представлена модель функционирования племенной структуры татарского общества и его роли в этнополитической системе государства. Можно сказать, что эта работа до сих пор является непревзойденной по поставленным вопросам и современной постановке задач. Достаточно сказать, что самый серьезный труд по данной теме в советской историографии – работа Г.А. Федорова-Давыдова «Общественный строй Золотой Орды» заметно уступает в методологии и постановке проблем. Как и другие советские труды, эта монография известного археолога была построена на марксистских основаниях и теории «кочевого феодализма», тогда как диссертация Юлая Шамильоглу основывалась на других основаниях. Он, не зашоренный марксистскими методологическими штампами, сумел подметить то, что ускользало от внимания советских историков, – племенную организацию, существование «правлящих кланов (племен)», роль карачи-беков и курултая в государственном управлении Улуса Джучи и поздnezолотоордынских государств. Все это прошло мимо внимания советских историков и было привнесено в отечественную науку уже после падения «железного занавеса». В последнее время те наблюдения, которые сделал в своих ранних трудах Юлай Шамильоглу, стали основанием для целого направления в отечественной науке, разрабатываемой в Каза-

---

* *Schamiloglu U. The Umdet ul-Ahbar and the Turkic Narrative Sources for the Golden Horde and the Later Golden Horde // Central Asian Monuments. Ed. Hasan B. Paksoy. Istanbul: Isis Press, 1992, pp. 81–93. Перевод И.Л. Измайлова.*

ни. В качестве достижений в этом направлении следует указать на разработку проблем клановой организации Улуса Джучи и позднесолотоордынских государств, а также рассмотрения номенклатуры этих кланов и эволюции этой системы с течением времени.

Представленная в этом издании статья профессора Шамильоглу раскрывает еще одну грань его научного творчества – изучение тюрко-мусульманских источников с территорий, которые в свое время входили в состав Улуса Джучи и в той или иной степени продолжали ее традиции в структуре государственного управления, племенной структуре, правящей династии, а также исторической традиции. Историк, имея прекрасную языковую подготовку и знание повествовательных источников, не только сделал вывод о наличии собственной татарской исторической традиции, ведущей свое начало с историописания Улуса Джучи, но и выявил целый ряд подобных сочинений, дающих возможность для подобной реконструкции. Между тем, как не только в советской исторической науке, где традиционно средневековая татарская историография просто отрицалась (см., например, труды того же Г.А. Федорова-Давыдова), но и в западной ориенталистике считалось, что Золотая Орда не оставила сколько-нибудь заметного следа в историописании.

Данная статья Юлая Шамильоглу была призвана прорвать эту «завесу молчания» и раскрыть гносеологические возможности тюрко-татарских нарративных источников. Она в основном посвящена одному такому источнику – крымскому историческому сочинению «*Умдет ал-ахбар*» XVIII в. Автор дает несколько примеров, показывающих источниковедческие возможности этого позднего источника для понимания истории Улуса Джучи XIII в., особое внимание автор уделяет указаниям на институт карачи-беков и «правлящих кланов». Примеры эти довольно интересны и показательны, хотя смущает некоторая прямолинейность в стремлении экстраполировать сведения автора XVIII в. на реалии XIII в. Поскольку этот труд явно основан на Шибанидской исторической традиции, то понятно стремление авторов выпятить значение Шибана и его потомков, приписав им чрезмерное влияние на политику Улуса Джучи, роль в завоеваниях на Западе и участие в распределении улусов в Восточной Европе, в частности в Крыму, что не подтверждается более аутентичными источниками. Вполне очевидно, что это историографический шибанидский миф, хотя это не отменяет значения указаний на некоторые другие исторические детали – номенклатура племен, роль карачи-беков и т.д. Очевидно, требуется еще большая источниковедческая работа, чтобы выявить все возможности для того, чтобы отслоить различные наслоения и определить реалии ранней историографической традиции. Статья Ю. Шамильоглу первый и очень важный шаг в этом направлении, что и определяет повышенное наше внимание к ней.

И.Л. Измайлов

(Институт археологии им. А.Х.Халикова
Академии науки Республики Татарстан)

Настоящая статья представляет в сжатом виде результаты авторского изучения тюрко-мусульманских источников. Ряд тюркских повествовательных источников дошел к нам из позднезолотоордынского времени – периода государств-преемников Золотой Орды – политических образований XV–XVIII вв. Эти повествовательные источники, главным образом хроники, представляют фундаментальную важность для изучения истории Евразии в XIII–XVIII вв. Поскольку большинство этих работ все еще доступно только в тюркском оригинале, они остаются недоступными и иногда даже неизвестными основной части современных ученых. Поэтому автор дает краткий обзор этих исторических сочинений вместе с более подробным исследованием одного отдельного труда «Умдет ал-ахбар / *Umdet ul-ahbar*». Он выражает надежду, что такой обзор будет способствовать интеграции тюркских источников в изучение истории государств западной Евразии. Статья содержит несколько примеров, показывающих, насколько полезен может быть этот поздний источник для понимания истории улуса Джучи XIII века. Автор уделяет особое внимание сведениями этого источника о существовании «правлящих кланов (племен)» и роли карачи-беков и курултая в государственном управлении Улуса Джучи и позднезолотоордынских государств. Особое внимание уделяется тому, что средневековый автор стремился подчеркнуть роль Шибана и его потомков в определении внешней политики улуса Джучи, в осуществлении завоеваний на Западе и распределении улусов в Восточной Европе и, в частности, в Крыму. Данная статья показывает, что поздние тюрко-мусульманские источники нуждаются в более подробном анализе, и представляет собой первый новаторский шаг в этом направлении.

Ключевые слова: Золотая Орда, позднезолотоордынские государства, Крымское ханство, тюркские повествовательные источники, историческая литература, «Умдет ал-ахбар», социальная организация в Золотой Орде, карачи-беки.

Посвящается памяти Тибора Халаши-Куна (1914–1991)

Ряд тюркских повествовательных источников дошел к нам из позднезолотоордынского времени – периода государств-преемников Золотой Орды, включая Крымское, Касимовское, Казанское ханства, и другие политические образования в XV–XVIII вв.¹ Эти повествовательные источники, главным образом хроники, представляют фундаментальную важность для изучения истории западной Евразии в XIII–XVIII вв. Поскольку большинство этих работ все еще доступно только в тюркском оригинале, они остаются недоступными и ино-

---

¹ Об исламских тюркских повествовательных исторических трудах, написанных в этих государствах, см. ссылки в трудах: [25, с. 410–414; 62, с. 612–626, особенно с. 617–621; 16]. Я предпочел сосредоточиться на источниках, касающихся Золотой Орды и ханств, – ее преемников в пределах одной и той же территории Улуса Джучи, поскольку источники этих территорий не так хорошо известны, как богатый объем источников из Хорезма и других регионов Средней Азии.

гда даже неизвестными основной части современных ученых². Поэтому следует сделать краткий обзор этих исторических сочинений вместе с более подробным исследованием одного отдельного труда «*Умдет ал-ахбар / Umdet ul-ahbar*». Надеемся, что такой обзор будет способствовать интеграции тюркских источников в изучение истории государств западной Евразии.

Если мы рассмотрим различные факторы, которые могли бы считаться содействующими развитию основной традиции придворной историографии в этом периоде, то Золотая Орда действительно фактически включала некоторые из них. Можно утверждать – вопреки точке зрения Шурманна [68, с. 307], – что здесь развивалась сильная централизованная государственная власть. Также существовали многочисленные городские центры, включая появившиеся со временем несколько столиц³. Наконец, мы знаем от известного путешественника Ибн Баттуты и из других источников, что эти городские центры являлись религиозными центрами, где концентрировались обычно связанные с ними ученые люди [70, с. 219]. В то же самое время некоторые факторы работали против процветания литературной культуры и ее сохранения. «Черная Смерть», пронесшаяся по территории Золотой Орды в конце 1340-х гг., и так собравшая очень высокую дань человеческими жизнями, но в еще большей степени затронула образованную часть общества⁴. Нападения на золотоордынские городские центры во второй половине XIV в., последующее русское завоевание многих этих городов, а также более поздняя история с катастрофическими пожарами в таких городах, как Казань, были так же разрушительными и серьезно помешали сохранению литературного наследия [16, с. 9–12]. Это может помочь объяснить, почему многое из того, что уцелело от литературной культуры городов Золотой Орды, пришло к нам с территорий за пределами Золотой Орды.

При перечислении произведений тюркской литературной культуры в западной Евразии этого периода, наиболее известными примерами являются указы и дипломатические послания, все вместе известные как *ярлыки*⁵. Строго говоря, они не являются повествова-

---

² Фактически, это привело к недооценке литературных и исторических сочинений тюркских народов западной Евразии [48, с. 13, 41, 207, 219].

³ Каталог городских центров Золотой Орды см.: [9, с. 75–150].

⁴ Общие замечания, касающиеся влияния крупномасштабных вспышек заболевания см.: [55, с. 107, 62]. См. также: [66; 67]. Я также исследовал эту тему, а кроме того и широкий ряд других вопросов социальной, экономической и культурной истории Золотой Орды в XIII–XIV вв. в своей диссертации: [65].

⁵ Тибор Халаши Кун сделал фундаментальный вклад в изучение документальных источников этого периода, обнаружив и изучив некоторые из самых важных ярлыков [37, с. 138–155; 38, с. 603–644]. См. ссылки в: [25, с. 299–316], следует также добавить [74, с. 289–300; 57, с. 181–216].

тельными источниками и уцелели в оригинальной тюркской версии только с конца XIV в. Это не означает, однако, что не было никаких внутренних документов, написанных до конца XIV в. *Ярлыки*, выданные уже в XIII в., сохранились в переводах на русский и другие языки с оригинального «монгольского» (который мог также означать тюркский язык, написанный монгольским письмом, заимствованный монголами у уйгуров). Эти переведенные документы являют собой лучшее свидетельство существования более ранней литературной культуры, которая не сохранилась в оригинале⁶.

Несколько светских и религиозных произведений также обязаны своим происхождением авторам из Сарая (Сарай ал-Махруса) и Нового Сарая (Сарай ал-Джадид) (последовательные столицы Золотой Орды) или с некоторыми ее другими городами⁷. Они включают переработанный Кутбом тюркский перевод романтической поэмы *Хосров-и Ширин* (посвященный хану Золотой Орды Тинибеку, правил 1341–2 гг.)⁸; романтическую поэму Хорезми *Махаббат-наме* [31, с. 285–287; 2, с. 196–208]; и религиозный трактат *Нахдж ал-фарадис* (который, как обычно считается, был написан в 1358 г. или 1360 г. неким Махмудом б. Али) [31, с. 287–191; 1, с. 208–231]. Сайф-и Сарайи *Гулистан бит-тюрки* (тюркская переработка персоязычной поэмы Са'ди) попадает в несколько отличную категорию как работа, написанная в мамлюкском Египте в 1391 г. уроженцем Сарая⁹. Есть также устные литературные произведения (*дастаны*) [10; 30; 58; 59] и *Джумджума султан* (также известная как *Джумджуманаме*) [31, с. 292–293; 3, с. 231–246], чья связь с *Кисекбаш китабы* заслуживает дальнейшего изучения¹⁰.

Все же не существует ни одной работы, написанной в XIII–XIV вв., которую можно бы назвать историей Золотой Орды. Но, как было описано выше, литературная культура явно существовала. До XIII в. существовала даже историографическая традиция в одном или более регионов Золотой Орды, которая могла внести вклад в дальнейшее развитие историографической традиции в XIII–XIV вв. На севере Волжская Булгария была центром грамотности, литературных традиций и даже историографических традиций, относящихся к пер-

⁶ Перевод на русский язык см.: [11; 12, с. 463–491].

⁷ Общий обзор западной евроазиатской тюркской литературы в XIII–XIV веках см.: [27, с. 90–100; 72, с. 229–249; 31, с. 275–296].

⁸ Текст единственной существующей рукописи (скопированной в Египте) см.: [77; 36]. Также см.: [31, с. 280–285; 14, с. 170–196].

⁹ Текст по этой работе был опубликован [26]. Также см.: [15, с. 8–9, 246–273]. Об исторических данных в *Гулистан бит-тюрки* см. [15, с. 19–20].

¹⁰ Темир А. [62, с. 615] и Vombaci A. [27, с. 95], кажется, следуют М.Ф. Кепрюлю [52, с. 362–364; 53, с. 176], идентифицируя *Джумджума* и *Кисекбаш* как одну работу. См. «Кисекбаш» (Kazan Tatar – *Kesikbaş kitabı*), оставшиеся неизвестными им специальные труды по этой теме: [21, с. 273–282; 5].

вому тысячелетию¹¹. Литературная культура этой оседлой области, продолжалась и в период Казанского ханства (XV–XVI вв.), как известно из оригинальных работ, созданных непосредственно в ханстве [27, с. 170–171; 62; 16, с. 134; 15, с. 283–321]. Что касается южной области, то Омельян Прицак напоминал нам, что Крым был центром непрерывной литературной деятельности, начиная с классических античных времен [61, с. 3–21]. Наконец, Хорезм и его богатая литературная культура также составляли неотъемлемую часть территории Золотой Орды до второй половины XIV в.¹² Тогда возникает важный вопрос, что случилось с историографией в Золотой Орде?

Отсутствие специального труда, посвященного исключительно XIII–XIV вв., не позволяет считать само собой разумеющимся, что никакие исторические работы или исторические предания не существовали в этот период¹³. Вместо этого я хотел бы доказать, что нужно обратиться к историческим преданиям позднезолотоордынского периода (XV–XVIII вв.). Во многих случаях данные, касающиеся XIII–XIV вв., содержащиеся в этих позднейших произведениях, могут рассматриваться прямым продолжением исторических традиций более раннего периода Золотой Орды (даже при том, что не все позднезолотоордынские государства непосредственно происходили из западной половины более ранней Золотой Орды)¹⁴. Только когда эти различные версии существующих преданий будут полностью изучены и сравнены, мы сможем получить более полное представление о реальном уровне развития исторических сочинений и исторических преданий в более ранний период истории Золотой Орды.

Если обратиться к повествовательным источникам XV–XVIII вв., то одной из выдающихся исторических работ позднезолотоордынского периода является *Джами ат-таварих*, написанная в Касимовском ханстве Кадыром Али Джалайири. Согласно полученной интерпретации, это необычное политическое образование на службе у Московского великого князя была основана в 1452 г., когда Василий II даровал Касиму б. Улуг Мухаммеду (Qasim b. Ulug Muhammed)

¹¹ Обзор литературы этого периода см. статьи Ш.Ш. Абилова, Г.М. Давлетшина, Н.Ш. Хисамова [15, с. 84–157]. По поводу эпиграфических памятников см. труды Ф.С. Хакимянова [18; 19].

¹² О богатой исторической литературе Хорезма см.: [4].

¹³ Негативное суждение Б. Шпулера [70, с. 1–2] было основано на хорошем знании и знакомстве с широким кругом источников, включая таковые на тюркском языке. Однако тюркские источники, касающиеся монгольской истории, обычно игнорируются многими другими современными учеными, как, например, Д. Морганом [56, с. 5–27]. Более тревожной тенденцией последнего времени было полное пренебрежение почти всеми исламскими источниками, что подтверждается работами Ч. Гальперина [40; 41].

¹⁴ Хотя уже говорилось, что этот очерк не сосредотачивается на Хорезме, его следует привести в качестве примера относительно более поздних источников из Хорезма, касающихся Золотой Орды [28; 69].

город Городец (или Мещерский городок) в качестве удела [7; 73, с. 264]. Сама работа, созданная в 1602 г.¹⁵, начинается со сжатого татарского перевода частей *Джами ат-таварих* Рашида ад-Дина. Знакомство с универсальной историей Рашида ад-Дина является свидетельством того, что даже государство на службе России могло сохранить историческое сознание, связывающее его с ранними Чингизидскими государствами так же, как большим тюркско-исламским культурным миром. Добавлением к переводу более раннего источника служит ряд *дастанов* или сообщений о лицах и событиях с конца более ранней Золотой Орды до времени Касимовского ханства. Сюда входят отдельные разделы по следующим фигурам, многие из которых датируются от XIV в. (без сомнения, основанные на источниках или преданиях, относящихся к XIV в.): Урус-хан, Токтамыш-хан, Темур-Кутлуг-хан и его потомки, Хаджи-Гирей-хан, Едигей, Хаджи-Мухаммед-хан, Абу л-Хайр-хан, Ядигар-хан, и Ураз-Мухаммед-хан [16, с. 74–91]. Этот заключительный раздел является уникальным татарским источником по истории Касимовского ханства и содержит ценную информацию относительно организации и племенного состава этого ханства. Кадыр Али Джалайири был *карачи*-беком джалайирского «правлящего племени» в этом ханстве, и поэтому можно быть уверенным, что часть информации в этом источнике, скорее всего, изложена с точки зрения племенного истеблишмента государства («земли»), прокламируя взгляды, противостоящие идеологии правящей династии Чингизидов¹⁶.

В сравнении с источниками по истории Касимовского ханства, единственным тюркским повествовательным источником, связанным с Казанским ханством, является краткий поэтический текст, рассказывающий о попытке его завоевания, обнаруженный Зеки Велиди-Тоганом [49, с. 183–194]¹⁷. Учитывая активные отношения между различными позднезолотоордынскими ханствами (следует только вспомнить многие фигуры, которые являлись правителями в более чем в одном ханстве), вероятно, что у них были общие предания, относящиеся к периоду до основания отдельных ханств. Письменная традиция также могла быть общей. Например, М.А. Усманов считал, что работа Рашида ад-Дина могла бы попасть в Касимов через Казанское ханство [16, с. 54–55]. Также высказывалась мысль, что текст *Джумджума султан*, который Крымский хан Сахиб-Гирей приказал

---

¹⁵ Текст этой работы был опубликован Березиным Н.И. в 1854 г. Отрывки, сопровождаемые переводом, были также изданы: [7, с. 121;]. Более подробную современную оценку этого труда см.: [16, 33–96; 15, с. 333–343]. А. Каппелер считает этот источник уникальным историческим трудом тюркских народов Среднего Поволжья [48, с. 219].

¹⁶ О *карачи*-беках см.: [64, с. 283–297; 65, ч. 2].

¹⁷ Этот источник еще предстоит включить в изучение ханства.

перевести на турецкий язык, возможно, попал в Крым из Казани [15, т. 1, с. 232; 52, с. 362–364; 53, с. 176; 31, с. 293; 27, с. 95; 62, с. 615].

Имея в распоряжении ограниченное количество повествовательных источников, касающихся Касимовского и Казанского ханств, историки, интересующиеся этими государствами, должны обратить особое внимание на Крымское ханство. Определяющей причиной этого является довольно большое количество тюркских повествовательных источников, сохранившихся от этого ханства. Помимо *Умдет ал-ахбар (Umdet ul-ahbar)*, которая будет более подробно описана ниже, существует ряд других важных работ, которые также были изданы:

- *Ас-себ ас-сеййар (Es-seb as-seyyar)* была написана Сеййидом Мухаммедом Ризой (представителем крымской аристократии, умер в 1756 г.). Она была отредактирована Мирзой Казембеком в первой половине XIX в. [22; 60, с. 349–380; 428–458; 24, с. 281]. и использовалась В.Д. Смирновым в его истории Крымского ханства [13; 32, с. 57–76].

- *Гулбун-и ханан (Gtilbtin-i hanari)* была составлена в 1811 г. султаном Халим-Гиреем (умер в 1823 г.), потомком Менгли-Гирея и Чингизидом [35; 13, с. XVIII; 24, с. 342–343; 32, с. 58–59].

- *Тарих-и Ислам-Гирей-хан* была написана Хаджи Мехмедом Сенаи, который творил в 1640-х гг.. Эта работа была отредактирована и переведена на польский язык З. Абрахамовичем как «*История Ислам-Гирей-хана III*» [42; 24, с. 236; 32, с. 68–69].

- *Тарих-и Сахиб-Гирей-хан* была написана Реммал-Ходжой, врачом Сахиба-Гирея, позже поступившим на службу к султану Селиму II. Эта работа, которая стала доступной благодаря О. Гекбилгину (O. Gokbilgin) в транскрипции, сопровождаемой французским переводом, уделяет особое внимание к перевороту в системе «правящих племен» в раннем Крымском ханстве [71; 32, с. 68; 45, с. 446].

- *Тарих-и Саид-Гирей-хан*, труд XVII в., который был изучен Б. Келлнер-Хайнкеле [50].

- *Теварих-и Деит-и Кипчак*, составленная приблизительно в 1638 г., включает краткий обзор более ранней истории Золотой Орды так же, как более позднего периода до начала XVII в. Она была опубликована А. Зайончковским вместе с ее французским переводом XVIII в. [78].

Другие источники включают *Телхис ал-бейян фи каванин ал-и Осман (Telhis ul-beyan fi kavanin al-i Osman)*, который использовался В.Д. Смирновым в его *истории Крымского ханства* [13, с. XIII–XIV], и *Тарих-и Мухаммед Гирей Хан*, которая охватывает период 1684–1703 гг. [25, с. 410–411]. Хотя этот список не является исчерпывающим, ясно, что Крымское ханство предлагает значительное богатство

повествовательных исторических источников в степени, просто не доступных для других позднезолотоордынских государств¹⁸.

Давайте теперь более пристально рассмотрим один из этих источников, *Умдет ал-ахбар*, и некоторые примеры видов информации, которую он может представить. Этот труд, который охватывает подъем Монгольской империи и историю Крымского ханства, был написан на османском турецком языке, хотя и с некоторыми элементами крымско-татарского) Абдулгаффаром б. ал-Хак Махмуд б. ал-Хак Абдулвеххаб ал-Кирими (Abdiilgaffar b. el-Hasan Hasan b. el-Hasan Mahmud b. el-Hasan Abdtilevhab el-Kirimi), крымским муллою, изгнанным со своей родины в 1157 А.Н. (1744–5 г. н.э.) [51, с. 5–6; 24, с. 280]. Одно частичное издание этой работы, выполненное ранее в этом столетии Несибом Асимом (Necib Asim) под названием *Умдет ат-теварих (Umdet ut- tevarih)* (Стамбул, 1924/5 г.), которое появилось как приложение к *Turk tarih encumeni mecmuasi*. Это издание было подготовлено на основе рукописи количеством приблизительно в 166 листов, сохранившейся в Стамбуле в библиотеке Сулейманийе (Эсад Эфенди № 2331) [46, с. 13–14]. Хотя рукопись начинается со значительного раздела, рассматривающего историю более ранних мусульманских государств, напечатанное издание включает только заключительную часть первоначальной работы, подробно охватывающую подъем Монгольской мировой империи, Золотой Орды, и Крымского ханства. Полный ее текст пока еще недоступен ни на каком другом европейском языке¹⁹.

Умдет ал-ахбар основан на большом количестве арабских, персидских и тюркских источников, освещающих различные периоды истории, которые он охватывает [51, с. 7–8]. Одним из наиболее важных источников Абдулгаффара Кирими за XIII–XIV вв. был *Тарих-и Дост Султан (Tarih-i Dost Sultan)*. Эта работа, предположительно написанная в Хорезме в XVI в., сохранилась в библиотеке Заки Велиди-Тогана. (Другая копия этой работы – неполная Ташкентская рукопись, известная как *Утемиш-хаджи тарихи* или как *Чингиз-наме Утемиш-хаджи б. Мевлана Мухаммед Досту* [6, с. 164–169; 63, с. 44, 224; 20, с. 106–165]). За более поздние периоды Абдулгаффар Кирими привлекает различные крымские и оттоманские источники так же, как и свои собственные сведения и наблюдения.

¹⁸ Другие работы, написанные в Крыму, см.: [29].

¹⁹ Я начал работу над новым изданием и переводом на английский этой работы, но отложил дальнейшую работу над этим проектом, узнав, что М. Урекли (Стамбул) работает над новым изданием этой работы и что И. Вашари (Будапешт) работает над изданием сборника отрывков из тюркских источников о Золотой Орде. Конечно, было бы желательно установить серию публикаций, целью которой была бы доступность в английском переводе тюркских источников о Золотой Орде и позднезолотоордынских государств, с особым вниманием к повествовательным источникам.

Умдет ал-ахбар до недавнего времени использовался как исторический источник только небольшим кругом историков. Касаясь более раннего периода историографии, следует сказать, что Бертольд Шпулер использовал издание Несиба Асима в своей истории Золотой Орды, хотя он делает вывод, что многие сообщения в этой работе, имеющие отношение к XIII–XIV вв. имеют легендарный характер [70, с. 156, 158, 162]. Хотя позднее Мустафа Кафали, полагаясь на данные, содержащиеся в *Умдет ал-ахбар*, использовал их в качестве основы для своей недавней работы по Золотой Орде [47]. (И Бертольд Шпулер, и Мустафа Кафали имели возможность обращаться к рукописи *Тарих-и Дост Султан*, имевшейся у З.Валиди-Тогана). Что касается более позднего периода, первым современным ученым, изучавшим различные тюркские хроники, касающиеся истории Крымского ханства, был Халил Иналчик. Он включил *Умдет ал-ахбар* и другие крымские источники в свои, теперь уже классические, статьи относительно истории Крымского ханства, которые могут служить примером для любого исследования, основанного на тюркских повествовательных источниках и сохранившейся дипломатической корреспонденции за этот период [43, с. 185–229; 44, с. 746–756; 45, с. 445–466; 39, с. V–XVI]. В этом смысле показательно игнорирование сведений *Умдет ал-ахбар* в большинстве других исследований по истории Золотой Орды и позднезолотоордынских государств [75, с. 230–252]²⁰.

В своем очерке истории XIII–XIV вв., *Умдет ал-ахбар* предлагает обзор правления каждого из правителей Золотой Орды, иногда довольно подробный. *Умдет ал-ахбар* включает описания роли племенной знати в выборе и возвышении различных ханов Золотой Орды из рода Чингиз-хана. Например, она обращается к переговорам эмиров Золотой Орды с Хулагу (Hulegu) до вступления Берке-хана (Berke-khan) (правил 1255–1266 гг.) [51, с. 20–21; 75, с. 243–244, прим. 38].

Остались его два принца [сыновья Бату] Сартак (Saritak) и Тоган (Togan), но Сартак затем умер. Поскольку Тоган был маленьким ребенком, совещание знаменитых эмиров решило в этом пункте сообщить Хулагу, одному из сыновей Толюя из каганского рода (*zumre-i kaan*). Они послали ему, согласно традиционному Монгольскому обычаю, пучок волос и меч без ножен, и рубашку без воротника, как если бы *улус Джучи* не имел никакого правителя.

В начале правления Гуда-Менгу (правил в 1280–1287 гг.) описано, что эмирам *Даит-и Кыпчака* пришлось присягнуть ему на верность, после чего они участвовали в церемонии ритуального возведения на трон [51, с. 26–27]. Подобные церемонии были сделаны

---

²⁰ Важная статья И. Вашари актуальна здесь из-за его трактовки отрывков в *Умдет ал-ахбар*, цитируемой в этом очерке и их источников. К сожалению, эта статья Вашари появилась слишком поздно для детального рассмотрения в этом очерке.

также относительно других правителей, включая вступление на престол Узбек-хана (правил в 1313–1341 гг.) [51, с. 34–35]:

Тогда два знатных эмира посадили хана на (кошму) из белого войлока, согласно обычаю Чингиз-хана, и, подняв его, установили его на троне. Все племена прибыли и присягнули на верность группами одно за другим.

Умдет ал-ахбар рассказывает также другую информацию о правителях, включая главные предания о благочестии Берке [51, с. 21–24; 75, с. 230–252] и обращении в ислам Узбек-хана и Джанибека [51, с. 35–38].

Умдет ал-ахбар сохранил информацию об отдельных личностях, связанных с главными социо-политическими единицами («правлящие кланы (племена)») Золотой Орды, о которой традиционные источники более раннего периода обычно молчат. Одно сообщение, касающееся первой половины XIII в., описывает, как Бату послал Шибана (Şiban) с 30 000 воинов и Бор Алтаем из клана Кийат (Bor Altay of the Taraqlı Qiyat) в качестве своего *атальяка* (*ataliq*) против Мангупа (Mankup) в Крыму [51, с. 19–20]:

В Крымской провинции были все виды различных народов, но большинство их были Генуэзские неверующие, и из числа татар были также некоторые люди, называемые Ас. Эти солдаты атаковали крепость, называющуюся Мангуп, но вышеупомянутая крепость была очень сильной. Так как она была (расположена) на очень крутых горах, и ее завоевание было нелегким делом, они вошли в нее при помощи уловки. Он приказал, чтобы каждый солдат взял два стремени по одному в руку и начал бить их друг о друга. Раздался такой ужасный шум, что те, кто слышали его, были поражены. Они не прекращали этот шум в течение целого месяца, и они воздержались от борьбы. Неверующие в крепости слышали этот мелодичный шум, и они были готовы пренебречь обороной и защитой валов крепости. Продолжая обманывать таким образом, что остальные его войска не прекращали шум, он выбрал четыре-пять тысяч храбрых и смелых молодых людей и назначил Бор Алтай-бея главнокомандующим. В середине ночи они скрытно ринулись на штурм. Неверующие Асы были удивлены и не нашли места для убежища, и крепость, как говорят, была захвачена²¹.

Это только один пример, в котором отдельная личность описана как имеющая определенную племенную принадлежность, и есть другие ссылки на отдельных людей, связанных с Кангли (Qangli), Сидживут (Sicivut), и особенно Кайят (Qayut)²². В другом примере фигура XIV в., Мамай, называется племянником Кията (Qiyat) Астай-бея правого фланга [51, с. 40].

---

²¹ Сравните [76, с. 162–164].

²² Многие из этих отдельных личностей и «правлящих племен» перечислены, см.: [47, с. 36–47].

Наиболее важным из социополитических единиц, функционировавших как «правлящий клан (племя)» в различных поздnezолотоордынских ханствах был Ширин (Şirin). Ширины оставались доминирующим среди четырех (позже пяти) «правлящих кланов» ханства в течение всей истории Крыма вплоть до Российской аннексии Крыма в конце XVIII в. Даже когда Шахин-Гирей собрался упростить и централизовать свою администрацию в 1770-х гг., снизив влияние на политику ханства *карачи*-беев (чья роль в избрании ханов из рода Чингиз-хана идентична роли *курултаев* в более ранний период). Но узурпировав за собой право определения своего преемника, он не мог полностью игнорировать влияние кланов Ширин и Мансур (ранее известных как Мангыт) [33, с. 62–65]. Абдулгаффар Кирими, бывший большим приверженцем «правлящего клана» Ширин, изображает «правлящий клан» Ширин защищающим интересы «страны» против интересов Чингизидской династии Гиреев в течение всей истории Крымского ханства. Как таковой, *Умдет ал-ахбар* является историей клана Ширин в Крыму, представляя информацию, которая является особенно ценной в связи с тем, что есть сведения относительно более позднего происхождения и истории лидерства «правлящего клана» Ширин. Он утверждает, например, что Ширин происходит от особой ветви Асов, с особыми разновидностями *чомуча* или *тамги* [51, с. 46, 194]. Это уникальное указание в источниках относительно происхождения этой наиболее важной социо-политической единицы в поздnezолотоордынских государствах.

Выражение *Ас кабшеси* неясно, однако, означает ли это, что они, следовательно, произошли от Иранских Алан средневековой Понтийской степи (конечно, не существует другого «правлящего племени» с подобным происхождением) или что название имеет географическое сопутствующее значение²³.

Умдет ул-ахбар описывает вождей Ширин, Барин, Аргын и Кыпчак как присоединившихся к Токтамышу в качестве его *хас нокеров* или «специальных сподвижников» [51, с. 45–48]²⁴. Начиная с этого периода, это – ценный и информативный источник о самых ранних вождях клана Ширин в Крыму. Первый вождь Ширин, который сотрудничал с Токтамышем, был Орек Темур б. Данги бей (Orek Temur b. Dangi bey), чей сын Тегиня (Tegine) был так же важен в *Дешт-и Кипчаке* (или кипчакской степи), как и его соперник мангытский вождь Едигей (Едигу – Edigu). Помимо генеалогической информации, содержащейся непосредственно в повествовании, есть отдельное генеалогическое приложение в конце этой работы [51,

²³ М. Кафали тоже не может объяснить этот отрывок. Об Аланах / Асах см.: [23, с. 354; 8, с. 67–97; 34, с. 93–97].

²⁴ Х. Иналчик соединяет *улус*-беев и *карачи*-беев с термином *нукер* [45, с. 451–452].

с. 15, 200]²⁵. Таким образом, *Умдет ул-ахбар* необходим для понимания большего социо-политического и культурного единства, начинающегося непосредственно с Золотой Орды и продолжающего существовать в государствах позднезолотоордынского периода.

Только с помощью *Умдет ал-ахбар* возможно понять, что эти более поздние чингизидские государства продолжали некоторые ранние чингизидские традиции, самой выдающейся из которых была система государственной организации. В этой модели государственной организации, которую я назвал «системой четырех беков», когда четыре социо-политических единицы полностью разделяли управление государством. Вожди этих четырех «правлящих кланов» были все вместе известны как четыре *карачи-бея*; их прямые предшественники в ранней Золотой Орде были известны как *улус-беи*.

Другой известный отрывок в *Умдет ал-ахбар* описывает функционирование этой системы правления [51, с. 13; 35, с. 40]. Я опубликовал перевод этого отрывка в другом месте и утверждал, что это описание является, фактически, ключом, позволяющим нам соединить вместе и дать иное толкование частичному отчету о государственной организации, обнаруженному в разнообразных источниках XIII–XIV вв. [64, с. 284–285]²⁶.

Есть много вопросов относительно истории как более ранней Золотой Орды, так и непосредственно Крымского ханства, и даже других позднезолотоордынских ханств, к обсуждению которых *Умдет ал-ахбар* делает вклад помимо этих немногих иллюстративных примеров. Конечно, я не настаиваю, что вся информация в этой работе должна быть подтверждена информацией в других источниках. Однако эта работа и другие тюркские повествовательные источники более позднего периода представляют вклад в сохранение исторических преданий XIII–XIV вв., о которых иногда еще очень мало известно. Некоторые из этих преданий сохранились исключительно благодаря работам, написанным в Хорезме, другие сохранились благодаря работам, написанным в позднезолотоордынских ханствах, а некоторые сохранились как устные предания, тема, которую я даже не рассматривал в данном эссе. Взятые вместе они представляют, однако, то, что сохранилось из местных исторических преданий Золотой Орды. Не исключено, что преждевременно предлагать новую смелую гипотезу о состоянии историографии в Золотой Орде. Тем не

---

²⁵ Обсуждение этой информации см.: [45, с. 454]. Также см.: [54, с. 282–309], являющуюся попыткой реконструировать генеалогию вождей Ширин, основываясь исключительно на московских и восточноевропейских источниках. Однако такой подход не позволяет проследить линию дальше Тегини.

²⁶ Разработку этой темы см. также в моей диссертации [65]. В то же время признать справедливым замечание профессора Х. Иналчика относительно моего раннего перевода, что *эвр-и азим* следует скорее переводить скорее как «великолепное дело», чем «великолепный порядок».

менее, пришло время настаивать на том, что изучение тюркских повествовательных источников, упомянутых в этом эссе, является существенным для любого изучения истории западной Евразии в период Золотой Орды так же, как в поздnezолотоордынский период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абилов Ш.Ш.* «Нахдж эль-фарадис» Махмуда бине Гали // Татар әдәбияты тарихы. Казан, 1984. Б. 208–231.
2. *Абилов Ш.Ш.* Харэзминец «Мэхэббэтнамэ поэмасы» // Татар әдәбияты тарихы. Казан, 1984. Б. 196–208.
3. *Абилов Ш.Ш.* Хөсам Кятибнең «Жөмжөмэ солтан» дастаны // Татар әдәбияты тарихы. Т. I. Казан, 1984. Б. 231–246.
4. *Ахмедов Б.А.* Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (Письменные памятники). Ташкент, 1985.
5. *Ахметгалеева Я.С.* Исследование тюркоязычного памятника «Кисек-баш китабы». М., 1979.
6. *Бартольд В.В.* Отчет о командировке в Туркестан // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VIII. М., 1973. С. 119–210.
7. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. Т. I. СПб.: Императорская Академия Наук, 1864.
8. *Гаглойти Ю.С.* Этногенез осетин по данным письменных источников // Происхождение осетинского народа. Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин. Орджоникидзе, 1967. С. 67–97.
9. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
10. *Жирмунский В.М.* Избранные труды. Тюркский героический эпос. Л., 1974.
11. *Приселков М.Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Петроград, 1916.
12. *Приселков М.Д.* Ярлыки татарских ханов московским митрополитам (краткое собрание). Памятники русского права. Т. III. Ред. А.А. Зимин. М., 1955. С. 463–491.
13. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.
14. *Таһирҗанов Г.Т.* Котбның «Хөсрәү вә Ширин» әсәре // Татар әдәбияты тарихы. Казан, 1984.
15. Татар әдәбияты тарихы. Казан, 1984.
16. *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972.
17. *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI веков. Казань, 1979.
18. *Хакимзянов Ф.С.* Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978.
19. *Хакимзянов Ф.С.* Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М., 1987.
20. *Юдин В.П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Ред. Б.А. Тулепбаев. Алма-Ата, 1983.

21. Әхмәтгалиева Я.С. «Кисекбаш китабы» // Татар әдәбияты тарихы. Т. I. Казан, 1984. Б. 273–282
22. Asseb as-seyuag или семь планет. Ред. М. Казембек. Kazan, 1832.
23. Barthold W., Minorsky, V. Alan // Encyclopaedia of Islam. Т. 2. Leiden, 1960, p. 354.
24. Babinger F. Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Leipzig, 1927.
25. Bennigsen A. Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı. Paris-The Hague, 1978.
26. Bodrogligeti A. A Fourteenth Century Turkic Translation of Sa'dī's Gulistān (Sayf-i Sarāyī's Gulistān bi't-turkī). Budapest, 1969.
27. Bombaci A. Histoire de littérature turque. Trans. I. Mélikoff. Paris, 1968.
28. Bregel Y. Tribal Tradition and Dynastic History: The Early Rulers of the Qongrats According to Munis // Asian and African Studies. 1982. № 16, pp. 357–398.
29. Bursali Mehmed Tahir. İdare-i osmaniye zamanmda yetişen Kinn muellifleri. Istanbul, A.H. 1335.
30. Chadwick N.K. and Zhirmunsky V. Oral Epics of Central Asia. Cambridge, 1969.
31. Eckmann J. Die kiptschakische Literatur. I: Die Literatur von Chwarezm und der Golden Horde // Philologiae Turcicae Fundamenta (Wiesbaden). 1964. T.II. Ed. P.N. Boratov, pp. 275–296.
32. Fisher A.W. Crimean Separatism in the Ottoman Empire // Nationalism in a Non-National State. The Dissolution of the Ottoman Empire. Ed. W.W. Hadad and W. Ochsenwald. Columbus, 1977, pp. 57–76.
33. Fisher A.W. The Crimean Tatars. Stanford, 1978.
34. Golden P.B. Khazar Studies. An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. T. I. / Biliotheca Orientalis Hungarica 25. Budapest, 1980.
35. Gülbün-i hanan, yahut Kirim tarihi. Ed. O. Cevdi. Istanbul, A.H. 1327.
36. Haçieminoğlu M.N. Kutb'un Husrev ü Şirin'i ve dil hususiyetleri. Istanbul, 1968.
37. Halasi-Kun T. Monuments de la langue tatare de Kazan // Analecta Orientalia memoria Alexandri Csoma de Körös dicata, Bibliotheca Orientalis Hungarica (Budapest). 1942–1947. T. V, pp. 138–155;
38. Halasi-Kun T. Philologica III: Kazan Türkçesine ait dil yadigârları // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. 1949. 1'A, pp. 603–644.
39. Halil Inalcik. Bibliography // Journal of Turkish Studies. 1986. №10.
40. Halperin Ch. Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington, 1985.
41. Halperin Ch. J. The Tatar Yoke. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1986.
42. Historia Chana Islam Gerejia III. Warsaw, 1971.
43. Inalcik H. Yeni vesikalara göre Kirim hanligmm Osmanli tâbiliğine gimesi ve ahidname meselesi // Belleten. 1944. № 8, pp. 185–229.
44. Inalcik H. Kirim // İslâm Ansiklopedisi. T. VI. Istanbul, 1955, pp. 746–756.

45. *Inalcik H.* The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I // *Harvard Ukrainian Studies*. 1979–1980. 3–4. 1, pp. 445–466.
46. Istanbul kütüphaneleri tarih-coğrafya yazmaları katalogları. I: Türkçe tarih yazmaları; 1. Umumi tarihler. İstanbul, 1943.
47. *Kafalı M.* Altın orda hanlığının kuruluş ve yükseliş devirleri. İstanbul, 1976.
48. *Kappeler A.* Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der mittleren Wolga vom 16. bis 19. // *Jahrhundert. Beiträge zur Geschichte Osteuropas (Cologne-Vienna)*. 1982. № 14.
49. Kazan hanlığında İslam Türk Kültürü // *İslâm teikikleri Enstitüsü Dergisi*. 1959–60 [1966]. № 3, pp. 179–204.
50. *Kellner-Heinkele B.* Aus den Aufzeichnungen des Sa'îd Giray Sultan. Eine Zeitgenössische Quelle zur Geschichte des Chanats der Krim um die Mitte des 18. Jahrhunderts // *Islamkundliche Untersuchungen (Freiburg i. Br.)*. 1975. № 28.
51. *Kirimi A.* Umdet ut-tevarih. Ed. Nesib Asim // *Türk tarih encümeni mecmuası*. İstanbul, A.H. 1343/1924/5.
52. *Köprülü M.F.* Türk edebiyatı tarihi. T. I. İstanbul, 1926.
53. *Köprülü M.F.* Türk edebiyatında ilk mutasavvıflar. İstanbul, 1976.
54. *Manz B.F.* The Clans of the Crimean Khanate, 1466–1532 // *Harvard Ukrainian Studies*. 1978. № 2, pp. 282–309.
55. *McNeill W.H.* Plagues and Peoples. New York, 1976.
56. *Morgan D.* The Mongols. Oxford, 1986.
57. *Muhamedyarov S., Vasary I.* Two Kazan Tatar Edicts (Ibrahim's and Sahib Girey's Yarliks // *Between the Danube and the Caucasus. A Collection of Papers Concerning Oriental Sources on the History of the Peoples of Central and South-Eastern Europe*. Ed. Gy. Kara / *Oriental Sources on the History of the Peoples of South-Eastern and Central Europe*. T. 4. Budapest, 1987, pp. 181–216.
58. *Paksoy H.B.* Central Asia's New Dastans // *Central Asian Survey*. 1987. T.6. № 1.
59. *Paksoy H.B.* Chora Batir: A Tatar Admonition to Future Generations // *Studies in Comparative Communism*. 1986. № 19, pp. 253–265.
60. Précis de l'histoire des khans de Crimée, depuis l'an 880 jusu'à l'an 1198 de l'hegire. Trans. M. Kazimirski and A. Jaubert // *Journal Asiatique*. 1833. № 12, pp. 349–380, 428–458.
61. *Pritsak O.* The Role of the Bosphorus Kingdom and Late Hellenism as the Basis for the Medieval Cultures of the Territories North of the Black Sea // *The Mutual Effects of the Islamic and Judeo-Christian Worlds: The East European Pattern*. Ed. A. Ascher, T. Halasi-Kun, and B. K. Király. Brooklyn, 1979, pp. 3–21.
62. *Temir A.* Die alten Quellen der kasan und nord-türkischen Literatur (bis zum XIX. Jahrhundert) // *Studies in General and Oriental Linguistics*. Presented to Shiro Hattori on the Occasion of His Sixtieth Birthday, ed. R. Jakobson and S. Kawamoto (Tokyo). 1970.
63. *Togan A.Z.V.* Tarihte usul. İstanbul, 1981.
64. *Schamiloglu U.* The *Qaraçi* Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1984. № 4, pp. 283–297;

65. *Schamiloglu U.* Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde. Columbia University, 1986.

66. *Schamiloglu U.* Preliminary Remarks on the Role of Disease in the Golden Horde // Proceedings of the Third International Conference on Central Asia (University of Wisconsin- Madison, April 27–30, 1988). Madison, 1988

67. *Schamiloglu U.* The End of Volga Bulgarian // *Varia Eurasistica*. Festschrift für Professor Andras Rona-Tas. Szeged, 1991.

68. *Schurmann H.F.* Mongolian Tributary Practices of the Thirteenth Century // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1956. № 19, pp. 304–389.

69. *Shir Muhammad Mirab Muni's and Muhammad Reza Mirab Agahi.* *Firdaws al-iqbal: History of Khorezm*. Ed. Y. Bregel. Leiden, 1988.

70. *Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland 1223–1502. Wiesbaden, 1965.

71. *Tarih-i Sahib Giray Han* (Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532 à 1551). Ankara, 1973.

72. *Togan Z.V.* Zentralasiatische türkische Literatur. II: Die islamische Zeit., Turkologie, Handbuch der Orientalistik. 1. V.1. Ed. B. Spuler. Leiden-Köln, 1963, pp. 229–249.

73. *Vasary I.* The Hungarians or Možars and the Meščers / Mišers of the Middle Volga Region // *Archivum Eurasia Medii Aevi*. 1975. № 1, pp. 137–275.

74. *Vasary I.* A Contract of the Crimean Khan Mängli Giräy and the Inhabitants of Qıřrğ- yer from 1478/79 // *Central Asiatic Journal*. 1982. № 26, pp. 289–300.

75. *Vasary I.* History and Legend in Berke Khan's Conversion to Islam // Aspects of Altaic Civilization III, Proceedings of the Thirtieth Meeting of the Permanent Altaic Conference, Indiana University, Bloomington, Indiana, June 19–25, 1987. Ed. D. Sinor / Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. № 145. Bloomington, 1990, pp. 230–252.

76. *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936.

77. *Zajaczkowski A.* Najstarsza wersja turecka Husräv i Širin Qutba. I // *Prace orientalistyczne* (Warsaw). 1958. T. 6.

78. *Zajaczkowski A.* La Chronique des steppes kiptchak *Tevarih-i dest-i qipchaq du XVIII siècle*. Edition critique, *Prace orientalistyczne* 16. Warsaw, 1966.

Сведения об авторе: Юлай Шамильоглу – профессор, Отделение Языков и Культур Азии, Висконсинский университет в Мадисоне, США (1240 VanHiseHall, Madison WI 53706); uschamil@wisc.edu

---

**THE UMDET UL-AHBAR AND THE TURKIC NARRATIVE SOURCES
FOR THE GOLDEN HORDE AND THE LATER GOLDEN HORDE***Uli Schamiloglu**(University of Wisconsin-Madison, USA)*

This paper presents in summary form results of the author's study of the Turkic-Muslim sources. A number of Turkic narrative sources are preserved to us from the post-Golden Horde time, i.e. period of the successor States of the Golden Horde of the 15th–18th centuries. These narrative sources (mainly chronicles) are of fundamental importance for the study of the Eurasian history in the 13th–18th centuries. Since most of these works are available only in the original Turkish, they remain inaccessible and sometimes even unknown to the main part of modern scholars. Therefore, the author provides an overview of these historical writings, together with a more detailed study of one particular work, "Umdet ul-Ahbar / Umdetul-ahbar". He expresses the hope that this review will contribute to the integration of the Turkic sources in the study of the western Eurasian history. This article contains several examples showing how useful can be this later source for understanding the history of the ulus of Jochi in the 13th century. The author pays special attention to this source's information both about the existence of "ruling clans (tribes)" and on the role of the Karachi beys and kurultay in the government of the ulus of Jochi and post-Golden Horde States. The author emphasizes the role of Shibani and his descendants in determination of the Jochid foreign policy, in the implementation of their conquests in the West and distribution of the uluses in Eastern Europe and, in particular, in the Crimea.

Although the later Turkic-Muslim sources require a more detailed analysis, this article represents the first pioneering step in this direction.

Keywords: Golden Horde, Later Golden Horde, Crimean Khanate, turkic narrative sources, historical literature, "Umdet ul-ahbar", social organization in the Golden Horde, qaraçi-beys.

REFERENCES

1. Abilov Sh.Sh. «Nakhdzh el'-faradis» Makhmuda bine Gali. *Tatar adabiyaty tarikhı*. Kazan, 1984, pp. 208–231.
2. Abilov Sh.Sh. Kharezminets «Mekhebbetname poemasy». *Tatar adabiyaty tarikhı*. Kazan, 1984, pp. 196–208.
3. Abilov Sh.Sh. Khosam Kyatibneñ «Жәмжәмә soltan» dastany. *Tatar adabiyaty tarikhı*. Vol. I. Kazan, 1984, pp. 231–246.
4. Akhmedov B.A. *Istoriko-geograficheskaya literatura Sredney Azii XVI–XVIII vv. (Pis'mennye pamyatniki)* [Historical and Geographical Literature of Central Asia of the 16th–18th centuries (Written Monuments)]. Tashkent, 1985.
5. Akhmetgaleeva Ya.S. *Issledovanie tyurkoyazychnogo pamyatnika «Kisekbash kitaby»* [Study of the Turkic Written Monument "Kisekbash kitaby"]. Moscow, 1979.

6. Bartol'd V.V. Otchet o komandirovke v Turkestan [Report on the Travel to Turkestan]. Bartol'd V.V. *Sochineniya* [Writings]. Vol. VIII. Moscow, 1973, pp. 119–210.

7. Vel'yaminov-Zernov B.B. *Issledovanie o Kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [Study on the Kasimov Tsars and Princes]. Vol. I. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya Nauk Publ., 1864.

8. Gagloyti Yu.S. Etnogenez osetin po dannym pis'mennykh istochni-kov [The Ossetian Ethnogenesis according to Written Sources]. *Proiskhozhdenie osetinskogo naroda. Materialy nauchnoy sessii, posvyashchennoy probleme etnogeneza osetin* [The Origin of the Ossetian People. Proceedings of the Scientific Session devoted to the Problem of Ossetian Ethnogenesis]. Ordzhonikidze, 1967, pp. 67–97.

9. Egorov V.L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv.* [Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th centuries]. Moscow, 1985.

10. Zhirmunskiy V.M. *Izbrannye trudy. Tyurkskiy geroicheskiy epos* [Selected Works. The Turkic Heroic Epos]. Leningrad, 1974.

11. Priselkov M.D. *Khanskie yarlyki russkim mitropolitam* [The Khans' Yarliks granted to the Russian Metropolitans]. Petrograd, 1916;

12. Priselkov M.D. Yarlyki tatarskikh khanov moskovskim mitropoli-tam (kratkoe sobranie) [The Tatar Khans' Yarliks granted to the Moscow Metropolitans (brief collection)]. *Pamyatniki russkogo prava* [Written Monuments of the Russian Law]. Vol. III. Red. A.A. Zimin. Moscow, 1955, pp. 463–491.

13. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoj Porty do nachala XVIII veka* [The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Porte up to the early 18th century]. St. Petersburg, 1887.

14. Tahirjanov G.T. Котбунд «Khəsrəy və Shirin» əsərə. *Tatar ədəbiyatı tarikhy*. Kazan, 1984.

15. *Tatar ədəbiyatı tarikhy*. Kazan, 1984.

16. Usmanov M.A. *Tatarskie istoricheskie istochniki XVII–XVIII vv.* [Tatar Historical Sources of the 17th–18th centuries]. Kazan, 1972.

17. Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa XIV–XVI vekov* [The Charters of the Ulus of Jochi granted in the 14th–16th centuries]. Kazan, 1979.

18. Khakimzyanov F.S. *Yazyk epitafiy volzhskikh bulgar* [The Epitaphic Language of the Volga Bulgars]. Moscow, 1978.

19. Khakimzyanov F.S. *Epigraficheskie pamyatniki Volzhskoy Bulgarii i ikh yazyk* [Epigraphic Monuments of the Volga Bulgaria and Their Language]. Moscow, 1987.

20. Yudin V.P. Ordy: Belaya, Sinyaya, Seraya, Zolotaya... [The Hordes: White, Blue, Gray, Golden ...]. *Kazakhstan, Srednyaya i Tsentral'naya Aziya v XVI–XVIII vv.* [Kazakhstan, the Middle and Central Asia in the 16th–18th centuries]. Red. B.A. Tulepbaev. Alma-Ata, 1983.

21. Əkhmətgalieva Ya.S. «Kisekbash kitabı». *Tatar ədəbiyatı tarikhy*. Vol. I. Kazan, 1984, pp. 273–282

22. Asseb as-seyyar ili sem' planet. Red. M. Kazembek. Kazan, 1832.

23. Barthold W., Minorsky, V. Alan. *Encyclopaedia of Islam*. Vol. 2. Leiden, 1960. P. 354.

24. Babinger F. *Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke*. Leipzig, 1927.
25. Bennigsen A. *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*. Paris-The Hague, 1978.
26. Bodrogligeti A. *A Fourteenth Century Turkic Translation of Sa'dī's Gulistān (Sayf-i Sarāyī's Gulistān bi't-turkī)*. Budapest, 1969.
27. Bombaci A. *Histoire de littérature turque*. Trans. I. Mélikoff. Paris, 1968.
28. Bregel Y. Tribal Tradition and Dynastic History: The Early Rulers of the Qongrats According to Munis. *Asian and African Studies*. 1982. No. 16, pp. 357–398.
29. Bursali Mehmed Tahir. *İdare-i osmaniye zamanmda yetişen Kinn muellifleri*. Istanbul, A.H. 1335.
30. Chadwick N.K. and Zhirmunsky V. *Oral Epics of Central Asia*. Cambridge, 1969.
31. Eckmann J. Die kiptschakische Literatur. I: Die Literatur von Chwarezm und der Golden Horde. *Philologiae Turcicae Fundamenta* (Wiesbaden). 1964. T.II. Ed. P.N. Boratov), pp. 275–296.
32. Fisher A.W. Crimean Separatism in the Ottoman Empire. *Nationalism in a Non-National State. The Dissolution of the Ottoman Empire*. Ed. W.W. Haddad and W. Ochsenwald. Columbus, 1977, pp. 57–76.
33. Fisher A.W. *The Crimean Tatars*. Stanford, 1978.
34. Golden R.V. Khazar Studies. *An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars*. Vol. I. Bibliotheca Orientalis Hungarica 25. Budapest, 1980.
35. Gülbün-i hanan, yahut Kirim tarihi. Ed. O. Cevdi. Istanbul, A.H. 1327.
36. Haçieminoğlu M.N. Kutb'un Husrev ü Şirin'i ve dil hususiyetleri. Istanbul, 1968.
37. Halasi-Kun T. Monuments de la langue tatar de Kazan. *Analecta Orientalia memoriae Alexandri Csoma de Körös dicata, Bibliotheca Orientalis Hungarica* (Budapest). 1942–1947. Vol. V, pp. 138–155;
38. Halasi-Kun T. Philologica III: Kazan Türkçesine ait dil yadigârları. Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. 1949. 1'A, pp. 603–644.
39. Halil Inalcik. Bibliography. *Journal of Turkish Studies*. 1986. No. 10.
40. Halperin Sh. *Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russian History*. Bloomington, 1985.
41. Halperin, Ch.J. *The Tatar Yoke*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1986.
42. *Historia Chana Islam Gerejia III*. Warsaw, 1971.
43. Inalcik H. Yeni vesikalara göre Kirim hanligmm Osmanli tâbiliğine gimesi ve ahidname meselesi. *Belleten*. 1944. No. 8, pp. 185–229.
44. Inalcik H. Kirim. *İslâm Ansiklopedisi*. Vol. VI. Istanbul, 1955, pp. 746–756.
45. Inalcik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I. *Harvard Ukrainian Studies*. 1979–1980. 3–4. 1, pp. 445–466.
46. Istanbul kütüphaneleri tarih-coğrafyaya yazmaları katalogları. I: Türkçe tarih yazmaları; 1. Umumi tarihler. Istanbul, 1943.
47. Kafali M. Altın orda hanlığının kuruluş ve yükseliş devirleri. Istanbul, 1976.

48. Kappeler A. Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert. *Beiträge zur Geschichte Osteuropas* (Cologne-Vienna). 1982. No. 14.
49. Kazan hanlığında İslam Türk Kültürü. Islâm teikikleri Enstitüsü Der-gisi. 1959–60 [1966]. No. 3, pp. 179–204.
50. Kellner-Heinkele V. Aus den Aufzeichnungen des Sa'îd Giray Sultan. Eine zeitgenössische Quelle zur Geschichte des Chanats der Krim um die Mitte des 18. Jahrhunderts. *Islamkundliche Untersuchungen* (Freiburg i. Br.). 1975. No. 28.
51. Kirimi A. Umdet ut-tevarih. Ed. Nesib Asim. Türk tarih encumeni mecmuasi. Istanbul, A.N. 1343/1924/5.
52. Köprülü M.F. Türk edebiyati tarihi. T. I. Istanbul, 1926.
53. Köprülü M.F. Türk edebiyatında ilk mutasavvıflar. Istanbul, 1976.
54. Manz B.F. The Clans of the Crimean Khanate, 1466–1532. *Harvard Ukrainian Studies*. 1978. No. 2, pp. 282–309.
55. McNeill W.H. *Plagues and Peoples*. New York, 1976.
56. Morgan D. *The Mongols*. Oxford, 1986.
57. Muhamedyarov S., Vasary I. Two Kazan Tatar Edicts (Ibrahim's and Sahib Girey's Yarliks. Between the Danube and the Caucasus. A Collection of Papers Concerning Oriental Sources on the History of the Peoples of Central and South-Eastern Europe. Ed. Gy. Kara. *Oriental Sources on the History of the Peoples of South-Eastern and Central Europe*. T. 4. Budapest, 1987, pp. 181–216.
58. Paksoy N.V. Central Asia's New Dastans. *Central Asian Survey*. 1987. T.6. No. 1.
59. Paksoy H.B. Chora Batir: A Tatar Admonition to Future Generations. *Studies in Comparative Communism*. 1986. No. 19, pp. 253–265.
60. Précis de l'histoire des khans de Crimée, depuis l'an 880 jusu'à l'an 1198 de l'hegire. Trans. M. Kazimirski and A. Jaubert. *Journal Asiatique*. 1833. No. 12, pp. 349–380, 428–458.
61. Pritsak O. The Role of the Bosphorus Kingdom and Late Hellenism as the Basis for the Medieval Cultures of the Territories North of the Black Sea. *The Mutual Effects of the Islamic and Judeo-Christian Worlds: The East European Pattern*. Ed. A. Ascher, T. Halasi-Kun, and V. K. Király. Brooklyn, 1979, pp. 3–21.
62. Temir A. Die alten Quellen der kasan und nord-türkischen Literatur (bis zum XIX. Jahrhundert). *Studies in General and Oriental Linguistics. Pre-sented to Shiro Hattori on the Occasion of His Sixtieth Birthday*, ed. R. Jakobson and S. Kawamoto (Tokyo). 1970.
63. Togan A.Z.V. Tarihte usul. Istanbul, 1981.
64. Schamiloglu U. The Qaraçi Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1984. No. 4, pp. 283–297;
65. Schamiloglu U. *Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde*. Columbia University, 1986.
66. Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the Golden Horde. *Proceedings of the Third International Conference on Central Asia (University of Wisconsin-Madison, April 27–30, 1988)*. Madison, 1988
67. Schamiloglu U. The End of Volga Bulgarian. *Varia Eurasistica. Festschrift für Professor Andras Rona-Tas*. Szeged, 1991.

68. Schurmann H.F. Mongolian Tributary Practices of the Thirteenth Century. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1956. No. 19, pp. 304–389.
69. Shir Muhammad Mirab Muni's and Muhammad Reza Mirab Agahi. *Firdaws al-iqbal: History of Khorezm*. Ed. Y. Bregel. Leiden, 1988.
70. Spuler V. *Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland 1223–1502*. Wiesbaden, 1965.
71. *Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532 a 1551)*. Ankara, 1973.
72. Togan Z.V. Zentralasiatische türkische Literatur. II: Die islamische Zeit., *Turkologie, Handbuch der Orientalistik*. 1. V.1. Ed. B. Spuler. Leiden-Köln, 1963, pp. 229–249.
73. Vasary I. The Hungarians or Možars and the Meščers / Mišers of the Middle Volga Region. *Archivum Eurasia Medii Aevi*. 1975. No. 1, pp. 137–275.
74. Vasary I. A Contract of the Crimean Khan Mängli Giräy and the Inhabitants of Qï'rq- yer from 1478/79. *Central Asiatic Journal*. 1982. No. 26, pp. 289–300.
75. Vasary I. History and Legend in Berke Khan's Conversion to Islam. *Aspects of Altaic Civilization III, Proceedings of the Thirtieth Meeting of the Permanent Altaistic Conference, Indiana University, Bloomington, Indiana, June 19–25, 1987*. Ed. D. Sinor / Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. No. 145. Bloomington, 1990, pp. 230–252.
76. Vasiliev A.A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, 1936.
77. Zajączkowski A. *Najstarsza wersja turecka Husräv i Širin Qutba*. I. *Prace orientalistyczne* (Warsaw). 1958. Vol. 6.
78. Zajączkowski A. *La Chronique des steppes kiptchak Tevarih-i dest-i qipchaq du XVIII siecle*. Edition critique, *Prace orientalistyczne* 16. Warsaw, 1966.

About the author: Uli Schamiloglu – Professor, Department of Languages and Cultures of Asia, University of Wisconsin-Madison, USA (1240 Van Hise Hall, Madison WI 53706); uschamil@wisc.edu

УДК 930+39

**ЗОЛОТООРДЫНСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ ТАТАР:
1. ЭПИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ
«ЗОЛОТОЙ ТРОН» («АЛТЫН ТӘХЕТ»)**

Д.М. Исхаков

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

Автор настоящей статьи стремится определить исторические истоки особого престольного места, характерного для Улуса Джучи и последующих тюрко-татарских государств, образованных на его территориях в XV–XVI вв. Это особое престольное место было известно как «золотой трон»/«алтын тәхет». Это явление фиксируется, как в тюрко-татарских (эпические произведения, хроники, исторические сочинения), так и в некоторых русских источниках. Сделанный автором обзор исторических источников показывает, что по тюрко-татарской традиции XVI–XVIII вв., «золотой трон» («алтын тәхет/санда»), представлял собой место, где восседал правитель (хан, царь) в Золотой Орде и на последующем постордынском политическом пространстве. Автор данной статьи подчеркивает немаловажное обстоятельство: «золотой трон» неизменно ассоциировался в исторических источниках с местом интронизации татарского правителя. В результате детального анализа имеющегося исторического материала, автор настоящей статьи установил, что часто упоминаемый «золотой трон» существовал не только в Улусе Джучи, но и по всей Монгольской империи. Более того, проделанный автором настоящей статьи подробный анализ имеющегося исторического материала (включающий сравнение со сведениями параллельных персидских, китайских и латинских источников) показал, что этот «золотой трон» был связан с другим символом власти, распространенным во всех государствах Чингисидов и зафиксированным рядом исторических источников, то есть со специальным шатром (юртой), известным как «Большая Золотая ставка» / «Урду-и-заррин-и бузург»/«Олуг Алтын Урда». Этот шатер и тронное место ханов, в совокупности, образовывали в Монгольской империи и последующих чингисидских государствах средоточие ханской власти.

Ключевые слова: трон, престольное место, интронизация, золотой трон, золотой шатер, центр власти.

В знаменитом тюрко-татарском эпосе «Идегей» несколько раз упоминается «ал тәхет» («алый трон»). Как видно из дастана, он фигурирует там в связи с золотоордынским ханом Токтамышем (1380–1397/98). Вначале в эпосе говорится:

Хан сарае ак ишек,
Иртә булса ачылып,
Тухтамыш хан килгәндә,
Ал тәхеткә менгәндә,
Ал тәхетнең аркасы,
Алтын егач тутый кош
Сайрап телгә килгәндә...[5, с.39]

Затем этот же трон возникает при описании взятия Тимуром г.Сарая, когда речь идет о прибытии Идегея из Булгар в Сарай, где в тот момент должен был находиться завоеватель. На вопрос Идегея о нем один из приближенных хана отвечает:

Шаһ Тимерне сорасаң,
Шаһ Тимердәй олы хан
Алтын агач тутый кош
Ал тәхетне алдырып,
Ак филенә мендереп,
Эченә үзен кундырып

.....
Сәмәркандка юнәлдә [5, с.170]

В третий раз этот вроде бы уже увезенный Тимуром трон в эпосе появляется в эпизоде, когда сын Идегея Норадын (Ир Норадын) приходит в Сарай с целью стать ханом:

Алтын сарай, хан сарай,
Хан сарае ак ишек,
Ир Норадын килгәндә,
Ал тәхеткә менгәндә,
Ал тәхетнең аркасы
Алтын егач тутый кош
Сайрап телгә килгәндә [5, с.219]

Наконец, в эпическом рассказе о том, как сын Токтамыша Кадырбирде задает вопрос одному из биев умершего хана по имени Кин-Джанбай (*Кин Жанбай*), трон появляется опять:

Тухтамышның бие идең,
Бүген кемгә би булдың?
Алтын ташлы тәхетенә
Бүген кем углын мендердең? [5, с. 220]

Как видим, в рассматриваемом эпосе фигурирует особый трон, находившийся во дворце (*хансарае, алтын сарай*) золотоордынских ханов. В эпосе он именуется двояко: *ал «тәхет»* и *«алтын ташлы тәхет»* (златокаменный трон). На самом деле в смысловом отношении эти понятия близки: если в татарском языке понятие *«ал»* передает не только цвет (отсюда, кстати русское слово *«алый»*), но и обозначает нечто *«хорошее, красивое, прекрасное»*, то термин *«алтын»* (золото, золотой) кроме прямого значения имеет и косвенное *«хороший, прекрасный, дорогой* (последнее значение прослеживается в эпосе *«Идегей»*, где названный трон именуется *«златокаменным»*). В

итоге допустимо предположить, что в обоих вариантах подразумевается одно и то же тронное место, трон, связанный в Золотой Орде с ханской властью. Более того, выражение «*ал тәхет*» можно считать сокращением от выражения «*алтын тәхет*», в крайнем случае первое обозначение подчеркивало, что ханский трон был из «червоного», то есть красного (алого) золота или был покрыт этим материалом. Любопытно, что судя по дастану «Идегей», отличительной особенностью этого трона являлось нахождение на его спинке (*аркасы*) «золотого попугая» (*алтын тутый кош*), способного издавать птичью трель. Кроме того, вопреки первоначальному утверждению дастана об увезении указанного трона из Сарая в Самарканд, он явно остался на месте, похоже потому, что имел какую-то «прикрепленность» к золотоордынским правителям – Чингизидам.

В реальности «золотой трон» упоминается и в других тюрко-татарских источниках – как в эпических произведениях, так и в так называемых татарских «хрониках», содержащих местные предания.

Прежде всего заслуживает внимания татарско-башкирский дастан «*Туләк һәм Сусылу*» («Туляк и Сусылу») (исследование его версий было проведено М.А. Усмановым, он же опубликовал его древнейший текст – см.: [2, с. 225–300]; сюжеты дастана, связанные с «золотым тронном», ранее были затронуты в нашей работе – см.: [7]). Имея в виду это последнее исследование, мы далее ограничимся перечислением тех эпизодов из этого дастана, в которых упоминается «*алтын тәхет*». Последний в эпосе появляется так: когда главный герой эпоса Туляк оказался во дворце (*булат сарай*) дочери легендарного подводного правителя «Чачдар-хана» по имени Сусылу, через некоторое время он заскучал по своей прежней родине, и по его просьбе Тенгри сделал ему подарок – перед дворцом его суженой возникла «скрепленная железом гора Балкан (*Балкан-тау*)», в подножии которой находился тот самый «золотой трон», описанный следующим образом:

Алтын тәхет уртаткан,
Көмешдин айак йараткан,
Тәхет-бәхет түрәткән
Хакъ тәгалә кодрәте...

Туляк сел на этот «счастливый трон» («*тәхет-бәхет түрәткән*»), дарованный ему Всевышним наряду с другими чудесными творениями. Затем герой дастана обратился к Всевышнему с просьбой перенести его со всем имуществом и Сусылу из подводного царства на землю, что и было сделано – они оказались около «великого города» (*олуг шәһәр*), как затем выяснилось, стоявшем во владении отца Туляка. Проснувшись утром, горожане увидели не только названную гору, но и располагавшийся там трон, на этот раз изображенный так: «*Ул тәхетнең айкалары көмешдин, башы гәүһәрдин*» (перевод: «Ножки у этого трона были серебряными, изголовье из

жемчуга/драгоценностей»). Согласно дастану, Туляк, ставший вскоре в «великом городе» ханом, по пятницам поднимался на Балкан-тау, садился там на свой «золотой трон» и развлекал свой народ, играя на музыкальных инструментах. После смерти Туляка в этом владении недолгое время правил его сын Габдулла-хан, с кончиной которого все чудесные творения, доставшиеся ему от отца, в том числе и «золотой трон», исчезли.

При разборе этого дастана нами [7] уже было высказано мнение о том, что, по имеющейся информации, род Туляка и Габдуллы принадлежал к знатному золотоордынскому клану кыйат, из которого в свое время вышли и предки Чингиз-хана. По нашей гипотезе, в легендарном хане Габдулле, как известно, присутствующем также в татарском историческом сочинении конца XVII в. «Дафтар-и Чингиз-наме», можно видеть историческую личность – правившего в 1361/62–1369/70 годах в Орде Мамай хана Абдаллаха. Напомним, что «хан Габдулла» из «Дафтар-и Чингиз-наме» являлся правителем в «шахри Булгаре» в период походов Тимура на Золотую Орду.

В свете приведенных данных следует учесть и сведения близкой к «Дафтар-и Чингиз-наме» татарской хроники «Фи бейан-и тарих», по всей видимости, являющейся фрагментом персоязычного сочинения XVIII в. из Поволжья «Джаза-и джанг»/ «Хикайат» (о нем подробнее см.: [13]). Этот источник, рассказывая о взятии Тимуром (*Мир-Тимур*) «города Болгара» («*шәһре Болгар*») и гибели его правителя – «Габдуллы-хана», сообщает о двух спасенных его сыновьях – Алтын-беке и Галим-беке, с уточнением, что первого из них в возрасте четырнадцати лет «возвели на престол» («*тахытка кичерделәр*»). Далее в этой хронике приводятся тамга Алтын-бека и ее название, затем сообщается: «*Алтын тәхетдин чыгып, Иске Казанга килделәр. Алтын тәхет дин шәһре Болгарны әйтер ирмеш...*» (перевод: «Вышедши из Золотого трона, пришли в Старую Казань. Золотым тронном называли город Булгар») [13, с. 155–156].

В поволжских тюрко-татарских источниках «золотой трон» еще раз упоминается в историческом сочинении Кадыр-Али бека из Касимовского ханства «Джами ат-таварих» (1602 г.) в связи с описанием церемонии возведения султана Ураз-Мухаммада на ханский престол в г.Касимове в 1600 г. Там сказано: «...*Дурт кеше дурт яктан хәзрәти ханны алтын сандалның өстенә күтәрде...*» [перевод: «Четыре человека с четырех сторон господина хана подняли на трон»]. Тут «санда́л» – это «*тахет*» (трон), что видно из описания церемонии интронизации Ураз-Мухаммеда, когда до ее начала в мечеть был внесен «почетный золотой трон» (в оригинале: «...*мөбәрәк алтын сандалны/ тәхетне...*» [10, с. 124]. Попутно заметим, что в данном сочинении и трон русского царя Бориса Годунова назван «золотым» («*алтын тах [т]*») [10, с. 124]. При этом надо иметь в виду, что для Кадыр-Али бека московский царь Борис Федорович являлся не только «падишахом», но и «белым ханом» («*ак хан*»), а также «великим

беком» («олуг бак», подчинившим себе «престолы» Казани, Астрахани, Туры (т.е. Сибирского юрта) и Сарайчика (т.е. столицы Ногайской Орды) [9, с. 23]. В данном случае в глазах Кадыр-Али бека он выступает как один из наследников Золотой Орды.

Далее, заслуживает внимание и эпизод из «Казанской истории» о взятии русскими войсками в 1552 году Казанского Кремля, когда они пленили хана Едигера. В рассказе об этом в источнике сообщается, что в момент пленения казанский хан сидел в «мечети царевом... в худых ризах одеянна, а не на царском месте златом» [11, с.157]. Как видим, тронное место казанских ханов в данном источнике также маркировано как «золотое».

Сделанный обзор показывает, что по тюрко-татарской традиции XVI–XVIII вв. «золотой трон» («алтын тәхет/санда») это место, где восседает правитель (хан, царь) в Золотой Орде и на постордынском политическом пространстве и, что важно, место его интронизации.

Насчет особых аспектов интронизации, связанных с «золотым тронном», можно составить представление по двум независимым источникам, имеющим отношение к джучидским государствам. Так, когда Кадыр-Али бек рассказывает о церемонии интронизации султана Ураз-Мухаммада, он не только говорит о четверых знатных лицах, «поднявших» этого Чингизида на ханский престол, но и называет, за одним исключением, их клановую принадлежность: сам Кадыр-Али бек был из племени джалаир, Шаш (Чеш/Чаныш) бек – из клана аргын, а Тукай бек являлся кыпчаком; наконец, как нами было установлено, Саманай/Семеней бек, чья племенная принадлежность в источнике отсутствует, был мангытом [6, с.209]. В связи с тем, что двое князей (Кадыр-Али и Семеней) из этого списка, согласно Кадыр-Али беку, стояли справа (*оң кол/маймене*) от ханского трона, а двое других – слева (*сол кол/майсара*), есть основание видеть в них карача-беков – «делателей ханов» в джучидских государствах.

Еще одно описание церемонии интронизации хана на рубеже XIV–XV вв. в «Золотой Татарии», то есть в Золотой Орде, приводит И. Шильтбергером: «...короля (хана – Д.И.) ... сажают... на белый войлок и три раза приподнимают. Затем носят его вокруг палатки, *сажают на престол* (выделено нами – Д.И.) и вручают ему золотой меч, после чего он должен присягнуть по их правилам» [20, с. 44].

По-видимому, вот это тоекратное «приподнимание» на белом войлоке с конечным посажением Чингизида на трон, и передается тюрко-татарским понятием «*тәхеткә/сандалга [тәхет өстенә] күтәрделәр*», зафиксированным у Кадыр-Али бека. Практически точно такие же выражения используются и в дастане «Туляк и Сусылу» при описании интронизации Туляка: «*Имди сәне тәхеткә күтәргәймез*» [перевод: «Сейчас мы поднимем тебя на трон»], «*Имди сәне тәхеткә күтәргәйле*» [перевод: «И вот ты поднят на трон»], «*Түләкне ханлыкка күтәрделәр*» [перевод: «Подняли Туляка на хан-

ство»] [2, с. 260]. При изложении сообщения о посадении сына «Габдуллы-хана» Алтын-бека на искеказанский трон используется сходное выражение – «*тахеткэ кичерделар*» [перевод: «приведение/проведение на престол»].

Изложенное выше позволяет по-новому осмыслить некоторые русские источники XV–XVI вв. Заслуживает, например, внимания послание тюменского хана Саида-Ибрагима («Ивака») от 1493 г. московскому князю Ивану III, из которого явствует, что в последней четверти XV в. в Поволжье существовало особенное «тронное место». Хан пишет: «...Тимер Кутлуева сына убивши, *Саинский стул* (выделено нами – *Д.И.*) взял... на отцов юрт к Волзе пришед стою» [18, с. 199]. Так как в этом послании, по всем данным, речь идет о захвате в начале 1481 г. ногайско-шибанидской коалицией ставки большеордынского хана Ахмада (именно его детей в 1490 г. в одном из посланий, отправленном из Ногайской Орды, именуют «Темир Кутлуевыми детьми» – см: [18, с.90]), в ходе которого тот и был убит [8, с.132], получается, что упомянутый «Саинский стул» находился во владениях хана Ахмада, то есть, в Большой Орде, но скорее всего, в момент его убийства не в ставке хана, которая отмечается на устье р. Донца, а где-то ближе к Волге.

Следует специально отметить, что из рассматриваемого документа все же не вполне ясно, имеется ли под «Саинским стулом» в виду какое-то «тронное место» или подразумевается вся Большая Орда целиком. Возможно и третье объяснение, на котором остановимся далее. Тут, однако, стоит сказать, что в ходе описываемой операции в руки хана Саида-Ибрагима попал «ордабазар» хана Ахмада, который хан «с собой поведе в Тюмень» [8, с. 132]. А «ордабазар» – это элемент ханской ставки, так сказать, его экономическое ядро. Но, тем не менее, политический центр Большой Орды мог находиться не обязательно там, где хан был убит.

Дело в том, что уже и относительно того, где в 1470-х годах находился хан Саид-Ибрагим, в литературе есть разные мнения. Имея в виду, что этот хан тогда явно был, по некоторым данным, с 1471 г. в Поволжье, либо близко к нему. Б.А. Ахмедов полагал, что в конце 1470-х годов, либо в начале 1480-х годов тот пребывал на престоле Казанского ханства [1, с. 60–61]. Однако, такое допущение вряд ли будет верным. Прежде всего, потому, что нахождение хана Саида-Ибрагима (Ивака) в 1491/92 годах в «Тюмени», то есть в политическом центре Тюменского ханства г.Чимги-Туре, вытекает из отдельных источников русского происхождения [14, с. 18–19; 18, с. 94]. Хотя, конечно, именование этого хана в Новгородской четвертой и Никоновской летописях «ногайским царем» [1, с. 60], а также приход его посла к крымскому хану Менгли-Гирею в 1493 г. с предложением «дружбы, братства и единачества на Орду» из «Ногай» [18, с. 206], говорит не только о его тесных политических связях с Ногайской Ордой, но и о возможности нахождения в Поволжье или вблизи от

него. Тем более, что в том же 1493 г., по сообщению крымского хана Менгли-Гирея, хан Саид-Ибрагим и его брат Мамук во главе ногайцев пошли походом на «Орду» (Большую Орду) [18, с. 236]. Но центр политической власти рассматриваемой ветви Шибанидов вряд ли поменялся – он по-прежнему оставался, надо думать, в «Тюмени» (Чимги-Туре). То, что это было именно так, вытекает из русских источников. Скажем, согласно Никоновской летописи, брат хана Саид-Ибрагима Мамук, в 1496 г. кратковременно занявший даже казанский трон, именовался «Шибанским царем» [15, с. 242–243]. Как известно ранее Софийская первая и Воскресенская летописи так же называли самого хана Саид-Ибрагима [1, с. 60]. Да и сын Мамука Кулук, как видно из отдельных русских летописей, в 1505 или 1506 годах явно пребывал в г.Чимги-Туре, так как именно оттуда – из «Тюмени», он тогда выступил в поход [8, с. 133]. Тут стоит принять во внимание и то, что в первых десятилетиях XVI века «Шибаны» неизменно отождествлялись с Тюменским ханством.

В таком случае «Саинский стул» надо искать прежде всего «на Волге», но не в Казанском ханстве, а, скорее, на территории Большой Орды. Даже в послании тюменского хана Саид-Ибрагима от 1493 г. при высказывании им о его выходе «к Волге» и обретении «отцовского юрта» (его отцом являлся хан Махмудек, сын Хаджи-Мухаммеда), скорее всего, больше имеется в виду в целом былое наличие определенных прав Шибанидов на территорию центрального домена в рамках единой Золотой Орды – что было правдой – нежели фиксация возможности нахождения в указанном «юрте» рассматриваемого «Саинского стула». Но сама проблема локализации этого «стула» все-таки остается.

При обсуждении этой проблемы определенную пользу может принести обращение к «Казанской истории», интерпретация одного места из которой позволяет, как нам думается, уточнить место нахождения «Саинского стула». В «Казанской истории» содержится уникальный рассказ о приходе касимовского хана Нур-Давлета с московским воеводой князем Василием Ноздреватым Звенигородским на «Орду» (Большую Орду) осенью 1480 г., когда войска хана Ахмада «стояли» на Угре. Упомянутая тут «Орда» в это время стояла «пустой», точнее, там не было воинов, а находились только старики, женщины и дети. Согласно источнику, это население было пленено, а сам «юрт Батыев» предан «огню и воде и мечу». В момент разгрома данного «юрта» у наступающей стороны возникло желание, «конечно», его «разорить», и тогда один из уланов касимовского хана по имени Обляз, сказал: «... Что твориши, о царю, яко нелепо есть тебе болшаго сего царства до конца разорити... И наша земля то есть и отец твой искони» [11, с. 56]. Из текста создается впечатление, что под «Батыевым юртом» подразумевается не только Большая Орда в целом, но и ее какой-то центр, где было сосредоточение массы народа. И вот тут возникает вопрос: а не идет ли в данном случае речь о

том населении, которое находилось в политическом центре Большой Орды – г.Сарая?

Такое вполне возможно и вот почему. Встречающиеся в литературе рассуждения об окончательном разрушении г.Сарая в конце XIV в., на самом деле не соответствуют реальности. Дело в том, что он оставался значительным городским поселением не только в первой половине, но и во второй половине XV в. Например, хорошо известно о наблюдениях ширазского купца в этом городе в 1438 г. [3]. Судя же по сведениям Типографской летописи, в начале 1470-х годов Сарай еще существовал – под 1471 г. в этой летописи помещено сообщение о походе вятчан по Волге «на низ», содержащее следующую информацию: «...идоша вятчане Камою на низъ и в Волгу в соудехъ и шедшее взяша градъ царевъ Сарай на Волзе и множество Татаръ усекоша, жены же ихъ и дети в полон поимаша и множество полону взявше» [16, с. 191]. Раз в начале 1470-х годов при взятии Сарая еще можно было захватить «множество полону», то город, получается, тогда не только функционировал, но и имел заметное население.

Если это так, то возникает вопрос: а не имелся ли в виду в послании хана Саида-Ибрагима от 1493 г. под «Саинским стулом» политический центр Большой Орды – г.Сарай или, возможно, конкретное «тронное место» в нем? Такое более чем вероятно потому, что и то выражение («юрт Батыев»), которое было использовано в «Казанской истории» при описании сходных событий, случившихся несколько раньше, явно перекликается с понятием «Саинский стул», тем более, что «Батый» (Бату) это и есть «Саин» восточных источников.

Таким образом, применительно к Большой Орде – прямой наследнице Золотой Орды, можно допустить существование там особого тронного места – «Саинова стула», судя по названию, связанного с Бату-ханом. Несмотря на то, что в письменных источниках мы не имеем прямую маркировку этого места как «золотого трона» («*алтын тахет*»), эпические произведения и, косвенно, некоторые письменные источники, как будет показано ниже, оставляют возможность для такой трактовки.

Так, следует отметить, что у Ибн Баттуты, находившегося в Золотой Орде при хане Узбеке, сохранилось достаточно детальное описание названного тронного места на основе его личного наблюдения. Он сообщает что «в пятницу, после молитвы» хан «садится в шатер, называемый золотым шатром, разукрашенный и диковинный». Шатер состоял «из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листьями». Далее арабский путешественник описывает собственно тронное место: «*Посредине его (шатра – Д.И.) деревянный престол, обложенный серебряными позолоченными листками* (не отсюда ли его название «*алтын тахет*»? – Д.И.); ножки его из серебра, а верх его усыпан драгоценными камнями». Заметим, что описание «золотого трона» в дастане «Туляк и Сусылу» в точности совпадает с этим сообщением, что любопытно (см. выше). Ибн Баттута продолжает:

«...Султан (хан Узбек – *Д.И.*) садится на [этот] престол; с правой его стороны хатунь Тайтуглы и рядом с ней хатунь Кабак, а с левой стороны – хатунь Баялунь и возле нее хатунь Урдуджи. У подножия трона стоит справа [старший] сын султана Тинабек, а слева – второй сын его Джанибек. Перед ним сидит дочь его Идкуджуджук». Далее речь идет о том, что в этом «шатре» «справа и слева» имелись «скамьи» для «старших эмиров». Перед тронном, точнее, перед султаном «стоят царевичи: сыновья дяди его, брат его и родственники..., а насупротив их, у дверей шатра, стоят дети страших эмиров, и позади их стоят начальники войск, справа и слева» [4, с. 132–133].

Этот длинный рассказ Ибн Баттуты нами приведен потому, что похожее описание, но не такое подробное, было оставлено египетскими (мамлюкскими) послами в годы правления хана Берке. Думается, что оно свидетельствует о существовании специального тронного места в Улусе Джучи уже в XIII в. Вот оно: «.. царь Берке ... находился в большом шатре, в котром помещается 100 человек (в другой версии – 500 всадников – *Д.И.*) покрытом белым войлоком, внутри обитом шелковыми материями и китайками и украшенным жемчужинами и драгоценными камнями. Он (хан) сидел на престоле, свесив обе ноги на скамейку, на которой лежала подушка... Сбоку от него сидели старшие жены: Джиджек хатунь и Кехарь хатунь... При нем в шатре его сидело 50 (в других версиях – 60 – *Д.И.*) эмиров на скамейках...» [4, с. 70, 92–93].

Плано Карпини также оставил схожее описание «ставки» Бату хана. Он сообщает, что хан в этой «ставке», явно находившейся в «шатре» (как он указывает, эти «шатры» были «большие и очень красивые, из ткани, раньше они принадлежали королю венгерскому»), «сидит на более возвышенном месте, как на троне, с одною из жен своих; другие же, братья и сыновья, так и иные младшие, сидят посредине на скамейке, прочие люди – сзади их, на земле...» [12, с. 73]. Это тронное место видел и Вильгельм де Рубрук. Вот что он отмечает: «...нас провели до середины палатки (это был «шатер» – *Д.И.*) ...[Там Бату] сидел на длинном троне, широком как ложе, и целиком позолоченном; на трон этот поднимались по трем ступеням; рядом с Бату сидела одна госпожа, мужчины же сидели там и сям, направо и налево от госпожи; то, что женщины не могли заполнить на своей стороне, так как там были только жены Бату, заполняли мужчины...» [12, с. 117]. Как видим, престол Бату-хана уже был «позолоченным», то есть это – «*алтын тәхет*».

Если поискать в изобразительных материалах, имеющих отношение к государству Хулагуидов и Юаньской империи, можно найти достаточно близкие к описанным выше изображения тронных мест этих чингизидских владений (см.: [21, рис. 29, 33, 49, 54, 55, 74]), что скорее всего свидетельствует о том, что «золотой трон» Улуса Джучи имел какой-то более ранний аналог. Совпадали даже некоторые детали – скажем, из отмеченных выше рисунков видно, как на золо-

тоордынском престоле на изображенных выше тронных местах других чингизидских владений имелись скамейки для ног царственных персон, которые к тому же служили, видимо, ступенькой для подъема на престол. В частности, в описании Ибн Баттуты указывается, что хан Узбек «держит... за руку [хатунь], пока она восходит на престол» [4, с. 133].

Для того, чтобы выяснить истоки этого весьма своеобразного престола в Золотой Орде, необходимо сделать еще одно замечание, на наш взгляд, имеющее косвенное отношение к его именованию «золотым». Мы ранее видели, что золотоордынский престол, покрытый позолоченными пластинами, уже по этому основанию мог именоваться «золотым». Но для такой его квалификации имелись и другие предпосылки.

Прежде всего, конечно, это само нахождение интересующего нас «тронного места» в особом – «золотом» шатре (юрте), вместе с которым он образовывал средоточие власти в Улусе Джучи. Вместо него мог быть и ханский дворец, но также обозначенный как «золотой». Например, Ибн Баттута указывает на то, что в Сарае находился «дворец султана» (под султаном тут имеется в виду хан Узбек), именуемый «Алтунташ» (первую часть названия арабский путешественник перевел как «золото, золотой», а вот вторую часть – «таш», как голова [4, с. 143], что неверно; тут возможны две версии объяснения: или вместо слова «таш» (камень) там должно стоять «баш» (голова), или он ошибся в переводе). Поэтому этот дворец назывался «златокаменным» или «златоглавым». Если исходить из сообщения аль-Омари относительно нахождения в г.Сарае «большого дворца», являвшегося «местом пребывания царя» и его приближенных зимой, отличительной особенностью которого было не только «окруженность стенами, башнями да домами эмиров», но и увенчанность «золотым наволунием весом в два кантыря египетских» [4, с. 109], не исключено, что он имел наименование «Алтынбаш». Но в любом случае этот дворец был маркирован как «золотой». Далее само использование золота в отделке ханского шатра (юрта), ханского дворца, трона могло способствовать закреплению за джучидским престолом термина «*алтын тахет*», тем более, что уже во время Бату-хана ханский престол был позолоченным.

Но в реальности такое наименование джучидского престола могло проистекать из другого источника, имеющего прямое отношение в XIII в. к тронному месту центрального домена Монгольской империи.

Дело в том, что уже аль-Асир, описывающий военную операцию монгольских войск в 1220–1221 г. в районе г.Мерва, упоминает о том, что Чингиз-хан «сел на золотой трон» [4, с. 29]. Есть все основания полагать, что в «Мен-да бей лу» («Записки о монголо-татарах») Чжао Хуна говорится именно об этом троне: «...трон [Чингиз-хану] служит монгольский диван (ху чуань) с драконовыми заголовками, обложенный золотом» [19, с. 625]. Данный престол, в

свою очередь, был связан с «золотым шатром/ставкой». Рашид ад-дин, например, рассказывающий о возвращении Чингиз-хана из похода в «области тазиков» в 1224 г., отмечает, что «достигнув местности Бука-Су-джику, он повелел там разбить Большую золотую орду (в оригинале – «Урду-и-заррин-и-бузург»/«Большая Золотая ставка» – Д.И.), устроить многолюдное собрание (курултай – Д.И.) и сделать великое пиршество» [17, с. 230]. В «Хэй-да ши-лю» («Краткие известия о черных татарах») Пен Да-я и Сюй-Тина, явно имея в виду его же, говорится, что «... внутри золотого шатра можно поместить несколько сотен человек» [4, с. 443].

Его видел и Плано Карпини, побывавший в домениальном владении монгольской империи накануне восшествия на имперский престол Гуюка. Вот его наблюдения: «...был приготовлен...шатер, называемый у них Золотой Ордой (т.е. это «Урду-и-заррин-и-бузург» / «Большая золотая ставка» – Д.И.). Там Куйюк должен был воссесть на *престол* (выделено нами – Д.И.)... Шатер этот был поставлен на столбах, покрытых золотыми листами и прибитых к дереву золотыми гвоздями, и сверху и внутри стен он был крыт балдахином, а снаружи были другие ткани». Именно там, как указывает Плано Карпини, «посадили Куйюка на императорский престол (вот он, «золотой трон»! – Д.И.) и вожди преклонили перед ним колена...» [12, с. 78]. Названный «императорский трон» мог быть перемещен и в другие шатры (палатки), каковых у Гуюка было три [12, с. 79]. В частности, Плано Карпини сообщает об «изумительном шатре...из пламенно-красного пурпура», внутри которого был «воздвигнут высокий помост из досок, где был поставлен трон императора». Вот как он выглядел: «трон был из слоновой кости, изумительно вырезанный; было там также золото, дорогие камни... и перлы; и на трон, который сзади был круглым, взбирались по ступеням». Далее отмечается, что «кругом этого седалища были также поставлены лавки, где госпожи сидели на скамейках с левой стороны, справа же никто не сидел, а вожди сидели на лавках ниже, и притом в середине, прочие же сидели сзади их...» [12, с. 79].

Похожую картину наблюдал и Вильгельм де Рубрук, когда он находился в Каракоруме у Менгу-каана. Там у монгольского императора имелся «большой двор, обнесенный кирпичной стеною». В этом «дворе» стоял большой дворец, в котором каан дважды в году устраивал многолюдные приемы. По Рубруку во дворце каан сидел «на возвышенном месте» и к «его престолу вели две лестницы... Справа от его (престола – Д.И.) бока... помещаются мужчины, с левого – женщины... К югу... находятся возвышенные сидения, наподобие балкона, на которых сидят сын и братья хана. На левой стороне сделана так же; там сидят его жены и дочери. Одна только жена (старшая – Д.И.) садится там, наверху, рядом с ним, но все же не так высоко, как он...» [12, с. 155].

Заслуживают внимания и наблюдения Марко Поло, побывавшего в Китае во время правления там каана («великого хана») Хубилая

из Юнаньской династии. У Хубилая были две ставки: одна – зимняя, в Ханбалыке – столице государства, там он находился в декабре, январе, феврале, и другая – на юге, в местности Каччар-Модун («Лесной город»), куда хан и его приближенные удалялись в марте [12, с. 261–263]. Марко Поло так описывает большой дворец Хубилая в Ханбалыке: «... Стены в больших и малых покоях покрыты золотом и серебром, и разрисованы по ним драконы и звери, птицы, кони и всякого рода звери, и так-то стены покрыты, что кроме золота и живописи ничего не видно. Зала такая просторная, более шести тысяч человек может быть там» [12, с. 251]. Хотя Марко Поло об этом и не говорит, понятно, что именно этот «большой дворец» и являлся у Хубилая «золотым». Дополнительным аргументом в пользу такого предположения может быть описание пира великого хана, задаваемого им в этом дворце после возвращения его в г. Ханбалык: «... На пиру... стол его (каана – *Д.И.*) много выше других... С левой стороны возле него сидит старшая жена, а по правую руку много ниже, сыновья, племянники и родичи императорского роду, а головы их приходятся у ног великого хана; а прочие князья садятся за другие столы, еще ниже... жены сыновей великого хана, его племянников и родичей – с левой стороны, пониже, а за ними, еще ниже, садятся жены баронов и рыцарей. Всякий знает свое место, где он должен сидеть по порядку, установленному великим ханом» [12, с. 256]. Последнее замечание свидетельствует о том, что рассматриваемый пир моделировал порядок расположения знати в рамках ханской ставки, характерный именно для престольного центра – «Золотой ставки». Весенне-летняя ставка великого хана Хубилая описана Марко Поло не очень детально, но показательно, что он указывает на существование у каана нескольких палаток, в одной из которых, где могли поместиться «тысяча всадников», проводились «собрания», куда «сходились князья и другие люди». Несмотря на то, что рядом с этой «палаткой» находилась другая, в которой великий хан «пребывал» и принимал тех, с кем «желал переговорить», и где он «опочивал» [12, с. 262], ясно, что именно первая палатка является летним аналогом большого, по сути, «золотого дворца».

Исходя из сказанного можно высказать достаточно обоснованное предположение о том, что «Саинов стул», он же «золотой трон» («*алтын тахет*»), вкупе с «золотым шатром/дворцом», в Улусе Джучи действительно существовал, будучи воспроизведением более раннего имперского тронного места Еке Монгол Улуса, фактически являясь несколько уменьшенным его «клоном». Поэтому, когда мы читаем в источниках: «воцарился Тудаменгу... он вступил на престол царства... в Сарае» (Ибн Халдун), «Менгутемир... вступил на престол Сарайский» (Ал-Айни), «Менгу-каан...Сартака...утвердил...за ним престол и государство», или «Менгу-каан пожаловал Улагчи [сыну Бату] престол и царство отца» (Рашид ад-дин), «Узбек хан ...утвердился на престоле царства...после восшествия на ханский престол»

(Шаджарат ал-атрак), «Урус хан... после смерти отца сел на трон ханский (в Сыгнаке – Д.И.)... затем ... завоевал трон Узбека (Натанзи), «Бердибек-хан, севший на престол Дешт – и –Кипчака», «Бердибек, сын Джанибека... стал обладателем трона и короны » (Хайдар Рази), это надо воспринимать не только как фигуру речи, обозначающую восхождение к власти в Золотой Орде, но и как подлинное обретение центра власти в этом государстве в лице «золотого трона» и «Большой Золотой ставки»/ «*Олуг Алтын Урда*». В этой связи стоит обратить внимание на выражение «Золотая Татария» И. Шильтбергера, свидетельствующее о том, что русское понятие «Золотая Орда», известное с XVI в., тоже было содержательным.

Рассматриваемое тронное место могло находиться как в специальном шатре, так и в ханском дворце, расположенном в столичном г.Сарае. Именно там, судя по источникам, восседали эмиры – «делатели» ханов. Указанное средоточие власти существовало даже в 1470 годах, причем не только в «шатровом» исполнении (см. И. Шильтбергера), но и в виде «Саинова стула», не исключено, находившемся в ханском дворце внутри г.Сарая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965.
2. *Госманов М.Г.* Каурый калэм эзеннән: археограф язмалары. Казан: Татар. кит. нәшр., 1994.
3. *Заходер Б.Н.* Ширазский купец на Поволжье в 1438 г. (к вопросу об экономических связях с Сибирью, Средней Азией и Передним Востоком) // Короткие сообщения Института Востоковедения. Вып. XIV. М., 1955. С. 166–172.
4. Золотая Орда в источниках. Т.1. Арабские и персидские сочинения. М., 2003.
5. Идегәй. Татар халык дастаны. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988.
6. *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Научное издание. Казань: изд-во «Мастер-лайн», 1998.
7. *Исхаков Д.М.* Об отражении некоторых золотоордынских реалий в татарско-башкирском дастане «Туляк и Сусылу» // Золотоордынская цивилизация. Вып.4. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 119–127.
8. *Исхаков Д.М.* Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006.
9. *Кадыйр Гали бәк.* Жәмигыт-тәварих // Мирастан биш сәхифә: XVII–XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкярләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. С. 7–22.
10. *Кадыргали Жалаыйр.* Шежірелер жинагы. Алматы: Казахстан, 1997.
11. Казанская история. М-Л.: Изд-во АН СССР, 1954.

12. *Карпини Плано Джованни*. История монгалов. Де Рубрук Гильом. Путешествие в восточные страны. Поло Марко. Книга Марко Поло. М.: Мысль, 1997.
13. *Мустакимов И.А.* Термин «Золотой престол» в Поволжье по данным арабографических источников (к вопросу о статусе г.Булгара на Ордынском и постордынском пространстве) // Гасырлар авазы. Эхо веков. №1. 2008. С. 142–157.
14. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1995.
15. ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. М., 2000.
16. ПСРЛ. Т. 11–12. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965.
17. *Рашид ад-дин*. Сборник летописей. В 3-х томах. Т. 1. М.: НИЦ «Ладомир», 2002.
18. Сборник РИО. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турциею. Т.1. С 1474 по 1505 г.г. Эпоха свержения монгольского ига. СПб., 1884
19. Чингисиана. Свод свидетельств современников. М.: ЭКСМО, 2009.
20. *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. Баку: Изд-во «Элм», 1984.
21. *Юрченко А.Г.* Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2013.

Сведения об авторе: Дамир Мавляевевич Исхаков – главный научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, доктор исторических наук (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); monitoring_vkt@mail.ru

---

**THE GOLDEN HORDE ETHNOLOGY OF TATARS:
1. THE EPIC AND HISTORICAL “GOLDEN THRONE”
 (“ALTYN TƏKHET”)**

D.M. Iskhakov

*(Sh. Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*

The author of this article seeks to identify the historical origins of particular patronal place characteristic for the ulus of Jochi and later Turko-Tatar States established on its territory in the 15th–16th centuries. This patronal place was known as the “golden throne” and has been recorded by the Turko-Tatar (epics, chronicles, historical works) and some Russian sources. An overview of historical sources reveals that according to the Turko-Tatar traditions of the 16th–18th centuries, the “golden throne” was a place, where the ruler (Khan, king) was sitting in the Golden Horde and at the post-Horde political space. The author of this article emphasizes the important fact: in historical sources the “golden

throne” was always associated with the place of enthronement of the Tatar ruler. As a result of detailed analysis of the available historical material, the author found that the often mentioned “golden throne” existed not only in the ulus of Jochi, but throughout the Mongol Empire. Moreover, further analysis of the available historical material (including a comparison with information contained in the parallel Persian, Chinese, and Latin sources) showed that the “golden throne” was connected to another symbol of power, common in all Chinggisid States and recorded by a number of historical sources, that is, with special tent (yurt) known as the “Great Golden horde”. This tent together with the throne seat symbolized the focus of the khan authority in the Mongol Empire and the subsequent Chinggisid States.

Keywords: throne, patronal place, enthronement, golden throne, golden tent, center of power.

REFERENCES

1. Akhmedov B.A. *Gosudarstvo kochevykh uzbekov* [The State of Nomadic Uzbeks]. Moscow, 1965.
2. Gosmanov M.G. *Kauryy kalәм ezennән: arkheograf yazmalary*. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 1994.
3. Zakhoder B.N. Shirazskiy kupets na Povolzh'e v 1438 g. (k voprosu ob ekonomicheskikh svyazyakh s Sibir'yu, Sredney Aziey i Perednim Vostokom) [A Shiraz Merchant on the Volga in 1438 (to the question of economic relations with Siberia, Central Asia, and the Near East)]. *Korotkie soobshcheniya Instituta Vostokovedeniya* [Brief Reports of the Institute of Oriental Studies]. Is. XIV. Moscow, 1955, pp. 166–172.
4. *Zolotaya Orda v istochnikakh*. Vol. 1. *Arabskie i persidskie sochineniya* [The Golden Horde in the Sources. Vol. 1. Arab and Persian Writings]. Moscow, 2003.
5. Idegəy. *Tatar khalyk dastany*. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 1988.
6. Iskhakov D.M. *Ot srednevekovykh tatar k tataram Novogo vremeni (etnologicheskiy vzglyad na istoriyu volgo-ural'skikh tatar XV–XVII vv.)*. Nauchnoe izdanie [From the Medieval Tatars to the Tatars of the New Age (ethnological view of the history of the Volga-Ural Tatars of the 15th–17th centuries). Scholarly edition]. Kazan, Master-layn Publ., 1998.
7. Iskhakov D.M. *Ob otrazhenii nekotorykh zolotoordynskikh realiy v tatarsko-bashkirskom dastane «Tulyak i Susylu»* [On the Reflection of Some of Golden Horde Realities in the Tatar-Bashkir Epos “Tulyak and Susylu”]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Is. 4. Kazan, OOO «Foliant», Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2011, pp. 119–127.
8. Iskhakov D.M. *Vvedenie v istoriyu Sibirskogo khanstva. Ocherki* [Introduction to the History of the Siberian Khanate. Essays]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2006.
9. Kadyr Gali bək. *Жәмigyт-тəварikh. Mirastan bish səkhifə: XVII–XIX gasyrlar ədəbi-tarikhı yadkyarləre*. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2011, pp. 7–22.
10. Kadyrgali Zhalayyr. *Shezhireler zhinagy*. Almaaty, Kazakhstan, 1997.

11. *Kazanskaya istoriya* [The Kazan History]. Moscow-Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1954.

12. Giovanni di Pian di Carpine. *Istoriya mongalov* [History of the Mongols]. Guillaume de Rubruck. *Puteshestvie v vostochnye strany* [Itinerarium]. Polo Marco. *Kniga Marko Polo* [The Book of Marco Polo]. Moscow, Mysl' Publ., 1997.

13. Mustakimov I.A. Termin «Zolotoy prestol» v Povolzh'e po dannym arabografichnykh istochnikov (k voprosu o statuse g.Bulgara na Ordynskom i postordynskom prostranstve) [Term of the “Golden Throne” in the Volga Region according to Arab Sources (on the question of the status of the city of Bolghar on the Golden Horde and post-Horde space)]. *Gasyrlar avazy-Ekho vekov* [Echo of the Ages]. No. 1, 2008, pp. 142–157.

14. *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy. 1489–1549* [Ambassadorial Books on the Russian Relations with the Nogai Horde. 1489–1549]. Makhachkala, Dagestanskoe knizhnoe Publ., 1995.

15. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 24. *Tipografskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 24. Typography Chronicle]. Moscow, 2000.

16. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 11–12. *Patriarshaya ili Nikonovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 11–12. Patriarchal or Nikon Chronicle]. Moscow, Nauka Publ., 1965.

17. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey. V 3-kh tomakh* [Compendium of Chronicles. In 3 Volumes]. Vol. 1. Moscow, Nauchno-izdatel'skiy tsentr “Ladomir” Publ., 2002.

18. *Sbornik RIO*. Vol. 41. *Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Krymskoyu i Nogayskoyu Ordami i s Turtsieyu*. Vol. 1. *S 1474 po 1505 g.g. Epokha sverzheniya mongol'skogo iga* [The RIO Collection. Vol. 41. Monuments of Diplomatic Relations of the Moscow State with the Crimean and Nogai Hordes and Turkey. Vol. 1. From 1474 to 1505. The Era of the Mongol Yoke Overthrowing]. St. Petersburg, 1884.

19. *Chingisiana. Svod svidetel'stv sovremennikov* [Chinggisiana. The Vault of the Contemporary Testimonies]. Moscow, EKSMO Publ., 2009.

20. Shiltberger I. *Puteshestvie po Evrope, Azii i Afrike s 1394 po 1427 god* [The Travel across Europe, Asia, and Africa from 1394 to 1427]. Baku, Elm Publ., 1984.

21. Yurchenko A.G. *Elita Mongol'skoy imperii: vremya prazdnikov, vremya kazney* [Elite of the Mongol Empire: The Holiday Season, the Time of Executions]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2013.

About the author: Damir Mavlyaveevich Iskhakov – Chief Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Dr. Sci. (History) (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); monitoring_vkt@mail.ru

УДК 94

**BAPTIZED AND NOT BAPTIZED NEMCY
IN THE MUSCOVITE SOCIETY OF THE 16TH CENTURY***Jukka Korpela**(University of Eastern Finland)*

The east European trade of slaves was big business. It had long roots at least from the age of Vikings and thousands of prisoners were transported yearly from Crimea and Kazan' – Astrakhan to the markets of Central Asia, Asia Minor and Mediterranean area and finally even to India. The wars of the 15th and 16th centuries may have increased the number of northern slaves in the Muscovite – Volga markets.

The slaves of the trade were divided into two main categories. First there were ordinary cheap manpower and secondly extraordinary cases which were bought for the harems for noble families and as luxury.

The point of this article is to illuminate the difference between baptized and unbaptized persons in the connection of the slave trade. It is namely curious that this religious aspect was stressed so seriously, and therefore it requests for an explanation.

This phenomenon belongs only to the late 16th century. The state formation had created the Baptism as a criterium for the subject of ruler and this as a side product the protection against slave trade. From the author's point of view one should pay attention to:

1) The slave trade of blond (nemci) girls must have been a big issue already early, because the administration building did not of course form the request.

2) Earlier the religion of the trading objects was a concern of the Church but not of the ruler. When the new economic thinking created an idea of realm economy, the people living in the realm became to means of production and tax payers. This required to limit their kidnapping away.

3) Because the religion became to be a criterium in state formation it became accidentally also a qualification of slave trade.

4) The traders did not take otherwise care of religious issues in this connection, and therefore the illegal trade may have continued also with baptized persons.

Keywords: Eastern European trade of slaves, Muscovite – Volga markets, «nemcy», baptized and unbaptized slaves, realm economy.

A. Problem

When the Nogai ruler Izmail-bek sent a delegation headed by the high-ranking diplomats Temer and Bek-Cüra to Moscow in the late summer of 1561 one of the items he ordered Bek-Cüra to buy him in Moscow markets was two nemci girls [15, p. 174]. The Persian delegation of Kaja

and hadži Hosrev was ordered to buy three girls and three nemci slaves in Moscow for Safavid Shah Abbās in 1592–1593 and a further 30 nemci slaves in Kazan' on their journey home. The next winter the Safavid ambassador hadži Iskender had a long shopping list from the Shah to ask for in Moscow, including 20 slaves in addition to various kinds of furs, wax, birch bark and many other items. In the meeting the Muscovites allowed hadži Iskender to buy five “more” “nemci” slaves on his way home [34, p. 165, 170, 190, 204, 213–214].

These stories are many in the diplomatic documents of these years and it is clear that Nogai, Tartar, Persian, Caucasian and Turkmen nobles and tradesmen were interested in “nemci” slaves, and especially female ones, which were a very expensive luxury. Izmail-bek gave for his envoys Temer and Bek-Cūra 400 roubles for two girls, whereas according to Novosel'skij the average price for a good slave in Crimea was 40–80 roubles [15, p. 178; 32, p. 434 – 436].

Muhammad-Ali, ambassador of the Buhārān Khan Abdallāh, was allowed to buy “nemci” slaves in 1589 but forbidden to take baptized ones, while the Muscovite officials refused to sell hadži Iskender baptized slaves and insisted that he should buy unbaptized ones. The authorities even followed the delegation of Andi-bek, Ali Hosrov and hadži Hussein along the Volga to ensure that no baptized “nemci” slaves were taken to Persia. Likewise in 1600, the Moscow authorities allowed the trader Muhammed to buy only unbaptized “nemci” (girl) slaves for Shah Abbās [28, no. 12; 34, p. 214, 306, 310, 312; 42, p. 57–58].

The east European trade of slaves was big business. It had long roots at least from the age of Vikings and thousands of prisoners were transported yearly from Crimea and Kazan' – Astrakhan to the markets of Central Asia, Asia Minor and Mediterranean area and finally even to India. Most slaves originated from the Russian – Ukrainian lands but some prisoners were transported even from north European forests due to their exceptional qualifications. The wars of the 15th and 16th centuries may have increased the number of northern slaves in the Muscovite – Volga markets [22; 23, p. 86–88].

The slaves of the trade were divided into two main categories. First there were ordinary cheap manpower and secondly extraordinary cases which were bought for the harems for noble families and as luxury [29, p. 22]. The luxury slaves were young, because they must be trained to their duties. Skin colour mattered also. White slaves were more expensive in generally [22].

The blond or white colour was especially important in the markets of South. According to Ibn Battuta and Afanasij Nikintin white female slaves were expensive and valuable in the Indian markets. They were more expensive in the Italian markets than the black ones and white slaves were better qualified than the other in Egypt, too [49, p. 595–596, 19, l. 200–202, p. 102–103, l. 207ob, p. 106, l. 214–216, p. 109–110; 14, p. 185–326;

20, p. 120–121; 26, p. 26, 39, 126 (note 48), 133 (note 103)]. The markets of white slave were mostly in eastern Europe.

Such exceptional cases were worth of transportation even beyond distance. When in Karelian Isthmus (the area between Finland and Sankt-Petersburg) a kidnapped girl cost 5 altyn in the mid of 16th century [35, 7064 (1556); 13, p. 147] and the price level was in Moscow 200 roubles as was in our example case above, the business was profitable and sound, because 200 roubles is equal to 6,666 altyn!

The point of this article is to illuminate the difference between baptized and unbaptized persons in the connection of the slave trade. It is namely curious that this religious aspect was stressed so seriously, and therefore it requests for an explanation.

B. Nemcy

The word “nemcy” refers basically to a person whose speech is not understandable, in Old Russian language. In early medieval times it means especially west Europeans (Germans), but after the late 12th century also Scandinavians were “nemcy”. Finns got this label after the 14th century when the western part of their living area came under the rule of the King of Sweden. Estonians, Latvians and other Baltic people were “nemcy” after they had joined to Roman Catholic church. Thus in late medieval use the concept meant simply western Christians. Siberian and northern Pagans were called by ethnic names and Slav Orthodox Christians Rus’. The only exception in this respect was Roman Catholic Slav speakers which were usually called by their ethnic names [25, p. 42–55].

The concept “nemcy” is problematic in the documents concerning the slave trade, because it is only registered in the 16th century Old Russian language documents, although it tries to reflect an understanding or wish of Turkic or Persian speakers, who were trying to buy such “nemcy” slaves with big money. The basic Russian meaning of the word was most probably totally obscure for the Tatarian traders, because they had neither a clear picture of Germans or West Europeans. E.g., Ottoman traveler Evliya çelebi (d. 1682) uses very odd vocabulary concerning West Europeans, and Germans he may have called “dudushka”, because it sounds similar like the Italian word for Germans “tedesco” [1, p. 48, note 10 (p. 301)]. Moreover the form of the Christian religion of the slaves could not have been in the interest of the Islamic buyers so that it could have formed a special request with high price and thus the core of the odd concept. On the other hand the word “nemci/y” or something like that did not exist in the language of Crimean Tatars in the 17th century according to Imre Baskin [5, p. 154–155]. Most probably the word “nemci/y” has got a special meaning in the Tatar Slave trade. It was a direct loan from Old Russian not in the meaning of a German or a Swede but in the meaning of the type of northern slave type (blond, white, blue eyes etc.), which usually came from Baltic Frontier.

If we look at the Russian contemporary description of “nemci”, they certainly existed among the Russian population as a separate group, which we must define by some way. The ambassador of Czar Feodor, Prince Andrej Dmitrievič Zvenigorodskij, explained to Shah Abbās on January 15th, 1594, what a rich land Siberia was and what development efforts had taken place there. According to the Prince, there were also many Lithuanian and nemci inhabitants [34, p. 265; Burton, 9, p. 79–80].

The register of townspeople in Kazan’ compiled in 1565–1568 contained some “nemci” “puškar”, i.e. gunmen and mercenary soldiers [41, p. 21–22 and commentary tablica 3, p. 183]. In the beginning of the 17th century there are already other “nemci” people. The persons named Griška and Ondrjuška in Korotaj and Isengil’dejko in Nižnjaja Aiša were from Livonia (“Latyš”), Griška and Isengil’dejko being referred to with the epithet “prihodec”, “newcomer”, while Anca Kutlejarov and Danilko in Ursek, Matyš in Starye Menger and Hristofor Kondrat’ev in Unba were “nemci”. The “nemci” Anca Sontaleev and “Latyš” Jakuško Derbyšev were both living in Ursek [37, 103ob., 104, 109, 132ob., 138, 138ob., 177, 180ob., 220ob].

The sources contain also few nemci slaves. The Tartar civil servant Bek-bulat Begišev had a “nemeckoj (latyš) polon” on his estate in the region of Svijažkoj, near Kazan’, who had escaped with his wife and children in 1621 [1, no. 7]. “Nemci” are no longer recorded in the register for Kazan’ by the mid-17th century, but some family names refer to “nemci”, e.g. Ontoška Prokof’ev Nemcin, and there was also a village called Nemčino on the “Nogajskaja doroga” [38, 162, 387ob].

Records for Nižnij Novgorod are available only after the 1620s. A village termed “Staraja Nemeckaja sloboda” and a burial ground “nemeckoe kladbišče” were located on the River Oka, and there were several people referred to as “nemeč” living in the area, some of which were “novokreščen” and had typical Russian names, such as Ivan Jakovlev. Further along the River Oka there was a village described as “Sloboda nižegorodckih nemeč i litvy”, with an explanation that it was inhabited by “inozemci” (foreigners) who were also called “nemci” even though their names were mostly Russian ones, with certain exceptions such as Ganko Prokoev, Tomilko Ostaf’ev, Adam Svideretckij, Adam Ivanov and Indrik Miller. These people were from Livonia or Sweden and may have been free migrants, prisoners of war, slaves or a combination of all these [36, col. 173–178].

The tax books of the region of Staraja Russa contain little material from the late 15th century but much more from the early 17th century. The registers have few ethnic references, but those that do exist are family names such as Ivaško Nemčin, Mihal Litvin, Jakim Koreljanin, Jakim Latyš and Bogdan Latyš [40, p. 4 (l. 140 ob.), 4 (l. 141), 26 (l. 94 ob.), 35 (l. 4), 36 (l. 7), 43 (l. 29), 52 (l. 63), 104 (l. 285), 136 (l. 60), 151 (l. 93), 254 (l. 348ob.)]. The expression “nemci” is used in these registers exclu-

sively to denote the foreign troops which devastated the area in the early 17th century [E.g., 40, p. 146, 151, 164, 169, 170]. The books of the city of Novgorod from the early 17th century do not alter this picture. There were western tradesmen such as Grigorij Grigor'ev, who was a house owner in the Sofia district, and a "galanskie zemli nemčin", a Dutchmen, but otherwise the ethnic references to "nemci" concern the devastation of the city by Swedish troops [39, p. 1–65, the references on p. 6, 10–11].

The copybook of Novgorod d'jak Aljab'jev opens up a perspective on the roles of slaves of various kinds (debt, voluntary, service, prisoners) in local society. The book was compiled in the late 16th century but contains documents (appeals, administrative decisions, court orders) starting from the end of the 15th century.

The local society in the territory of Novgorod consisted of free farmers and slaves ("holop"). There was also a lot of children who had been born while one of their parents was a slave and were therefore slaves themselves [51, col. 3].

This slave population included some people who were prisoners from Sweden or the Baltic region and who were also labelled as "nemci". Marinka, mentioned in 1588, was a "holop" and Lithuanian prisoner, Palagijca, the daughter of Petrov, was a Livonian taken prisoner in 1578, and Jurka a western Christian and prisoner abducted from Vyborg in 1593. Ovdokimko, recorded in 1597, was a "nemčin" and a prisoner from Tartu, while Ofimka was a Livonian girl taken prisoner in 1565. Another Ofimia was a Livonian girl prisoner captured in 1566, and Oleško a prisoner from Polock in 1565. Mitka, recorded in 1595, was a prisoner from Pärnu [51, col. 14 (no. 41), col. 18 (no. 54), col. 18 – 19 (no. 55), col. 101 (no. 284), col. 104 (no. 292), col. 165 (no. 449), col. 195 (no. 526)].

The register of Aljab'jev and other similar source collections [2, I: 1–3, III: 1–3, IV: 10, 12, 20, 21, IX: 1, 3] confirm the picture obtained from the tax registers. Western prisoners were sold in the countryside and became workers and servants there. They were like all the other ordinary people: free peasants, immigrants and debt slaves. They married and had families, they joined the local society. The memory of their origins must have eventually disappeared after a few generations and a language shift.

C. Re-baptism

Although the Islamic slave owners were for sure not interested in the form of Christianity of their slaves, the religion did matter, however, in the trade in humans from another perspective. Since Islam did not allow the enslaving of Moslems, the Islamic realms were forced to buy Christian or pagan slaves. On the other hand, as Christians were similarly barred from selling other Christians into slavery, Jewish traders and Moslem corsairs played an active role in this business in the Mediterranean. It also meant that trade was directed more towards Africa and the Russian steppes, because there were suitable people available there (pagans, here-

tics, etc.) [17, p. 69–72; 50, p. 158–161; 46, p. 42–43, 57–58, 62, 64, 66–67; 43, tome I: 468, 683, tome III: 2956].

Table 1. Numbers of Ethnic Definitions in the Kazan' region Tax Register of 1602–1603¹.

Newly Baptized	Cheremiss	Chuvash	Tartars	Nemci	Others	Total
180	10	204	139	10	537	1080

A Newly Baptized category is to be found here and there in the tax registers up till northern territories of Karelia, Dvina and Kola. The registration of a person as newly baptized may indicate a non-Orthodox prisoner, immigrants, or equally well a Tartar who had integrated into Muscovite society.

It was common all over the Christian world to re-baptize and re-name slaves [20, p. 37, 435–562; 17, p. 98–103; 14, p. 185–326]. The most common names among the Slav origin people in Venice were Piero, Stefano and Paolo and Christian names were used for Pagan slaves too: Dimitria was “sclava pagana Bulgara” in 1406 and Marina “sclava pagana Circassea” in 1424 [20, p. 157, 394, 556; 16, p. 98–103]. Islam societies used the same praxis [30, p. 122].

The documents tell directly of some Finnish and Baltic prisoners who were re-baptized into Orthodox Christianity. The Baltic prisoner Indrik was renamed Ivaško in 1544 and the Vyborg prisoner Feklitsa became Avdotija in 1597. Matts Manuelsson and Anna Michaelsdotter became Lev and Olenka in 1591. Piritka (Birgitta) from Vyborg likewise came to be known as Solomanitka after an Orthodox baptism in 1593 [51, col. 37 (no. 109), col. 63–64 (no. 177), col. 142–143 (no. 388), col. 165 (no. 448)].

Forty Armenian businessmen appealed to Czar Aleksej 1666. They explained, how they run business in the lands of qizilbaş (Persia), in Osman empire, India and in the lands of nemci (western Europe). Everywhere they are able to follow their Orthodox Christian Armenian faith except in Moscow. Here they are not allowed to go to church and no priest will visit a dying Armenian and pray with him [3, no. 9 (p. 42–43)]. Indeed, at least after the Makarian reforms, the Muscovite church regarded all other Christians, even other Orthodox than the subjects of the Moscow Orthodox church as non-Christians.

Therefore due to practical reasons many of those who arrived free to the service or a more permanent stay in Muscovy took often a re-Baptism, because they could so more easily act in the society. Thereafter they were

¹ The numbers are collected from the index of the edition and therefore only approximate figures.

”novokreščen” like Armenian Serkis Avanesian who arrived from Crimea 1632 and got a new name Kirill Avanesov [3, no. 2 (p. 4)].

But not all did take a Baptism due to some reason and therefore there were in the landscape people who were ”non-Baptized”. Juško Martynov was born a “Latin Christian” and worked in the territory of Novgorod in 1597. He had married Svetna, the daughter of a slave, and their children (Ždanko, Mark, Onusica, Ofimica) were slaves, because they were born in slavery (on their mother’s side). Juško may initially have been a free immigrant from Sweden [51, col. 122 (336)].

The Muscovite church did not separate the re-Baptized from each other according to their background. All former west Christians, Moslems or Animist belonged to the same group. Therefore a big group among the registers consists of those Tartars who took a Baptism. Partly it may have been easier in local society to be a peasant among other Christian peasants, partly they were Tartar nobles who joined to the Muscovite service and were willing to be promoted in the hierarchy. Some baptized had Tartar names, such as Vasilij Hasanmurzin, and sometimes Tartars and newly baptized people were put into the same group, e.g. “the 40 houses of newly baptized, translators and service Tartars”, or “the villages of the people of Archbishop, monastery people, newly baptized, Tartars and Chuvash” [41, p. 18, 20, 28, 29, 35, 51, 61 and commentary tablica 10, p. 196; cf. also 7, *passim*].

D. Mercantilism and Protection of Resources

West European pre-modern princes tried to submit a geographical territory in the meaning of the realm under their sovereign rule. This way of thinking became dominant in the state formation in the 15th century. Territories, tax payers (= subjects), resources and power were divided between princes and registered in the princely documents, when the new administration, legal system and army was established. The resources were protected and administered according to the ideology of Mercantilism, which limited the export of strategic (valuable) goods, submitted the foreign trade and production under state control and issued privileges for limited number of actors in each field [8, p. 482–485].

The princes of Muscovy have followed these tendencies since the early 15th century and submitted also trade under their control. After the Muscovite occupation of Novgorod, the trade office of Hanseatic League was closed 1494, and when it was reopened 1514, it was not anymore an independent trade institution but under the control of Moscow [10, p. 402–403]. Likewise Crimea was put under blockade and the Prince tried to close a direct trade agreement with the Ottoman Sultan, which also succeeded [48, p. 63–66]. The third direction of this kinds of actions took place in the Volga region, when Prince Vasily III tried to exclude Muscovite traders from the Kazan’ summer markets in 1524 and to estab-

lish his own ones in Nižnij Novgorod, which finally succeeded, however, only in the 17th century [45, p. 157; 48, p. 134; 6, p. 179].

The core reason was that trade was regarded as a part of the wealth of the realm and not anymore as a private matter of the traders. The realm requested a share of the surplus, and this required limits, instructions, orders and control. The Muscovite ruler issued privileges for certain traders to certain areas and items as well as corporations of traders got monopoly rights. This all created source material for modern historians which did not exist from the earlier periods unless the trade itself existed [47, p. 187–196, 209–211; 12, p. 62–63, 119–129, 135–136]!

According to Sigismund Herberstein, Polish and Lithuanian traders had free entry to Moscow while Baltic traders must go to Novgorod and Turkic and Tatar traders to “Chloppigrod” [45, p. 57–58, 78]. Traders from Persia, Buhara, Hiva as well as Greek traders had their own privileges while Nogai traders had not a common one but individual traders had their own permission letters [31, p. 194–197]. Traders without a princely permission had no entry to Muscovite lands, as we can read in an instruction letter to the voyevod of Kazan’ [31, p. 210].

The next step was to limit the export of strategic goods. This was allowed only with special written permission of the ruler for the official tradesmen, which were in fact diplomats, members of diplomatic missions and foreign rulers. These goods were called as “zapovednye tovary”. The lists of such goods were changed sometimes, but such items were, e.g., silver coins, falcons (for hunting), weapons, expensive furs etc. This policy influenced much on the slave trade, because medieval rulers were not concerned about the trade in humans, but when the rulers started to regard the humans as their own resources as tax payers and elements in the production of the realm, they decided to limit the trade and even tried to buy back their subjects from slavery. The export of “baptized nemcy” were totally forbidden and “unbaptized” ones limited by the middle of the 16th century in this connection [9, p. 463, 469–470, 473–475, 489–490, 495–496; 47, p. 209–211; 12, p. 69, 75–76, 134–135; 18, p. 292–294].

A difference between “luxury” and “ordinary” slaves may have become clearer with export limits, because the “luxury” cases were rare, expensive and they were part of peaceful ordinary commercial activity, which was possible to control. Such items were qualified in “zapovednye tovary” while kidnapping of “ordinary” cheap slaves for manpower remained as a part of pure criminal activities, which continued among South Russian populations and among the forest populations outside the realm power until the sovereign ruler’s territorial power was implemented during the 18th century [9, p. 493–496].

The new administration and the request for the princely permission for the trade created our sources. Therefore the trade in humans became now visible, but we have no reason to believe that it had been only a novelty of the 16th century. For sure Tatar and Persian nobles were interested

in these items earlier and in the documents there is also earlier spoken about trade and gifts, but no specification was needed, because there was no administrative request for such an information and the culture was not literary. The only early literary commercial culture in East Europe was the Italian one, and their book keeping records contain lot of slaves in the Crimean trade from the very beginning in the 13th century and there is no essential change to the 16th century in this respect [24].

According to number of issued export licences the request for “nemcy” girls and boys was vivid in the trade along Volga, but such a definition “nemcy” is not recorded in the Crimean trade. Persian, Caucasian and Central Asian traders knew to ask them and were very ready to pay big money for them. It is not thinkable that there had been some real cut in this trade between Volga and the Black Sea shores. The commercial connections existed and the traders were working in the same markets. So there was a request for similar kind of slaves in the Crimea, too, but they had most probably another trade mark. Perhaps they were among Russian, Tatar and Circassian blond slaves. One simple reason for this could have been, that the Volga traders need a princely permission for this trade, while in Crimea the authorities had not such a request [24].

It may be even possible that the definition of “nemcy” for slaves was created in the Volga trade only in the 16th century after the Muscovite conquest of Kazan’, because this enabled to classify such white slaves, who were not subjects of the Moscow ruler and under his protection. When the definition was even specified with the division between the baptized and non-baptized ones, such slaves were separated from the trade who were newly joined to the realm of the Muscovite ruler. The border of the limits went along the border of tax payers, because only these were important for the ruler. The Baptism was the way to join the Muscovite society. The Baptized people were also tax payers and thus under the protection of the ruler. Thus it was reasonable from the perspective of a prisoner or immigrant to be baptized, because so he was outside the open slave trade and if kidnapped the administration of the Czar tried to buy him free.

This administration building re-oriented the slave trade also other ways. The authorities in the Central Siberian town Tara, for instance, ordered Algačak, Dalan and Čedutaj, envoys of Qalmāq taiša Turgen and Dalaj-Bogatyr’, to return all kidnapped taxpayers in 1614. The purchase of non-taxpaying natives of Siberia was still allowed in 1697, however [27, no. 12; 9, p. 469–470, 483–484, 489, 533].

As the Swedish peace delegation was told in 1556, the Livonian Chronicler Balthasar Russow recorded in 1560, the Danish ambassador Jacob Uhlfeldt noted in 1578 and chancellor of Boris Godunov Vasilij Salkovič Solkanov explained to the ambassadors of the King of Swedish-Polish union Sigismund Wasa in 1597, many prisoners were sold direct to the land of Tartars, where the Muscovite regulations and laws were not in

force and therefore the people is impossible to find back. Thus the supply and demand matched perfectly when only the priests had no time to baptize the prisoners and exclude them from the business. In these term the Baptism mattered [33, no. 2, p. 41, 9, p. 104; 4, 49a; 21, p. 203, 207–208; 44, p. 141–147]!

E. Conclusions

From the perspective of prisoners and other immigrants an Orthodox Baptism was a security measure that was worth of taking. Besides gaining the protection of the Church, the people became subjects of the ruler, who would not let them to be sold. In the central areas for the slave trade there were even villages of “nemci” where large numbers of newly baptized people were living [36, col. 173–178].

This phenomenon belongs only to the late 16th century. The state formation had created the Baptism as a criterium for the subject of ruler (“a primitive citizenship”) and this as a side product the protection against slave trade. From our point of view one should pay attention to:

1) The slave trade of blond (nemci) girls must have been a big issue already early, because the administration building did not of course form the request.

2) Earlier the religion of the trading objects was a concern of the Church but not of the ruler. When the new economic thinking created an idea of realm (state) economy and wealth, the people living in the realm became to means of production and tax payers, i.e., part of the wealth of the ruler and realm. This required to limit their kidnapping away.

3) Because the religion became to be a criterium in state formation it became accidentally also a qualification of slave trade.

4) The traders did not take otherwise care of religious issues in this connection, and therefore the illegal trade may have continued also with baptized persons.

REFERENCES

1. *Akty istoričeskie i juridičeskie i drevnija carskija gramoty kazanskoj i drugih sosestvennyh gubernii* sobrannye Stepanom Mel'nikovim [Historical and Legal Acts and the Ancient Royal Charters of the Kazan and Other Neighboring Provinces collected by Stepan Melnikov]. Vol. I. Kazan, 1856. 231 p.
2. Akty zapisanye v krepostnoj knige XVI veka soobščeny A. B. Lakierom [Acts Recorded in the Land Register of the 16th century reported by A.B. Lakier]. *Arhiv istoriko-juridičeskih svedenij otnosjaščihsja do Rossii* izdavaemyj Nikolaem Kalačovym, kn. 2:1 [Archive of Historical and Legal Information pertaining to Russia published by Nikolay Kalachov, Book 2:1]. Moscow, 1855.
3. *Armjano-russkie otnošenija v XVII veka*. Sbornik dokumentov [Armenian-Russian Relations in the 13th century. Collection of documents]. Vol I. Pod redakciej prof. B. A. Parsamjana. Izd. AN Armjanskoj SSR: Jerevan, 1953.

4. *Balthasar Russow's Chronica der Prouinz Lifflandt*, in erneuetem Wiederabdruche, mit Wörterbuch und Namenregister versehen, Riga: R. Hummel's Buchhandlung, 1857. 194 p.

5. Baski, Imre, Crimean Turkic-Tatar Glossary from the 17th century. *Acta Orientalia Academiae scientiarum Hungaricae* XL. Budapest, 1986, pp. 107–172.

6. Bogorodickaja, N. A. Stranički istorii nižegorodskoj jarmarki [Pages of History of the Nizhny Novgorod Fair]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 1979:10.

7. Beljakov, A. V. *Čingisidy v Rossii XV–XVII vekov. Prosopografičeskoe issledovanie* [The Chinggisids in Russia in the 15th–17th centuries. Prosopographical study]. Rjazan': Mir, 2011. 521 p.

8. Brezis, Elise S. Mercantilism. *The Oxford Encyclopedia of Economic History*, volyme 3. Oxford University Press: Oxford, 2003.

9. Burton, Audrey, *The Bukharans. A Dynastic, Diplomatic and Commercial History 1550–1702*, Curzon Press: Richmond, 1997. 664 p.

10. Dollinger, Philippe, *Die Hanse*. 3., überarbeitete Auflage, Kröner: Stuttgart, 1981. 606 p.

11. *Evlija čelebi kniga*. Putešestvija (Izvlačenija iz sočinenija tureckogo puteštvennika XVII veka). Pervod i komentarii. Vypusk 3, zemli Zakavkaz'ja i sopredel'nyh oblastej maloju Azii i Irana [The Book of Evliya Çelebi. The Travels (excerpts from the writings of the 17th century Turkish traveler). Translation and Commentary. Issue 3, the lands of Caucasus and adjacent regions of Asia Minor and Iran]. Akademija nauk SSSR–Institut vostokovedenija. Moscow, 1983.

12. Fehner, M.V. *Torgovlja Russkogo gosudarstva so stranami vostoka v XVI veke* [Trade of the Russian State with Oriental Countries in the 16th century]. Trudy gosudarstvennago ordena Lenina istoričeskogo muzeja, 21. Moscow, 1952. 122 p.

13. Filjushkin, Aleksandr, *Ivan the Terrible. A Military History*, London, Frontline Books, 2008. 306 p.

14. Gioffré, Domenico, *Il mercato degli schiavi a Genova nel secolo XV*. Collana storica di fonti e studi diretta da Geo Pistarino, 11, Genova: Fratelli Bozzi, 1971. 334 p.

15. Gramoty velikago Knjazja Joanna Vasil'eviča k Nagajskim Mursam i ih k velikomu Knjazju Joannu Vasil'eviču [The Letters of Grand Prince Ivan Vasilyevich to the Nogai Murzas and Their Letters to Grand Duke Ivan Vasilyevich]. *Prodolženie drevnej rossijskoj Vivliofiki* [Continuation of the Ancient Russian Vivliophica], tom X, Imperatorskaja Akademija Nauk: St. Petersburg, 1795.

16. Heers, Jacques, *Esclaves et domestiques au Moyen Âge dans le monde méditerranéen*. Collection Pluriel fondée par Georges Liébert dirigée par Pierre Vallaud, Paris: Fayard, 1996. 296 p.

17. Heers, Jacques, *Gênes au XVe siècle. Activité économique et problèmes sociaux*. École pratique des hautes études. VIe section centre de recherches historiques. Affaires et gens d'affaires XXIV, S.E.V.P.E.N. 1961. 741 p.

18. Hellie, Richard, *Slavery in Russia 1450–1725*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1982. 776 p.

19. *Hoženie za tri morja Afanasija Nikitina* [A Journey Beyond Three Seas of Athanasius Nikitin]. Redakcionnaja kolegija: V.P. Kozlov, L.M. Sorina,

G.S. Gorevoj, L.A. Timošina, S.N. Kisterev. Arhivnyj otdel Tverskoj oblasti: Tver', 2003.

20. Imhaus, Brunehilde, *Le minoranze orientali a Venezia 1300–1510*, Roma: Il Veltro editrice, 1997. 588 p.

21. Jacobi, Nobilis Dani Friderici II. Regis Legati, Hodoeporicon Ruthenicum = *Jakob Ul'fel'dt, Putešestvie v Rossiju* [The Travel to Russia] (otv. red. Dž. Lind, A. L. Horoškevič). *Studia Historica. Jazyki slavjanskoj kul'tury*: Moskva, 2002. 615 p.

22. Korpela, Jukka, "...and they took countless captives along" – Finnic Captives and East European Slave Trade during the Middle Ages. *Slavery, Ransom and Liberation in Russia and the Steppe Area, 1500–2000*. Edited by Christoph Wizenrath (Ashgate (in press(a))).

23. Korpela, Jukka, The Baltic Finnic People in the Medieval and Pre-Modern Eastern European Slave Trade. *Russian History – Histoire Russe* 41, 2014, pp. 85–117.

24. Korpela, Jukka, *Idän orjakauppa. Ihmisryöstöt Suomesta, Karjalasta ja Pohjois-Venäjältä viikinkiajalta uuden ajan alkuun*. SKS: Helsinki (in press(b)).

25. Korpela, Jukka, North-Western "Others" in Medieval Rus'ian Chronicles. *Učenyje Zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo Universiteta* [Scientific Notes of the Petrozavodsk State University], 2 (93) (2008).

26. Marmon, Shaun, *Eunuchs and Sacred Boundaries in Islamic Society*. Studies in Middle Eastern History. New York – Oxford, Oxford University Publ., 1995. 162 p.

27. *Materialy po istorii rusško-mongol'skih otnošenij. Rusško-mongol'skie otnošenija 1607–1636*. Sbornik dokumentov [Materials on the History of Russian-Mongolian Relations. Russian-Mongolian Relations 1607–1636. Collection of documents]. Sostaviteli: L.M. Gataullina, M.I. Gol'man, G.I. Slesarčuk. Otv. redaktory: I.Ya. Zlatkin, N.V. Ustjugov. Moscow, Izdatel'stvo Vostočnoj litaratury, 1959.

28. *Materialy po istorii uzbekskoj, tadžikskoj i turkmenskoj SSR. Čast' I: Torgovlja s Moskovskim gosudarstvom i meždunarodnoe položenie Srednej Azii v XVI–XVI vv.* [Materials on the History of Uzbek, Tajik, and Turkmen SSR. Part I: Trade with the Moscow State and the International Situation of Central Asia in the 16th–17th centuries] Trudy istoriko-arheografičeskogo instituta i instituta vostokovedenija AN SSSR, Tom VI. Materialy po istorii narodov SSSR, vypusk 3 [Proceedings of the Historical-archaeographic Institute and the Institute of Oriental Studies, AS USSR. Volume VI. Materials on the History of the Peoples of the USSR, Issue 3]. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1933, Part I.

29. Michalonis Litvani De moribus Tartarorum, Litvanorum et Moschorum, Fragmina decem. Multiplici Historia referta. Izvlečenija iz cočinenija Mihalona Litvina: "O nrvah tartar, litovec i moskvitjan." [Excerpts from the Writings of Michalon Litvin: "On the Mores of Tartars, Lithuanians, and Muscovites"]. Perevod s latinskago E. Šestakova. Otdelenie pjatoe. Izledovanija akty na inostrannyh jazykah po časti drevnej istorii russkago prava v perevodah i izvlečenijah. *Arhiv istoriko-juridičeskijh svedenij odnosjaščihsja do Rossii izdavaemyj Nikolaem Kalačovym*, Kniga 2:2 [Archive of Historical and Legal Information pertaining to Russia published by Nikolay Kalachov, Book 2:2]. Moscow, 1854.

30. Mukminova, R.G. *Social'naja differenciacija naselenija gorodov Uzbekistana v XV–XVI vv* [Social Differentiation of the Uzbekistan Cities'

Population in the 15th–16th centuries], Taškent, Izd. FAN uzbekskoj SSR, 1985. 135 p.

31. Muljukin, A.S. *Priezd inostrancev v Moskovskoe gosudarstvo. Iz istorii russkago prava XVI i XVII vekov* [The Arrival of Foreigners in Muscovy. From the Russian Law History of the 16th and 17th centuries]. St. Petersburg, Trud, 1909. 292 p.

32. Novosel'skij, A.A. *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s Tatarami v pervoj polovine XVII veka* [The Moscow State's Struggle with the Tatars in the first half of the 17th century], Moscow–Leningrad: AN SSSR, 1948. 448 p.

33. Pamjatniki diplomatičeskikh snošenij Moskovskago gosudarstva so Šveciej 1556–1586 gg. [Monuments of Diplomatic Relations of the Moscow State with Sweden 1556–1586]. Izadany pod redakcieju N.P. Liháčeva i V.V. Majkova. Pamjatniki diplomatičeskikh snošenij drevnej Rossii s deržavami inostrannymi po vysočajšemu povelenu izdannye Imperatorskim Russkim Istoričeskim Obščestvom (= RIO), tom 129 [Monuments of the Ancient Russian Diplomatic Relations with Foreign Powers Issued on the Highest Command by the Imperial Russian Historical Society (= RIO), Volume 129], St. Petersburg, 1910.

34. Pamjatniki diplomatičeskikh i torgovyh snošenij Moskovskoj Rusi s Persiej [Monuments of the Diplomatic and Commercial Relations of the Moscow Russia with Persia]. Izdany pod redakcieju N.I. Veselovskago, Tom 1. Tsarstvovanie Fedora Ionoviča [Volume 1. The Reign of Fyodor Ivanovich]. *Trudy vostočnago otdelenija imperatorskago russkago arheologičeskago obščestva* [Proceedings of the Eastern Division of the Imperial Russian Archaeological Society]. Vol. XX. St. Petersburg, 1890.

35. Patriaršaja ili Nikonovskaja letopis'. *Polnoe sobranie russkih letopisej* 9–13 [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 9–13. Patriarchal or Nikon Chronicle], AN SSSR. Moscow, AN SSSR, 1965.

36. Piscovaja i perepisnaja knigi XVII veka po nižnemu Novgorodu. Izdannija arheografičeskoj kommissiej [Scribe and Census Book of the 17th century on the Nizhny Novgorod. Published by Archeographical Commission]. *Russkaja istoričeskaja biblioteka izdavaemaja imperatorskoju arheografičeskoju kommissieju* tom XVII [Russian Historical Library published by the Imperial Archaeological Commission, Volume 17], St. Petersburg, 1896.

37. *Piscovaja kniga kazanskogo uezda 1602–1603 godov* [Cadastres of the Kazan District 1602–1603]. Publikacija teksta, Kazan, Kazan State University Publ., 1978.

38. *Piscovaja kniga kazanskogo uezda 1647–1656 godov* [Cadastres of the Kazan District 1647–1656], RAN Institut Rossiiskoi istorii – Kazanskij gosudarstvennyj universitet – Institut istorii AN Respubliki Tatarstan. Moscow, 2001.

39. *Piscovye i perepisnye knigi Novgoroda Velikogo XVII – načala XVIII vv.* Sbornik dokumentov [Scribe and Census Books of Novgorod the Great of the 17th – early 18th centuries. Collection of documents]. Sostavitel' I.Ju. Ankudinov, St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2003. 664 p.

40. *Piscovye i perepisnye knigi Staroj Russy konca XV–XVII vv.* [Scribe and Census Books of Staraya Russa of the end of the 15th–17th centuries]. Publikaciju podgotovili I.Ju. Ankudinov, K.V. Baranov, A.A. Selin. Sostavitel' I.Ju. Ankudinov, Moscow, Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2009. 534 p.

41. Piscovye knigi goroda Kazani 1565–1568 gg. i 1646. Materialy po istorii Tatarskoj ASSR [Cadastrs of Kazan of 1565–1568 and 1646. Materials on the History of the Tatar ASSR]. *Trudy istoriko-arheografičeskago instituta AN SSSR*, tom IV. Materialy po istorii narodov SSSR, Is. 2 [Proceedings of the Historical-archaeographic Institute of the USSR, Volume 4. Materials on the History of the Peoples of the USSR, Issue 2]. Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1932.

42. Posol'stvo v Persiju knjazja Aleksandra Fedoroviča Žirovogo-Zavekina [The Embassy to Persia of the Prince Alexander F. Zhirovoy-Zavekin] (red. N. Veselovskij). *Trudy voctočnago otdelenija imperatorskago ruskago arheologičeskago obščestva* [Proceedings of the Eastern Division of the Imperial Russian Archaeological Society]. Vol. XXII. St. Petersburg, 1892.

43. *Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Roumanie*. Documents et recherches sur l'économie des pays Byzantins, Islamiques et Slaves et leur relations commerciales au moyen âge sous la direction de Paul Lemerle I, II, IV. École pratique des hautes études – Sorbonne, VIe section. Tome premier 1329–1399; Tome deuxième 1400–1430; Tome troisième 1431–1463. Par F. Thiriet, Paris: Mouton & co La Haye, 1958–1961.

44. Relation von Odert Hastter's und Hinrich Priessman's Gesandtschaft nach Moskau, wohin sie von König Sigismund abgefertigt worden Anno 1597. Zu die jetzige Schreibweise übertragen von Georg v. Brevern. *Archiv für die Geschichte Liv-, Esth- und Curlands*, herausgegeben von Dr. F.G. Bunge. Zweiter Band. Zweite, durch neue Artikel vermehrte Auflage, Reval: Franz Kluge, 1861.

45. *Rerum Moscoviticarum commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain, Neyperg & Guettenhag: Quibus Russiae ac Metropolis eius Moscouiae descriptio...* Basileae, 1571.

46. Rotman, Youval, *Byzantine Slavery and the Mediterranean World*. Translated by Jane Marie Todd, Cambridge (Mass.). London: Harvard University Press, 2009. 307 p.

47. Šumilov, M.M. *Torgovlja i tamožennoe delo v Rossii. Stanovlenie, osnovnye etapy pazvitija IX–XVII vv.* [Trade and Customs Business in Russia. Formation, the Main Stages of Development in the 9th–17th centuries] St. Petersburg, Bulanin, 2006. 472 p.

48. Tiberg, Erik, *Moscow, Livonia and the Hanseatic League 1487–1550*. Acta Universitatis Stockholmiensis, Studia Baltica Stockholmiensia 15, Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1995. 290 p.

49. *The Travels of Ibn Baṭṭūṭa A.D. 1325–1354*. Translated with revisions and notes from the Arabic text edited by C. Defrémery and B. R. Sanguinetti by H.A.R. Gibb, Vol. I–III, New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers, 1993; The translation completed with annotations by C. F. Beckingham, Vol. IV, London: The Hakluyt Society, 1994; Index to volumes I–IV compiled by A.D.H. Bivar, Vol. V, London, The Hakluyt Society, 2000.

50. Verlinden, Charles, Ist mittelalterliche Sklaverei ein bedeutsamer demographischer Faktor gewesen? *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte* 66:2, 1979, pp. 153–173.

51. Zapisnaja kniga krepostnym aktam XV–XVI vv. Javlennym v Novgorode d'jaku D. Aljab'evu [Record Book of the Serfs Acts of the 15–16 centuries. Presented in Novgorod to deacon D. Alyabiev]. Izdannie arheografičeskaj kommissii. *Russkaja istoričeskaja biblioteka izdavaemaja impera-*

torskoju arheografičeskoju kommissieju tom XVII [Russian Historical Library published by the Imperial Archaeological Commission, Volume 17], Sanktpeterburg, 1898.

About the author: Jukka Korpela – Dr. h.c., Head of Department of Geographical and Historical Studies, University of Eastern Finland, Ph.D. (History), Professor (80101, Yliopistokatu 2, Joensuu, Finland); jukka.korpela@uef.fi

КРЕЩЕННЫЕ И НЕКРЕЩЕННЫЕ «НЕМЦЫ» В МОСКОВИТСКОМ ОБЩЕСТВЕ XVI ВЕКА

Юкка Корпела

(Университет Восточной Финляндии)

Восточноевропейская торговля рабами была крупным бизнесом. Он имел древние истоки, и, по крайней мере, начиная с эпохи викингов, тысячи рабов доставлялись ежегодно из Крыма, Казани, Астрахани на рынки Центральной Азии, Малой Азии, Средиземноморского региона и, наконец, даже в Индию. Вероятно, войны XV и XVI веков способствовали увеличению числа северных рабов на рынка Московии и Поволжья.

Рабы, поставляемые на продажу, делились на две основные категории. К первой категории относилась ординарная и дешевая рабочая сила. Вторая категория представляла собой чрезвычайные случаи приобретения товаров роскоши, то есть покупку (белых) рабынь для гаремов знатных родов.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы осветить разницу между крещеными и некрещеными людьми в контексте работорговли. Ценность данного исследования подчеркивается тем, что исторические источники отчетливо акцентировали внимание на религиозном аспекте работорговли. Поэтому данный феномен требует подробного разьяснения.

Это явление относится только к позднему XVI веку. Становление централизованной государственности вызвало изменение восприятия крещения в качестве критерия подчинения правителю, что неизбежно привело к официальному запрету на торговлю крещеными рабами.

С точки зрения автора, следует обратить внимание на следующие обстоятельства:

1) Работорговля белыми (“немецкими”) девушками представляла собой проблему с самого ее появления, поскольку государственная администрация не нуждалась в этом виде товара.

2) Изначально практика работорговли вызывала беспокойство у церкви, но не у светских правителей. Но с внедрением нового экономического мышления, разработавшего концепцию государственной экономики и воспринимавшего жителей государства в качестве средств производства и налогоплательщиков; появилась необходимость в ограничении работорговли.

3) Религия стала критерием формирования государственности и подчинения правителю, что неизбежно вызвало изменение в квалификации товаров работорговли.

4) Несмотря на установление ряда ограничений, торговцы не уделяли столь значительного внимания религиозным аспектам работорговли; и, следовательно, они продолжили торговлю крещеными рабами.

Ключевые слова: восточноевропейская работорговля, рынки Московии и Поволжья, «немцы», крещеные и некрещеные рабы, государственная экономика.

Сведения об авторе: Юкка Корпела – почетный доктор, руководитель департамента географических и исторических наук, университет Восточной Финляндии, Ph.D. (история), профессор (80101, Yliopistokatu, 2, Йюэнсуу, Финляндия); jukka.korpela@uef.fi

НАСЛЕДИЕ

УДК 091

**КАЛАНДАР-НАМЕ. ГЛАВА 2.
«ВОСХВАЛЕНИЕ И БЛАГОСЛОВЕНИЕ
В ОТНОШЕНИИ МУХАММАДА МУСТАФЫ»****Абу Бакр Каландар*

Глава 2. Восхваление и благословение в отношении Мухаммада
Мустафы (да благословит Аллах его и приветствует!)

[3 страница]

1. Господин обоих миров и печать пророков,
Избранный, Муджтаба, Мустафа.
2. Свет (нур) обоих миров ('алам) и корона посланников,
Охранитель закона Божьего и всей религии.
3. Ведомый [Богом] (махди), ведущий прямым путем (хади),
имам и предводитель,
Вождь святых (авлийа) и пророков (анбийа).
4. Все, что движется и все, что живое, восхваляют его.
Одна только сура «ал-Лайл» («Ночь») посвящена описанию его
волос.
5. Он тот, кто однажды ночью в небо [вознесся],
Все увидел и вернулся обратно в [земной] мир.
6. По его повелению Луна раскололась на две части.
Его чудеса превращали камни в говорящие [существа].
7. Из-за явления в мире его имени
Уходит ложь, где бы она ни находилась.
8. Вся блестящая власть была свергнута,
Шариат и религия стали больше всего остального.

---

* Продолжение. Начало см.: Золотоордынское обозрение. 2014. № 2(4). С. 243–252. Перевод с персидского языка выполнен М.Р. Исмагиловой, аспиранткой, научная редакция перевода и комментарии осуществлены Д.А. Шагабиевым, заведующим отделом истории общественной мысли и исламоведения Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань).

[4 страница]

9. Если приближаться к его лику,
То мир в темноте заполняется светом.
10. Его имя – «мим», «ха», «мим», «дал».
Для всех он «пастырь» и все – его «овцы».

КОММЕНТАРИИ

После восхваления и прославления Всевышнего, упоминания Его атрибутов, элементов символа веры, Абу Бакр Каландар переходит к упоминанию и благословлению Пророка Мухаммада, а в следующих главах восхваляет его четырех праведных заместителей (ал-хулафа ар-рашидун). Это является обычным для зачина богословских, а иногда и литературных, сочинений мусульманских авторов. Следует заметить, что в заголовке главы упоминается формула благословения Пророку Мухаммаду, свойственная только суннитским авторам. Универсальная, для суннитов и шиитов вместе, формула благословения, обычно содержит упоминание также семьи Пророка. Мусульмане обязаны благословлять Пророка в соответствии с повелением Всевышнего из Корана: “Поистине, Аллах и ангелы Его молятся за Пророка. О верующие, молитесь за него и приветствуйте со всем тщанием» (33:56)¹.

Первый бейт. В первом бейте Пророк Мухаммад назван Господином (сайид) двух миров (каунайн). Здесь понимается высший мир, т.е. мир ангелов и небес, и низший мир или мир земной, т.е. мир людей и джинов². Вообще этот эпитет «сайид ал-каунайн» используется часто в поэмах, восхваляющих Пророка Мухаммада [см. 2, с. 13; 3, с. 46]. Также Мухаммад – последний посланник и пророк, как сказано в Коране: «Не был Мухаммад отцом никого из мужей ваших, он – Посланец Аллаха и последний из пророков» (33:40). Пророк имеет разные атрибуты и имена (прозвища и эпитеты), зафиксированные в некоторых хадисах и преданиях, и которые часто упоминаются в мусульманских источниках и вообще на устах мусульман. Эти имена и эпитеты в количестве 201 собраны в суфийском трактате «Далаил ал-хайрат» Мухаммада ал-Джазули [3, с. 36–47]. Довольно распространенным именем является «ал-Мустафа». Имена Пророка «Мустафа» (Избранный) и «Муджтаба» (Избранник) являются синонимами, однако в литературном арабском языке имеют тонкие различия, потому что первое образовано от корня “сфв” (быть чистым), а второе от корня “джбй” (собирать). В сборнике достоверных хадисов ал-Хакима приводятся, например, такие слова Пророка: «Я – Пророк (Наби), Избранный (Мустафа)» [12, с. 469].

¹ Здесь и далее перевод Б.Я. Шидфар [6].

² Возможна и другая трактовка, более узкая, т.е. мир людей и мир джинов.

Эпитет «Избранник» (Муджтаба) не встречается в хадисах, но упоминается разными мусульманскими авторами, особенно в касыдах, пророческих панегириках. Глагол «иджтаба», от которого образовано причастие «муджтаба», неоднократно встречается в Коране и используется в отношении пророков.

Второй бейт. Название Пророка светом соответствует аяту: “О люди Писания, пришел к вам Наш посланец.... Пришел к вам от Аллаха свет и ясное Писание” (5:15). В толкованиях Корана и из контекста под “светом” в данном аяте понимается Пророк Мухаммад [см. 10, с. 110]. Мухаммад назван короной посланцев Божьих³, то есть он является самым последним и лучшим из них. Соответственно, он принес от Аллаха людям последний закон Божий и его миссией Всевышний завершил ниспослание религии, поэтому традиция Мухаммада дополняет и разъясняет повеления Всевышнего и Его религию. С этой точки зрения он защитник шариата, т.е. пример для подражания в соблюдении законов Аллаха и также его толкователь или разъяснитель. В Коране сказано: “То, что даровал Посланец, берите, а если что запретил – отступитесь” (59:7), “И был Посланец Аллаха добрым примером для того, кто боится Аллаха и Дня последнего и умножает имени Аллаха поминание” (33:21), “А если будете расходиться в чем-либо, то ввертись Аллаху и Посланцу” (4:59), “Кто повинуется Посланцу, тот повинуется Аллаху” (4:80), “...но Мы сделали Коран светом, коим ведем, кого пожелаем из рабов Наших. И ты, поистине, указываешь путь веры праведной, Путь Аллаха” (42:52–53), “... и ниспослали тебе Писание, дабы объяснял ты людям то, что ниспослано им” (16:44).

Третий бейт. Как видно из процитированных выше смыслов аятов, Мухаммад введом Самим Всевышним, потому что он является примером для подражания и источником закона Божьего. Что касается статуса ведущего (хади), то понятно, что речь идет о наставничестве или о том, что Всевышний послал его как указание для людей, ибо в Коране термин “хади” в основном используется в отношении Самого Бога. Даже есть два аята, где Всевышний заявляет Мухаммаду, что тот не является “хади”, то есть выводящим из заблуждения (см. 27:81 и 30:53), однако есть другой аят: “Но ты, о Мухаммад, провозвестник и для всего народа истинного пути указание” (13:7)⁴, где все же в отношении Мухаммада этот термин использован. Поэтому термин “хади” понимается по контексту. С другой стороны все эти термины «махди, хади и имам» упомянуты среди двухсот одного имени Пророка в трактате «Далаил ал-хайрат» ал-Джазули.

³ Ср.: Мухаммад – корона всех посланцев божьих * Мухаммад – правдивый во всех словах и речи [2, с. 13].

⁴ Ср. вариант пер. Ю.И. Крачковского: “Поистине, ты – только увещатель, и всякого народа есть водитель!” [7].

Если под термином “авлия” понимать суфийских авторитетов, шейхов, то Мухаммад является их вождем и господином, так как все шейхи ведут свои духовные цепочки (силсила) от Пророку. С другой стороны все чудеса святых из числа общины Мухаммада, называемые в шариате термином «карамат», являются подтверждением его миссии и его пророческих чудес (му‘джизат). К тому же по причине того, что Мухаммад завершает череду всех пророков, а его община названа лучшей в Коране⁵, и потому что он – главный защитник из числа пророков для верующих в Судный день [см. 1, с. 312–313]⁶, с учетом того, что во время чудесного вознесения на небеса (ми‘радж) он был предстоятелем на молитве пророков [см.: 1, с. 121], он является господином и имамом всех пророков и посланников.

Четвертый бейт. Здесь Абу Бакр Каландар, конечно же, намекает на слова Всевышнего в Коране: «Поистине, Аллах и ангелы Его молятся за Пророка. О верующие, молитесь за него и приветствуйте со всем тщанием» (33:56) и на многочисленные предания о благословлении на Пророка, из чего следует, что все творения Всевышнего молятся за Мухаммада и приветствуют его.

Вторая половина бейта со всеми возможными вариантами перевода остается непонятной. В доступных для нас толкованиях Корана, в том числе суфийских, таких как «Тафсират-Тустари», «Тафсир ал-Кушайри» и других, мы не обнаружили что-либо об описании волос Пророка⁷ или в другом варианте перевода его одежды. Мы можем лишь предполагать, что сура, по мнению автора «Каландарнаме», имеет скрытое истолкование суфийского характера, вероятно встречающееся в каких-то редких и неизвестных нам тафсирах. Однако в известных тафсирах говорится, что сура «Ночь» посвящена восхвалению первого халифы Абу Бакра, о котором речь пойдет в следующей главе.

Пятый бейт. Здесь речь идет о чудесном перенесении (исра) Пророка из Мекки в Иерусалим, а затем его восхождении (ми‘радж) на седьмое небо⁸. Это произошло после его путешествия в Таиф за год до переселения (хиджра) в Медину. Во время этого события, со-

⁵ «Вы – наилучшая община и *вера*, ниспосланная людям» (3:110).

⁶ У Муслима приводится такой хадис: «Я – господин потомков Адама в День Представания, и я первый, над кем развернется могила, первый ходатайствующий, и первый, кому будет разрешено ходатайствовать» [9, с. 662].

⁷ Зато есть группа хадисов, где описываются физические качества Пророка Мухаммада, в том числе его волосы [см. 9, с. 675–676].

⁸ В Коране об этом сказано: «Хвала Тому, Кто дал совершить рабу Своему путь ночью от Священной мечети до мечети Дальней, вокруг которой Наше благословение, дабы показать ему Наши знамения» (17:1). Также комментаторы указывают на аяты из суры «Наджм» (53:11–18), что в них тоже есть намек о восхождении на седьмое небо к «лотосу крайнего предела» [см. 5, с. 701; 8, с. 143–144].

гласно преданиям, ему были явлены картины из рая и ада, места обитания следующей жизни [1, с. 120–132]. При чудесном восхождении он встретился с разными пророками и ангелами. На седьмом небе после достижения «лотоса крайнего предела» (сидрат ал-мунтаха) Пророк виделся и общался с Аллахом необъяснимым и непостижимым для разума образом. В книге «Мактубат» выдающийся суфийский шейх накшбандийскоготариката Имам Раббани ас-Сирхинди так объяснял этот факт: «Господин мира (мир ему) в ночь Ми‘радж виделся с Аллахом Всевышним не в этой жизни, в той. Потому что в эту ночь он вышел из круга времени и пространства. Находился в бесконечности. Начало и конец там были в одной точке. Видел Рай, как будут жить там люди, как войдут в него. Это невозможно увидеть в этой жизни» [1, с. 127].

Шестой бейт. Здесь указание на одно из чудес Пророка, о котором повествует Коран: «Пришел Час, и расколосась пополам Луна единая, и если увидят они знамение чудесное, скажут: «Это – колдовство сильное» (54:1–2), и о чем подробно рассказывают комментаторы Корана [см. 8, с. 154–157]. Об этом в частности повествуется сподвижником Ибн Мас‘удом в сборнике ал-Бухари: «Расколосась Луна во времена Посланника Аллаха (с.а.в.) на две части. Одна часть была над горой, а другая под ней. Тогда Посланник Аллаха (с.а.в.) сказал: «Смотрите!» [4, с. 72].

К известным среди мусульман чудесам Пророка относится и его общение с неживыми объектами или животными. Например, в сборнике Муслима передается следующий хадис: «Я знаю именно тот камень в Мекке, который желал мне мира (т.е. приветствовал – *Д.Ш.*) до того, как я был воздвигнут (посланцем). И я знаю точно его сейчас» [9, с. 662], т.е. и неживые объекты тоже молятся за Пророка по воле Всевышнего. Также есть хадисы о том, что Мухаммад разговаривал с животными [см. 1, с. 319]. А в одном хадисе сообщается о сухом стволе пальмы, который стонал в отсутствии Пророка, это стон был слышан его сподвижниками [см. 1, с. 148–149; 4, с. 74].

Седьмой бейт. Здесь, возможно, аллюзия на аят: «Явилась истина, и исчезла ложь, поистине недолго лжи существование» (17:81). По контексту видно, что автор пытается донести до нас мысль о том, что там, где говорят о Мухаммаде, а значит об исламе, т.е. ведут проповедь через пример Пророка, то рано или поздно побеждает ислам.

Восьмой бейт. Бейт, как мы предполагаем, указывает на покорение мусульманами сасанидского Ирана и Византии, мощных империй эпохи Мухаммада, а возможно на расширение границ халифата в эпоху Аббасидов, когда исламские земли простирались с востока на западот Индонезии до Марокко, и с севера на юг от Волжской Булгарии до Танзании. Для людей того времени и в принципе с точки зре-

ния истории большинство земель цивилизованного мира того времени находились под знаменами ислама, учения Пророка Мухаммада.

Девятый бейт. В девятой строке автор кратко выражает смысл многочисленных преданий в сборниках хадисов о лучезарном лике Мухаммада. Многие сподвижники передавали, что лик Пророка сиял как солнце или источал сияние как полноликая луна. Например, Абу Хурайра говорил: «Я не видел красивее, чем Посланник Аллаха, как будто солнце проходило по его лицу» [13, с. 20].

Десятый бейт. В последнем бейте Абу Бакр Каландар разложил арабское имя «Мухаммад» на четыре буквы арабского алфавита, именно те буквы, которые отражают это имя в письменном виде. Что означает этот расклад? Это может быть и какая-то аббревиатура, где каждая буква означает какое-то слово, либо мистическая комбинация цифр (шифр), так как каждая буква в арабском языке также означает и определенную цифру⁹. Кстати, в Коране имя «Мухаммада» встречается четыре раза. Ясно одно, что автор посылает какой-то сигнал или символы, которые понятны кругу его общения.

Вторая половина бейта лишней раз указывает на статус Пророка Мухаммада среди мусульман. Пророк уподоблен пастуху, а члены его уммы – его стаду, за которым он присматривает. Стадо должно держаться вместе и выполнять указы пастуха, не выходить за рамки пастбища, находясь под его присмотром. Сюжет пастуха и стада знакомый для хадисов и хорошо понимаемый для людей, занимающихся скотоводством. Например, известен хадис из сборников ал-Бухари и Муслима: «Поистине, дозволенное очевидно и запретное очевидно, а между ними находится сомнительное, относительно которого многие люди ясно представления не имеют. Остерегающийся сомнительного освобождается [от него] ради [сохранения] своей религии и своей чести, занимающийся сомнительным придет и к совершению запретного, ибо он подобен пастуху, пасущему около заповедного места свое стадо, которое вот-вот окажется там. У каждого владыки обязательно есть такое заповедное место, а заповедным местом Аллаха является то, что Он запретил людям...» [11, с. 60]. Также показателен в этой связи хадис из сборника Муслима: «Каждый из вас – пастух и каждый из вас будет спрошен о своей пастве. Так, повелитель, который (правит) людьми – пастух и он будет спрошен о его пастве (подчиненных – *Д.Ш.*). И мужчина – пастух жителей своего дома и он будет спрошен о них. Женщина – пастушка дома ее мужа и его детей и она будет спрошена о них...» [9, с. 546]. Сюжет ответственности и статуса Пророка в отношении его паствы в свете смысла бейта замечательно выражается в другом хадисе: «Меня и вас можно сравнить так. Мужчина разжег огонь. И стали кузнечики и мотыльки

---

⁹ В нашем случае получается соответственно комбинация: 40–8–40–4.

падать в него, но он отмахивает их от него. Вот и я тоже пытаюсь отбить вас от Огня. Но вы вырываетесь из моих рук» [9, с. 665].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айваллы Р.* Жизнь Пророка Мухаммеда. Алматы: ОФ Культурный фонд Туркестан, 2014. 367 с.
2. *ал-Бусайри М.* Ал-Бурда ва-л-касида ал-мухаммадийя. Дамаск: Байт ал-Хикма, 2005. 48 с.
3. *ал-Джазули М.* Далаил ал-хайрат. Дамаск: ал-Марказийя, б.г. 263 с.
4. *Джаухари М.Р.М.* 'Акидату-на. Каир: Джами'ат ал-Азхар, 2004. Ч. 2. 175 с.
5. *Кан'ан М.А.* Куррат ал-'айнайн 'ала тафсир ал-Джалалайн. Бейрут: Дар ал-башаир ал-исламийя, 1997. 841 с.
6. *Коран.* Пер. с араб. и коммент. Б.Я. Шидфар. М.: ИД Марджани, 2012. 608 с.
7. *Коран.* Пер. с араб. акад. И.Ю. Крачковского. М.: СП ИКМА, 1990. 512 с.
8. *ал-Курсави Г.* Тафсир ал-байан. Сост., пер. со старотатар. и араб. Р. Адыгамова. Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. 495 с.
9. *Муслим.* Сахих Муслим. Сборник достоверных хадисов, составленный имамом Муслимом. Казань: Иман, 2004. Том 3. С. 517–738.
10. *ат-Туджиби Йа.* ал-Кур'ан ал-карим ва би-хамиши-хи мухтасар мин тафсир ат-Табари. Бейрут: ад-Дар ал-муттахида, 1998. 604 с.
11. *Хадис:* учебное пособие. СПб.: «Издательство «Диля», 2014. 272 с.
12. *ал-Хаким М.* ал-Мустандрак 'ала ас-Сахихайн. Б.м., б.г. Т.3. 745 с.
13. *ал-Хусайни 'А.* Саййиду-на Мухаммад расул Аллах. Алеппо: Мак-табат дар ал-фалах, 2006. 634 с.

QALANDAR-NAME. CHAPTER 2. «PRAISE AND BLESSING UPON MUHAMMAD MUSTAFA»*

Abu Bakr Qalandar

The present fragment contains the translated continuation of a medieval poetic text “Qalandar-name” written by the Crimean Sufi author Abu Bakr Qalandar. This fragment contains the second chapter devoted to praising (Salawat) the Prophet Muhammad, after which the poet will glorify his righteous caliphs (al-Khulafa al-rashidun). As it appears from the author’s praises, he was a follower of Sunni Islam and, at the same time, a representative of the Sufi order (tariqa). Titles and names that Abu Bakr Kalandar uses in his chanting of Muhammad, are very familiar both

---

* Continuation of the article. See beginning of the article in: Golden Horde Review, 2014, no. 2(4), pp. 243–252.

to researchers of the Islamic religion and ordinary Muslims. He calls the Prophet the Lord (Sayyid) of both worlds, Elect, Light, Leader of all the prophets and saints. The author mentions some famous miracles of the Messenger of Allah, such as the night journey (Isra) and ascension to the seventh heaven (Mi'raj), the moon's splitting and inanimate objects' speaking. He also makes an allusion to the mystical interpretation of the Qur'an in relation to the hair of the Prophet. The Persian text is translated by Milyausha Ismagilova, a postgraduate student. Translation edition and comments are supplied by Damir Shagaviyev, Head of the Department of History of Public Thought and Islamic Studies of the Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan).

REFERENCES

1. Ayvally R. Zhizn' Proroka Mukhammeda [Life of Prophet Muhammad]. Almaty, OF Kul'turnyy fond Turkestan, 2014. 367 p.
2. al-Busayri M. *al-Burda wa-l-Qasida al-Muhammadiyya*. Damas, Bayt al-Hikma, 205. 48 p.
3. al-Jazuli M. *Dalail al-khayrat*. Damas, al-Markaziyya, b.g. 263 p.
4. Jawhari M.R.M. *'Aqidatu-na*. Kair, Dzhami'at al-Azkhar, 2004. Part 2. 175 p.
5. Kan'an M.A. *Qurrat al-'aynayn 'ala tafsir al-Jalalayn*. Beirut, Dar al-Bashair al-Islamiyya, 1977. 841 p.
6. Koran. Per. s arab. i komment. B.Ya. Shidfar. Moscow, Mardzhani Publ., 2012. 608 p.
7. Koran. Per. s arab. akad. I.Yu. Krachkovskogo. Moscow, SP IKMA Publ., 1990. 512 p.
8. al-Qursawi 'A. *Tafsir al-bayan*. Sost., per. so starotatar. i arab. R. Adygamova. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2012. 495 p.
9. Muslim. Sahih Muslim. *Sbornik dostovernykh khadisov, sostavlennyy imamom Muslimom* [Collection of Authentic Hadiths compiled by Imam Muslim]. Kazan, Iman Publ., 2004. Vol. 3, pp. 517–738.
10. al-Tujibi Y. *al-Qur'an al-karim wa bi-hamishihi mukhtasar min tafsir al-Tabari*. Beyrut, ad-Dar al-muttakhida, 1998. 604 p.
11. *Khadis: uchebnoe posobie* [Hadith: A Textbook]. St. Petersburg, Dilya Publ., 2014. 272 p.
12. al-Hakim M. *al-Mustadrak 'ala-l-Sahihayn*. B.m., b.g. Vol. 3. 745 p.
13. al-Husayn 'A. *Sayyiduna Muhammad rasul Allah*. Aleppo, Maktabat dar al-falakh, 2006. 634 p.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 930.23+575.174

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Б.А. МУРАТОВА «ЭТНОГЕНЕЗ БАШКИР: ИСТОРИОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Ж.М. Сабитов

(Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева)

В данной рецензии рассматриваются ошибки в книге Муратова Б.А. «Этногенез башкир: историография и современные исследования», которые можно подразделить на четыре основных вида.

1. Фактологические ошибки. Автор книги зачастую допускает фактологические ошибки, выдумывая некоторые факты или идеи, которые он приписывает определенным авторам.

2. Методологические ошибки. Неправильное использование методов популяционной генетики привело автора этой монографии к неправильным выводам. Такие методы, как многомерное шкалирование, расчет генетических расстояний, AMOVA, Кластерный анализ и т.д., автором не использовались вообще. Такие методы, как построение филогенетических сетей и выделение на основе сетей кластеров близких гаплотипов, использовались методологически не верно. Выделение модальных гаплотипов (гаплотипа основателя) не было произведено. Подсчет TMRCA (время жизни первого общего предка) на основе генеалогических и эволюционных скоростей мутаций было произведено с большим количеством ошибок. Одной из главных ошибок явилась маленькая выборка для исследования башкирских кланов (n=45). Эта выборка мала и малорепрезентативна. Вытекающие из такой малой выборки выводы слабо аргументированы.

3. Исторические фантазии. К примеру, Муратов Б.А. совсем необоснованно выдвигает гипотезу о генетической связи башкирского племени Бурзян и монгольского племени Кият-борджигин. Также он выдвинул необоснованные гипотезы о генетической связи башкирского племени бурзян с курдами, осетинами-дигорцами, берендеями. При этом никаких генетических доказательств (принадлежность к общему терминальному SNP-маркеру) Муратов Б.А., естественно, не привел.

4. Грамматические ошибки. Главный тезис книги Муратова Б.А. звучит как: Башкиры это (некие) «туранцы». Основной ошибкой здесь является отождествление SNP-маркера Z2123 с этнорелигиозной категорией «Туран». Данное отождествление методологически не верно, так как социальные конструкты и генетические маркеры имеют разную природу возникновения, функционирования и развития. Таким образом, смешение генетиче-

ских и этнорелигиозных маркеров при реконструкции истории методологически не верно.

Ключевые слова: Муратов Б.А., полиморфизм Y-хромосомы, этногенез, башкиры, методы популяционной генетики.

В 2013 году вышла работа Муратова Б.А. «Этногенез башкир: историография и современные исследования». Несмотря на свое «историческое» название, данный труд по большей части опирается на данные ДНК-тестирования представителей различных башкирских родов. Поэтому в нашей рецензии, мы рассмотрим как некорректное использование методов популяционной генетики, так и исторические аспекты указанной проблемы.

С 2000-х годов исследования популяционной генетики в целом и полиморфизма Y-хромосомы в частности заняли свое прочное место в научных исследованиях. С каждым годом поток новой информации в этих сферах только увеличивается. Полученные результаты зачастую уже сегодня используются в исторических реконструкциях. Но при всем при этом, помимо строго научных исследований в данной сфере появляется огромное количество псевдонаучных исследований, использующих новую терминологию популяционной генетики для построения псевдонаучных концепций. Еще со времен средних веков в науке сложилось правило, когда ученые не только являются исследователями и открывают что-либо новое в своих отраслях науки, но также ученые зачастую выступают в роли научных экспертов, давая обществу сигналы о компетентности или некомпетентности того или иного исследователя путем написания рецензий на научные труды. Это связано с тем, что лишь ограниченный круг лиц обладает квалификацией для того, чтобы увидеть все методологические натяжки и ошибки в научных трудах. Кроме того, выпуск таких псевдонаучных работ только дискредитирует новую прикладную историческую дисциплину, формируя у профессиональных историков, столкнувшихся с опусами Муратова Б.А., негативное отношение к популяционной генетике вообще.

Разбору методологических ошибок и натяжек в «монографии» Муратова Б.А. посвящена эта рецензия.

Монография Муратова Б.А. состоит из предисловия, введения, 7 глав, заключения, глоссария, интернет-библиографии, источников и литературы и «annotation».

Ниже мы рассмотрим ряд как фактологических, так и методологических ошибок.

В своей первой главе Муратов Б.А. рассматривает три теории происхождения башкир: угро-тюркскую, тюркскую и туранскую. Подводя итоги рассмотрения «угро-тюркской» теории, автор пишет:

«Угро-тюркская теория происхождения башкир не подтверждается данными ДНК-генеалогии. Так, согласно базе ИБГ УНЦ РАН угорский компонент башкир составляет 17 % и преимущественно встречается среди оренбургских и стерлибашевских башкир» [4, с. 25]. Здесь стоит отметить, что аргументация тезиса здесь абсолютно не научна. Во-первых, Муратов Б.А. дает ссылку на Лобова А.С., но не указывает страницы. Просмотрев всю диссертацию Лобова А.С., мы можем примерно понять, что имел в виду Муратов Б.А. Скорее всего, Муратов Б.А. приравнивает такие понятия, как гаплогруппа N1c1 и «угорский компонент», что является абсолютно не верным с точки зрения географии распространения этой гаплогруппы. Безусловно, один из множества субкладов (подгрупп) данной гаплогруппы имеет довольно высокую корреляцию с угорскими народами, но это только лишь один из многих субкладов этой гаплогруппы. Как мы можем увидеть, из текущей классификации субкладов «угорский субклад» маркируется мутацией L1034+, а именно этот SNP-маркер не проверялся у башкир, которых тестировал Лобов А.С. Кроме того, не стоит ставить знак равенства между гаплогруппой, которая передается по прямой мужской линии, и языком, который формируется окружающей средой и не передается генетически. Говоря о тюркской теории происхождения башкир, Муратов Б.А. опять нас отсылает к диссертации Лобова А.С., не указывая конкретной страницы, при указании того, что данные этногеномики (Лобова А.С.) подтверждают мысли А.З. Тогана и С.И. Руденко [4, с. 28]. Скорее всего, к.б.н. Лобов А.С. выступает тем «авторитетом», на которого ссылается Муратов Б.А. при отсутствии своих аргументов в свою пользу (при том, что Лобов А.С. сам не писал большую часть приписываемых ему мыслей). Поэтому почти всегда в ссылках на Лобова А.С. отсутствует страница. Либо, иногда, указанная страница вообще не содержит то утверждение, которое Муратов Б.А. приписывает Лобову А.С. К примеру, Муратов Б.А. приписывает Лобову А.С. мысль о том, что «решающую роль в этногенезе башкир отводят племенам, обитавшим на Южном Урале в 7–9 веках и ранее» [4, с. 14], указывая ссылку на страницу 20 диссертации Лобова А.С. На этой же странице, по мнению Муратова Б.А., Лобов А.С. пишет о дотюркском языковом субстрате древних башкир [4, с.17]. Если же посмотреть диссертацию Лобова А.С., то именно на этой странице Лобов А.С. не затрагивает ни одного исторического или лингвистического вопроса этногенеза башкир и их датировок, а описывает нуклеотидное разнообразие митохондриального ДНК среди башкир. Далее еще интереснее, Муратов Б.А. списывает почти две страницы [3, с. 17–19] из диссертации Лобова А.С., выдавая его мысли за свои [4, с. 16–17]. Стоит отметить, что такое «чрезмерное цитирование» встречается в тексте монографии повсеместно (например, в разделах про митохондриальное ДНК и аутосомы – уровень «чрезмерного цитирования» состав-

ляет не менее 90 %). Далее Муратов Б.А. опять приписывает Лобова А.С. в лагерь своих сторонников («сторонников туранской теории происхождения башкир» [4, с. 31]). Скорее всего, к.б.н. Лобов А.С. (как и большая часть перечисленных там авторов) очень сильно удивился бы, узнав, какой «теории происхождения башкир» он придерживается.

Во второй главе «Происхождение башкир с точки зрения Туранской гипотезы» Муратов Б.А. дает определение туранцам: «кочевые, скотоводческие сакские племена Средней Азии» [4, с. 43]. Чуть ниже Муратов Б.А. пишет: «расселение туранских (сакских) племен было обширным, от Урала и Прикаспия до Саян, Индии и Китая», тем самым запутывая читателя еще больше. Далее Муратов Б.А. озвучивает довольно спорный тезис о том, что хуун-кипчаки (ветвь башкирских кипчаков) и племя суун среди башкир это потомки туранского племени хионитов [4, с. 45].

В параграфе 2.1.1. Муратов Б.А. начинает писать целый ряд абсолютно надуманных вещей из популяционной генетики. К примеру:

1. «Среди туранцев были преимущественно R1a, но также были R1b, Q, G и другие». Если насчет первой гаплогруппы есть основания утверждать такое, то насчет трех остальных гаплогрупп таких эмпирических данных не было, кроме того, в захоронениях народов, которых Муратов Б.А. относится к туранцам встречалась гаплогруппа C. Такое «гадание на кофейной гуще» при общедоступности материалов (статей) по древнему ДНК может вызвать только удивление.

2. «По мужским линиям у башкир гаплогруппы R1a и R1b около 85–90 %, N (угро-финский) около 15 %, J2 в пределах 3 %, остальные гаплогруппы не набирают и 1 %» [4, с. 47]. Если посчитать все проценты вместе, то у нас наберется никак не менее 103–108 %, при обычных 100 % при подсчетах. При том, что гаплогруппы C3 и G набирают более 1 %, а гаплогруппы R1a и R1b составляют около 74 % [4, с. 48]. Такие досадные арифметические неточности (при нерепрезентативной выборке) никак не красят работу.

3. «Иран – также субклад R1a+L342.2, их подветвь в ДНК-генеалогии связана с линией R1a+Z2124*Parent» [4, с.47]. В этой фразе отражена вся суть данной монографии, когда название страны абсолютно произвольно путается с названием однонуклеотидной мутации у одного человека, жившего 3–5 тысяч лет назад. Причем запись названий субкладов исполнена в «новом» формате, который использует лишь автор данной монографии (правильная запись R1a-Z342.2+).

4. «У самих венгров «угро-финские» N почти не встречаются. У венгров до 20 % R1b – возможно это и связывает венгров с башкирами» [4, с. 48]. Здесь стоит отметить, что такая примитивизация известных нам генетических данных демонстрирует всю квалификацию автора монографии. На данный момент мы знаем, что у башкир

как минимум три субклада R1b, которые конкретно связаны с определенными племенами: R1b1a1-M73 связан с карагай-кипчаками (гирей-кипчаки) и, возможно, другими башкирскими родами, R1b1a2-L23(xM412) связан с бурзянами, R1b1a2-U152 связан с племенем гайна. У венгров количество субкладов гораздо больше и связи, скорее всего, есть, но это не связи всех 20 % венгров с выделенными башкирами. Картина связей башкир и венгров не столь проста, как описал Муратов Б.А., а она намного сложнее и конкретно не связана с распространением гаплогруппы R1b среди башкир и венгров. Башкирские и венгерские R1b имели разные истории, возможно, где-то имели общие корни (как, возможно, у племени гайна, которое, судя по прямой мужской линии, имеет западноевропейское происхождение), но в большинстве своем эти связи уходят глубоко в древность, далеко за пределы нашей эры, когда не существовало ни башкир, ни венгров, ни даже хунну.

Если останавливаться на каждой ошибке Муратова Б.А., то можно будет написать рецензию в размере самой рецензируемой книги, поэтому мы ниже покажем еще ряд очевиднейших фактологических ошибок (неаргументированных фантазий) Муратова Б.А. и перейдем к методологическим ошибкам.

Ак-коюнлу и Кара-коюнлу связаны с каями [4, с. 228–231].

Носителями древнего этнонима башкир было племя тангаур, либо юрматы [4, с. 228–229].

Этногеномика состоит из нескольких разделов: ДНК-генеалогии и ДНК-археологии [4, с. 229].

Также у Муратова Б.А. в одном предложении написаны довольно примитивные обозначения географии распространения различных гаплогрупп [4, с. 228–232].

В состав кимаков Муратов Б.А. включил два «новых» племени: ишк и айрум (вместо имек и ими, которое иногда связывают с эймурами) [4, с. 230].

Акациры – это агафирсы, апасиаки это древнее название печенегов [4, с. 232].

Баяндур – огузское племя угро-самодийского происхождения [4, с. 234].

Гаплогруппа – это группа схожих гаплотипов (?), имеющих общего предка, у которого в обоих (?) гаплотипах имела место одна и та же мутация – однонуклеотидный полиморфизм [4, с. 235]. Группа схожих гаплотипов это кластер, а не гаплогруппа.

Гэрэ – племя среди северо-западных башкир... Гэрэ у башкир и гирей у татар не родственны между собой [4, с. 236].

Берендеи происходят от бурзян [4, с. 235]. Также бурзяне связаны с курдами и осетинами-дигорцами [4, с. 106]. Венцом фантазий Муратова Б.А. является «гениальная» догадка о том, что башкирское племя бурзян и есть известные по источникам монгольские борджи-

гины [4, с. 149]. То есть если воспринять эти фантазии на веру, то получится, что башкиры-бурзяне, курды, осетины-дигорцы, тюрки-берендеи и клан потомков братьев Чингиз-хана (борджигины) одного происхождения. При этом Муратов Б.А. не знает или не замечает работ других авторов по поводу возможных гаплогрупп киятов и борджигинов, приравнивая башкирских бурзян к родственникам и потомкам Чингиз-хана.

В плане методологических ошибок стоит отметить, что существует ряд методов научного изучения популяции на основе полиморфизма Y-хромосомы [5, с. 33–42].

Вкратце алгоритм применения научных методов популяционных генетиков можно выразить так:

1. Материалы и методы. Описываются генеральная совокупность и выборка, как формировалась выборка, также описываются SNP и STR-маркеры, которые были исследованы у популяции.

2. Первичные результаты исследований (декриптивная статистика) показывают частоты гаплогрупп у изученных популяций.

3. Многомерное шкалирование, расчет генетических расстояний, AMOVA, Кластерный анализ и т.д.

4. Построение филогенетических сетей (в программе Network) без учета палиндромных STR-маркеров (к примеру, 385a,b) для выделения кластеров близких гаплотипов.

5. Выделение модальных гаплотипов (гаплотипа основателя), подсчет TMRCA (время жизни первого общего предка) на основе генеалогических и эволюционных скоростей мутаций.

Методы, которые используются в исторических реконструкциях, немного отличаются от вышеуказанных методов. Они характеризуются меньшим использованием статистических методов и большим использованием качественных методов (к примеру, построение генеалогического дерева для изучаемой популяции). Но при этом такие понятия, как репрезентативная выборка, анализ TMRCA, модальный гаплотип, построение филогенетических сетей и др., также используются при исторических реконструкциях. Отличием также является построение филогенетических сетей у популяционных генетиков и тех, кто занимается историческими реконструкциями («ДНК-генеалогами»). У популяционных генетиков данные сети в программе Network строятся для выделения кластеров близкородственных гаплотипов, причем для этого используется малое количество маркеров. У ДНК-генеалогов используется гораздо большее количество маркеров, где по значениям того или иного локуса можно выделить те или иные «ветви». Иногда эти ветви выделяют без построения сетей, но при этом описывают, как эта «ветвь» отличается от других «ветвей» (какие характерные частоты именно для этой ветви в том или ином локусе).

Описав вышеуказанные методы, мы остановимся на ошибках в труде Муратова Б.А.:

1. Построение Муратовым Б.А. филогенетических сетей в программе Network абсолютно не дает никакой новой информации, а только дает «картинку-комикс». То есть здесь при построении филогенетических сетей не было никакой научной цели (тем более, что там анализировались единичные гаплотипы из разных субкладов и зачастую разных гаплогрупп). Также палиндромные маркеры не исключались при построении филогенетических сетей, что признается ошибочным у популяционных генетиков. Видимо, у Муратова Б.А. была лишь цель показать, что «автор умеет строить сети». К примеру, у Балаганской О. сети построены на основе 15 STR-маркеров (без DYS385a,b) и на основе этих сетей выделены кластеры, у которых чуть позже посчитаны TMRCA. Муратов Б.А. на основе плохого построения сетей не выделил никаких кластеров в силу как малого количества данных, включенных в сеть, так и в силу слабой компетентности в данном вопросе. Построение филогенетических сетей из единичных представителей разных гаплогрупп вообще не информативно, построение филогенетических сетей из малого количества представителей одного и того же субклада (следствие малой выборки) мало информативно. Конечно же выбор методов исследования остается прерогативой исследователя, но если уж метод используется, его нужно действительно использовать для научных целей, а не для того, чтобы убедить широкую общественность, не разбирающуюся в аспектах применения данного метода, в своей компетентности.

2. Выделение кластеров и «ветвей». Данная операция основывается либо на предыдущем построении филогенетических сетей либо на описании характерных для этой ветви значений в определенном локусе («Для этой ветви характерно значение 15 в DYS..., тогда как у всех остальных характерно значение 13 в этом же локусе»). Муратов Б.А. в этом случае использует фонарно-потолочный метод для выделения ветвей и их обозначения («от фонаря» и «с потолка»). Во-первых, он не описывает, какими значениями, в каких локусах отличаются три ветви субклада Z2123 [4, с. 117–133]. Далее эти три ветви совершенно произвольно названы как Сако-динлинская, Усуньская и Массаето-аланская ветви.

Причем его понимание истории и географии этих народов сугубо индивидуальное и не принятое в научной литературе. К примеру:

2.1. «Сако-динлины»

Саки «(Sakes) – древний туранский народ, расселявшийся на огромной территории от Прикаспия до Индии и Китая» [4, с. 231].

Динлины «(Dinglings) – древний европеоидный народ Северного Китая, самоназвание этого народа было теле. Считаются потомками племен Ди» [4, с. 229]. Сюда же Муратов Б.А. приписывает аорсов, которые состоят из разных племен.

Норвежские кланы Саура и Сораман у него связаны с приходом скандинавского бога Одина с Асгарда и приходом черноволосых магов Саурона и Сарумана (вымышленные персонажи произведений Толкиена) в Норвегию с юга [4, с. 118]. Конечно же, странным кажется, почему же Муратов Б.А. не выдвинул «исторические» гипотезы о том, к каким гаплогруппам относились эльфы, гномы и хоббиты из произведения Толкиена, если он считает этих трех персонажей (Один, Саурон и Саруман) историческими личностями. Согласно Муратову Б.А., эти кланы (как и башкирские кланы Сура и Суйун), «возможно», происходят от аорсов-сарматов.

Согласно Муратову Б.А., аорсы в составе сармат известны в китайских источниках как Яньцай. Сами аорсы – это союз племен аор (авар) и саев (саки). Аорсов с динлинами и телесцами связывали племена хионитов. Хиониты позже известны в средневековом Китае как род кун. Западные аорсы, согласно Муратову Б.А., это европейские авары, а восточные это куны, предки хуун-кипсаков [4, с. 120].

2.2. «Усуни – древний туранский народ, первоначально расселившийся на территории Современного Китая» [4, с. 242].

Сюда относятся Сууны, Табынцы и Кудейцы. Муратов Б.А. считает, что «Общий модалный гаплотип башкирской и тяньшаньско-кыргызской ветвей оказался весьма схожим». Но дальнейшие исследования показали, что кыргызы в своей массе не относятся к субкладу Z2123 и приведенные отличительные признаки этой ветви такими не являются.

Далее Муратов Б.А. пишет, что «носители андроновской археологической культуры были известны в истории под именем динлин, западными соседями которых являлись сакские племена абаров и хионитов, а южными племена усуней... Позднее абары вошли в тюркешский союз племен и упоминаются в хрониках как черные клубки, т.е. каракалпаки. В дальнейшем потомки хионитов были известны как авары и сууны, потомки абар – каракалпаки, а потомки усуней – табынцы и уйсунуны, несколько абарских родов, а также мукри – приняли участие в этногенезе современных кыргызов Тянь-Шаня» [4, с. 126].

2.3. Массагето-аланы

Массагеты – «крупный союз племен, состоящий из разных по происхождению кланов. Восточная ветвь массагетов известна под именем юэчжей, западная ветвь под именем алан и т.д. Предки баджгардов (башкурт), бурзян (борйан) и печенегов (апасиаков) также входили в древней массагетской конфедерации племен» [4, с. 230].

3. Говоря о выборке, можно увидеть, сколько образцов было исследовано в монографии. На страницах 209–213 опубликовано 47 гаплотипов, из которых 2 татарских гаплотипа, остальные 45 гаплотипов относятся к башкирам: 9 гаплотипов кипчаков, 6 бурзян, 6 юрматы, 8 табынов, 4 елана, 2 минга, по одному представителю таких

родов как тангаур, канглы, сура, усерган, байлар, гайна, кудей, суун, айле, катай [4, с. 209–213]. Как мы знаем, репрезентативной выборкой является выборка с количеством случаев более 30 (оптимальная выборка – 1500 человек на этнос). То есть для башкир эта выборка минимально репрезентативна. С учетом предыдущих исследований, ее можно использовать для анализа распределения гаплогрупп среди башкир в целом. Но для анализа каждого башкирского рода нужно исследовать либо как минимум 30 представителей одного рода (количественная выборка), либо как минимум 10–15 человек с подробной фактологической информацией (например, шежире) по каждому случаю (качественная выборка). У Муратова Б.А. мы не видим ни первого, ни второго относительно башкирских родов. Более того, Муратов Б.А. экстраполирует данные своих нерепрезентативных выборок на всю генеральную совокупность. Например, протестировав одного башкирского туркмен-кипчака, он пишет, что все туркмен-кипчаки такие же [4, с. 148]. Для сравнения можно посмотреть другие работы по башкирам, где на основе выборки в 100 и более человек по отдельным родам, пишутся одностраничные тезисы с предварительными результатами [2, с. 22] [6, с. 10] [7, с. 112]. Или же можно сравнить с исследованиями по казахам. На данный момент имеется выборка в 500 казахов (лаборатории Фэмили Три ДНА) с фиксацией рода и племени по каждому индивиду (у Муратова Б.А. – 45 башкир), но при этом никто не торопится писать труд по всем казахским родам. В будущем, конечно же, такая работа по казахам появится, но лишь тогда, когда выборка станет оптимальной (достигнет размера в 1500–2000 человек с четкой фиксацией родоплеменной структуры по каждому случаю).

4. Анализ TMRCA у Муратова Б.А. использовался не стандартно. Упомянутые им формулы СКРЖАММ и МС видимо известны только Муратову Б.А., так как другие авторы об их существовании и методологии просто не знают. Если посмотреть на результаты этого анализа, сразу становится понятно, что данные формулы не верны и придуманы дилетантом. К примеру, Муратов Б.А. пишет: «Так, по формуле СКРЖАММ общий предок Ногай-бурзяна–3 и Суюнбагина жил в 1662 плюс минус 38 лет, а по формуле МС их общий предок родился во второй половине ноября 1699 года» [4, с. 123]. Любой маломальский специалист скажет, что таких погрешностей (особенной погрешность в одну неделю) при расчете не бывает, кроме того, подсчет TMRCA для двух гаплотипов будет иметь гораздо большую погрешность, чем такой же подсчет для 5 и более случаев (чем выше количество гаплотипов, тем меньше погрешность).

Также не понятно, для чего стоило публиковать 97 фотографий (страницы 154–208), подавляющая часть которых не несет научной ценности вообще.

В плане историографии автором не учтено последнее историческое исследование Антонова И.В. о средневековых башкирах [1], при этом Муратов Б.А. очень часто цитирует псевдонаучные книги Галлямова С.А. «Башкорды от Гильгамеша до Заратуштры», «Башкурдский язык и санскрит» и т.д. Фактологические и методологические ошибки, а также все вышеуказанные замечания вкуче с политикой цитирования (присутствуют ритуальные и легитимизиционные ссылки, но почти нет критических ссылок с научной критикой тех или иных авторов и их гипотез о генетических данных башкир) говорит о том, что произведение Муратова Б.А. не является научным.

Ирвинг Гоффман в свое время писал о первичной и вторичной формах адаптации к различным институтам. Говоря простыми словами, у каждого института существует своя цель. У людей же могут быть две формы адаптации к данному институту. У людей с первичной формой адаптации цели совпадают с целями института, а у людей с вторичной формой адаптации цели не совпадают. К примеру, цель науки – производство нового знания. У ученых (люди с первичной формой адаптации по отношению к науке и научным учреждениям) цели те же, что и у «академии». Монографии и статьи пишутся для производства нового знания, которое производится путем критики тех или иных устаревших положений, теорий или гипотез, или путем введения в научный оборот новых данных. И, соответственно, аудитория таких исследований относительно мала, так как только ограниченный круг лиц обладают компетенцией оценить в научном плане выпущенную монографию. У людей с вторичной формой адаптации к науке цели не научные. Для них производство нового знания является вторичным, целью их деятельности может являться приобретение экономического и культурного (но только не научного) капитала, при этом аудиторией их «произведений» будут не ограниченный круг ученых, а широкие массы, которым примитивно, упрощенно в виде комикса можно подать какой-нибудь новый псевдонаучный материал или идею. Такой идеей у Галлямова С.А. было то, что «башкиры существовали еще во времена Гильгамеша и Заратуштры, а у башкирского языка есть связи с индийским санскритом», а у Муратова Б.А. такой идеей является: «Башкиры – это туранцы», основанная на маленькой нерепрезентативной выборке, неправильном использовании многих научных методов и псевдоисторических фантазиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов И.В. Башкиры в эпоху средневековья. Уфа, ИП Галиуллин Д.А., 2012. 308 с.

2. Гумерова А.Я., Юсупов Ю.М., Асылгужин Р.Р., Дибирова Х.Д., Балановская Е.В. Генофонд и геногеография народонаселения. К вопросу о финно-угорском компоненте в этногенезе северо-восточных башкир // Сборник тезисов молодежной конференции «Популяционная генетика и генография: наука и практика». 22 ноября 2013 года. М., 2013. С. 22.

3. Лобов А.С. Структура генофонда субпопуляций башкир. Диссертация на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Уфа, 2009. 131 с.

4. Муратов Б.А. Этногенез башкир: историография и современные исследования. 1-й том, проект «Суюн», 1-е издание. М., Урал, 2013. 267 с.

5. Сабитов Ж.М. Исследования полиморфизма Y-хромосомы в контексте истории: современное состояние дисциплины // Золотоордынское обозрение. Выпуск 3. Казань, 2014. С. 33–42.

6. Юсупов Ю.М., Гумерова А.Я., Шайхеев Р.Р., Дибирова Х.Д., Балановская Е.В. Кыпчакский субстрат в этногенезе башкир: анализ Y-хромосомы // Сборник тезисов молодежной конференции «Популяционная генетика и генография: наука и практика». 22 ноября 2013 года. М., 2013. С. 10.

7. Юсупов Ю.М., Гумерова А.Я., Балаганская О.А., Дамба Л.Д., Сабитов Ж.М., Жабагин М.К., Почешхова Э.А., Балановская Е.В. Трансуральский путь миграций кочевых племен (по данным о полиморфизме Y-хромосомы у башкирских кланов) // Тезисы 5-ой международной конференции «Алексеевские чтения» памяти академиков Т.И. Алексеевой и В.П. Алексеева. Человек в окружающей среде: этапы взаимодействия. 6–8 ноября 2013 года. М., 2013. С. 112.

Сведения об авторе: Жаксылык Муратович Сабитов – доцент кафедры политологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Ph.D. (философия) (010008, Мунайтпасова, 5, Астана, Казахстан); babasan@yandex.ru

---

**REVIEW ON THE B.A. MURATOV'S MONOGRAPH
"ETHNOGENESIS OF THE BASHKIRS:
HISTORIOGRAPHY AND CONTEMPORARY RESEARCH"**

Zh.M. Sabitov

(L.N. Gumilev Eurasian National University)

The author of this review examines four main types of errors contained in the B.A. Muratov's book "Ethnogenesis of the Bashkirs: Historiography and Contemporary Research".

1. Factual errors. The author often makes factual errors by inventing some facts or ideas, which he attributes to certain researchers.

2. Methodological errors. An improper use of the population genetics methods has led the author of this monograph to incorrect conclusions. The

author does not use at all such methods as multidimensional scaling, calculation of genetic distances, AMOVA, cluster analysis, etc. In turn, the author incorrectly uses such methods as the construction of phylogenetic networks and the allocation of close haplotypes based on networks of clusters. The author has not made a selection of modal haplotype (haplotype of the founder). He made a lot of mistakes in calculating TMRCA (the lifetime of the first common ancestor) based on genealogical and evolutionary rates of mutations. One of the main errors is the small sample size for the study of Bashkir clans (n=45). Therefore, the conclusions drawn from such a small sample, are poorly reasoned.

3. Historical fantasy. For example, B.A. Muratov quite unreasonably hypothesizes about the genetic connection of the Bashkir tribe Burzyan with the Mongol tribe Kiyat-Bordjigin. He also put forward unsubstantiated hypotheses about the genetic connection of the same Bashkir tribe Burzyan with Kurds, Ossetians-Digorians, Berendeys. At the same time, Muratov, naturally, did not provide any genetic evidence (belonging to a common terminal SNP-marker).

4. Grammatical mistakes. The main thesis of the B.A. Muratov's book sounds like: the Bashkirs are (certain) "Turanians". The main mistake here is the identification of SNP-marker Z2123 with the ethno-religious category of "Turan". This identification is not methodologically correct as social constructs and genetic markers are different in nature of their appearance, functioning and development. Thus, the mixing of genetic markers and ethno-religious is not methodologically correct when reconstructing history.

Keywords: B.A. Muratov, polymorphism, Y-chromosomes, ethnogenesis, Bashkirs, methods of population genetics.

REFERENCES

1. Antonov I.V. *Bashkiry v epokhu srednevekov'ya*. [The Bashkirs in the Middle Ages.]. Ufa, IP Galiullin D.A. 2012. 308 p.
2. Gumerova A.Y., Yusupov Y.M., Asylguzhin R.R., Dibirova Kh.D., Balanovskaya E.V. *Genofond i genogeografiya narodonaseleniya. K voprosu o finno-ugorskom komponente v etnogeneze severo-vostochnykh Bashkir* [The Gene Pool of the Population and Genogeography. On the Finno-Ugric Component in the Ethnogenesis of the Northeastern Bashkirs]. *Sbornik tezisov molodezhnoy konferentsii «Populyatsionnaya genetika i genografiya: nauk i praktika»*. [Collection of theses from the youth conference "Population genetics and genography: Science and Practice", November 22, 2013]. Moscow, 2013. P. 22.
3. Lobov A.S. *Struktura genofonda subpopulyatsiy bashkir. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata biologicheskikh nauk* [The Gene Pool Structure of the Bashkir Subpopulations. Dissertation for the degree of candidate of biological sciences]. Ufa, 2009. 131 p.
4. Muratov B.A. *Etnogenez bashkir: istoriografiya i sovremennye issledovaniya* [Ethnogenesis of the Bashkirs: Historiography and Contemporary Research]. 1-y tom, proekt «Suyun», 1-e izdanie. Moscow, Ural, 2013, 267 p.
5. Sabitov Zh.M. *Issledovaniya polimorfizma Y-khromosomy v kontekste istorii: sovremennoe sostoyanie distsipliny* [Studies of Y-chromosome polymorphism in the context of history: the current state of the discipline] *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. No. 3. Kazan, 2014, pp. 33–42.

6. Yusupov Y.M., Gumerova A.Y., Shaykheev R.R., Dibirova Kh.D., Balanovskaya E.V. *Кыпчакский субстрат в этногенезе башкир: анализ Y-хромосомы*. [The Kipchak Substrate in the Bashkir Ethnogenesis: An analysis of Y-chromosome]. *Sbornik tezisev molodezhnoy konferentsii «Populyatsionnaya genetika i genografiya: nauk i praktika»*. [Collection of theses from the youth conference “Population genetics and genography: Science and Practice”, November 22, 2013]. Moscow, 2013. P. 10.

7. Yusupov Y.M., Gumerova A.Y., Balaganskaya O.A., Damba L.D., Sabitov Zh.M., Zhabagin M.K., Pocheshkhova E.A., Balanovskaya E.V. *Transural'skiy put' migratsiy kochevykh plemen (po dannym o polimorfizme Y-khromosomy u bashkirskikh klanov)* [The Transuralian Way of Migrations of Nomadic Tribes (according to data on the Y-chromosome polymorphism among the Bashkir clans)] *Tezisy 5-oy mezhdunarodnoy konferentsii «Alekseevskie chteniya» pamyati akademikov T.I. Alekseevoy i V.P. Alekseeva. Chelovek v okruzhayushchey srede: etapy vzaimodeystviya* [Abstracts of the Fifth International Conference “Alekseyev Readings” in memory of Academicians T. I. Alekseeva and V.P. Alekseev. A Man in the Environment: the stages of interaction. 6th–8th November, 2013]. Moscow, 2013. P. 112

About the author: Zhaksylyk Muratovich Sabitov – Associate Professor, Political Science Department, L.N. Gumilev Eurasian National University, Ph.D. (Philosophy) (010008, Munaytpasov st., building 5, Astana, Kazakhstan); babasan@yandex.ru

ХРОНИКА

УДК 94

**NEW ASPECTS ON THE IL KHANS
INTERNATIONAL CONFERENCE
IN ULAAN BAATAR, MONGOLIA, 21–23 MAY 2014*****Judith Kolbas****(Cambridge University, UK)*

A special conference held in Ulaan Baatar, Mongolia, explored new aspects on the Il Khans. It was jointly sponsored by the Mongolian National University and the University of Indiana, Bloomington, USA, from 21 to 23 May of 2014. Twenty-one invited speakers presented topics in various panels that each had a unifying theme. The entire event was extremely well organized by Dashdondog Bayarsaihkan (Ph.D. from the University of Oxford) on the faculty of the History Department of the Mongolian National University. There was, indeed, much new information on imperial Mongol activity in Greater Iran, and the proceedings will be published in Mongolia and abroad.

Several important trends in current research on the Mongols in Iran became strikingly apparent during the conference. The first was that the standard texts that have been relied upon for so long, such as Rashid al-Din, Juvayni and Wassaf, need much more critical analysis than has occurred before. These works sometimes disagree with other material from more local or overlooked sources such as from the Nestorian community in Irbil, the Armenian hagiographies, the position of Anatolia and Afghanistan within the Il Khanate and finally diplomatic correspondence. The second development is that all the sources can fruitfully be analyzed more carefully from reviewing Rashid al-Din's records to al-Qalqashandi's terminology. Thirdly, although the period is richer in sources than almost any other previous era, even more material is available than has been normally considered.

With this significant increase of source material, critiques of the previously common references and analyses of forces below the military and court levels, this conference exhibited the vibrant expansion of Il Khanid studies in its own right, so long an adjunct to regional studies of other states.

Keywords: International conference, Mongolian National University, University of Indiana, new aspects on the Il Khans, critical analysis of the sources, Il Khanid studies.

A special conference held in Ulaan Baatar, Mongolia, explored new aspects on the Il Khans. It was jointly sponsored by the Mongolian National University and the University of Indiana, Bloomington, USA, from 21 to 23 May of 2014. Twenty-one invited speakers presented topics in various panels that each had a unifying theme. The entire event was extremely well organized by Dashdondog Bayarsaihan (Ph.D. from the University of Oxford) on the faculty of the History Department of the Mongolian National University both within the meetings at the university and then at catered lunches and dinners. Every possible need of the participants seemed to have been anticipated, and the smooth planning allowed participants to develop new friendships and check developments in the eight countries represented by the speakers. There was, indeed, much new information on imperial Mongol activity in Greater Iran, and the proceedings will be published in Mongolia and abroad.

After the welcome and opening remarks, the first day dealt with “Sources on Il Khanid History”. Christopher Atwood (Indiana University, Bloomington, USA) led the way with a presentation of “Rashid al-Din’s *Ghazanid History*”. He pointed out that the recently published edited volume *Rashid al-Din as an Agent and Mediator of Cultural Exchanges in Medieval Iran* (2013) emphasized that the *Jami’ al-Tawariikh* incorporated histories from a wide variety of intellectual and religious traditions without subordinating them to one dominant ideological framework. Rashid al-Din’s approach lies in the first part of the work that related to Ghazan. Many of Rashid al-Din’s sources for this section can be cross-referenced to Chinese and Mongolian material. This allows source criticism to clarify now-lost Mongolian material including substantial oral histories that were never written down. For example, although he may have had access to the *Altan Defter*, it had genealogies only up to the life of Chingiz Khan but no further. Moreover while the *Altan Defterr* was also a register of chiliarchs, Rashid al-Din did not have access to that information. Dr Atwood was followed by Yajima Yoichi (Nara Women’s University, Japan) on “Il Khanid Arabic *farmans*”. He noted that edicts in Chinese, Mongolian and even Latin have been studied rather well but not the Arabic ones from the Il Khanate. These extant *farmans* exist mostly as citations in diplomatic letters to the Mamluks; but since details sometime vary, the *farmans* need to be understood also within Mamluk history. However, others relate to appointments and tax exemptions. Although they follow standard Mongol decrees with the beginning formula, the Arabic is not a simple translation of Mongolian but instead uses Islamic phrases. Therefore, they should be considered an Arabic genre.

After lunch, Pietro Borbone (University of Piza, Italy) discussed “The ‘History of Mar Yahballaha and Rabban Sawma’”. The *History* has had many commentators, but most have concentrated on the journey from China to the lands of the Il Khans. Instead, Dr Borbone pointed out apparent discrepancies with other source material on the Il Khans. These

regarded specifically the favorable attitude of Ahmad/Tegudar Khan towards Christians, movements of the court as compared with Rashid al-Din's accounts and the role of the Merkid mountain troops in the siege of Irbil. Then Dashdondog Bayarsaikhan (Mongolian National University) gave a paper on "Armenian Hagiography for the Il Khans". The paper showed that the interaction of Mongols with the Armenian clergy can give added insight into political history. She focused on *The Martyrdom of Grigor Baluce'i* which she placed within an Il Khanid context. After the coffee break, Dimitri Korobeynikov (University of Albany, UK) discussed "The Il Khans in the Byzantine Sources". The Il Khans maintained close cultural and political relations with the Greek states of Nicaea, Trebizond and Byzantium, the latter leaving a rich store of material. The aim of both parties was to stabilize Anatolia, which was partially accomplished with marriage alliances. The Byzantines, however, continued to maintain their cultural pre-eminence and explained the presence of the Mongols in literature akin to the "mirror for princes" genre. They considered the Jochids as Tatars and definitely barbaric but attempted to portray the Il Khans as successors of glorious rulers of the past, including even Alexander the Great of Macedonia. In this way, the Byzantines could work with rather than confront the Il Khans as aliens. This accommodation led to Byzantine acceptance of the rise of the Ottomans later as successors to the Il Khans. This presentation was the final one for the first day. The group departed shortly afterwards to an excellent guided tour of the National History Museum and then to the first of many excellent restaurants near the university and center of the city.

On the second day in the morning, the theme was "Intellectual Aspects of the Il Khans". The first speaker was Michal Biran (Hebrew University, Israel) giving a paper on "Literature, Books and Transmission of Knowledge in Il Khanid Baghdad". She challenged the oft-repeated assertion of Arab nationalists that the apparent destruction of the Baghdad libraries at Hulagu's conquest was the point at which Muslim civilization lost its leading position and began to decline. She considered the actual state of intellectual life in Baghdad and found that many libraries were quite active, new ones were built and the book trade also flourished by catering for personal and instructional libraries. She also considered the role of the Il Khans and their administrators in intellectual life in Baghdad. Moreover, she stressed the flow of knowledge with other regions of the Middle East, in particular with Mamluk Egypt. After that, her former student, Jonathan Brack (University of Michigan, Ann Arbor, USA) discussed "The Tabrizi Qadi and the Mongol Mahdi: Il Khanid intellectual networks and religious reform in fourteenth century Anatolia". He focused on the putative revolt of Timurtash, son of Chohan, in the 1320s. Timurtash was the Mongol governor of Rum, but his claim to be a cyclical mahdi (not the eschatological one) was strongly encouraged by the chief qadi of Rum. Eventually, both were executed by Chohan. The

entire affair highlights the intricate interconnection of politics and religion at the time. After the coffee break, Reuven Amitai (Hebrew University, Israel) talked about “Echoes of Iran’s pre-Islamic Past in the Mongol-Mamluk Correspondence and Related Sources”. He reviewed his work in some recent publications in which he disagreed with Charles Melville’s opinion that, after 1260, the Il Khans employed the pre-Islamic past of Iran to bolster their legitimacy. Dr. Amitai had consulted again the massive administrative works of al-Qalqashandi (13 volumes) and al-Umari (30 volumes) to digest the chancery formulae for diplomatic relations between the Il Khans and Mamluks. After that study, he did agree that the Mamluks attributed pre-Islamic conditions to the Il Khans by using terms such as *al-hadra shahinshahiyya*, *khusraw* and others. However, there was no title of *shahinshah* applied to rulers from Hulagu to Ghazan. Then his discussion examined the Il Khanid response to these terms including the Mongol proclamation at the occupation of Damascus in 1300. This paper and that of Dimitri Korobeynikov definitely opened up new aspects on Il Khanid history since they both revealed that neighboring states did not view the Il Khans in religious but in political ways, in particular as successors to great and influential ancient states. Then Michael Hope (Australian National University, Canberra) provided a further look into “Political Traditions and the Islamization of the Il Khanid Court”. He asserted that the two subjects have normally been studied as separate topics. Unfortunately, this approach has confused both issues. Instead, by reading the Persian and Arabic sources more carefully, which do not isolate each process, Dr Hope pointed out that the internal conflict between the khans and the military establishment was probably the most important factor in the partial Islamic conversion of the Il Khanid court elite. Behind the struggle was the theory of the Imamate or hereditary legitimacy that also agreed with the Chingizid code in many respects. The Mongols took authority from (1) the Chingizid aura, (2) the inheritance of property, (3) the divine mandate, (4) the unique blessing of Tinrgri or *lese fortuna* and (5) the particular role of the *keshik* as an extension of the khan’s household. By 1282, military commanders were entrenched by virtue of these Chingizid forces of authority. However, when Ahmad/Tegudar Khan was murdered, it was the first regicide in the Il Khanate. The event resonated in religious terms: the heirs of Muhammad and of Chingiz Khan were betrayed by later supporters, who were not direct descendents of the founder. This event brought into the open the internal conflict of hereditary Chingizid claims and the semi-religious reverberations that surfaced with Tegudar’s conversion. A similar internal conflict was noted in 2006 by the author of this report that the same kind of duality of power levels caused the later downfall of the Juvaynis, but that was between Mongols and hereditary Persian bureaucrats. Awareness of these internal struggles, especially over

traditional Mongol rights, will provide much clearer insight into the dynamics of Il Khanid rule.

After lunch, the theme was “Fiscal and Regional Politics”. The first speaker was Timothy May (University of North Georgia, USA) on “The Il Khanate and Afghanistan”. Since the Mongols did not control Afghanistan directly, the history of the region is difficult to understand. There is little information except when the Il Khans and Chaghadaids confronted each other for supremacy in the area. Even though the Karts of Harat, who sided with first one and then the other house, maintained the general order of the region, the Il Khans left a legacy there. Following him, Bruno de Nicola (University of St Andrews, Scotland, UK) presented on “A Future Il Khan in Rum: Geikhatu and his governorship in Anatolia”. Dr de Nicola explored Geikhatu’s tenure as governor of Anatolia (1285 – 91) to provide information on the transformation of Mongol rule in Iran and Anatolia when he became khan. Using historical and hagiographical material, he indicated that Geikhatu had a successful and peaceful administration in Rum. His generals and officials considered him competent and involved with governing that benefitted the region. This appraisal is in marked contrast to reports by later historians about his khanate. Then after the coffee break, Judith Kolbas (Miami University, Ohio, USA) presented the topic of “A Dirham for Your Drinking Cup: determining monetary value”. Her work on Mamluk glass monetary weights and Il Khanid monetary development showed a direct relationship through weight patterns of the coinage of each state. The actual artifacts indicate that traders could easily operate in each other’s markets and sustain increased international trade through some simple calculations not reported in the sources. This was possible in spite of the lack of a standard weight for Mamluk coins because the purity of the silver was consistent while Il Khanid coins were highly standardized. Together, the Il Khan-Mamluk system completely superseded the former Caliphal one and set the stage for enhanced international trade from China to the Mediterranean and for strong economic growth in the Middle East. Following her, Andrew Peacock (University of St Andrews, Scotland, UK) gave a paper on “The Mongols, Islam and Local Politics in Anatolia”. He highlighted the role of the Mongols in changing a great deal of the Anatolian population to Islam, both through concerted building enterprises (which this reporter pointed out in 2006 was probably one of the reasons that led to the downfall of Ata Malik Juvayni) and the strong influence of Sufis. He concluded with an example of the relationships in the fourteenth century between the now-converted Mongols and local *akhis* or religio-social-economic fraternities. Ankara, for example, although technically under Il Khanid rule, was entirely run by an *akhi* group that even extracted economic concessions. This paper and that of Bruno de Nicola were part of a current research project dealing with the medieval history of Anatolia.

On Friday, the 23rd of May, the theme in the morning was “Il Khans in Middle Eastern and World Contexts”. The first speaker was Kazuhiko Shiraiwa (Tokyo University) on the “Mongol Endorsement of the Islamic Institution of Pious Endowment (*waqf*) as revealed in the *waqf* document of 1272 in Arabic and Mongolian drawn in Kirshehir for Nur al-Din, the son of Jaja”. The document is now in Istanbul with copies in Ankara. It was previously studied in 1938, 1948 and again in 1969 but warrants more detailed analysis. Jaja was a Mongol, and the document was for his son. The main part is in Arabic in order to register the property as a religious endowment, but two lines are in Mongolian, which shed fascinating light on the close interplay of local religious and economic practices and Il Khanid connections with them. The endowment was not for salaries or maintenance but for ownership of the Sultan Khan caravansary in the middle of Anatolia at Kirshehir in 1272 and was endorsed in the Mongolian section with the names of the local garrison. The prominent terms of *waqf* and *noker* as well as the equivalent use of *Allah* and *Mongke Tingri* in the same multilingual document indicate the degree to which the Mongols were tolerant of local customs and encouraged the expansion of trade. There are other *waqf* documents for Christian endowments that were similarly endorsed by local Mongol administrators. After that presentation, Na’ama Aron (Hebrew University, Israel) spoke on “Arrowheads of Hulagu Khan – Envoys and Diplomacy in his Invasion of the Middle East, 1255 – 1258”. She noted that historical sources give Hulagu’s campaign a highly religious motivation, in particular that his aim was to destroy the Nizari sect, a welcome event; but that the destruction of the Caliphate was a most unfortunate one. Her study of phrases used in diplomatic correspondence to Middle Eastern rulers shows that Mongol policy was consistent by always having complete conquest the aim, not religious motivations, since the same threats were applied to everyone before the actual military advances. Although this point of conquest has been consistently held by this reporter, her study has added substantially more proof to this position. After the morning coffee break, D. Enkhtsetseg (Mongolian National University) discussed “Sorgetani Beki and the Sources”. She kindly filled in at the last moment for someone who could not make the conference. This was probably an interesting presentation; but, unfortunately, it was given in Mongolian, which this reporter does not fully understand. After her, Qui Yihao (Fudan University, Shanghai) elaborated an unusual expedition “On Fakhr al-Din Tibi’s Embassy: a survey of the maritime commercial network between the Il Khanate and the Yuan Empire”. He examined the importance of the two main trading enclaves in the Persian Gulf, Hurmuz and Kish, in their rivalry and level of co-operation with the Il Khanate. Tibi’s family from Kish had close relations with the government and had a family-controlled port in Malabar on the western coast of India. His high political rank (governed the khan’s personal property or *inja* in Fars) and trading

connections (commissioned as an *ortoq* or trader for the government) induced Ghazan Khan to dispatch him to China in 1298, but Tibi did not arrive until 1302. He had official letters from one khan to another, so he did not have to pay customs fees; but amazingly he still had to pay for escort service in China. The reverse was apparently not the case in Iran. His journey is not as famous as the reverse one of Marco Polo earlier because Tibi's embassy was not popularized. However, Dr Yihao consulted the work of Wassaf for the Il Khans and the records of the Maritime Trade Bureau of the Yuan Dynasty as well as other documents to portray the highly developed sea routes and diplomatic ties of the Mongol houses.

After a group lunch at another excellent restaurant, the theme was "The Il Khanate and Mongol Institutions". The first speaker was Koichi Matsuda (Osaka International University) on "Comparing Depictions of the Il Khan and Yuan Courts". He offered some clear diagrams of the placement of officials at Mongol court ceremonies by comparing Il Khanid paintings and fuller written descriptions from the Yuan Dynasty. The khan sat at the north with a water clock representing long life between him and the khatun on his left. Moreover, all female relatives gathered on the left side of the assembly. The generals of the guards were one level lower on each side, the group on the left of the khan held green crystal swords to correct wrongs. Below these men was the third rank of officials represented by individuals stretched out in front of the khan. There was a great deal of precise use of colours, locations, standing or sitting and symbolic props that made a court ceremony intricate and awe inspiring. Following Dr Matsuda, Yokkaichi Yasuhiro (Waseda University, Japan) talked "On the Impact of the Official Seal of the Yuan Dynasty Brought to the Il Khanate Court: the case of a newly uncovered Mongolian decree with *al-tamgha* (vermillion seal) issued by Amir Bolad Aqa or Amir Choban". He reported on the "Collaborative Joint Research Project on Multiple Language Documenters in the Mongol Empire" established in 2009 among colleagues in Iran, China and Japan. By 2012, work began in the archives of the National Museum of Iran on Il Khanid material. Although the project is still in a formative stage, some previously unknown items have already been discovered. For example, a Mongol-Turkic document has the official red seal of the agent dispatched by Quriltai Khan and the personal black seal of the agent, Amir Bolad Aqa. The decree will soon be translated and published by another member of the team. This presentation provided numerous examples of official seals stamped at various points within texts and often under the writing which highlighted the role of Yuan epigraphic styles on Il Khanate decrees. Dr Yasuhiro also noted that at first the official red seal was used on documents in Uighur and 'Phags-pa script. After our last coffee break, Tserenbaltav Minjin (Mongolian National University) presented a paper on "Mongolian Tradition and the Great Yasa in the Il Khanate State". She covered the term "Great Yasa" as a legal code and its structure, noting that

the term was not in use before the time of Chingiz Khan. She also urged a critical approach to the study; and then she reviewed the tradition of the code in the Il Khanate, aspects of which appeared even when it was nominally Muslim. Finally, Judith Pfeiffer (University of Oxford, UK) presented a fascinating look at the legal interactions of the “*Yasa* and *Shari’a* in the Mongol Il Khanate”. She took a clearly defined period of the early Il Khanate in order to isolate the functions of the two legal systems. That period was dominated by Buddhism in the court, but the administration wielded justice through the Mongol *yasa* in a Muslim region. She considered the important aspect of land ownership and concluded that the *yasa* was the umbrella system under which *shari’a* operated in normal circumstances. If the *shari’a* system did not satisfactorily deal with the problem as her case study showed, then the *yasa* was brought to bear. This examination adds significantly to our understanding of the accommodation the Il Khans made to local administration and the way in which various systems were meshed together. It also complimented the paper of Dr Shiraiwa on *waqf* administration. After her the remarks concluding the conference, Dr Bayarsaikhan opened a general but brief discussion on the meaning of *il khan* itself. There were distinctly different interpretations of the term, and this author preferred that it be dropped in favor of the “Hulaguid state”. This would be quite a battle; however, the term does need much more analysis.

The following day, there was an excursion to the Thirteenth Century Village almost two hours to the east of Ulaan Baatar, in which seven very scenic locations depict traditional life from herding, crafts and shamanic rituals to entertainment. Some participants chose rather to go to the imperial capital of Kharkorin for the weekend which takes a good day to reach.

Several important trends in current research on the Mongols in Iran became strikingly apparent during the conference. The first was that the standard texts that have been relied upon for so long, such as Rashid al-Din, Juvayni and Wassaf, need much more critical analysis than has occurred before. These works sometimes disagree with other material from more local or overlooked sources such as from the Nestorian community in Irbil, the Armenian hagiographies, the position of Anatolia and Afghanistan within the Il Khanate and finally diplomatic correspondence. The second development is that all the sources can fruitfully be analyzed more carefully from reviewing Rashid al-Din’s records to al-Qalqashandi’s terminology. Thirdly, although the period is richer in sources than almost any other previous era, even more material is available than has been normally considered. These include views from outside the Il Khanate, for example from the Byzantines and the Mamluks and the influence of the Yuan court on the Il Khans as shown in Tibi’s voyage and the official Yuan seal on Il Khanate decrees. A serious omission so far has been an analysis of the view of the Jochids and

Chaghadaids on the Il Khans. Finally, much more information is becoming available on the economic, legal and administrative interdependence of the Mongol steppe system with local realities. The evolution consisted of intricate adaptation as the papers on monetary values, libraries, the *yasa* and *waqf* arrangements showed by probing deeply into the actual activities of Iranian life. With this significant increase of source material, critiques of the previously common references and analyses of forces below the military and court levels, this conference exhibited the vibrant expansion of Il Khanid studies in its own right, so long an adjunct to regional studies of other states. It also emphasized the scope of international interest and the number of new and younger scholars entering the field, always a most welcome trend.

About the author: Judith Kolbas – Professor, Member of the Central Asian Numismatic Institute, Cambridge University, Ph.D. (Cambridge, UK). ca.numismatic@gmail.com

---

**НОВЫЕ АСПЕКТЫ В ИЗУЧЕНИИ УЛУСА ХУЛАГУИДОВ
НА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В УЛАН-БАТОРЕ,
МОНГОЛИЯ, 21–23 МАЯ 2014**

Джудит Колбас

(Кембриджский университет, Великобритания)

С 21 по 23 мая 2014 года в Улан-Баторе была проведена международная конференция, посвященная новым аспектам в изучении улуса Хулагуидов. Конференция была организована при совместной материальной поддержке Национального университета Монголии и университета Индианы (Блумингтон, США). Свыше двадцати участников, приглашенных на конференцию, представили свои доклады на различных панелях, каждая из которых была посвящена рассмотрению одной объединяющей темы. Все мероприятие было безупречно организовано Дашдондог Баярсайхан (получившей звание Ph.D. по истории в университете Оксфорда) на историческом факультете Монгольского национального университета. Проведение конференции способствовало раскрытию новых сведений об Иране в монгольский период, которые будут опубликованы в сборнике материалов конференции в Монголии и за рубежом.

Во время конференции наиболее отчетливо проявились следующие актуальные тенденции в исследованиях монгольского Ирана. Во-первых, ряд докладов на конференции показал, что сведения стандартных источников, на которые длительное время безоговорочно полагались исследователи (Рашид ад-Дин, Джувейни, Вассаф); нуждается в гораздо более углубленном критическом анализе. Сведения этих сочинений нередко не совпадают с информацией локальных и недооцененных источников. Так, несторианские,

армянские, анатолийские, афганские источники, как и материалы международной переписки Ильханов, предоставляют, в данном контексте, не менее ценные сведения, которые следует принять во внимание. Во-вторых, содержание стандартных источников должно быть подвергнуто более тщательному анализу, начиная от сочинений Рашид ад-Дина, до творчества аль-Калкашанди. В-третьих, несмотря на то, что монгольский период предоставляет намного больше источников, чем предыдущие; участники конференции констатировали наличие ценного исторического материала, который еще не был подвержен детальному рассмотрению.

Суммируя, новый исторический материал, критика устаревших взглядов и анализ влияния тех слоев населения, которые не принимали участия в управлении высшим административным или военным аппаратом, представленные в ходе конференции; не только засвидетельствовали актуальность изучения улуса Хулагуидов, но и показали новые возможности изучения монгольского Ирана посредством исследования его отдельных регионов или даже соседних государств.

Ключевые слова: международная конференция, Национальный университет Монголии, университет Индианы, исследования улуса Хулагуидов, критический анализ источников.

Сведения об авторе: Джудит Колбас – профессор, член Института нумизматики Центральной Азии Кембриджского университета, Ph.D. (Кембридж, Великобритания); sa.numismatic@gmail.com

---

УДК 94(57)"13/18"(063)

**II ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЫХ
ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ГОСУДАРСТВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ»
(КУРГАН, 17–18 АПРЕЛЯ 2014 Г.)**

Д.Н. Маслюженко

(ФГБОУ ВПО «Курганский государственный университет»)

С.Ф. Татауров

(Омский филиал Института Археологии и этнографии СО РАН)

В статье подводятся итоги работы II Всероссийской научной конференции «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири», которая состоялась в Кургане 17–18 апреля 2014 года. В работе конференции приняли участие 38 исследователей из России, Казахстана и Украины.

Работа конференции велась по нескольким направлениям. В первый день были рассмотрены вопросы истории улуса Шибана и роли Шибанидов в истории Золотой Орды, в том числе проблема границ этих владений, место в административной структуре Улуса Джучи, участие представителей династии в событиях Великой Замятни и междоусобиц 1420-х годов. Также обсуждались этнические и политические процессы в Тюменском и Сибирском юрте. Значительное внимание было уделено вопросам тюркизации населения Западной Сибири и формирования различных групп сибирских татар. Исследователи отметили ограниченность источниковой базы позднесредневековой истории региона и необходимость комплексного подхода с привлечением к исследованию специалистов в области истории, археологии, этнографии, антропологии, лингвистики. Отдельная дискуссия развернулась по вопросу о роли ногайского и бухарского фактора в истории Сибирского ханства Кучума.

Во второй день были обсуждены различные аспекты вхождения тюрко-татарских народов Урало-Иртышского междуречья в состав Российского государства. Были заслушаны доклады, посвященные политике и судьбе Кучумовичей, юридическим и военным аспектам подчинения татарских юртов. Проведено обсуждение двух версий этногенеза ичкинских татар как особой группы татарского населения региона. В связи с этим участники конференции призвали к осторожной позиции в применении этнических реконструкций в тюркской истории и их использовании в построении современных межэтнических отношений в России. Также были заслушаны доклады по вопросам духовной и материальной культуры татар Западной Сибири. Значительное внимание было уделено вопросам исламизации тюрко-татарских групп Западной Сибири и существованию исламских институтов в регионе при русской власти.

Ключевые слова: научная конференция, средневековая история, тюрко-татарские государства Западной Сибири.

17–18 апреля 2014 года в Кургане прошла II Всероссийская научная конференция «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири». Ее организаторами выступили Курганский государственный университет (КГУ) и Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН (Омский филиал ИАЭ СО РАН).

Научный оргкомитет конференции: Д.Н. Маслюженко, КГУ (председатель оргкомитета), С.Ф. Татауров, Омский филиал ИАЭ СО РАН (сопредседатель оргкомитета), В.В. Менщиков, КГУ (заместитель председателя оргкомитета), Е.А. Рябинина, КГУ (ответственный секретарь оргкомитета).

В работе конференции приняли участие 38 ученых из академических, вузовских и музейных центров Казани, Кургана, Нижневартовска, Новосибирска, Омска, Рязани, Тобольска, Тюмени, Уфы, Челябинска, а также Астаны (Казахстан) и Киева (Украина). В прениях и обсуждении докладов приняли участие студенты и магистранты

исторического факультета Курганского государственного университета, представители Ассамблеи народов Зауралья и краеведы.

Всего было заслушано 22 доклада, в конце каждого заседания проводилась дискуссия, в ходе которых также обсуждались доклады, поступившие от заочных участников. Доклады, поступившие в установленный срок, вошли в сборник материалов конференции, изданный к ее началу (Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014, 148 с.).

На пленарном заседании с приветственным словом к участникам конференции обратились председатель совета Ассамблеи народов Зауралья обратился В.Д. Уфимцев, проректор по научной работе КГУ А.В. Речкалов и заместитель председателя оргкомитета В.В. Менщиков.

Первое заседание конференции было посвящено истории улуса Шибана и роли Шибанидов в истории Золотой Орды. Выделение этой секции было обусловлено необходимостью определения роли этой династии, из которой вышли все тюменские и сибирские ханы, в событиях XIII–XIV вв.

В докладе Д.М. Исхакова (г.Казань) была рассмотрена, в основном с опорой на этнографические материалы, проблема определения западных пределов улуса Шибана и его потомков. Выступление Ж.М. Сабитова (г.Астана, Казахстан) было посвящено вопросу о месте улусов Шибана и Шибанидов в административной структуре Золотой Орды XIII–XIV вв. Е.И. Сорогин (г.Курган) остановился на личности хана Азиз-Шейха, которого он относит к этой же династии, и его участию в Великой Замятне. А.В. Парунин (г.Челябинск) представил доклад об участии Шибанидов в золотоордынской междоусобице 1420-х гг., особо остановившись на спорных моментах политической биографии хана Махмуд-Ходжи.

Вторая секция была посвящена этническим и политическим процессам в Тюменском и Сибирском юрте.

Совместный доклад Я.В. Пилипчука (г.Киев, Украина) и А.К. Кушкumbaева (Астана, Казахстан) был посвящен вопросам тюркизации населения Западной Сибири, в частности роли кыпчаков в этом процессе на основании данных археологии. С близкой темой выступил В.Г. Волков (г.Томск), который доложил о роли кыпчакского компонента в составе средневекового населения Кузнецкой котловины и Томского Приобья по данным генетики. Определенные итоги дискуссии по вопросу о формировании сибирских татар были подведены в выступлении С.Ф. Татаурова (г.Омск). В качестве стендового доклада была обсуждена статья А.В. Матвеева, посвященная населению юга Западной Сибири позднего средневековья, группы которого выделяются по керамике т.н. «татарского» типа.

Дальнейшая дискуссия на секции была посвящена политическим процессам XV–XVI вв. В выступлении Н.В. Перцева (г.Курган) были

обсуждены итоги похода новгородцев на Югру в 1445 году, после которого Великий Новгород уступил в борьбе за пушнину Москве. Д.Н. Маслюженко (г.Курган) доложил о роли ногайского фактора в московско-сибирских переговорах 1555–1563 гг., особо обратив внимание на то, что роль бухарского хана Абдуллы II в сибирской истории этого времени значительно преувеличена и бухарское влияние необходимо искать, скорее, в позиции суфийского тариката Накшбандийя. В докладе С.Ф. Татаурова (г.Омск), напротив, было обращено внимание на различные аспекты именно бухарского влияния на историю Сибирского ханства при Кучуме. Данная дискуссия выявила один из спорных вопросов в истории юга Западной Сибири второй половины XVI века. С.С. Тихонов (г.Омск) обратил внимание участников конференции на возможности использования чертежей С.У. Ремезова в изучении систем распределения населения ханства Кучума.

В заочной форме были обсуждены доклады А.В. Белякова (г.Рязань) о новой версии имени большого сибирского карачи и И.М. Миргалеева (г.Казань), предложившего перевод и комментарии к нему ранее неизвестных российским исследователям сообщений продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи из поздних Шибанидов.

Работа второго дня конференции началась с заседания секции, посвященной тюркским народам Урало-Иртышского междуречья в составе Российского государства.

В докладе Б.Р. Рахимзянова (г.Казань) был обсужден вопрос эволюции статуса татарских «юртов» Московского государства, где были проведены определенные аналогии между спецификой наделения престолом в Касимове, Астрахани и Сибири. В.В. Пестерев (г.Курган) еще раз обратил внимание участников конференции на случаи борьбы русской колониальной администрации с фантомами сибирской государственности. Ж.М. Сабитов (г.Астана, Казахстан) представил результаты анализа источников, посвященных Кучумовичам в Восточном Деште, особенно среди калмыков, в середине XVII – начале XIX в. Н.А. Колесников (г.Курган) остановился на возможностях использования геополитического подхода к изучению средневековой истории Южного Зауралья. Отдельная дискуссия развернулась по вопросу истории ичкинских татар как одной из специфических тюркских групп региона. Г.Х. Самигулов (г.Челябинск) предложил хронологию формирования и периодизацию распространения этой группы в Притоболье, построенную на значительном количестве малоизученных архивных источников. Альтернативную версию исконности этой группы в Зауралья изложил лидер мусульманской общины села Юлдус, центра ичкинских татар, А.Ш. Хабибуллин. В связи с этой дискуссией участники конференции призвали к осторожной позиции в применении этнических реконструк-

ций в тюркской истории и их использовании в построении современных межэтнических отношений.

В заочной форме были обсуждены доклады В.Д. Пузанова (г.Сургут) об основании г.Тара и причинах башкирских восстаний XVII–XVIII вв., Ю.С. Худякова (г.Новосибирск) о взаимодействии российских властей с телеутами в борьбе со сторонниками восстановления сибирской государственности. Кроме того, участники конференции обсудили статьи по различным вопросам историографии и источниковедения вхождения Западной Сибири в состав Российского государства и истории местных тюрко-татарских групп этого времени, которые были представлены Я.Г. Солодкиным и В.Н. Зубовым (г.Нижевартовск), А.Ю. Борисенко (г.Новосибирск), В.В. Гайко (г.Омск), а также в совместной статье И.В. Кучумова и Л.Ф. Сахибгареевой (г.Уфа), Д.Н. Маслюженко и В.В. Менщикова (г.Курган) о концепции покорения Западной Сибири в изложении Б.Э. Нольде.

Последняя секция была посвящена вопросам духовной и материальной культуры тюркских народов Западной Сибири.

Значительная часть обсуждения развернулась по вопросу существования и распространения ислама в Западной Сибири. В совместном докладе А.Г. Селезнева и И.А. Селезневой (г.Омск) были подведены основные итоги изучения ислама в Западной Сибири, отдельное внимание было уделено возникшим в связи с этим разногласиям среди исследователей. А.П. Ярков (г.Тюмень) доложил об исламе в жизни тюркского населения Западной Сибири Северного Казахстана в XVII–XIX вв. В связи с этим был обсужден заочный доклад Ф.Г. Ислаева (г.Казань) о пребывании известного татарского просветителя середины XVIII века Батырши Алиева в селе Мансурово на территории современного Сафакулевского района Курганской области.

К.Н. Тихомиров (г.Омск) посвятил доклад новым материалам о строительстве у населения северных районов Среднего Прииртышья XVI–XVIII вв. З.А. Тычинских (г.Тобольск) остановилась на вопросе становления татарского служилого землевладения в Сибири в XVII в. М.Н. Тихомирова (г.Омск) рассказала об этнокультурной специфике пиши сибирских бухарцев по этнографическим материалам.

В заочной форме были рассмотрены доклады Ф.Ф. Маргановой (г.Омск) о сибирско-татарских поселениях с лексемой «qul», С.В. Суловой (г.Казань) об особенностях формирования татарской одежды Урало-Сибирского пограничья, Э.Р. Ахуновой об этнографических коллекциях сибирских татар в музейных каталогах Сибири.

Во время итоговой дискуссии и принятия резолюции докладчики обсудили дальнейшие пути изучения проблем истории, экономики и культуры средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири и необходимость пересмотра исторических схем, касающихся их вторичности.

Сведения об авторах: Денис Николаевич Маслюженко – заведующий кафедрой «Культурология», Курганский государственный университет, кандидат исторических наук, доцент (640669, Россия, г. Курган, ул. Гоголя, д. 25); denmas13@yandex.ru

Сергей Филиппович Татауров – заведующий сектором археологии, Омский филиал Института Археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук, доцент (644010, Россия, г. Омск, пр. К. Маркса, 15/1); tatsf2008@rambler.ru

---

**THE SECOND NATIONAL RESEARCH CONFERENCE
“HISTORY, ECONOMICS AND CULTURE OF THE MEDIEVAL
TURKO-TATAR STATES OF WESTERN SIBERIA”
(KURGAN, 17–18 APRIL 2014)**

D.N. Maslyuzhenko
(Kurgan State University)

S.F. Tataurov
(Omsk branch of Institute of archaeology and ethnography, SB RAS)

The article summarizes the results of the Second National Research Conference “History, Economics and Culture of the Medieval Turko-Tatar States of Western Siberia”, which was held in Kurgan on 17th–18th April 2014. 38 researchers from Russia, Kazakhstan, and Ukraine participated at the Conference.

The Conference was focused on several topics. On the first day, the Conference started with the issues of the Shiban’s ulus history and a role of the Shibanids in the history of the Golden Horde, including the issue of the borders of these lands, the ulus of Jochi’s place in its administrative structure, the participation of representatives of the dynasty in the events of the Great Zamyatnya (i.e, the Great Distemper) and strives of the 1420’s. There were also discussed the ethnic and political processes in the Tyumen and Siberian Yurt. Considerable attention was paid to the Turkization of the Western Siberian population and formation of various groups of the Siberian Tatars. Researchers have noted the limitations of the source base of the late-medieval history of the region and the need for a comprehensive approach to the research involving experts in the fields of history, archaeology, ethnography, anthropology, linguistics. A separate debate was held on the role of the Nogai and Bukhara factor in the history of the Kuchum Siberian khanate.

On the second day, there were discussed various aspects of the Turkic-Tatar peoples’ occurrence from the Ural-Irtysh interfluve to the Russian State. There were presented reports both on the policy and destiny of the Kuchum descendants and legal and military aspects of the Tatar yurtes’ subordination. There was held a discussion about two versions of the Ichkinski Tatar ethnogenesis as a special group of the Tatar population of the region. Thereupon, the conference

participants called for a cautious stance on the use of ethnic reconstructions in Turkic history and their use in the construction of modern inter-ethnic relations in Russia. There were also presentations on issues of spiritual and material culture of the Tatar peoples of Western Siberia. Considerable attention was paid to the Islamization of the Turkish-Tatar groups in Western Siberia and the existence of Islamic institutions in the region by under Russian power.

Keywords: scientific conference, medieval history, Turkic-Tatar State of Western Siberia, Islamization of the Turkish-Tatar groups.

About the authors: Denis Nikolaevich Maslyuzhenko – Head of the Department of Cultural studies, Kurgan State University, Cand. Sci. (History), Associate professor, (640669, Russia, Kurgan, Gogol st., the house 25); denmas13@yandex.ru

Sergei Filippovich Tataurov – Head of the sector of archaeology, Omsk branch of Institute of archaeology and ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Cand. Sci. (History), Associate professor (644010, Russia, Omsk, Karl Marks Avenue, 15/1); tatsf2008@rambler.ru

---

УДК 061.3

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ТЮРКО-МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ИДЕНТИЧНОСТЬ,
НАСЛЕДИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ»,
ПРИУРОЧЕННАЯ К 80-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА М.А. УСМАНОВА**

И.М. Миргалеев

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

27–28 мая 2014 года в Казани прошла Международная научная конференция «Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения», приуроченная к 80-летию профессора М.А. Усманова. Организаторами конференции выступили Институт международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского КФУ, Национальная библиотека Республики Татарстан, Российское историческое общество, Общество востоковедов России, Фонд сохранения и развития татарского языка и культуры «Жыен», Институт «Юнуса Эмре» (Турция).

Работа конференции была разделена на шесть тематических секций:

«Личность в истории: научное и общественное наследие М.А. Усманова»,

«Восточная археография в России и проблемы источниковедения»,

«Тюрко-мусульманское наследие Золотой Орды»,

«Татарская богословская мысль и мусульманские духовные и политические институты в России»,

«Ислам в средневековье и новое время: проблемы источниковедения»,

«Исламская книжная традиция и татарская литература».

Также участникам конференции была предложена культурная программа (экскурсии по ОРРК НБЛ КФУ, НМ РТ, поездка в Свияжск).

На пленарном заседании были заслушаны приветствия участникам конференции и доклады, посвященные М.А. Усманову (Хайрутдинов Р.Р. «Миркасым Абдулахатович Усманов: вехи научной биографии»).

В работе конференции приняли участие многие видные ученые. Периоду Золотой Орды была посвящена работа секции «Тюрко-мусульманское наследие Золотой Орды» (модераторы: Чжао Чху Ченг, Ильнур Миргалеев, Марк Крамаровский, Дамир Исхаков). В работе конференции приняли активное участие сотрудники и аспиранты ЦИИЗО. По близкой тематике нашего журнала особый интерес вызвали следующие доклады:

Крамаровский Марк Григорьевич «Крым и Рум в XIII–XIV вв. (анатолийская диаспора в культурном ландшафте золотоордынского города)»;

Шамильоглу Юлай «The Golden Horde and the Problem of the Origin of Autocracy in Russia» («Золотая Орда и проблема корней российского самодержавия»);

Кемпер Михаэль «Oriental Studies in the late Soviet Union» («Востоковедение в Советском Союзе в позднесоветский период»);

Миннегулов Хатип Юсупович «Роль М.А. Усманова в изучении литературного наследия татарского народа»;

Зайнуддинов Дамирджан Рустамджонович «Сведения о Чингизхане и некоторых золотоордынских ханах в библиографическом сборнике ас-Сафади Салах ад-дина Халила»;

Фодор Иштван «Судьба восточных венгров после татарского нашествия»;

Рахимзянов Булат Раимович «Маркеры включенности Московского государства в поздnezолотоордынскую политику»;

Муминов Аширбек Курбанович «Духовная жизнь Золотой Орды в памятниках историко-биографической литературы»;

Сайфетдинова Эльмира Гадельзяновна «Литературные памятники золотоордынской эпохи как источник по истории духовной культуры татарского народа»;

Миргалеев Ильнур Мидхатович «Золотоордынский богослов Абу Бакр Каландар»;

Измайлов Искандер Лерунович «Служилые татары: происхождение, сословно-социальный статус и этнокультурная характеристика»;

Мустакимов Ильяс Альфредович «Термин “Тогмак” в мусульманских источниках: смысл и толкования»;

Исхаков Дамир Мавляевевич «К вопросу о “золотом троне” (“алтын тәхет”) в средневековых тюрко-татарских источниках»;

Рева Роман Юрьевич «Снова о хане Сайид Ахмаде I»;

Гатин Марат Салаватович «Повседневная жизнь татар золотоордынской эпохи (по посольским книгам)».

Сведения об авторе: Ильнур Мидхатович Миргалеев – руководитель Центра исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, кандидат исторических наук (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); dilynur1976@mail.ru

---

**INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE
“THE TURKIC-MUSLIM WORLD: IDENTITY,
HERITAGE AND PERSPECTIVES OF STUDY”**

DEDICATED TO THE 80TH ANNIVERSARY OF PROFESSOR M.A. USMANOV

I.M. Mirgaleev

*(Sh.Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*

On 27th–28th May, 2014 in Kazan was held International Research Conference “The Turkic-Muslim World: Identity, Heritage and Perspectives of Study” dedicated to the 80th anniversary of Professor M.A. Usmanov. The conference was organized by the Institute of International Relations, History, and Oriental Studies of the Kazan Federal University; Sh.Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; N.I. Lobachevsky Scientific Library; National Library of the Republic of Tatarstan; Russian Historical Society; Society of Russian Orientalists; “Zhyen” Foundation for the Preservation and Development of the Tatar language and culture; Yunus Emre Institute (Turkey).

The conference was divided into six thematic sections:

“Personality in History: Academic and Social Heritage of M.A. Usmanov”.

“The Oriental Archeology in Russia and Problems of Source Study”.

“Turkic-Muslim Legacy of the Golden Horde”.

“The Tatar Theological Thought and Muslim Spiritual and Political Institutions in Russia”.

“Islam in the Middle Ages and Modern Times: Problems of Source Study”.

“Islamic Bibliographic Tradition and Tatar Literature”.

There were presented greetings and reports dedicated to M.A. Usmanov at the plenary session of the conference (R.R. Khairutdinov, “Mirkasym Abdulakhavich Usmanov: Milestones of the Academic Biography”).

The conference was attended by many prominent scholars. Section “The Turkic-Muslim Legacy of the Golden Horde” was devoted to the Golden Horde period. In connection with the subject close to our journal, special interest represented the following reports:

Mark Grigorievich Kramarovskiy “Crimea and Rum in the 13th–14th centuries (Anatolian diaspora in the cultural landscape of the Golden Horde city);

Uli Shamiloglu “The Golden Horde and the Problem of the Origin of Autocracy in Russia”;

Michael Kemper “Oriental Studies in the Late Soviet Union”;

Khatip Yunusovich Minnegulov “The Role of M.A. Usmanov in the Study of the Literary Legacy of the Tatar People”;

Damirdzhan Rustamdzhonovich Zainuddinov “Information on Genghis Khan and Some Golden Horde Khans in the Bibliographic Collection of Salah al-Din Khalil al-Safadi”;

István Fodor “The Fate of Eastern Hungarians after the Tatar Invasion”;

Bulat Raimovich Rakhimzyanov “Markers of Involvement of the Moscow State in the Late Golden Horde Politics”;

Ashirbek Kurbanovich Muminov: “The Spiritual Life of the Golden Horde in the Monuments of Historical and Biographical Literature”;

Elmira Gadelzyanovna Sayfedinova “Literary Monuments of the Golden Horde Epoch as a Source for the History of the Spiritual Culture of the Tatar People”;

Ilnur Midkhatovich Mirgaleev “The Golden Horde Theologian Abu Bakr Qalandar”;

Iskander Lerunovich Izmailov: “The Service Class of Tatars: Origin, Social Status and Ethno-cultural Characteristics”;

Ilyas Alfredovich Mustakimov “The Term of ‘Togmak’ in Muslim Sources: The Meaning and Interpretation”;

Damir Mavlyaveevich Iskhakov “On the ‘Golden Throne’ of Medieval Turkic-Tatar Sources”;

Roman Yurievich Reva “Once again about Syed Ahmad I”;

Marat Salavatovich Gatin “The Tatar Daily Life during the Golden Horde Period (according to the ambassadorial books)”.

About the author: Il'nur Midkhatovich Mirgaleev – Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde History, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Cand. Sci. (History) (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); dilnur1976@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Золотоордынское обозрение» оформляется согласно международным стандартам SCOPUS издания Elsevier (Голландия). При отборе статей предпочтение отдается работам проблемного характера. Предлагаемые статьи не должны быть ранее опубликованы (полностью). Статьи должны быть оформлены технически грамотно согласно указанным требованиям. См. официальный сайт журнала <http://goldhorde.ru>

Требования по оформлению статей:

- Статья принимается в электронном варианте. Размер кегля – 14. Шрифт – Times New Roman, стиль обычный, одинарный интервал, поля – 2 см;
- УДК статьи (<http://udc.biblio.uspu.ru>);
- Название статьи на русском и английском языках;
- Инициалы и фамилия автора (авторов) на русском языке и транслитерация на латинице (<http://ru.translit.net/?account=bgn>);
- Аннотация и ключевые слова на русском языке;
- Аннотация (Originality/value) (объем 200–250 слов) и ключевые слова (6–8 слов) на английском языке.

Обратите внимание на то, что аннотация должна быть:

1. Информативной (не содержать общих слов);
2. Оригинальной (не быть калькой русскоязычной аннотации с дословным переводом);
3. Содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследования);
4. Написана качественным английским языком;
5. Аннотация составляется для компетентной аудитории, поэтому можно использовать техническую (специальную) терминологию Вашей дисциплины, не забывая, что **Вы пишете для международной аудитории.**

– Текст статьи (общий объем – не менее 5 страниц и не более 1,5 п.л.); представленный материал необходимо отредактировать стилистически и технически; не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой;

– Библиографические ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, где указывается порядковый номер, соответствующий номеру источника в пристатейном списке литературы, и страница(ы). В пристатейном списке литературы указывается полное количество страниц.

Например:

В тексте: [10, с. 32]

В пристатейном списке литературы:

10. *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. 318 с.

– Пристатейный список литературы – в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место и год издания, страницы) – на языке оригинала, сначала – источники на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, турецком, французском и т.д.).

– Список литературы на английском языке (**References**) – комбинация транслитерированной и англоязычной частей русскоязычных ссылок (для транслитерации использовать <http://www.translit.ru> с вариантом BGN – <http://ru.translit.net/?account=bgn>).

Например:**Описание монографии (книги):**

Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa XIV–XVI vv.* [Charters of the Ulus of Jochi of the 14th–16th centuries]. Kazan, Kazan University Publ., 1979. 318 p.

Описание статьи из продолжающегося издания (сборника трудов):

Gatin M.S. Bertol'd Shpuler o pitanii v Zolotoy Orde [Bertold Spuler about Nutrition in the Golden Horde]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statey* [Golden Horde Civilization. Collected Articles]. Kazan, 2012, no. 5, pp. 8–12.

Описание материалов конференций:

Mirgaleev I.M. Toktamysht i Timur: restavratsiya antimamlyukskoy koalitsii [Tokhtamysh and Timur: The Restoration of anti-Mamluk Coalition]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy vtoroy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy»* [The Legacy of the Golden Horde. Proceedings of the Second International Conference «The Political and Socio-Economic History of the Golden Horde»]. Kazan, 2011, vol. 2, pp. 27–32.

Описание статьи из журналов:

Dode Z.V. K voprosu o boktag [Concerning the Question of Boktag]. *Rossiyskaya arheologiya – Russian Archaeology*, 2008, no. 4, pp. 52–63.

Описание статьи из электронного журнала:

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*,

2009, no. 87 (4). Available at: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Описание переводной книги:

Herberstein S. *Rerum Moscoviticarum commentarii*. Basiliae, 1556 (Russ. ed.: Gerberstein S. *Zapiski o Moskovii*. Red. V.L. Yanin. Moscow, Moscow University Publ., 1988. 430 p.).

В журнале даются только черно-белые иллюстрации.

– Иллюстрации предоставлять отдельными файлами в формате TIF, JPG с хорошим разрешением 200–300 dpi;

– Подписи к иллюстрациям и таблицам приводятся после списка литературы;

– В конце статьи необходимо дать сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, занимаемая должность, место работы (место учебы или соискательство), почтовый адрес организации, город, страна, электронный адрес.

Просим специалистов присылать свои статьи по электронному адресу: zolotayaorda.centri@mail.ru

---

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

The journal «Golden Horde Review» is issued according to international standards of SCOPUS online citation database (Elsevier publishing company, the Netherlands). When selecting articles the editorial office gives preference to the solving problem works. The proposed articles should not have been previously published (in full). The articles should be drawn technically correctly, strictly according to the following requirements. See the official website of the journal <http://goldhorde.ru>

Author Guidelines for Submission of Journal Manuscripts:

– Articles are accepted in electronic form. Point size – 14, font – Times New Roman, regular style, line spacing, margins – 2 sm;

– UDC (Universal Decimal Classification) of the article (<http://udc.biblio.uspu.ru>);

– The initials and surname of the author(s) (on the right, bold font);

– Title of the article (centered in bold, no capital letters);

– Abstract in Russian;

– Keywords in Russian;

- The initials and surname of the author(s) – transliteration in Latin alphabet (<http://ru.translit.net/?account=bgn>);
- Title of the article – in English;
- Abstract (Originality / value) (200–250 words) and keywords (6–8 words) in English. Please, note that the abstract should be:
  1. Informative (containing no generalities);
  2. Original (not to be the calque of Russian annotation with literal translation);
  3. Content-related (reflecting the main content of the article and the results of the study);
  4. Written in good English;
  5. Abstract is intended for a competent audience, so you can use the technical (specific) terminology of your discipline without forgetting that **you are writing for an international audience.**
- Keywords in English.
- Text of the article (in total – not less than 5 pages and no more than 1,5 printer's sheet); submitted material should be edited stylistically and technically, you should not include the tabulation or separate paragraphs by one empty line;
- References in the text should be enclosed in square brackets and indicated by a number corresponding to the sequence number mentioned in the list of references. After the reference number follows the number (or numbers) of the publication's page on which the author refers. In the list of references the total amount of publication's pages should be indicated.

For example: In the text: [10, p. 32]

In the list of references:

10. Usmanov M.A. Charters of the Ulus of Jochi of the 14th–16th centuries. Kazan: Kazan University Press, 1979. 318 p.

– References should be arranged in alphabetical order (surname and initials of the author, the title, place and year of publication, pages) – in original language, first – the sources on Cyrillic (Russian, Bulgarian, Ukrainian, etc.), then – on Latin alphabet (English, Turkish, French, etc.).

– List of references in English (**References**) – **combination of the transliterated and English parts of the Russian titles** (for transliteration use <http://www.translit.ru> with option BGN – <http://ru.translit.net/?account=bgn>).

For example:

Description of monographs (books):

Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa XIV–XVI vv.* [Charters of the Ulus of Jochi of the 14th–16th centuries]. Kazan, Kazan University Publ., 1979. 318 p.

Description of article from continuing publication (the collection of works):

Gatin M.S. Bertol'd Shpuler o pitanii v Zolotoy Orde [Bertold Spuler about Nutrition in the Golden Horde]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statey* [Golden Horde Civilization. Collected Papers]. Kazan, 2012, no. 5, pp. 8–12.

Description of conference papers:

Mirgaleev I.M. Tokhtamysh i Timur: restavratsiya antimamlyukskoy koalitsii [Tokhtamysh and Timur: The Restoration of anti-Mamluk Coalition]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy vtoroy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy»* [The Legacy of the Golden Horde. Proceedings of the Second International Conference «The Political and Socio-Economic History of the Golden Horde»]. Kazan, 2011, vol. 2, pp. 27–32.

Description of the printed journal articles:

Dode Z.V. K voprosu o boktag [Concerning the Question of Boktag]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archaeology*, 2008, no. 4, pp. 52–63.

Description of the electronic journal article:

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Available at: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Description of translated books:

Herberstein S. *Rerum Moscoviticarum commentarii*. Basiliae, 1556 (Russ. ed.: Gerberstein S. *Zapiski o Moskovii*. Red. V.L. Yanin. Moscow, Moscow University Publ., 1988. 430 p.).

Only black and white illustrations are given in the journal.

– Illustrations should be presented as separate files in the format TIF, JPG with high resolution of 200–300 dpi;

– Captions to the illustrations and the tables should be given after the list of references;

– At the end of the article should be given information on the author(s): full name, degree, title, place of employment, address of organization, city, country, position, e-mail – in Russian.

– Information about the author(s) – in English.

Please, send your articles to e-mail: zolutayaorda.cent@mail.ru

Центр исследований истории Золотой Орды им. М.А.Усманова Института истории АН РТ является правообладателем исключительных имущественных прав на свои издания. Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Usmanov Center for Research on the Golden Horde History of the Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan is a holder of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

GOLDEN HORDE REVIEW

№ 3(5). 2014

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5
Подписано в печать 10.08.2014 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 15,75. Тираж 500 экз.

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ
г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел. (843) 292–95–68, 292–18–09

Издания ЦИИЗО ИИ АН РТ на сайте:
<http://www.tataroved.ru/institut/cizc/1/>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>